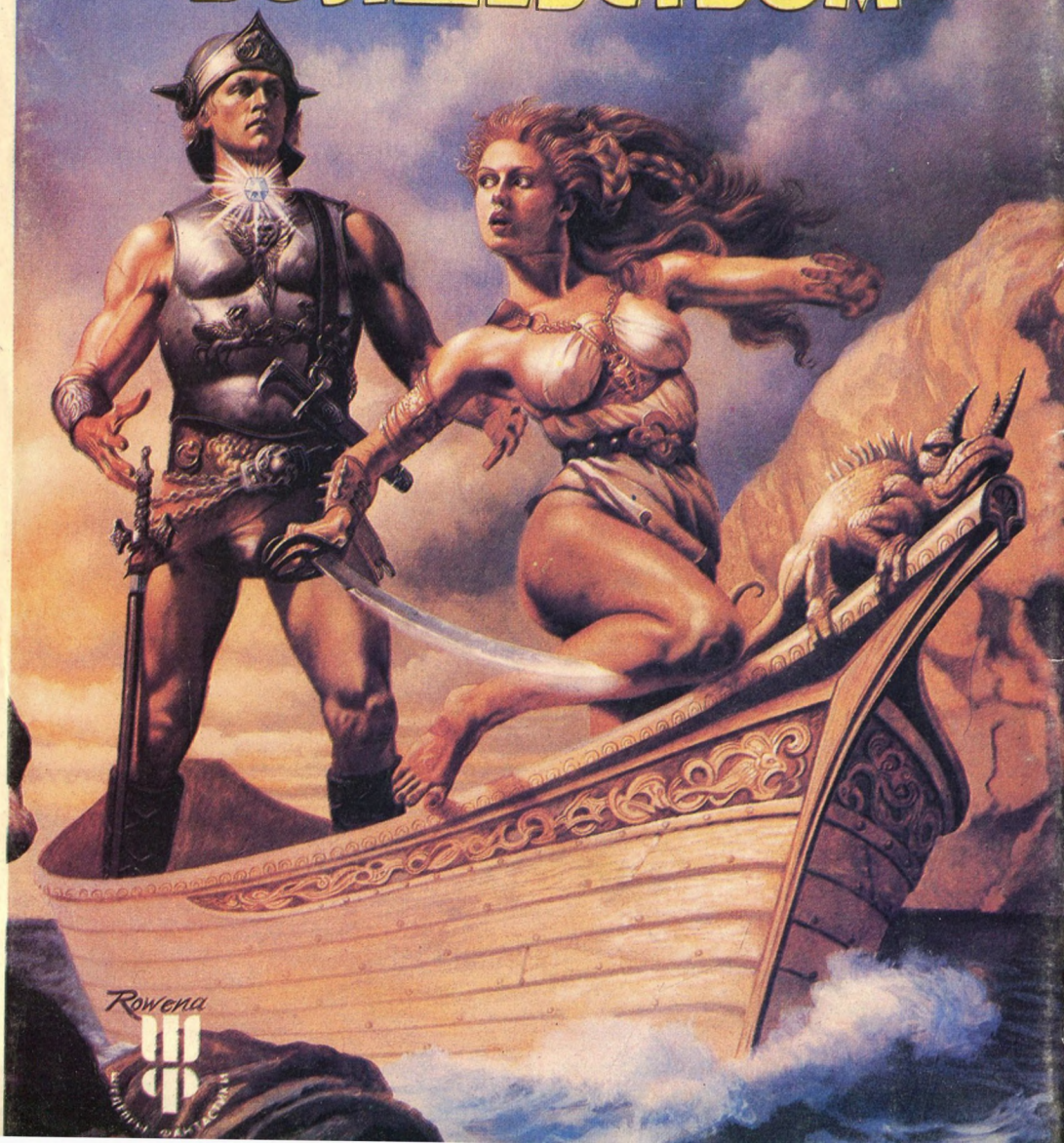

Роджер Желязны

ОДЕРЖИМЫЙ ВОЛШЕБСТВОМ

Rowena

ROWENA
PUBLISHING
CORPORATION

Роджер Желязны ОДЕРЖИМЫЙ ВОЛШЕБСТВОМ

Роджер ЖЕЛАЗНЫ

Роджер ЖЕЛАЗНЫ

ОДЕРЖИМЫЙ
ВОЛШЕБСТВОМ

Роджер ЖЕЛЯЗНЫ

✽

ОДЕРЖИМЫЙ ВОЛШЕБСТВОМ

**Москва
1993**

ББК 84.7 США

ISBN 5 — 900242 — 05 — 6

© Roger Zelazny

© Оформление, перевод ВАКО, 1993 г.

Одержимый волшебством

РОМАН

Все герои книги являются вымышленными персонажами. Любое совпадение с реальными личностями, умершими или ныне живущими, - простая случайность.

Часть I

Иногда кажется, будто я всегда был здесь, даже до появления.

А иногда такое ощущение, что я совсем недавно приехал. Откуда я прибыл, откуда я мог взяться, я не знаю. Это породило беспокойство, смутная тревога прокралась в мое сердце, но все это лишь недавно...

Долгое время я бродил среди этих стен, вдоль зубчатых сводов башен, играя с пространством. расширяя или сжимая его. Комната за комнатой, дюжины комнат открывались на моем пути. Я, зная извилистые лабиринты мышиных нор, мог проследить любое хитросплетение блестящей паутины.. Ничто не двигалось, не менялось, я создавал это, понимал.

В тоже время я не мог полностью осознать и понять себя. Не мог до недавнего времени. Все, что я делал, срослось с мечтами. Мечты стали частью моей сущности. В тоже время...

В тоже время я не спал, не мечтал. Однако, казалось я знал о многих вещах, хотя и не испытал их.

Возможно я был слишком медлительным и неповоротливым учеником, а может быть что-то вдруг всколыхнуло мое сознание - разрозненные знания и отголоски мыслей образовали нечто новое - чувство целостного "я", которое мне было недоступно раньше, я осознал частности, свою обособленность от всего, что не является моей сущностью.

Если в этом дело, то хотелось бы верить, что это связано с причиной моего существования, смыслом жизни. Лишь недавно я почувствовал, что существует тайный смысл моего бытия. И то, что он существует - очень важно. Хотя я понятия не имею, в чем он заключается.

Люди всегда говорили, что это место заколдовано. Но призрак, как я понимаю, это некая нематериальная сущность, дух кого-то или чего-то, что когда-то имело вполне материальное, физическое воплощение. Я никогда не сталкивался с подобными духами, знакомясь с окрестностями или блуждая по замку, хотя мне не раз казалось, что оно вот-вот появится. Однако, я не верю в то, что сам - привидение, у меня нет никаких воспоминаний о прошлой жизни. Хотя трудно быть до

конца уверенным в подобного рода вещах, знания бессильны в таких ситуациях, они не подчиняются законам.

И это - другая область существования, о которой я знал, но лишь недавно начал понимать: законы - ограничения, принуждения, области свободы... Они везде, в беспорядочном перемещении мельчайших частиц и в движении целых миров. Возможна причина в том, что я слишком мало уделял внимания изучению этой темы. Именно поэтому воздушность всегда незаметна. Очень легко и просто плыть на волне обыденности, не задумываясь и не размышляя. Даже хорошо, что столкновение с загадочностью, выходящей за рамки обычного, пробудило во мне неведомый доселе дар и способствовало реализации скрытых сил.

В то же время, в соответствии с законами мышления я рассматриваю обнаруженный феномен как некую постоянную модель. Два человека, сидящие и говорящие в комнате, где я парю в виде легкого эфира, прозрачного облачка недалеко от верхней книжной полки около окна - эти два человека скроены по одинаковым линиям симметрии, хотя между ними довольно много отличий, кроме того волновые колебания, производимые каждым в ходе диалога, тоже имеют индивидуальные особенности, свойственные лишь конкретной личности и подчиняющиеся их собственным законам. А если я буду особенно внимательным эти волновые колебания откроют мне их тайные мысли и даже то, о чем они думали раньше. Кажется здесь тоже существуют свои шаблоны и модели, но иного, высшего уровня сложности.

Возможно это продолжает мысль, что будь я призраком, я бы сохранил предыдущие образы своего существования. Но мне не свойственна какая-либо особая конкретная форма, я способен к моментальному расширению и сжатию, проникающему сквозь любую преграду. Чуждо мне и специфическое состояние покоя, в которое я возвращаюсь с некоторой неловкостью.

Вместе с нарождающимся чувством индивидуальности и незнанием, кто же я на самом деле, я чувствую кое-что еще: уверенность в своей незавершенности. Мне чего-то недостает, и если я обнаружу этот недостаток, возможно я подойду к смыслу существования, чего я так искренне жажду. Временами мне кажется, чтоя долгое время спал, и лишь недавно был разбужен смутными волнениями этого места. А пробудившись, понял, что ограблен, чего-то жизненно важного недостает во мне. (Я только недавно изучил теорию "ограбления", так как человек, за которым я наблюдаю, вор).

Если я обрету законченность и целостность, то возможно я смогу заняться собой. Я полагаю поиски себя могут стать достойной целью жизни. Да. Самообразование и самопознание, поиски индивидуальности... Кажется это хороший отправной пункт. Интересно, беспокоят ли кого-нибудь подобные проблемы? Нужно внимательно слушать, что говорят люди.

Я не люблю раздвоенности и неопределенности.

Поль Детсон расположил перед собой на столе по кругу семь фигурок. Юноша с седой прядью протянул к ним руки и попытался сосредоточить энергию. Он медленно водил руками, стараясь охватить всю группу целиком. Затем стал совершать движения вокруг каждой отдельной фигурки, окружая ее энергетическим потоком. Наконец он вздохнул и встал из-за стола. Пройдя по комнате, он подошел к маленькому человечку в черных одеждах. Человек восседал на высоком стуле, поджав под себя ноги. В руках у него искрились два бокала вина. Юноша взял один из бокалов и слегка пригубил.

- Ну как? - спросил человек, когда юноша опустил бокал. Человечка звали Маусглов, когда-то он был вором.

Поль покачал головой и, развернув стул так, чтобы одновременно видеть Маусглова и статуэтки, со вздохом опустился на него.

- Странно, - наконец произнес он, - все нити в моих руках, но что-то сдерживает, что-то необходимо преодолеть, какое-то стечение обстоятельств, случайность.

- Возможна причина не в этом.

Поль наклонился вперед и поставил стакан на стол. Освободив руки, он сжал кулаки и сосредоточился, затем разжал руки и соединил пальцы ладоней в свободном касании. Закрыв глаза, он стал потирать палец о палец. Спустя минуту, он вновь протянул руки к столу.

Теперь он сосредоточился на ближайшей фигурке - тонкой, почти невесомой, женской статуэтке из красного камня, смиренно скрестившей руки на груди - и стал производить обволакивающие движения вокруг нее. Наконец его пальцы задвигались, как бы перебирая невидимые струны. Затем он отклонился назад и откинулся на стуле, его руки последовали за ним, сопровождая несведомую нить, пальцы напряженно перебирали несуществующие узелки.

Долгое время он сидел, застыв, боясь пошевелиться. Внезапно фигурка резко дернулась, и он опустил руки.

- Плохо, - сказал он, шаря глазами в поисках стакана с остатками вина. - Наверное, я утратил власть над ними. Они - это что-то иное. Я не знаю как обращаться с ними, они ни на что не похожи.

- Да, все верно, они - нечто особое, - заметил Маусглов, - а если принять во внимание ту авантюру, в которую они меня втянули. И то, что они сделали в горах Анвила. У меня такое чувство, что они могут заговорить с тобой прямо сейчас - если, конечно, захотят.

- Да. В свое время их помощь была неоценима. Но почему они молчат сейчас?

- Возможно им нечего сказать.

Меня откровенно озадачил предмет разговора. Особенно то, что эти люди говорили о семи статуэтках, как будто те были живыми. Я приблизился, чтобы получше рассмотреть их. Я сразу же заметил нити заклинаний, связывающие пальцы Поля с фигурками, особенно после всех увиденных манипуляций и разговоров о "таинственных нитях". Я так же обнаружил пульсирование энергии в родимом пятне на его правом предплечье, оно имело странную форму в виде дракона - я смутно чувствовал, что знаю об этом. Пятне намного больше, чем кажется - но у меня не было доказательств. Я не видел невидимых нитей связи. Не заметил я и какой-либо ответной реакции фигурок, за исключением легкого толчка одной из них под влиянием потока энергии.

Я опустился рядом с фигурками, обтекая их и ощущая различие материалов и техники их выполнения. Холодные, безжизненные. Лишь слова мужчин окутывали их какой-то тайной.

Продолжая обследование поверхностей, я уменьшился, стал даже меньше статуэток, концентрируя все внимание на той, которую качнул Поль. Мой поступок был столь неожиданным и быстрым, как и само решение: я начал сливаться с ней, стараясь проникнуть внутрь, просачиваясь сквозь мельчайшие трещинки...

Ожог! Пламя! Непередаваемое, нестерпимо жуткое чувство пронзило меня. Расширяя пространство комнаты и растворяясь в ночи, я уже знал, что чувство, так поразившее меня, - это боль. Я никогда еще не испытывал боли, и у меня не было желания повторить подобное ощущение.

Я старался как можно дольше поддерживать свою разряженность, чувствуя как наступает облегчение.

Поль вел себя очень осторожно, общаясь с фигуркой. Так или иначе, она все-таки живая. Она не пожелала вторжения в себя.

За стенами Рондовала боль стала ослабевать. Смутная тревога охватила меня, я почувствовал внутри какое-то движение... что-то, всегда бывшее здесь, медленно пробиравшись к моему сознанию.

- Что это было? - спросил Поль. - Как будто крик, но...

- Я ничего не слышал, - ответил Маусглов, насторожившись. - Я почувствовал какой-то толчок, словно электрический разряд, но сильнее и чувствительней... Я не знаю... Аж мурашки по телу. Может быть ты вызвал какое-нибудь возбуждение или завихрение, играя с фигуркой.

- Возможно, - сказал Поль. - Какое-то мгновение мне казалось, что здесь есть кто-то еще. Что-то инородное находится с нами в одной комнате.

- О, здесь много всего сверхъестественного. Твои родители были настоящими колдунами. А если еще вспомнить о бабушке и прабабушке...

Поль кивнул и допил вино.

- Временами я особенно остро ощущаю, что не совсем силен в магии.

Он вытянул правую руку на уровень плеча и начертил указательным пальцем несколько маленьких кругов. В тот же момент в его руке появилась книга в кожанном переплете неопределенного происхождения. Из нее торчали серые и белые перышки закладок.

- Дневник моего отца, - объявил с некоторой торжественностью Поль, опуская книгу и открывая по месту закладки. - Вот здесь, - сказал он, водя пальцем по правой странице в поисках нужного места. - Он говорит, как он одержал победу и уничтожил противника-колдуна, захватив его дух и заточив его в одной из фигурок. В другом месте он рассказывает о некоторых других фигурках. Но в завершении он говорит так, - "Это доказывает пользу в поставленной задаче. Если шесть не в состоянии предотвратить опасности, я буду иметь семь, восемь." Очевидно, он подразумевает что-то очень важное, какое-то особенное свойство. Жаль, что он не изложил свои размышления на бумаге.

- Возможно в более поздних записях?

- Я только что закончил повторное прочтение. Я потратил на него все время последних месяцев. Документ не столь уж приятен для чтения. Мой отец не такой уж славный парень.

- Я знаю. Хотя хорошо уже то, что ты все узнаешь с его собственных слов.

- Его слова о воздействии на опасность они говорят тебе о чем-нибудь?

- Нет.

- Я уверен, что настоящий колдун смог бы отыскать разгадку, имея в руках подобный дневник.

- Это не по мне. Подобные вещи выглядят очень убедительными. А что касается твоих способностей, то ты преуспел и без особых тренировок. Я бы много отдал, если бы смог проделать подобный трюк как с книгой - скажем, с чьими-нибудь драгоценностями. Так или иначе, откуда ты ее взял?

Поль рассмеялся.

- Мне не хотелось, чтобы она была все время на глазах, где любой мог бы ее взять, поэтому я обернул ее золотой нитью и приказал удалиться в одно из тех переходных пространств между мирами, которые я проходил по пути сюда. Там она растворяется и исчезает, но как

только мне захочется продолжить чтение, я просто тяну за нить и вызываю ее из небытия.

- Боже! Ведь ты тоже самое можешь проделать с боевыми доспехами, оружием, запасом продуктов на год, с целой библиотекой, да все равно с чем!

Поль покачал головой.

- Боюсь, что нет, - сказал он. - Книга да загадочный ящичек со статуэтками это все, что я храню там. Я не хочу, чтобы они попали в чьи-нибудь еще руки. Правда когда я путешествую, я добавляю туда свою гитару. Вот и все, иначе груз станет очень тяжел. Ведь эта масса как бы присоединяется к моему весу. Такое ощущение, что я все несу на себе.

- Так вот где эта коробка. Я помню, как ты обнаружил ее на следующий день после нашего возвращения с горы Анвил...

- Да, я надеялся на обратное. Мне хотелось все потерять.

- Ты не надеялся отыскать его тело и посох в кратере.

- Нет, я не о том. Все до сих пор у меня перед глазами - бесполезная битва, развороченная земля - вот, что беспокоит меня. Я...

Он шлепнул рукой по колену.

- Проклятые фигурки! Иногда кажется, что это все из-за них. Они стоят за всем. Выбросить бы их к чертям! В Ад!

Он допил вино и поднялся, чтобы вновь наполнить бокал.

Боль угасала. Мне совсем не нравятся подобные эксперименты. Комната и ее обитатели стали совсем крошечными, превратились в маленькие песчинки, растворились в моем облаке. Все, хватит неожиданностей! Я не знаю, что причинило мне боль, не, тем более, каким образом она ужалила меня. Но я нутром чувствую, что лучше изучить подобные вещи, чтобы избежать таких неприятностей в будущем. С чего бы начать? Совсем не знаю, как себя вести.

Хорошо бы научиться причинять боль другим, и таким образом заставлять их оставить меня в покое. Как действовать? Если бы существовал какой-то контакт, то он был бы виден, тогда было бы все ясно. Когда-то техника правила миром...

Опять, снова воспоминания. Безумие. Я полностью сбит с толку. Кто-то приближается к замку. Какой-то отшельник мужского рода. Я могу отличать пол, потому что был знаком с девушкой Норой, гостившей здесь некоторое время, прежде чем вернуться к своим родным. На мужчине коричневый плащ и темная одежда. Он появился с северо-запада, верхом на чем-то подобном маленькому дракону, которые обитают внизу. Его русые волосы прорезали седые пряди. Он вооружен коротким мечом. Он огляделся по сторонам. Путник вряд ли мог не

заметить огонька в одной из комнат замка. Он начал снижаться, двигаясь безмолвно, как опавший лист, или прах, развеянный по ветру. Думаю, что он приземлится в дальней части двора, которую не видно из окон библиотеки.

Да.

Внутри комнаты мужчины беседовали о сражении в горах Анвил, где Поль победил своего сводного брата Марка Мараксона. Как я понял, Поль - колдун, а Марк - что-то другое, такое же сильное, но противоположное по духу и поведению. Колдун - это тот, кто управляет энергией, также как Поль продельвал со статуэткой или с книгой. Я смутно помню другого колдуна. Его звали Дет.

- Ты слишком долго возишься со статуэтками, - заметил Маусглов. - Если бы отгадка была проста, ты давно бы справился с ней.

- Я знаю, - ответил Поль, - поэтому во всем ищу сложности.

- Я не силен в магии, - сказал Маусглов, - но мне кажется, что суть проблемы не в этом.

- Что ты имеешь в виду?

- Факты, друг, факты. Ты не слишком откровенен, но старая мудрость говорит, что ты не там ищешь. У тебя была пара месяцев, чтобы перерыть всю библиотеку, переиграть во все магические игры с этими упрямыми куклами. Если бы ключ к разгадке был в магии, ты бы давно отыскал его. Значит дело не в этом. Ты должен поискать отгадку в другом месте.

- Где? - оживился Поль.

- Если бы знал, давно бы сказал тебе. Я был оторван от близкого мне мира более чем на двадцать лет. Должно быть он изменился. Вряд ли смогу указать тебе путь. Но ты же знаешь, я намеревался остаться здесь ровно на столько, сколько потребуется для выздоровления. Но теперь мне страшно покидать тебя, и прежде всего из-за тебя самого. Мне тяжело видеть, как ты день за днем все дальше и дальше погружаешься в бездну таинств и магического безумия. Мир и так полон полусумасшедших чародеев, я думаю тебе нужна помощь, может быть руководитель - не в смысле постановки каких-то сверхцелей, которые ты, совершенствуясь, будешь достигать. Я думаю тебе следует отвлечься, на какое-то время уйти от тех задач, которые ты перед собой поставил. Ты как-то говорил, что хочешь посмотреть иные миры. Сделай это прямо сейчас. Пойдем со мной - завтра. Кто знает? Может ты найдешь именно то, что так долго искал, путешествуя по свету.

- Я не знаю..., - начал Поль. - Мне бы хотелось, но - Завтра?

- Завтра.

- И куда мы направимся?

- Я думаю, вдоль побережья, затем на север. В портовых городах можно получить много разной информации и сплетен...

Поль поднял руку и взъерошил волосы. Маусглов кивнул и поднялся на ноги.

- Твоя система охраны в порядке? - прошептал Маусглов.

Поль кивнул и повернулся к двери.

- Тогда это не может быть что-то...

Звук повторился вновь, а вместе с ним в дверном проеме возник силуэт светловолосого человека, он улыбался.

- Добрый вечер, Поль Детсон, - начал он, подняв левую руку и быстро вычерчивая ей в воздухе какие-то замысловатые движения, - и до свидания.

Поль рухнул на колени, его лицо мгновенно вспыхнуло и стало пунцовым. Маусглов обошел стол. Схватив одну из фигурок и замахнувшись ею как дубинкой, он двинулся на незнакомца в коричневом плаще.

Незнакомец сделал невидимый жест правой рукой и вор застыл, затем повис в воздухе и, словно пылинка, был отброшен к стене. Фигурка выскользнула из рук, растянувшегося на спине, вора.

Как только это произошло, Поль вскинул руки, как бы защищая лицо, и сделал несколько направленных наружу жестов. Лицо его стало бледнеть, принимая нормальный цвет. Поль медленно поднялся на ноги.

- Могу я спросить "почему?" - сказал он, теперь обе его руки совершали круговые движения в противоположные стороны.

Незнакомец вновь улыбнулся и махнул рукой, отгоняя невидимую муху.

- И я могу ответить тебе, - сказал противник, - но ответ связан с принуждением.

- Очень хорошо, - произнес Поль, - хотелось бы услышать и испытать.

Он почувствовал дрожь в драконовом пятне, воздух был заполнен нитями заклинаний. Он вытянул руку и схватил пучок нитей, зажав их в кулак. Намотав на руку, он щелкнул ими словно кнутом прямо перед лицом противника.

Как только хлыст из нитей приблизился, незнакомец перехватил его. Выхватив кнут, он направил ответный удар в сторону Поля. Плотность нитей заклинаний между ними стала такой непролазно густой, какой Полю еще не доводилось видеть. Густота нитей почти полностью скрыла противника.

Поль вращая левой рукой, стараясь свернуть нити в клубок. Внезапно он поверг их в пламя и швырнул горящий клубок в противника.

Вывернув правую ладонь тыльной стороной, мужчина отклонил горящий пучок. Затем поднял руки и затряс кистями.

Свет в комнате запульсировал. Воздух кишел нитями заклинаний. Словно разбуженные змеи, они извивались и искрились разными цветами. Они становились все толще, и вот зловещая пелена полностью скрыла противника.

Пульсация драконова родимого пятна слилась в единый ток, охватила всю правую руку и вызвала онемение. Поль направил на пятно всю энергию, концентрируя волю на поиске ясного отчетливого образа противника. Тотчас же силуэт противника вспыхнул разноцветными огнями и засверкал словно радуга во время дождя. Комната исчезла. Поль заметил, что его тело тоже люминисцирует.

Два человека оказались лицом к лицу, разделенные маленьким мирком, заполненным движением и переливами света.

Поль увидел, как противник поднял руки вверх, как бы удерживая невидимые чаши. Из его ладоней за клубился дымок, который в тот же миг превратился в огромного зеленого змея. Тварь подняла омерзительную голову и скользнула по воздуху в направлении Поля.

Поль почувствовал ледяной холод чудовища у себя над головой. Он вытянул руки и начал вращать и встряхивать кистями. Грохотная серая птица взмыла в высь, порожденная его руками. Сосредоточив энергию, он освободил ее, переместив в птицу.

Птица мелькнула в воздухе и камнем бросилась на змею, хватая ее острыми когтями и долбя клювом. Змея извивалась, пытаясь придушить птицу мощным телом.

Следя за ходом поединка, Поль заметил, что противник, словно фокусник, производит наполненные переливающимся светом шары. Вот птица стала подниматься вверх, унося в когтях извивающуюся змею. Взмахи крыльев и корчащееся тело змеи постепенно слились в общем хаосе светового сияния. Поль увидел летящий прямо на него огненный шар.

Смеясь, Поль придал руке форму теннисной ракетки. Краем глаза он увидел какое замешательство вызвал в противнике неизвестный инструмент.

Он отбил первый мяч в тот момент, когда противник швырнул в него вторым. Противник выронил оставшиеся шары и бросился в сторону, уклоняясь от отбитого шара. Поль ловко отбил второй мяч, направляя удар на поднявшегося на ноги противника. Одновременно тот щелкнул пальцами правой руки, и в ней появилось что-то длинное и черное.

Поль вновь размахнулся ракеткой, но промахнулся. Удар пришелся ему прямо в шею и заставил судорожно вздрогнуть. Поль почув-

ствовал, что падает. Бросая ракетку, он судорожно схватился за душащую его ленту, пытаясь разорвать и сдернуть ее..

Она вновь обвила и сжала его горло. Постепенно мир начал меркнуть. Горло сжималось все туже и туже. Откуда-то совсем рядом донесся смеющийся голос.

- Любое состязание имеет конец, - произнес голос чужака.

Затем раздался взрыв, и все исчезло во мраке.

Противоборство сил Поля и его гостя было впечатляющим и очень поучительным. Наверное, стремясь поразить друг друга, они причиняли боль. Однако интересно, хотели они причинять друг другу боль или нет. Меня больше интересовали их манипуляции, чем изнуряющее сопротивление и противоборство. Я чувствовал, что сам могу оказаться в подобной передраге, поэтому хотел хоть чему-нибудь научиться на будущее. Внезапная развязка очень удивила меня. Переживая за маленьких, не столь загадочных существ, я проследил, как одному удалось прикончить другого. Конечно, мне и в голову не пришло, что те громадные чудовища могли повлиять на поединок. Я чувствовал, что сам незримо участвую в бою, но на чьей стороне и за что борюсь, я так и не мог понять. Мной опять овладела раздвоенность и неуверенность.

Там где раньше было трое, теперь осталось только двое. Я не мог понять, ради чего все это было сделано, или каким образом силовая волна вырвалась из статутки и уничтожила незнакомца раньше, чем его настигла пуля Маусглова.

Поль тряхнул головой. Его шея воспалилась и болела. Он лежал на полу недалеко от стола. Медленно, словно боясь рассыпаться, он сел. Незнакомец лежал на спине недалеко от двери. Его правая рука была откинута в сторону, а левая покоилась на груди. Часть лба прищельца была полностью разможена. Вместо правого глаза зияла кроваво-черная дыра.

Слева, прислонясь к книжному шкафу, стоял Маусглов. Его глаза безумно бегали по комнате. Его правая рука безвольно свисала. В ней Маусглов судорожно сжимал пистолет, захваченный в горах Анвила. Увидев, что Поль пошевелился, он безвольно махнул левой рукой и улыбнулся.

- С тобой все нормально? - спросил он.

- Надеюсь. Только шея ... А как ты?

- Я не знаю чем он ударил меня. На какое-то время я даже ослеп. Когда я пришел в себя, вы оба были где-то за гранью реальности. Я не мог выстрелить в него, пока он не стал самим собой.

Он сунул оружие в кобуру, висевшую на поясе за спиной, и протянул руку, направляясь к Полю.

- Кажется теперь все нормально.

Опираясь на его руку, Поль встал. Они вместе подошли к мертвому человеку. Маусглов встал на колени и начал обыскивать его. Спустя несколько минут, он поднялся. Отрицательно покачивая головой, он снял с незнакомца коричневый плащ и накрыл им тело.

- Ничего нет, - сказал он, - ничего такого, чтобы сказало кто он и зачем пожаловал! Может у тебя есть какие-то соображения?

- Нет.

Они вернулись на свои места возле стола, где стояла фляга с вином. Маусглов поднял и поставил на место упавшую статуэтку.

- Или у него были причины ненавидеть тебя, и он пришел свести счеты, - начал Маусглов, - или кто-то с подобной ненавистью подослал его. В первом случае, кто-нибудь из его друзей может появиться, чтобы отомстить тебе. Во втором, второй появится, как только они узнают, что первому не удалось уничтожить тебя. В любом случае предстоящая встреча может оказаться более роковой.

Поль кивнул. Он встал и достал книгу с дальней полки книжного стеллажа у левой стены. Вернувшись на место, он начал сосредоточенно листать ее.

- Этот незнакомец прошел, несмотря на всю твою систему защиты, - продолжил Маусглов.

- Он могущественнее меня, - ответил Поль, не отрываясь от книги.

- Что будем делать?

- Здесь, - указал Поль на страницу. Какое-то время он сосредоточенно читал.

- Я все время удивлялся, - начал Поль, - каждые четыре года колдуны собираются на горе Балкин, к северо-западу. Слышал об этом?

- Конечно как то, от чего следует держаться подальше.

- Сборище начнется через две недели. Я хочу посмотреть, что это такое.

- Ну, если они все как этот парень..., - Маусглов кивнул в сторону тела, - тогда я не думаю, что это блестящая мысль.

Поль покачал головой.

- Описания выглядят вполне миролюбиво. Более удачливые и преуспевающие делятся теорией и достижениями с остальными, новичков посвящают в таинства магии, ритуалы проводятся несколькими чародеями, редкие искусства публикуются и продаются, демонстрируются новые приемы...

- Но там может быть кто-нибудь, связанный с сегодняшним покушением на тебя.

- Точно. Хотелось бы разрешить этот вопрос как можно скорее. Возможно закралось какое-то непонимание. Кроме того, я пробыл здесь не столь уж долго, чтобы обзавестись настоящими врагами. А если того, кого я ищу не окажется там, может удастся хоть что-то разузнать о нем - если, конечно, существует такой человек. В любом случае, стоит рискнуть.

- Это единственная причина, по которой ты стремишься туда?

- Ну хорошо, нет. Мне необходимы определенные навыки и тренировка в Великом Искусстве. Возможно, мне удастся извлечь кое-какие уроки и научиться чему-нибудь подобному сегодняшнему.

- Я не знаю, Поль... Все выглядит очень рискованным.

- Трусость и самосохранение могут сулить еще большие опасности в будущем.

Какое-то шарканье и отрывистый хлопок донеслись со двора. Оба одновременно вскочили на ноги и подошли к окну. Но выглянув, они ничего не увидели. Поль протянул в окно руки, казалось он что-то поглаживает в воздухе.

- Лошадь того человека, - наконец произнес он. - Она освободилась от заклятий, которые он наложил, и приготовилась в обратный путь.

Он быстро вытянул руки.

- Может быть удастся уловить нить, узнать откуда он прибыл.

Маленький родственник дракона полетел к северо-востоку и, описав широкую восходящую дугу, исчез в направлении левой руки.

- Плохо, - произнес Поль, опуская руки, - я потерял его.

Маусглов вздрогнул.

- Полагаю, ты не хочешь составить мне компанию, - сказал он, - если ты хочешь отправиться на сборище, то нам не по пути.

Поль кивнул.

- Я отправлюсь тоже завтра. Лучше двигаться, чем оставаться в неизвестности. Мы можем какое-то время путешествовать вместе.

- Ты не полетишь на Лунной Птице?

- Нет, я хочу хоть что-то узнать об этом крае.

- Путешествие в одиночку таит свои опасности.

- Думаю, это семечки для колдуна чародея.

- Возможно, - ответил Маусглов.

Темный силуэт дракона становился все меньше и меньше, пока чернота северного неба совсем не поглотила его.

Часть II

Той ночью я проник в тело мертвого человека, пытаюсь отыскать в клетках мертвого мозга какие-нибудь следы или наметки. Я узнал, что его звали Кес и что он служил более могущественному, чем он сам. Больше ничего. Скользя по высшим небесным сферам, уничтожая крыс в канализационных колодцах теми способами, которым я недавно обучился, играя и нежась в лунном сиянии, лавируя между плотами сплавляемого леса в поисках водяных пауков, я все время думал и анализировал события вечера. Передо мной вставал вопрос за вопросом. Каждый вопрос был по-своему насущным. Странно, что это не волновало меня раньше.

Энергия созданий, которых я подбирал, оказывала живительный эффект на мое существование, рождала стремление к совершенству. Я удивлялся широте и новым поворотам своих мыслей. Другие существа были многочисленны и жили в массах, тем не менее я не встречал никого, подобного себе. Означает ли это, что я уникам, единственный в своем роде? Если нет, то где же мои сородичи? Если да, почему? Откуда я взялся? Существует ли какая-нибудь причина моему существованию? Если да, то в чем она заключается?

Я вихрем проскочил вдоль крепостного вала. Я опускался в пещеры и парил около спящих драконов и других чудовищ. Я не замечал сходства и не чувствовал родства ни с кем из них.

Лишь спустя много времени, мне пришло в голову, что я обладаю какой-то особой привязанностью и преданностью к самому Рондовалу. В прошлые времена я бы удивился такому открытию. Я понял, что предпочитаю замок и предместья любым другим уголкам этого мира. Что-то позвало меня обратно. Что? Внутренний голос?

Я вернулся к спящему Полю и тщательно осмотрел его. Я проделывал эту процедуру много раз с момента его появления в замке. Как всегда, я обнаружил, что в нерешительности замер, разглядывая родимое пятно на правом предплечьи. Оно незримо влекло меня. Почему, я не мог объяснить. Именно с приездом этого человека мое сознание всколыхнулось, я начал путь к своему самопознанию. Его ли это проделки? Или каким-то образом это связано с местом? Это место долгое время было необитаемым. Неужели длительное пребывание кое-кого, словно эхо, отозвалось во мне?

Желание докопаться до смысла моего существования вновь окрепло во мне. Я начал осознавать, что мой видимый недостаток в этой области носит характер случайности, что, возможно, я одержим сверхидеей, что должен сделать что-то, что-то обрести, но это что-то каким-то образом потерялось и невозможно обнаружить. Я удивился,

насколько важным для меня было это открытие? Снова, вечная неопределенность. Я начал понимать, что породило мое стремление докопаться до сути.

Поль завтра уезжает. Мои воспоминания о том прошлом, которое было до него, потускнели с его появлением. Вернусь ли я к своему неразумному бытию после его отъезда? Я не верил в это, однако, мне хотелось, чтобы он был частью того стимула, породившего мое стремление к индивидуальности, осмыслению жизни.

Я понял, что именно сейчас принимаю самое важное решение. Остаться ли мне в Рондовале, или я должен сопровождать Поля? В том или в другом случае, почему я должен это сделать?

Я попытался сбить летучую мышь во время полета, но ей удалось благополучно убраться восвояси.

Следующим утром они вдвоем пешком отправились на север. Весна окрасила листву и траву в легкую зеленую дымку. Их путь лежал по равнине до пересечения дорог, именно это место Поль отметил на карте, которую всегда носил с собой.

Они прислонили дорожные мешки к стволу могучего дуба, все еще влажного от утренней росы, и сделали привал. Утренняя дымка, молочной белизной окутавшая все пространство, доживала последние мгновения. Поднимающееся из-за склона горы солнце вступало в законные права и уже объявило о себе ярким румянцем зари. Откуда-то сверху слышались первые пробные аккорды птичьих трелей.

- К вечеру ты сможешь уже выйти на равнину, - сказал Поль, глядя на встающее солнце. - Ты на несколько дней раньше преодолешь горы. А у меня будет лишь короткий переход по поляне, затем снова бесконечное карабканье по горам. Ты уже будешь греться на берегу и наслаждаться легким морским бризом, а мне - дураку брести и брести. Ладно, удачи тебе и еще раз спасибо...

- Побереги слова, - ответил Маусглов, - я иду с тобой.

- На Балкин?

- Все равно.

- Но почему?

- Я очень любопытный. Мне не терпится узнать, чем все это кончится.

- Естественно, хорошо.

- Ты ~~сам~~ не веришь в это, иначе бы не пошел. Идем! Не пытайся отговорить меня. Возможно тебе повезет.

Маусглов закинул мешок за спину и заспешил влево. Вскоре Поль нагнал его. Солнце наконец показалось из-за могучих горных хребтов, и день распахнул свои объятия. Впереди них весело заскакали тени.

На ночь они расположились на подстилке из сосновых веток. Полно приснился странный сон, такие сны никогда раньше не посещали его. Все смешалось в единый клубок. Ясность и сознательность переплелись с прошлыми событиями и, словно кривое внутреннее зрение, исказили реальность. Во сне чувствовалось зловещее предзнаменование. Но это предчувствие угрозы было облечено в форму злой шутки.

Семь бледных огоньков в медленном танце кружили над его головой, призывно маня, они зывали к его душе, приглашали присоединиться к ним. Он медленно покинул свое тело и бледной бестелесной тенью встал рядом с ним. Огоньки блеснули и покинули землю. Он последовал за ними к верхушкам деревьев и дальше, выше. Они вели его к северу, все выше и выше скользя к облакам, манящим своей белизной. Внизу словно десткие песчаные замки, виднелись горы. Но вот и они скрылись из виду. Вокруг него завывали ветры, мимо пронеслись черные тени. Он мчался все быстрее, все, что окружало его, словно темная рябь, летело в обратном направлении. Шум ветра превратился в оглушающий рев, хотя он не чувствовал ни холода, ни силы его порывов.

Наконец перед ним замаячил огромный черный силуэт. Он напоминал большую гору, то здесь, то там украшенную блестящими огоньками; высокие стены, узорчатые башни. Во всем чувствовалась мощь и неприступность. Это был замок, не меньше Рондовала, только процветающий, не запущенный.

Странный полусон-полуявь на мгновение прервался, он замерз, прохлада ночи напомнила ему о реальности своим холодным дыханием. Он стоял перед массивной двухстворчатой дверью, обитой железом, и запертой на тяжелые засовы и замки. На железе была вычеканена огромная змея, ее тело было пробито гвоздями. Над дверями было подвешено чучело большой серой птицы. Он не знал, где находится, но все ему казалось до боли знакомым - будто он уже бывал здесь в своих снах, но забыл. Он едва заметно качнулся вперед и тут же почувствовал легкое дуновение, словно Ворота окружала невидимая аура, реагирующая на малейшие его движения.

Как по мановению волшебной палочки в обеих руках его зажглись огни. Факелы горели сами по себе, без источника. Им овладело непреодолимое желание войти внутрь, но он не знал, как открыть загадочные Ворота. Двери выглядели массивными и неприступными...

Он проснулся, одолеваемый холодом и волнением. Подбросив на подстилку еще веток и поплотнее укутавшись плащом, он снова лег. Утром он хорошо помнил сон, но не стал рассказывать о нем. Следующей ночью он снова вернулся к нему...

Он опять стоял перед неприступными Воротами; забытые ощущения путешествия до Ворот вновь наполнили его, пополнившись неко-

торами новыми впечатлениями. Теперь он стоял, высоко подняв руки и чертя древнее заклинание, открывающее калитки. Они, нехотя, повиновались. Дверцы дернулись и со скрипом чуть-чуть разошлись. Холоддохнул ему в лицо. Он двинулся в открывающееся пространство...

Каждую ночь на протяжении первой недели пути он возвращался в свой сон, идя дальше и дальше. Огоньки больше сопровождали его, оставшись за Воротами. В полном одиночестве он бродил по чужой местности - серой и бронзовой, черной и коричневой - погруженной во мрак, черное небо тяжелым пологом нависало над головой. Лишь редкие красные всполохи указывали на то, где должен быть восток. Это было царство камня и теней, песка и тьмы, холодных, пронизывающих ветров, внезапных огней и скуки. Все, что окружало его, вяло вползало в его память, откликаясь равнодушными воспоминаниями. Это было царство зловещего, все чувствующего света, темных пещер и разрушенных статуй чудовищ и масок. Где-то в глубине, маленькая частичка его души горько жалела его, остальная часть его духа наслаждалась...

На следующую ночь он увидел обитателей - грубые чудовища, покрытые чешуей; нескладные, неуклюжие пародии людей с длинными руками - они ползли, скакали, преследуя одинокого человека, убегающего от них, на лице человека затыло презрение и отвращение.

Человек пробежал между двумя каменными колоннами и, обнаружив, что попал в тупик без выхода, дико закричал. Твари окружили его. Уронив его на землю, они принялись плакать и стенать над ним. Затем что-то пробормотали и начали сдирать кожу с человека; земля потемнела под ними.

Внезапно одно из чудовищ пронзительно взвизгнуло и ринулось вон от ужасного сборища. Его длинная чешуйчатая рука превратилась во что-то короткое и бледное. Ругаясь и дразня, твари схватили убегающего собрата. Удерживая его, они вновь обратились к тому, что лежал на земле. Сомкнувшись и подавшись вперед, они образовали вокруг них плотное кольцо. То, что лежало на земле, перестало быть чем-то человеческим. В тоже время он еще не был чем-то неузнаваемым.

Окруженный их зловонным дыханием он потихоньку менялся, становился все крупнее, что-то мерзкое стало проглядывать в его облике. Другое чудовище, которое стремилось вырваться, наоборот, стало усыхать, сжиматься. Его покров стал светлее и мягче. Он приобретал все более странные черты.

Это было что-то знакомое. Он становился человеком по облику и в целом.

Твари, которые теперь вместо себеподобного держали человека, толкнули его и он упал. Тем временем дьявольский оборотень тоже

остался один. Твари уползали, покидая их.оборотень судорожно дергал конечностями, силясь встать.

Новоявленный человек с трудом поднялся на ноги, споткнулся, потом с воем бросился вперед к колоннам. В тот же момент темные твари ответили ему пронзительным воплем, затем расталкивая и царапая друг друга, погнались за убегающим превращенцем, который совсем недавно был одним из них.

Поль проснулся, услышав громкий смех. А пробудившись, понял, что это его собственный смех. Сон оборвался слишком внезапно, и он долго лежал без сна, наблюдая сквозь ветви деревьев за плывущими в лунном блеске облаками.

Следующий день они проехали в кибитке фермера и его сына. Подорожи с ними проехал и мелкий коробейник. На протяжении всей следующей недели им не встретился ни один путник, идущий в том же направлении. Лишь однажды они столкнулись с купцом и врачом, едущими в противоположном направлении. Но одним теплым солнечным вечером впереди них замаячили пыльные, темные фигуры.

Лишь ближе к ночи им удалось нагнать группу путешественников. Процессия состояла из старого колдуна Ибала Шенсона, двух его учеников, Нарфа и Шахая, и десяти слуг - четверо из них несли кресло, на котором восседал Ибал.

Поль обратился к Нарфу - невысокому худому усатому пареньку, он шел в самом конце, замыкая шествие.

- Приветствую вас, - сказал он.

Правая рука человека описала едва уловимую полуокружность, когда он оглянулся на голос.

Так случалось довольно часто, едва столкнувшись с проявлениями Магии, внутреннее зрение Поля рефлексивно включалось в игру. Он увидел слабо мерцающую серую нить, которая, образовав петлю на конце, медленно двигалась к его голове. Он поднял руку с слабопульсирующим родимым пятном и отбросил нить.

- Довольно! - крикнул он, - Или здесь так принято отвечать на приветствия путника?

В глазах, смотрящих на него, помелькнул испуг, смешанный с уважением.

- Прими мои извинения, - произнес паренек, - никто вас не знает, путники. Я только пытался защитить и обезопасить учителя. Я не думал, что встретился с братом по Великому Искусству.

- Теперь все в порядке?

- Вы направляетесь на Балкин?

- Да.

- Доложу учителю, он, без сомнения, пригласит вас составить ему компанию.

- Вперед.

- От кого передать приветствия?

- Я - Поль Детсон, а это - Маусглов.

- Отлично.

Он повернулся и бросился догонять своих. Поль и Маусглов последовали за ним.

Выглядывая из-за плеча ученика, Поль пытался рассмотреть волшебника, пока тот не обратился к нему сам.

Он был одет в голубые одежды, серая шаль укрывала его плечи, коричневый плед укутывал колени. По такому одеянию было очень трудно определить его размеры. Его облик производил впечатление хрупкости и крошечности. Его нос превратился в острый крючок, словно птичий клюв, бледные, почти прозрачные, глаза наполовину скрыли тяжелые складки век. Щеки и лоб старика были испещрены глубокими бороздами морщин, кожа свисала безобразными пористыми складками. Густые, длинные волосы старика отливали чернотой и напоминали парик, особенно в соседстве с абсолютно седыми, кочкватыми бровями. Руки старика скрывались под пледом.

- Подойди ближе, - прохрипел он, поворачивая голову и глядя из-под опущенных век.

Подойдя к старику, Поль невольно задержал дыхание, стараясь спрятать свое волнение.

- Детсон? Детсон? - повторял старик, - откуда ты?

- Замок Рондовал, - подсказал Поль.

- Я думал он пустует все эти годы. Кто теперь там лорд?

- Я.

Коричневый плед зашевелился. Сухая, темная рука с длинными узловатыми пальцами медленно выползла из под пледа. Так же плавно она двинулась к правому запястью Поля и застыла около рукава.

- Будь любезен, оголи свое предплечье.

Поль исполнил просьбу.

Два тощих пальца протянулись к руке Поля и прикоснулись к родимому ятну. Старик усмехнулся и поднял голову, внимательно разглядывая Поля, стараясь увидеть сквозь него.

- Все так, как ты сказал, - заметил он, - я ничего не знал о тебе, хотя теперь ясно вижу, что ты тоже обеспокоен томлениями Рондовала. Ты несешь печать его прошлого.

- Возможно, - ответил Поль, - а как ты узнал?

- Они окружили тебя, словно рой блестящих насекомых, - произнес Ибал, глядя мимо него.

Поль внимательно обследовал себя внутренним зрением, но кроме нитей заклинаний не обнаружил ничего, хоть отдаленно напоминающее нимб из насекомых.

- Я ничего подобного не вижу...

- Так и должно быть, - ответил колдун, - все твое постоянно с тобой, вероятно, очень долгое время - ты воспринимаешь все иначе, чем я. Если, конечно, ты вообще можешь обнаружить это. Ты ведь знаешь, как отличаются друг от друга восприятия и понимания колдунов, какое значение они придают разным вещам.

Поль нахмурился.

- Или нет? - спросил Ибал.

Не дождавшись ответа, старый колдун сощурил глаза и еще пристальнее стал вглядываться в Поля.

- Сейчас я не так уверен, - сказал он, - сначала я подумал, что дисгармония и беспорядок твоих светил лишь хитрая маскировка, но теперь...

- Моих светил? - переспросил Поль.

- Кто проводил твоё обучение - и где ты проходил посвящения? - потребовали ученики колдуна.

- Я рос очень далеко отсюда, - ответил он, - там, где все вещи сделаны не так, как здесь.

- Ой, ты из Страны Безумия! Храни нас от Страны Безумия! Но... Ты не совсем дисгармоничен - любой с такой отметиной... - Он кивнул на предплечье Поля. - Должен обладать внутренним чутьем и подсознательным талантом к Великому Искусству... Очень интересно... Так... А зачем ты идешь на Балкин?

- Чтобы научиться... кое-чему.

Старый колдун снова усмехнулся.

- А я иду для самоуспокоения, - сказал он. - Зови меня Ибал. Если хочешь, составь мне компанию. Всегда хорошо иметь нового собеседника. Твой человек - не брат по Великому Искусству?

- Нет, кроме того, Маусглов - не мой человек, он - мой товарищ.

- Маусглов, ты сказал? Кажется я уже слышал это имя раньше. Возможно, в связи с драгоценностями?

- Я - не ювелир, - поспешил с ответом Маусглов.

- Ладно, это все равно. Завтра я скажу тебе кое-что интересное, Детсон. Но мы до сих пор в полулье от места, где я хотел заночевать. Нужно идти. Поднимайтесь! Вперед!

Слуги подняли носилки и пошли вперед. Поль и Маусглов пристроились в конце процессии.

Они разбили лагерь среди руин, которые некогда были маленьким амфитеатром. Поль долго лежал с открытыми глазами, тревога не покидала его, он опасался возвращения зловещих сновидений. До сих пор он никому ничего не рассказывал, днем события ночи казались далекой сказкой. Но лишь только спускалась ночь и на лица людей ложились длинные ночные тени, лишь изредка разгоняемые вспышками костра, ему начинало казаться, что какой-то неведомый призрак влечет его в царство танцующих огней, завывающих ветров и жестокости. Он снова удивился значению и смыслу ночного кошмара, как будто рожденного больным воображением и поддающимся описанию лишь в терминах патопсихологии, и в то же время ясности и отчетливой связи ночных видений с реальностью. Его мысли медленно перетекли в другое русло, к недавним событиям в Рондовале. В тот же момент он погрузился в сон, и его засыпающий разум вновь поразился возможной связи между событиями.

Мог ли тот странный человек, умирая, заложить в нем зерно тревоги, которое не дает ему покоя по ночам? Его мысли вновь изменили свой ход, унося его дальше от тревог, усыпляя стрекотанием лесных насекомых, доносящимся из рощи. Он думал, как бы поступил Марк. Нашел бы какой-нибудь легкий наркотик, чтобы избавиться от видений. Возможно. Мысли снова поплыли...

Что это. Еще ближе. Вокруг все знакомо. Страх куда-то исчез. Осталось только ожидание знакомых событий. Вот Ворота, и...

Все остановилось. Застыло. Он замерз до того, как открылись Ворота. Видения стали блекнуть и совсем растаяли. Он почувствовал, что чья-то рука сжимает его плечо. В какой-то момент он хотел было закричать.

- Все в порядке, - послышался шопот и рука отпустила его плечо.

Поль попытался сесть, просто повернуть голову. Он обнаружил, что не может пошевелиться. Крупный мужчина, лицо которого наполовину скрывала тень от плаща, поднялся с колен и исчез из поля его зрения. Полю показалось, что мелькнули светлые усы, и что совсем невероятно, ряд сверкающих ровных зубов.

- Почему я не могу двигаться? - прошептал он сквозь сжатые зубы.

- Мне легче наложить защитную оболочку на весь лагерь целиком, чем на кого-то выборочно. Затем мне нужно было разбудить тебя, но так, чтобы остальные оставались в спящем, бессознательном состоянии. К сожалению, паралич здесь необходим.

Поль предполагал, что все это ложь, но не мог бороться с ней.

- Я увидел, что твой сон вызывает много тревог, поэтому я решил даровать тебе облегчение.

- Каким образом ты увидел, что чьи-то сны доставляют тревогу.

- Я в некотором роде специалист в тех проблемах, с которыми ты столкнулся.

- Что...?

- Разве твой сон не связан с массивной дверью?

Поль некоторое время молчал, затем ответил: Да.

- Да, связан. Но как ты можешь знать об этом, может ты причастен к моему сну?

- Я не вызывал твой сон. Кроме того, я здесь не ради освобождения тебя от него.

- Тогда зачем?

- Твое путешествие на Балкин.

- По-моему, ты знаешь слишком много.

- Не будь таким нетерпеливым. Просто наши интересы совпадают, я пытаюсь помочь тебе. Я больше понимаю в тех силах, что воздействуют на тебя. Ты совершил ряд ошибок, странствуя по миру и везде называя себя и рассказывая о своей карьере. Теперь понадобится много энергии, придется причинить даже боль, чтобы стереть твоё имя и наружность из памяти Ибала и его окружения. Утром он будет помнить лишь то, что ты - Одержимый Магией, идущий на Балкин. Даже твоя внешность будет видна ему снова в тумане. Если он вновь спросит твоё имя, то имей другое имя наготове. Это же имя используй и на Балкине. Рондовал до сих пор имеет своих врагов.

- Это определенным образом связано с покушением на мою жизнь.

- Когда это произошло? Где?

- Чуть больше недели назад. Прямо в моём доме.

- Я не подумал об этом. Значит началось. Ты будешь в безопасности некоторое время, если будешь сохранять инкогнито. Я хочу выкрасить твои волосы, чтобы замаскировать эту белую прядь. Она очень приметна. А затем мы должны спрятать это драконово родимое пятно.

- Как?

- Очень просто. Каким образом ты видишь проявления Магии, когда делаешь заклинания?

Поль почувствовал щекотание усов у себя на лбу.

- Обычно, как цветные нити - нитки, струны, веревки.

- Очень интересно. Ну хорошо. Теперь вообрази, что я заворачиваю и укрываю твоё пятно телесного цвета нитями, так плотно, словно из нитей сделан целый покров. Это не в косяк мерс не помешает твоим

манипуляциям. Когда ты захочешь открыть его, тебе просто необходимо проделать ритуал распутывания клубка нитей заклинаний.

Поль почувствовал, что кто-то взял его за руку и поднял ее.

- Кто ты? - спросил Поль. - Откуда ты знаешь все это?

- Я волшебник, которого нет на самом деле. Я прочно связан с твоим Домом.

- Мы - родственники?

- Нет. Даже не друзья.

- Тогда почему ты помогаешь мне?

- Я чувствую, что если ты и дальше будешь жить, это сослужит мне службу. Все. Твоя рука довольно ловко замаскирована.

- Если ты действительно хочешь защитить меня от чего-то, то было бы лучше, если бы ты хоть что-нибудь рассказал мне.

- Не думаю, что это самый достойный способ. Во-первых, с тобой может ничего не произойти, зачем же тебя отягощать излишней информацией. Во-вторых, твое неведение выгодно мне.

- Мистер, кто-то уже вычислил меня. И мне совсем не нравится перспектива дуэли с другим колдуном.

- О, если ты выиграешь, они этому будут рады. Разве не в этом истинная природа убийства?

- Да.

- Ладно, до сих пор ты все еще цел.

- Чисто случайно.

- Все отлично, мой мальчик. Будь бдительным. А теперь будет лучше слегка огрубить твои черты лица и чуть-чуть удлинить глаза. Может посадить на нос бородавку? Нет? Тогда может сделать шрам на щеке? Да, пожалуй, не помешает...

- Ты не назовешь мне своего имени?

- Оно вряд ли тебе о чем-нибудь скажет, но знание моего имени может в дальнейшем принести мне много хлопот.

Поль пытался оживить драконово пятно, надеясь, что маскировка уберет и скроет его пульсацию от постороннего внутреннего зрения. Казалось человек не среагировал на пульсацию пятна. Поль заставил энергию пробежать вниз и вверх по правой руке, освобождая ее от паралича. Затем высвободил шею. Он мог немного повернуть голову... Лучше все оставить как есть. Он понял, что слишком сложно симитировать подобную подделку.

- Теперь они все думают, что ты из Хейделберга...

- Что, - спросил Поль, - как ты сказал?

- Ты знаешь, хороший колдун знает и о других местах...

Поль заставил энергию циркулировать по всему телу, преодолевая паралич. Он создал петлю круговым движением руки и, выбрав момент, выбросил лассо из серой нити. Она обвилась и обхватила запястье незнакомца. Сжимая его нитью, он начал натягивать ее, одновременно вставая на ноги.

- Я снова повторяю свой вопрос, - заявил он.

- Глупейший из Одержимых Магией! - ответил незнакомец.

Нить, словно живая, скорчилась в руке Поля, затем будто электрический ток обжог его руку. Драконово пятно горело словно в огне. Он открыл рот, чтобы закричать. Но звук застрял в его горле.

- Тебе везет, - последнее, что он услышал. Затем шквал мыслей обрушился на его мозг и он провалился в небытие.

Утренняя заря лишь слегка раскрасила облака на востоке, когда он открыл глаза. Его разбудили голоса слуг Ибала, они паковали и собирали вещи, готовясь снова в путь. Поль поднял руку и по дрожанию пальцев пытался определить много ли он вчера выпил...

- Ты кто? Где Поль?

Он повернулся и увидел Маусглова, стоящего руки в боки и непонимающе тарашившего глаза.

- У меня на щеке есть шрам? - спросил он, дотрагиваясь пальцами до него.

- Да.

- Слушай мой голос. Не узнаешь его? Седая прядь тоже исчезла?

- Ой... да. Теперь вижу. Зачем этот маскарад?

Поль встал и принялся собирать вещи.

- Я тебе все расскажу, когда мы будем одни.

Он обыскал все вокруг в поисках следов ночного посетителя, но место было гористым и совсем не сохранило следы. Следуя за процессией Ибала, Маусглов немного отстал, затем указал на группу путешественников и прошептал, не разжимая зубов.

- Ты постарался? - спросил он.

Три жующих кролика равнодушно ползали в кустах.

Покачав головой, Поль пошел вперед.

Часть III

Это было не скромное представление для начала. Это было много больше: зрелища и звуки - все новшества, с которыми мы столкнулись вне Рондовала. Первые дни я все время парил возле Поля, облетая его со всех сторон, пропуская сквозь себя все, что входило в поле его зрения, знакомясь с новыми явлениями и их законами. Перемещаясь в след за Полем, я обнаружил, что путешествие способствовало моему расширению, я разrostался в размерах, охватывая все больше территории. Моя маленькая шутка. Я понял, что мое растяжение в пространстве - отчасти ответная реакция все увеличивающееся число новых вещей, сущность и естество которых я поглощал, продвигаясь все дальше и дальше. Растения впитывались мной так же хорошо, как и животные, хотя последние мне были более симпатичны. Частично это соответствовало законам Бойля и Чарльза, о которых я узнал, подключившись к мозгу Поля, в один из вечеров, когда он предавался воспоминаниям об университетских днях. Со всей прямоотой и честностью я все же не стал причислять себя к газу. Хотя и почерпнул кое-что для объяснения своей физической структуры, я не мог четко объяснить свою природу. Мне совсем не свойственна легкость распространения, скорее наоборот, все сопряжено с рядом трудностей. Я двигаюсь и перемещаю себя на заданную территорию исключительно силой воли. Я не знаю как работает весь этот механизм. Однако, я уверен, что мой общий объем увеличивается, а мои способности производить физические явления и предметы постоянно совершенствуются. Я решил отнестись к путешествию как к учебе и накоплению опыта. Любое новшество, о котором я узнавал, могло иметь прямое отношение к моему стремлению к индивидуальности и познанию смысла существования.

И я учился новым явлениям, ряд которых был очень своеобразен. Например, когда в ночном лагере появился тот человек, закутанный в плащ, я задрожал от волнения. Словно легкий бриз пробежал внутри меня; низкий звенящий звук заполнил меня и я увидел сияние сотен мерцающих огней. Затем все, включая караульного, уснули. Переливы огней стали ярче, низкий звук снова прокатился по окрестностям. Зная понятие "субъективность", я с всей уверенностью могу заявить, что это была не галлюцинация, а именно то, что я видел и слышал. Затем я с большим интересом наблюдал, как незнакомец изымал из памяти спящих все воспоминания, связанные с Полем. Прислушиваясь к своим ощущениям и анализируя все то, что я усвоил из дуэли Поля с другим колдуном в Рондовале, я понял, что я очень чувствителен к любым проявлениям магии и легко обучаюсь. Я чувствовал, что сам могу сделать подобные изменения. Но у меня не было причин

вмешиваться, поэтому я просто наблюдал за происходящим. Несмотря на свои скудные знания о подобных вещах, мне показалось, что этот малый обладает весьма необычной манерой передвижения энергий в разных плоскостях. Да. Внезапно я вспомнил о боли, и это только усилило мои подозрения. Он был необычен и непонятен, но я внимательно следил за всем, что он делал.

Затем он долгое время стоял около Поля, я не знаю, что происходило за внешним бездействием. Теперь он воздействовал совсем другими силами, не такими как мгновение назад, поэтому я не мог понять, что происходило. Что-то спазматически дернулось во мне, когда он прикоснулся к плечу Поля. Я не мог объяснить, что заставило меня, но я придвинулся ближе. Я слышал каждое слово их разговора и видел, как он изменял внешность Поля. Когда он укрывал родимое пятно, я хотел закричать: "Нет! Не смей!" Но, конечно, у меня нет голоса. Процесс маскировки пятна раздражал и злил меня, хотя я и понимал, что оно оставалось в целости под покровом заклинаний, и Поль в любой момент мог избавиться от защитного покрова. Что значила эта моя реакция, почему я вел себя так, я не знал.

А потом, когда Поль поднялся на ноги, и между мужчинами возникло короткое противоборство сил, я бросился к Полю, проник в его тело и тщательно обследовал, не угрожает ли что ему. Я выяснил, что ничто не причиняет ему страдания, и поскольку они воздали друг другу должное, я не стал вмешиваться в ход событий.

Покинув оболочку Поля, я отправился проследить за незнакомцем. Я не понимал, что заставило меня это сделать, и чтобы я стал делать, обнаружив его. Но он слишком быстро исчез, не оставив следов, так что вопрос попросту остался открытым.

Это случилось, когда я проходил сквозь кроликов, одновременно захватывая куст, где они скрывались. Внезапно я почувствовал прилив сил. Я ломал голову над собственным поведением и теми вопросами, которые лежали за моими поступками - все было очень удивительным и слишком необъяснимым, так или иначе, я действительно был создан для такой бесплодной, бесполезной деятельности как самоанализ.

Казалось никто из путешественников, включая самого Ибала, не замечал перемен внешности Поля. Никто не обращался к нему по имени. Будто все забыли его и стеснялись признаться в этом. Лишь изредка те, кто заговаривал с ним, пользовались обращением "Одержимый Магисй", поэтому Полю даже не понадобилось выдумывать новое имя. Помня о том, что подобная маскировка может оказаться полезной в сохранении безопасности, Поль, тем не менее, был очень озабочен, что Ибал забыл о своем намерении рассказать кое-что о Рондовале. Не зная на сколько сильно было воздействие незнакомца

на память путешественников, его очень тревожила мысль, что его принадлежность к Рондовалу внезапно откроется сама по себе.

Это случилось, спустя два вечера, во время ужина, когда Ибал начал очень интересный разговор.

- Эй, Одержимый, поделись своими планами, - начал Ибал, хлебая что-то мягкое и кашеобразное, налипающее на зубы. - Что ты намерен делать на нашем собрании?

- Учиться, - ответил Поль. - Мне бы хотелось познакомиться с учениками и учителями, я хотел бы кое-чему научиться, стать более профессиональным в Великом Искусстве.

Ибал довольно гавкнул.

- Почему ты сразу не сказал, что ищешь спонсора, учителя, который бы поручился за тебя? - спросил он.

- А я гожусь, могу я надеяться? - осторожно осведомился Поль.

- Ну, если наставник представит и поддержит тебя.

- И что это даст?

Ибал покачал головой.

- С трудом верится, что ты такой наивный. Где ты воспитывался?

- Там где вообще не задают вопросов. Они просто не возникают.

- Я думаю, я верю, что могу попытаться, поскольку ты настоящий Одержимый Магией. Ладно. Время от времени, я нахожу, что в незнании тоже есть свои преимущества, оно вносит новую струю. Ритуал обряда посвящения может способствовать укреплению и упорядочиванию твоих способностей. Это позволит тебе управлять огромным количеством энергий, исходящих от разных вещей. Ты станешь сильнее и искуснее, подобное могущество вряд ли можно получить иначе.

- Посвящение будет происходить на Балкине, во время праздника?

- Да, я рассчитываю, что Нарф будет посвящен, а вот Шахай, я чувствую, не совсем готов.

Он указал на высокого ученика, крупного юношу с темными глазами и светлыми волосами. Шахай отвернулся и посмотрел в сторону.

- Когда ученик проходит обряд посвящения, он становится самостоятельным?

- Да, хотя иногда новоявленные колдуны остаются при учителе еще некоторое время, чтобы изучить детали и тонкости Магии, которые возможно были упущены в ходе освоения основ Искусства.

- Ага, а если мне удастся заручиться поддержкой спонсора, я полагаю, что и сам могу довести дело до конца.

- Если ты знаешь об опасностях посвящения...

- Нет, не знаю.

- Смерть и потеря рассудка - главные опасности. Каждый знает об этом. Они спокойно и твердо идут навстречу опасности, кроме тех, кто не совсем готов.

- Вы не могли бы проинструктировать меня, чтобы я не был неподготовленным?

- Что ж, договорились.

- Мне очень хочется проверить себя.

- В таком случае, я помогу тебе в твоих начинаниях, ради будущих добрых отношений. Всегда приятно приобретать новых друзей и соратников по ремеслу.

Сны о Воротах и загадочной стране, открывающейся за ними, больше не посещали его до самого прибытия на фестиваль. Дни проходили обыденно и походили один на другой. Кроме того события с изменением внешности Поля ничего сверхъестественного больше не происходило. Местность менялась по мере того, как они продвигались все выше и выше. Хотя горные склоны здесь не были такими крутыми как в Рондовале. Сам Балкин представлял собой огромный черный клыкообразный пик, окруженный унылыми голыми деревьями. В тот вечер, когда они впервые увидели Балкин, казалось, он был очерчен слабомерцающим контуром. Маусглов отвел Поля в сторону, чтобы обсудить дальнейшие действия.

- Ты уверен, что знаешь, куда ты идешь?

- Ибал рассказал мне в общих чертах о ритуале посвящения, - ответил Поль, - он намекнул, чего можно ожидать в различных ситуациях.

- Я не это имел в виду, - произнес Маусглов.

- Тогда что?

- Один колдун пытался убить тебя прямо в Рондовале. Другой специально является на прошлой неделе, чтобы помочь тебе. У меня такое впечатление, что сейчас ты как раз между чем-то угрожающим и магическим - а там, куда ты идешь, самое логово колдунов и магии, там опасность может настигнуть тебя иным, необычным путем.

- С одной стороны, - возразил Поль, - возможно, это лучшее место, чтобы узнать, что все-таки происходит. И я уверен, что мне пригодятся дополнительная проницательность и те навыки, которым учит обряд посвящения.

- Ты действительно доверяешь Ибалу?

Поль пожал плечами.

- Мне кажется, что достиг потолка, я не могу продвинуться дальше без постороннего вмешательства.

- Разве только ты решишь отказаться от всего прямо сейчас.

- Это вернет меня к тому, с чего я начал. Нет уж, спасибо.

- Это даст тебе время обдумать все заново, возможно, ты найдешь новое направление исследований.

- Да, конечно, - ответил Поль, - мне бы очень хотелось этого. Но время, я чувствую, - это как раз то, чем я не могу распоряжаться вольно и свободно.

Маусглов вздохнул и отвернулся.

- Эта гора кажется какой-то зловещей, - произнес он.

- Пожалуй, здесь я согласен с тобой.

Следующим утром, пройдя предгорье и выйдя на гребень пологой гряды, группа путешественников остановилась. По западному склону горы раскинулось что-то напоминающее волшебную страну или город грез: сверкающее нагромождение кремowych башен, золотые купола и пики зданий, дома словно высеченные из огромных драгоценных камней; мостовые венчали блестящие прозрачные арки, то тут, то там высились колонны из черного янтаря, фонтаны, бьющие серебряными струями.

- Боже! Какая красота! - воскликнул Поль, - я даже не знаю с чем ее сравнить!

Он услышал довольный смехок Ибала.

- Что смешного? - с обидой спросил Поль.

- Юность бывает лишь однажды. Удивляйся и восхищайся, - ответил старый волшебник.

Дальнейшее вызвало у Поля недоумение. С разгаром дня городсон начал терять свое очарование. Первыми исчезли радуги и сияния, затем стали блекнуть краски. Легкая дымка медленно обволакивала здания, вместе с туманом по улицам и стенам домов словно разливалась серая краска. Пики утратили свою остроконечность, купола словно усохли, черно-янтарные колонны таяли прямо на глазах. Зеркальные стены покрылись толстым слоем пыли. Казалось пыль живая и медленно наползает на город. Затем исчезли прозрачные арки, высохли серебряные фонтаны. Было такое ощущение, что смотришь сквозь грязное темное стекло.

За завтраком Поль обратился к Ибалу в полном недоумении:

- Ладно, я поражен, я даже постарел на несколько часов. Но что случилось с городом?

Ибал ухмыльнулся.

- Нет, нет, - наконец сказал он, - дождись обеда, и ты увидишь настоящее представление.

Так он и сделал. Как только солнце стало склоняться к западу, и тень вершины накрыла туманные очертания зданий, вновь возникло

неуловимое движение, стены зданий стали глянцевыми и обрели свой прежний блеск. Польш и Маусглов, зачарованные зрелищем, застыли как и при первом знакомстве с городом. По мере того, как вечер входил в свои права, и тени становились все длиннее, казалось, увеличивался и сам город, башни и стены становились выше и утонченнее. Туман стал совсем прозрачным, сквозь него уже проступали контуры высоких сооружений. Приблизившись, они разглядели бьющие в высь струи фонтанов. Очертания зданий обретали свои былые краски. Башни, колонны, арки набрав полную массу, гордо взирали с высоты прежнего величия.

К обеду они почти подошли к городу. Он уже приобрел свое утреннее очарование. Туман совсем растаял. Они сели перекусить.

- Ну что, ты догадался? - спросил Ибал, прихлебывая темный жирный бульон.

- Он меняет свои черты в зависимости от времени, - сказал Польш, - значит, на самом деле он представляет собой совсем иное, что мы видим, и его очарование лишь иллюзия. Но я не знаю, из чего он состоит и почему меняется.

- В действительности там лишь нагромождение пещер, лагун и шатров, - пояснил Ибал, - каждый раз, по жребию, практиканты отрабатывают навыки по приведению местности в порядок и подготовке ее к проведению сбора. Обычно они посылают вперед учеников и слуг. Они чистят и восстанавливают все сооружения, ставят шатры и возводят всевозможное оборудование. Затем ученики, как правило, начинают соперничать и создавать световые оболочки, чтобы придать месту как можно более красочный вид. Все ученики обладают разными способностями, но тем не менее, вещи лишь какое-то время кажутся первоклассными и очень редко могут просуществовать более длительный период. В результате вся эта красота живет от вечера до рассвета. А днем все очарование исчезает. Труднее всего сохранить оболочки ночью,делки магии слабеют ночью, и можно увидеть то, что же все представляет на самом деле.

- А эти оболочки внутри так же хороши, как и снаружи?

- Конечно, а как же. Ты скоро все сам увидишь.

Они продолжали наблюдение за новым рождением города-сна. Он приобретал все новые краски, блеск и великолепие.

Под вечер они вышли к подножию Балкина и вошли в яркий красочный город, раскинувшийся у основания горы. Первая арка, которую они прошли, могла быть сделана из двух массивных ветвей, стянутых ремнем. Однако, ветви были одеты в оболочку из белого мрамора с золотистыми прожилками, щедро украшенного резьбой.

Над головами прохожих сияли бесчисленные разноцветные огни. Поль не успевал следить за происходящими чудесами. В противоположность всем известным ему городам этот город был очень чист и ухожен. Мостовые под их ногами блестели чистотой. Здания казались хрупкими, их венчали полупрозрачные купола. Стены зданий украшала мозаика из разноцветных драгоценных камней, вместо окон были вставлены красочные витражи. Всюду были резные балконы и узорчатые галереи. По ним медленно раздули пышно разодетые мужчины и женщины. Открытые витрины магазинов пестрели различными принадлежностями магических ритуалов и чучелами экзотических животных. Магазины встречались всюду, куда не бросишь взгляд. На углу одного из них пристроился одетый в высокий тюрбан маг, он что-то напевал и творил замысловатые чары. От его жаровни красными клубами поднимался дым, он валил густо. Взрыв над улицей, дым оканчивался дьявольским красным ликом. Со всех сторон слышались звуки флейт, перезвон струн, удары барабанов. Следуя внутреннему порыву, Поль вызвал из небытия свою гитару. Освободив ее от пут заклинаний, он заиграл. Внезапно ожило его родимое пятно, оно слабо запульсировало, предупреждая, что они пересекли границу царства магии и колдовства. На гитарные переливы Поля дружным щебетом откликнулись диковинные птицы, сидящие в золотых и серебрянных клетках. Прохожие зашепили ему на встречу. В дали слабо мерцал горный пик. А еще выше, в вечернем небе появились первые вестники ночи звезды. Легкий бриз обдал их холодным дыханием, заполнив воздух благовониями и восточными курениями, дурманящими запахами изысканной парфюмерии.

Маусглов слушал музыку, его пальцы шевелились в такт мелодии, его глаза лихорадочно бегали по сторонам, ноздри раздувались от пьянящих ароматов.

- Господи, до чего же трудно здесь хоть что-нибудь украсть, все здесь кажется не тем, что есть на самом деле.

- А ты относишься к путешествию, как к каникулам. Зачем думать о работе во время отпуска.

- Это трудно, - ответил Маусглов, вглядываясь в дьявольскую маску, которая с презрительным оскалом с высоты взирала на них. - Возможно, как семестр принудительного обучения...

Ибал отдавал распоряжения слугам на каждом повороте и перекрестке, казалось знал здесь все как свои пять пальцев. Они шли к отведенным им апартаментам. Как Поль потом узнал, Ибал занимал одни и те же апартаменты на протяжении многих лет. Старый слуга поведал ему, что облик апартаментов и домов все время менялся, поэтому ориентация здесь основывалась скорее на знании месторасположения, чем на внешнем сходстве.

Комнаты Ибала, куда они были допущены как его гости, казались весьма элегантными и просторными, хотя на всем лежала печать лишь внешней привлекательности. Поль без труда заметил, что твердые мощные стены легко продавливаются при нажатии на них, гладкие, словно зеркало, полы изъедены неровностями и трещинами, которые весьма ощутимы под ногами, а стулья совсем не такие удобные, как выглядят.

Ибал распустил свою свиту, сказав, что намерен отдохнуть, а завтра утром официально представить их к посвящению. Поэтому, приняв ванну и сменив костюмы, Поль и Маусглов продолжили знакомство с городом.

Главные улицы были освещены шарами с переливающимся белым светом. Гирлянды из разноцветных огоньков освещали переулки и мелкие улочки, они прошли мимо группы молодежи, упражняющейся в острословии и философских дебатах, и мимо кучки старичков, решивших тряхнуть стариной шутки ради; старые маги подвесили около арки легчайшее облако, которое с грохотом и молниями обрушивало поток воды на каждого, кто проходил под ним. Кратковременные ливни сопровождались дружным старческим хохотом сморщенных маленьких шутников, притаившихся в тени.

Страхнув мокрые плащи, Поль и Маусглов свернули на узкую лестницу, ведущую к извилистой улочке. Она была плохо освещена; слабо светящиеся голубые и красные маленькие фонарики отбрасывали причудливые тени и создавали ощущение таинственности. Они медленно двинулись вдоль нее.

- Эта выглядит весьма заманчиво, - отметил Маусглов, оглядывая улочку.

- Ну что ж, пойдем, проверим.

Казалось, это было местом отдыха от света и суеты. По обеим сторонам улочки расположились ресторанчики и забегаловки. Они последовательно обошли их, затем повернули назад.

- Мне тут понравилось одно местечко, - сказал Маусглов, показывая направо. - Там есть свободные столики под навесом. Можно понаблюдать за людьми.

- Отлично, - ответил Поль.

Они подошли и сели. Почти в тот же момент в дверях появился маленький смуглый улыбающийся человечек в зеленом кафтане.

- Что угодно джентельменам? - вежливо поинтересовался он.

- Мне бокал красного вина, - сказал Поль.

- А мне белого и покислее, - отозвался Маусглов.

Человек вышел и тут же вернулся. На подносе он нес два бокала вина, темный и светлый.

- Полезные хитрости, - сказал Маусглов, осматриваясь.

- Личное творчество, оболочки, - произнес Поль.

Человек рассыпался в извинениях, напомнив, что плату следует пустить по крошечному обручу, ведущему в корзину.

- Мы просим всех проделывать эту процедуру, - пояснил он, - слишком много встречается заколдованной гальки, имеющей вид монетки. Вы можете иметь их, даже не подозревая об обмане. Но настоящие деньги всегда останутся деньгами, пройдя по заколдованному обручу.

- Мы недавно приехали, - сказал ему Поль.

- Тогда будьте внимательны к камушкам.

Он отошел принять другой заказ.

Вино было очень неплохим, хотя Поль предполагал, что половина его букета - плоды царящей здесь магии. Однако, как он потом размышлял, какая разница? Подобно тому, что его окружало - если оно служило своей цели, внешние проявления были куда важнее содержания.

- Вряд ли все наши наблюдения можно считать подлинными, - сказал Маусглов. - Но они многое сулят, всякий раз, когда я краду фальшивый камень, я думаю, что он настоящий.

Поль ухмыльнулся.

- Тогда они служат своей цели.

Маусглов рассмеялся.

- Хорошо. Хорошо. Но когда угрожает смерть, лучше бы знать наверняка, где реальная угроза, а где надежная рука друга. После того, что произошло недавно в библиотеке, я был бы предельно осторожен в подобных местах.

- Еще что-нибудь, разве я недостаточно замаскирован?

- Конечно, но магический ливень, на который мы навались в арке, - начал Маусглов, - я только сейчас заметил...

Он не успел договорить. Их разговор прервало появление светловолосого стройного юноши с тонкими чертами лица и фальшивой улыбкой. Его экстравагантный костюм соответствовал благородным манерам и утонченной грации и изяществу походки.

- Одержимый Магией! И Маусглов! Странно! Вы тоже здесь! Человек! Повторите то, что они заказывали для моих друзей! И бокал самого лучшего для меня!

Он взял стул и подсел к их столу.

- Кажется на этот раз они действительно постарались, это лучшее, что мне доводилось видеть, - сказал юноша, указывая жестом вокруг. - А как вам ваше жилье?

- О! Отлично! - ответил Поль.

Официант принес напитки.

Проделав хитрый жест, юноша наполнил руку блестящими монетами. Они выпрыгнули из его ладони и, с шумом прокатившись по заколдованному желобу, звякнули в корзине.

- Впечатляет, - сказал Поль, - послушай, не хотелось бы казаться невежливым, раз ты угостил нас, но мне кажется, уже поздно отменять заказ...

Юноша рассмеялся, его лицо оживило настоящее веселье.

- Конечно, конечно, нет, - сказал он, - я - Ибал, и ты видишь великолепную омоложенную оболочку вместо старой и дряхлой. Он небрежно стряхнул с рукава пылинку. - Не обращай внимания на некоторые косметические детали, - легко добавил он.

- Действительно!

- Великолепно!

- Да. Я готов снова встретиться со своей возлюбленной Вонни. Ради двух недель любовных игр, хорошей еды и вина, разгула. Только за этим я стремлюсь сюда.

- Очень интересно.

- Да. Мы впервые встретились с ней около трехсот лет тому назад; наши чувства не притупили даже столетия. Они все так же жгут и волнуют.

- Удивительно, - ответил Поль, - но неужели вы не видите в другое время?

- Боже, конечно, нет. Если бы мы жили друг с другом бок о бок, один из нас давно бы убил другого. Две недели раз в четыре года как раз то, что надо.

Он пригубил свой бокал.

- Кроме того, - добавил он, - у нас есть о чем поговорить, за четыре года накапливается много тем.

Он взглянул на Поля.

- Одержимый Магией! Что ты сделал с собой?

- Что ты имеешь в виду? - обеспокоился Поль.

- Ну эта седая прядь. Зачем она тебе?

Поль потрогал руками свою до сих пор мокрую шевелюру.

- Так, шутка, - сказал он.

- Это не лучший выбор, - сказал Ибал, приглаживая свои волосы.

- Многие могут связать тебя с отродьем Дета. Проклятый род! У-х!

Они проследили за его взглядом, скользнувшим по улице. Он не задержался на тучном мужчине и прогуливающейся парочке. Взгляд остановился на женщине, приближающейся к ним в голубом сиянии.

Она была среднего роста, густые темные волосы укрывали плечи, ее костюм переливался в свете гирлянд. Черты лица женщины были тонкими и изящными, в них чувствовалось неподдельное благородство. Ее лицо светилось весельем и любовью.

Следуя этикету, Ибал поднялся ей навстречу. Маусглов и Поль последовали его примеру.

- Джентельмены, это - Вонни, - объявил он, когда она подошла к столу. Он обнял ее и задержал ее руки в своих. - Моя дорогая, ты еще прекраснее, чем всегда. Это мои друзья, Одержимый Магией и Маусглов. Давай выпьем с ними, прежде чем уйти.

Она кивнула в знак приветствия, Ибал услужливо пододвинул ей стул.

- Я рада видеть тебя, - сказала она, - ты приехал из далека?

Поль наслаждался журчанием ее голоса. Оно убаюкивало и влекло одновременно. Внезапно Поль почувствовал, что одинок в этом мире. Но приступ длился лишь мгновение.

Он забыл о чем они говорили, как только было произнесено последнее слово. Немой восторг и восхищение овладело им.

Как только они встали, Ибал повернулся и зашептал ему:

- Волосы - это очень серьезно. Скорее поправь их, а то служители посвящения сочтут тебя дерзким. В другое время я бы не придавал этому значения. Но если кто-то жаждет посвящения - это не лучшее время шутить, ты понял меня.

Поль кивнул, думая как проще сделать это.

- Я позабочусь об этом сегодня вечером.

- Очень хорошо. Увидимся завтра утром, но не слишком рано.

- Наслаждайтесь.

Ибал улыбнулся.

- Непременно.

Поль посмотрел в след уходящей паре, затем вновь взял бокал.

- Только не смотри туда сразу, - прошептал ему Маусглов, не размыкая губ, - но тот толстый мужчина, который шел впереди ее...

- Я что-то видел, - сказал Поль, поднимая бокал и одновременно ища глазами того человека. - Ну что этот мужчина?

- Я знаю его, - сказал Маусглов, - или знал его - чисто профессионально. Его имя Райл Мерсон.

Поль покачал головой.

- Это имя ни о чем мне не говорит.

- Говорили, что он - колдун. Двадцать лет назад он подбил меня украсть те семь статуэток твоего отца.

Поль почувствовал странное желание обернуться и повнимательнее разглядеть того огромного мужчину в золотых и серых одеждах. Но он сдержал себя.

- А он не намекал тебе, зачем они ему?

- Нет.

- Я думаю, что они в надежном безопасном месте - там, где и моя гитара, - сказал Поль.

Когда он обернулся, Райл Мерсон беседовал с высоким человеком в черной блестящей тунике, красных шароварах и высоких черных ботах. На голове у него был красный головной платок. Высокий незнакомец стоял спиной к ним, но немного позже он обернулся, их глаза на секунду встретились. В следующий момент оба мужчины медленно направились к выходу.

- А другой?

Маусглов покачал головой.

- Сначала мне показалось что-то знакомое в нем, но - я не знаю его имени и не помню, где встречался с ними раньше, если, конечно, вообще встречался.

- Интересно, это просто совпадение?

- Райл - колдун, а это сборище колдунов.

- А зачем он так долго торчал здесь?

- Возможно он просто ждал приятеля, - сказал Маусглов, - хотя мне тоже интересно, почему он не узнал меня.

- Прошло много времени, - ответил Поль.

- Да.

- Он мог запросто подойти и заговорить с тобой, если бы узнал.

- И то верно.

Маусглов осушил бокал.

- Закругляйся и пойдем отсюда, - произнес он.

- Хорошо.

Уже поздно, когда вечер перевалил за полночь, они вернулись в свои апартаменты. Исключительно по просьбе Маусглова он проделал серию заклинаний, расставив защитные оболочки и ловушки над их ложем, и, наконец, заснул с ножом под подушкой.

Часть IV

Довольно философских измышлений! Все! Я так решил! Все это бесплодные разглагольствования, я до сих пор ни в чем не уверен. Философ - это мертвый поэт и умирающий богослов - я нашел эту фразу в мозгу Поля. Не знаю, где выкопал ее Поль, но она довольно точно отражает мои чувства и настроения. Я устал от бесконечных раздумий. Настало время что-то предпринять.

Город у подножия Балкина показался мне лишенным собственно-го духа, но изрядно возбужденным искусственным путем. Рондовал тоже не был обойден магией - от весьма практических, утилитарных вещей и ложных чар до забытых оболочек, ждущих своего часа, и множества новых заклинаний и оборотней, которыми напичкал замок уже Поль. Но этот город был настоящим царством магии - оболочка на оболочке, тьма заклятий и чар, часть их связывала оболочки в единое целое, часть, наоборот, вызывала конфликты между ними, новые оболочки возникали сами по себе на месте старых, лишь только те начинали терять свою силу. Все заклятия и оболочки Рондовала я хорошо знал и с юмором относился к их нраву. Здесь сила магии была ключом, силы плясали вокруг меня в бешеном хороводе - некоторые были совсем не понятными, некоторые даже угрожающими - я не подозревал в себе такого, но в тот момент я был готов столкнуться с этой страшной подозрительной силищей. Это странное желание хотя и не способствовало развитию моего сознания, но, по крайней мере, усилило и укрепило мою бдительность. Кроме того я почувствовал мощный прилив энергии, благодаря тому, что постоянно находился среди магических воздействий высоких концентраций.

Первым признаком моего роста стала возможность задать вопрос, непосредственно касающийся моего статуса. Я обратился с ним к странному существу в столбе красного дыма, едва лишь вошел в город. Я наблюдал за ним, пока не прекратились его метаморфозы, а затем очень обрадовался, увидев, что он принял форму, подобную моей. Я помчался за удаляющимся собратом и адресовал ему свой вопрос.

- Кто ты? - спросил я.

- Мальчик на побегушках, - ответил он, - я был достаточно глуп, позволив узнать кос-кому свое имя.

- Я не понял.

- Я такой же демон, как и ты. Только я убиваю время. Посмейся надо мной. Но, может быть, когда-нибудь моя участь постигнет и тебя.

- Я опять ничего не понимаю.

- У меня нет времени тебе объяснять. Я должен натаскать с вершины горы массу льда, чтобы заполнить все эти ящики в кладовых. Мой проклятый хозяин - один из учредителей всего этого.

- Я помогу тебе, - сказал я, - если ты скажешь, что надо делать и ответишь на мои вопросы, пока мы таскаем лед.

- Тогда вперед, к пику.

Я последовал за ним. Достигнув средних слоев атмосферы, я вновь полюбопытствовал:

- Ты говоришь, я тоже демон?

- Я так думаю. Но я не могу объяснить многих вещей, почему у меня такое впечатление.

- Ну хоть что-нибудь, хоть одно.

- Ладно, самое элементарное - но ты задаешь очень глупые вопросы. Ты вызван, чтобы быть демоном.

Мы прибыли на вершину, и я научился добывать лед. Его метод основывался на простой вариации пределов поглощения, эту технику я обычно использую при работе с живыми организмами.

Когда мы неслись обратно к кладовым - как две огромные сверкающие алмазные башни - я снова спросил.

- Откуда мы взялись? Моя память не сохранила давнишний событий.

- Мы - порождение всемирной энергии, циркулирующей в различных формах. Самый простой способ, это когда могущественный колдун при помощи сверхсил призывает одного из нас для выполнения какого-нибудь специфического поручения - он очеловечивает нас, так обычно говорят. В процессе придания формы обычно нам даются имена, как правило, мы расщепляемся, выполнив поставленную задачу. Конечно, если какой-нибудь разгильдяй-маг - как мой окаянный хозяин - узнает твоё имя, он может вновь заставить тебя служить ему, и прощай свобода. Вот почему ты можешь легко обнаружить немало таких горемык, которые выполняют работу, не свойственную им. Хорошо хоть таких пустоголовых колдунов не так уж много - некоторые слишком ленивы, некоторые слишком заняты. Ох, вот если бы мой проклятый хозяин допустил хоть маленькую ошибку в магическом ритуале!

- Что тогда?

- Как что, в тот же момент я стану свободным, разорву этого сукина сына на части и уберусь восвоюси, надеясь, что он не оставил какого-нибудь магического документа с моим именем и не отдал его сопливному ученику. Для собственной безопасности, лучше почаще устраивать погромы в жилище проклятых хозяев, чтобы изъять подобную бумагу - лучше сжечь - затем пройтись по его ученикам, живущим неподалеку.

- Я запомню это, - сказал я, пока мы сбрасывали ледяные глыбы в ящики кладовых. Затем мы понеслись обратно.

- А что, у тебя не было подобных проблем? Ни разу?

- Нет, совсем не было.

- Невероятно. Возможно ты порожден какой-нибудь всеобщей катастрофой или бедствием. Такое иногда случается.

- Я не помню ничего подобного. Мне кажется, что я смутно помню какие-то битвы, сражения. Но это, пожалуй, совсем не то.

- Хм, много крови?

- Думаю, да. Ты думаешь со мной это тоже случалось?

- Не думаю, это ни о чем не говорит. Но это может помочь, если что-то еще прояснится.

- Я думаю, там была еще буря.

- Буря тоже поможет. Но даже этого недостаточно.

- Что же мне делать?

- Делать? Радуйся, что никто не знает твоего имени.

- Но даже я не знаю своего имени - если, конечно, оно у меня вообще есть.

Мы достигли вершины, подхватили очередную глыбу и полетели в обратный путь.

- Ты должен иметь имя. Все имеют имена. Так мне сказал один из старейших.

- Старейших?

- Ты действительно такой наивный, или притворяешься? Старейшие - это очень древние демоны, о которых люди забыли тысячелетия назад. К счастью для них, их имена тоже забыты, поэтому они свободны, их не беспокоят колдуны. Они обитают в глубоких гротах, на высоких вершинах, в сердцах вулканов, на дне океана. Послушать их, так ни один проклятый хозяин не угнетает тебя так, как окоянные маги прошлого. Хотя лично я не вижу никакой разницы. Правда я не знаю ни одного, которому довелось бы служить древним и современным колдунам. Старейшие очень мудры, они долго прожили и много знают. Один из них мог бы помочь тебе.

- Ты знаешь кого-нибудь из них?

- О, да! Во время одного из моих периодов свободы я слишком далеко углубился к центру земли, там в Главном Гроте Рокочущей Земли, где переливается и шипит кипящая магма - самое удивительное и прекрасное место! Оказаться бы там сейчас!

- Почему ты не вернешься?

- Ничто больше не радует меня. Кроме того меня держат заклинания проклятого хозяина. А у него нет привычки устраивать мне каникулы.

- Какая жалость.

- Конечно.

Мы влетели в кладовые и высыпали сверкающие глыбы в ящики.

- Спасибо, я закончил работу раньше положенного срока, - сказал демон, - а мой хозяин обычно не дает мне другого задания, пока не убедится, что предыдущая работа выполнена. Поэтому, у меня есть несколько минут полной свободы. Если хочешь, давай взлетим повыше, и я расскажу тебе, как добраться к Гротам Рокочущей Земли - хотя вход в них расположен на другом континенте.

- Покажи мне путь, - попросил я.

Он взмыл в высь, я последовал за ним.

Его объяснения были очень запутаны, но я немедленно двинулся в путь. Я мчался к северо-западу и проделал долгий путь, пока не достиг великих вод, достающих до самых звезд. Здесь по необъяснимым причинам я сник. Я знал, что должен пройти эти воды, но силы покинули меня. Я медленно побрел к северу вдоль береговой линии, ломая голову над собственной нерешительностью. Что же тянет меня назад?

Наконец, мне удалось обуздать свою противоречивую натуру. Я попытался оценить ситуацию с практической точки зрения. С этой позиции у меня не было причин для колебаний. Я перестал обращать внимание на странную вялость, охватившую меня. Подгоняя себя вперед, я не заметил узкой, покрытой галькой полосы берега и проскочил над бурлящей водой.

Я вновь ощутил приступ нерешительности, хотя продолжал бороться с собой, стремясь преодолеть невидимый барьер, сдерживающий меня.

Вдруг я услышал голос, смешанный с шумом волн.

- Бел..., по..., - говорил он, - бел..., по...

Я слушал, страх потихоньку охватывал меня.

- Бел..., по..., - повторял голос.

- Бел..., по..., бел..., по..., бел..., по..., - твердил он вновь и вновь.

Я вдруг ощутил, что какая-то часть моего рассудка немедленно уловила тайный смысл, скрываемый нелепостью слов. Я уже понял, что они означали мой окончательный отказ от поисков.

Я собрал последние остатки воли против несведомой мне преграды.

- Почему? - вопрошал я бушующие волны и небеса, - Почему? Что вы хотите от меня.

На секунду воцарилось полное молчание, затем забубнил с новой силой.

- Бел..., по..., бел..., по..., бел..., по...

Поражение горечью разлилось во мне, когда и понял, что эти бессмысленные слова стали единственным ответом на мои вопросы.

Я развернулся и ринулся на юг, дав себе слово, поискать ответы в другом месте. Зловещая неопределенность слов стала отдаляться от меня. Мои мысли пришли в движение, постепенно образ Поля Детсона вытеснил все остальные из моего разума.

Лишь достигнув сияющего Балкина и города-сказки, я помчался к жилищу Поля. Теперь мне не нужно было уговаривать себя, я летел без всяких усилий. Я не мог ни о чем говорить, кроме как о той силе неразрывно связавшей нас.

Исследуя сигнально-защитные оболочки, которые он расставил, я услышал его слабый стон. Я вторгся в его сон и увидел, что он прошел в массивную дверь и оказался в месте, которое одновременно доставляло наслаждение и отталкивало его. Я никогда раньше не вмешивался в его дела. Но я вспомнил, что безымянный волшебник, оторвавший его от этого сна, казалось принес ему облегчение, будто освободил от чего-то. Поэтому я тоже заставил его проснуться.

Он долгое время лежал, чем-то очень встревоженный, затем сон увел его в более миролюбивое место. Я решил разыскать демона, с которым познакомился, и поучиться у него еще чему-нибудь.

Я облетел все апартаменты его злополучного хозяина, но его не было ни там, ни поблизости. Тогда я стал внимательно приглядываться и обнаружил едва приметный блестящий след, подобно тому, какой тянулся за нами в ходе ледовых экспедиций. Я бросился по нему, боясь, что он исчезнет.

Долгое время я летел по воздуху, стараясь двигаться как можно быстрее. Путь оказался неблизким, но светящаяся ниточка говорила, что я лечу в правильном направлении.

Позади остались долгие льсы на юго-запад, наконец, след, описав дугу, стал снижаться к городу, раскинувшемуся на берегу реки. След обрывался у дома, из которого доносился странный шум и какая-то возня. Я вошел внутрь и увидел, что все было густо забрызгано кровью - стены, полы, даже потолок. Мой приятель держал какого-то мужчину с вывернутыми конечностями. Голова мужчины была размозжена, от камина до окна протянулся ужасный след из крови, мозгов и раскошенных костей.

- Приветствую! Ты так скоро вернулся! Или я что-нибудь тебе не так рассказал? Ты что же, не нашел?

- Нет, но какая-то неведомая сила не дала мне покинуть континент.

- Странно.

Тело человека пролетело по комнате и шмякнулось о противоположную стену.

- Хочешь скажу, что я об этом думаю?

- Что? - спросил я.

- Я думаю, ты находишься под оболочкой заклятий, о которой ты сам не знаешь - она удерживает тебя совершенно особым способом для какой-то очень специфической цели.

- Я не знаю, чтобы это могло быть.

- Подай мне, пожалуйста, пригоршню с внутренностями, хорошо? Их нужно связать и повесить.

- Ладно.

- Так я думаю, ты должен отыскать, в чем загвоздка и уничтожить ее; возможно, хозяин, наложивший на тебя заклятье, умер или сошел с ума. В обоих случаях тебе крупно повезло. Когда ты исполнишь свою задачу, ты будешь свободным.

- Но как я узнаю, что должен сделать?

- Полагаю, мне придется наставлять тебя и в дальнейшем. Ладно, поскольку я считаю, что ты мне друг, я скажу тебе кое-что сверхсекретное - свое имя. Галлеран.

- Красивое имя, - произнес я.

- Оно означает больше, чем просто слово. Оно слагает энергии в единое целое, оно сублимирует меня, когда понимаешь и знаешь его значение.

Наконец, мы связали все внутренности, и Галлеран принялся расчленять тело, затем протянул мне руку и ногу.

- Сделай с этими что-нибудь художественное.

Я повесил одну над камином, а вторую пристроил в громадном чайнике.

- Так как я знаю собственное имя, я знаю все, что известно обо мне, - сказал Галлеран, - ты тоже начнешь все понимать. Сейчас, первое, что ты должен сделать, выяснить свое имя. Когда ты узнаешь его, ты сразу будешь знать о той цели, ради которой ты вызван.

- Правда?

- Обычно они связаны.

Галлеран установил голову на каминной доске.

- Как я отыщу свое имя? - спросил я.

- Ты должен исследовать свою память - возможно, сотни, тысячи раз. Оно там. Когда ты обнаружишь хоть одну наметку, ты узнаешь его. А узнав собственное имя, ты познаешь себя. Тогда можешь действовать.

- Я попробую, - согласился я.

Галлеран продолжал разбрасывать по комнате тлеющие угольки.

- Поможешь мне раздуть угли, хорошо? Всегда лучше поджигать и скрывать следы сделанной работы.

- Конечно.

Когда пламя занялось, я спросил:

- Зачем твоему проклятому хозяину убивать этого человека?

- Один из них одолжил другому денег, и, наверное, не хотел отдавать долг. Только я забыл который.

- Ой!

Мы подождали пока не вспыхнул настоящий пожар. Затем вместе с дымом взмыли в ночное небо и полетели обратно к Балкину.

- Стасибо за все, чему ты меня научил сегодня, - сказал я, спустя некоторое время, - Галлеран.

- Я рад помочь тебе. Должен признать, что ты возбуждаешь мое любопытство - и очень сильно, правда. Расскажешь мне свою историю, когда узнаешь все до конца.

- Да, - ответил я, - конечно же.

Галлеран вернулся в апартаменты проклятого хозяина доложить о выполнении задания. Я поднялся в высь, направляясь к восточной стороне вершины Балкина. Еще раньше, таская лед, я заметил там кратер, ведущий к центру горы. Оттуда слышалось странное жужжание и весело перемигивали огоньки. Это вызвало мой интерес еще тогда, и теперь я намеревался исследовать неведомый феномен. Никто не знает, где может обитать его имя.

Часть V

... Поль скользнул в Ворота и вновь оказался в загадочной стране. Двигаясь быстрее, чем раньше, он стал свидетелем новой охоты, превращения и погони. Теперь зрелище веселило его. Однако во второй части победа завершилась людоедством и твари помчались на поиски новой жертвы. Поль ощутил какую-то непреодолимую тягу, которая потащила его прочь от подобных зрелищ, звала и гнала его вглубь пустынной земли. Казалось он шел дни, недели; его бестелесная, прозрачная оболочка углублялась все дальше и дальше в безжизненное пространство исковерканной земли. Наконец он вышел к высокой гряде полуразрушенных гор, тянувшихся от горизонта к горизонту. Три раза он пытался одолеть их и трижды откатывался вниз, на четвертый раз сильный порыв ветра подхватил его и перебросил в узкое ущелье на другой стороне гряды. Он очутился рядом с городом, раскинувшимся на террасах склона. Этот склон был значительно положе того, что пытался преодолеть Поль.

Горный склон, приютивший город, терялся в глубинах древнего бездыханного моря. Оглядываясь кругом, он заметил контуры зданий недалеко от морского берега и движущиеся силуэты существ, обитающих в этой местности. Сквозь дымку ночного тумана он разглядел других существ, расположившихся на верхних террасах. Серые, с уродливыми длинными конечностями, эти великаны - людоеды были немного меньше своих собратьев по ту сторону хребта. Попадались и человекообразные существа, свободно разгуливающие среди чудовищ.

... Он медленно спускался, двигаясь по крутому краю хребта. Взор его был устремлен вниз, на копошащиеся у подножия фигуры. Чудовища потихоньку собирались около сооружения. Их там кишело уже довольно много. Спустя какое-то время, они разожгли костер. Затем они приволокли к кострищу несколько связанных людей, разорвали их на части и сожгли. Зловонный дым и запах паленого мяса заполнил пространство. Вдыхая его, он почувствовал волну наслаждения, разливающуюся по телу.

Наконец он расправил крылья и скользнул вниз, где его ожидало все сборище. Они приняли его с должным почтением и заиграли в его честь на странных инструментах, издающих вопящие, бренчащие и хлопающие звуки. Он гордо вышагивал среди них, выбирая случайную жертву, которую тут же раздирал на части с помощью мощного клюва и когтей. Чтобы он не делал, все взирали на него с умилением и восторгом. Позднее появился некто медного оттенка, рассматривающий бледные, тлеющие камни. Он приближался, держа железный трезубец, увенчанный черным от сажи факелом.

Он последовал за светом и тем, кто его нес в черный проем одного из зданий - однобокого металлического сооружения с наклонными стенами и кривыми полами. Помещение было лишено окон. Везде царила сырость и уныние. В воздухе витал металлический запах. В холодной стальной глубине помещения на высоком мраморном ложе лежала женщина. В ногах и голове женщины горели свечи. Головной венок и гирлянда из ярких красных лепестков слегка побурели. Ее мягкие, словно воск, желтые волосы по краям были белыми. Губы женщины, соски ее груди, почти были выкрашены голубым. Издав высокий дребезжащий звук, он проскочил ступеньки, взлетел на ложе и оседлал тело женщины. Загребая ее когтями, он пару раз клонул ее, затем запел брачную песню. Укрыв женское тело крыльями, он начал медленные ритмичные движения... Тот, кто нес трезубец, принялся ударять им об пол в такт движениям. Пламя заиграло на стенах, отрывающихся на удары гулким, словно плачущим, эхом.

Прошло довольно много времени, наконец, женщина открыла прозрачные глаза, она бессмысленно водила ими по сторонам, не в силах сосредоточиться. Затем она застыла в оцепенении. Проходили долгие минуты, она не двигалась. Вдруг взрыв хохота потряс зал. Женщина смеялась.

Как по команде вперед вышли трое, остальные начали медленно собираться, вылезая из глубин, спускаясь с высот. Бренчащие, вьющие, хлопающие звуки в чудовищной какофонии заполнили помещение. Ровный звенящий звук вырвался из груди собирающихся вместе чудовищ, на мгновение он заглушил бешенную музыку. Затем началась медленная процессия, ее возглавлял несущий огонь, который последовательно обходил многоуровневый город, уходящий в глубины моря. Ход остановился в красных палатах, море вторило ходу сменой цветов. Водная гладь шесть раз меняла оттенки на протяжении церемонии движения. Огромные красно-коричневые черви выплыли из глубин и подплыли ближе, стараясь присоединиться к процессии - лишенные глаз, они кружились и вертелись как волчки - все пространство закишело, охваченное колыханием, горизонты зловеще задвигались. Призывный звон гонга заполнил шевелящееся пространство.

Небо помрачнело и налилось свинцовой чернотой в тот день, когда родилась его дочь. Наская металась, корчилась, кричала, затем замерла, такая же холодная и неподвижная как само мраморное ложе. Горы содрогнулись от раската грома и заплакали красным дождем. Красные потоки хлынули по террасам в рокошущее море. Дитя было наречено именем Найалис. Забились в истерике мелкие барабаны и тамтамы, запикали костянные флейты. Она гордо расправила крылья и, взмыв в высь, пролетела над миром. Небо встретило ее звуками фанфар и переливом желтых огней. Она будет править ими три тысячи лет.

Он взлетел на высочайший пик черной гряды и обратился в камень. Там его ждала Токне, Змея Мертвых Вод, которая вместе боро-

лась с ним за земли Кода. Люди совершали сюда паломничества. Най-алис самолично принесла ему жертву. Продромоли, Отец Вечности, Открывающий Светлый Путь и Бессмертие, так прозвали его в молитвах и вечных балладах. Во имя вечной славы его и покоя люди омыли его кровью и вином, щедро усыпали пряностями.

... Он почувствовал прилив сил, запел, и взмыл в высь между горами. Земли мертвых ответили ему гулким эхом и вздыбились под ним. Словно на крыльях ветра летел он сквозь ночной мрак к божественному сиянию.

Поль проснулся бодрым и энергичным. Он открыл глаза и посмотрел в окно, сквозь которое пробивался утренний свет и блеск встающего солнца. Глубоко вздохнув, он напряг мускулы, затем расслабился. Чашка горячего кофе оказалась выше всяких похвал, понимая, что на сей раз вкус не был обманом. По крайней мере еще не был. Он вспомнил, что должен сделать. Из небытия как бы выплыл список обязательных мероприятий. Значит так...

Он вспомнил о сне и о том удовольствии, какое ему доставило ночное путешествие. Он вспомнил и о других подобных снах, те сны - он только сейчас сообразил - являлись ему каждую ночь с тех пор, как неизвестный волшебник изменил его внешность. Но, в противоположность другим, эти ночные грезы не были тревожными и зловещими, они были увлекательными и приятными, несмотря на некоторую гротесковость.

Он поднялся. Предстояло много дел: посетить место отдохновения, душ; умыться, одеться, замаскировать седую прядь при помощи красящей жидкости, которую он купил еще вчера по дороге домой. Занимаясь собой, он услышал возню Маусглова. Он помог ему освободиться от пут заклинаний и подождал, пока он соберется. Затем они заглянули в апартаменты Ибала, но слуга передал, что хозяин не велел беспокоить.

- Тогда давай прогуляемся и позавтракаем, - предложил Маусглов.

Поль согласно кивнул и они направились к той вчерашней улочке с кафе и ресторанчиками. В утреннем небе исчезали последние бледные звезды. За время трапезы солнце встало достаточно высоко, на блестящих некогда стенах явно проступили грязные жирные пятна и следы увядания.

- Спал хорошо?

- Да. А ты?

Поль кивнул.

- Но...

Маусглов показал глазами влево. Поль отклонился на стуле и повернул голову в указанном направлении.

Человек, приближающийся к ним, был одет в те же красно-черные одежды, как и вчера вечером. Он смотрел прямо на них.

Поль наклонился вперед и взялся за кружку с чаем.

- Ты все еще не узнаешь его ...? - спросил он.

Маусглов покачал головой.

- По-моему, он направляется прямо к нам, - произнес Маусглов, не разжимая губ.

Поль сделал маленький глоток и прислушался к шагам. У человека была слишком мягкая обувь, поэтому он был почти у него за спиной, когда он уловил шорох. Почти сразу он услышал голос.

- Доброе утро, - сказал он, вставая на виду у обоих мужчин, - вы один из сопровождения Ибала, по имени Одержимый Магией?

Поль поставил кружку и поднял глаза.

- Я.

- Очень хорошо, - мужчина улыбнулся, - меня зовут Ларик. Я назначен для сопровождения кандидатов в посвящение к западному входу Балкина сегодня вечером. Кроме того, я буду вашим гидом в горах и пещерах.

- Посвящение состоится сегодня ночью? Я думал оно состоится под конец праздника.

- Обычно все так и происходит, - ответил Ларик, - но все произошло так быстро. Лишь вчера ночью я узнал о своем назначении на этот пост и о том, что посвящению благоприятствует расположение планет - возможно позднее не будет такой поддержки планет.

- Хотите чаю?

Ларик стал отказываться, но его глаза натолкнулись на кубок с напитком.

- Да, очень хочется пить, спасибо.

Он пододвинул к столу еще один стул, а Поль заказал напиток для гостя.

- Мой друг, Маусглов, - представил Поль.

Мужчины встали и пожали друг другу руки.

- Очень рад.

- Взаимно.

Ларик достал пергамент и ручку.

- Между прочим, Одержимый Магией - это ведь не настоящее имя. Я составляю список. Скажи свое подлинное имя.

По привычке ум Поля скользнул в далекое прошлое.

- Дан, - сказал он, - сын Чейна.
- Дан Чейнсон, - повторил Ларик, записывая, - ты будешь четвертым в моем списке. Кроме тебя еще шесть кандидатов.
- Я думаю перенос даты посвящения их очень удивит.
- Я тоже опасаюсь этого. Поэтому приходится спешно отыскивать всех.

Принесли чай, и Поль налил гостю.

- Мы встречаемся в Арке Голубой Птицы, - сказал Ларик, показывая направление. - Это одна из красивейших арок к западу. А отсюда и к югу.

Поль кивнул.

- Я найду. Когда состоится встреча?

- Я думаю, мы сможем собраться к полудню, - ответил он, - но могут случиться совсем непредсказуемые вещи. Поэтому, давайте так, что-нибудь вечером, по середине между полднем и закатом.

- Отлично. Нужно что-нибудь взять с собой?

Ларик на секунду задумался.

- Как вы готовились к этому? - спросил он.

Поль обеспокоился, виден ли румянец, обжегший его щеки под магической смуглой маской и шрамом.

- Все зависит от того, что понимать под подготовкой, - ответил Поль. - Я получил кое-какие инструкции и объяснения по поводу метафизической природы вещей, но я больше рассчитываю на то, что удалось узнать прямо здесь - это практическая сторона дела.

- Тогда ты - как и гласит твое прозвище - не был учеником мастера, в нормальном обычном смысле.

- Нет, не был. Почти все мои знания основаны на собственных способностях. Теорию и практику я постигал самостоятельно.

Ларик улыбнулся.

- Понятно, другими словами, твоя подготовка настолько мала, насколько вообще может иметь человек, чтобы называть все это подготовкой.

- Примерно так.

Ларик взялся за чашку и сделал глоток.

- Существует некоторый риск, даже для хорошо подготовленных, - сказал он.

- Я знаю об этом.

- Ладно, это твое решение; у меня еще будет время пройти по вещам, пока мы будем подниматься в горы и ждать захода солнца перед входом. Что касается твоего первого вопроса - ничего не нужно брать, кроме одежды, которую ты оденешь, маленькой буханки хлеба и фляги

с водой! Возможно ты проголодаешься, ожидая начала ритуала, или во время подъема в горы. Я бы посоветовал тебе сохранить все это до конца путешествия, подъем в горы может закончиться далеко за полночь.

Ларик допил чай и встал.

- Ну ладно, мне нужно отыскать остальных претендентов, - сказал он. - Спасибо за чай.

Увидимся в Арке Голубой Птицы.

- Минуточку, - сказал Маусглов.

- Да?

- В каком месте горы вы появитесь утром?

- Мы выйдем из пещеры, расположенной у подножия с восточной стороны - это вот здесь. Но отсюда ее не видно. А если хотите, пойдемте со мной, я собираюсь подняться вверх. На верхней террасе я покажу вам то место.

- Да, я иду.

Маусглов встал, Поль тоже.

Вокруг них кружили блеклые бабочки, когда они поднимались по ступеням. Поль положил руку на перила. Он почувствовал скорее шершавость дерева, нежели холод камня. Огромные самоцветы, вставленные в стены, утратили свой блеск и помутнели в свете яркого дня. Но они все еще хранили следы былой красоты. Поль невольно улыбнулся.

Они взобрались на возвышенность и Ларик указал на точку у подножия горы.

- Да, это там, - сказал он, - около подножия - вот та треугольная темная область. Вы сможете увидеть ее, если внимательно приглядитесь.

- Я вижу, - сказал Маусглов.

- Да, - произнес Поль.

- Очень хорошо. Тогда я могу идти. Увидимся позже.

Они молча следили, как он удалялся в сторону зданий, расположенных к югу.

- Я буду ждать тебя здесь все утро, - сказал Маусглов, - пожалуйста, никому не верь там, внутри.

- Почему?

- У меня такое впечатление, что Одержимых Магией здесь презирают, особенно те, кто прошел настоящую практику у учителей. Я не знаю насколько сильно это чувство, но я даю девять из десяти, что они все такие. Я вряд ли бы встал к ним спиной в темном коридоре.

- Жди меня здесь. Я не дам им возможности уязвить меня.

- Может еще раз заглянем к Ибалу, возможно теперь он нас примет.

- Хорошая мысль.

Но Ибал до сих пор не принимал. Поль оставил записку, что расписание изменилось, и он уходит сегодня вечером. Затем он вернулся к себе в комнату, лег на кровать, чтобы расслабиться и начать медитацию. Он думал о своей жизни - теперь он знал всю историю от начала до конца. Это была история сына злого могущественного волшебника; сама жизнь сохранила магическое наследство, скрыв его до поры до времени, пока он жил в мире, совершенно лишенном волшебства. Он вспомнил день своего возвращения, его горькие впечатления от нового мира, разоблачившего и отвергнувшего его из-за родимого пятна в форме дракона. Он вспомнил свое бегство, полет, свои открытия фамильных тайн Рондовала - его индивидуальность, его могущество, неведомую ранее силу, его власть над дикими чудовищами, спящими в подземелье. Он заново пережил конфликт со своим сводным братом, талантливым Марком Мараксоном, возродившим в центре гор Анвила центр высокоразвитой техники и мощных технологий. Он вновь пережил короткий, явно обреченный на гибель, роман с деревенской девушкой Норой, которая так и не сумела остановить влюбленного в нее Марка. А теперь...

Семь. Семь статуэток, странным образом изменившие его жизнь, которые, казалось, возродили его из мертвых, внесли ясность в его взбунтовавшиеся мысли и чувства. Он до сих пор ничего не знал об их настоящих свойствах, целях, смысле. Он чувствовал, что не сможет до конца познать свои способности, не найдя с ними общего языка. Затем это покушение на его жизнь и ночное появление безымянного волшебника, который, казалось, знал ответы на все вопросы, но так и затруднил себя объяснениями...

Лишь только одного не коснулась его мысль. Это было сугубо личное - его сны. Скоро он уснул и вновь погрузился в знакомые грезы...

Он взял буханку и флягу с водой к Арке Голубой Птицы. Маусглов сопровождал его. Ларик и шестеро других были уже там. Уходящее солнце тонуло в дымке западных облаков. Остальные кандидаты были довольно молоды и изрядно нервничали; Поль сразу же позабыл их имена - за исключением Нарфа, с которым он познакомился раньше.

Пока они поджидали опаздывающих, небо стало еще темнее. От нечего делать Поль лениво перешел на внутреннее зрение. Оглядывая город, вновь ставший блестящим и притягательным, он увидел бледно-голубой искрящийся конус или пирамиду прямо в центре города. Этого нельзя было видеть обычным зрением. Продолжая наблюдать за странным конусом, он попытался увеличить и приблизить его. Но

ничего не вышло. Его зрение приобрело свою обычность и загадочное видение исчезло.

Обойдя кандидатов в посвящение, он подошел к Ларику, который застыл, уставившись в облака.

- Ларик?

- Что случилось?

- Так, просто интересно. Ты не знаешь, что это за огромный конус весь из переливающегося голубого света там, в центре города?

Ларик повернулся и недоуменно посмотрел на него, затем воскликнул:

- О! Это для вашего же блага. И это еще раз напоминает мне, что уже довольно поздно и следует начинать. Где же их черти носят?

Он стал нетерпеливо оглядываться по сторонам, затем замер, как будто увидев что-то.

- Вот и они! Наконец-то! - почти крикнул он, заметив три приближающиеся фигуры.

Он вновь повернулся к Полку.

- Тот конус, который ты усмотрел, это единение сил целого круга волшебников, - объяснил он, - к тому моменту как мы войдем в Балкин, единая энергия достигнет горы и наполнит ее. Эта энергия настроит все десять станций на энергию космоса. По мере того, как вы будете продвигаться от станции к станции, от одного символического изображения ваших светил к другому, энергия наполнит и вас, а посредством этих энергий и сил вы обретете новое обличие, преломите все новшества применительно к себе, "пропустите их сквозь свое я", обретая новые качества в новом уровне, и настройте сами себя.

- Понятно.

- Я совсем не уверен в этом, Дан. Остальные девять претендентов прошли хорошую школу, они развивали свои способности тщательно, не нарушая естественных законов развития. Для них сегодняшнее испытание будет подобно усилению с незначительным дисбалансом. Что касается тебя - все может пойти непредсказуемо. Посвящение может оказаться очень болезненным, изматывающим, граничащим с помешательством, даже со смертью. Я говорю это не для того, чтобы отговорить тебя или запугать, я лишь подготавливаю тебя. Старайся не допускать ничего такого, что может вызвать чрезмерный стресс.

Ларик поджал губы и отвернулся.

- Откуда, откуда ты приехал?

- Издалека. Я думаю, ты даже не слышал об этой стране.

- Что ты там делал?

- Много кое-чего. Я полагаю, что очень приуспел как музыкант.

- Нет, я о магии?

- О ней там ничего не знают.

- А ты? Как ты попал сюда? Как вообще стал Одержимым Магией?

В это мгновение Поль почувствовал сильное желание рассказать Ларику свою историю. Но осторожность сделала свое дело и подавила стремление Поля.

- О! Это очень длинная история, - сказал он, глядя через плечо Ларика, - но вот остальные трое.

Ларик посмотрел в указанном направлении.

- Полагаю, обнаружив необычные способности, ты провел много интересных экспериментов? - спросил он, суетливо оглядывая собравшихся.

- Да, слишком много, - ответил Поль, - могла бы получиться целая книга.

- Есть такие, которые отложились в твоей памяти, как наиболее значительные?

- Нет.

- Думаю, ты просто не любишь об этом говорить. Ладно. Ты не обязан отчитываться передо мной. Но если ты захочешь ответить, мне очень интересно лишь одно.

- Что?

- Белые маги при случае используют то, что известно как черная магия, и наоборот. Мы знаем, что это почти одно и то же, но есть оттенки, по которым их различают - это собственные наклонности, которые проявляет маг, находясь в одиночестве; иначе это можно назвать стилем поведения. Какой стиль ближе лично тебе?

- Я использую все, что считаю нужным, - произнес Поль, - хотелось бы думать, что мои умыслы относительно чисты, но многие стремятся обелить себя в собственных глазах. Тем не менее, я думаю, что в большинстве поступаю корректно.

Ларик засмеялся, качая головой.

- Хотелось бы подольше побеседовать с тобой, я чувствую за твоими словами яркую индивидуальность. Тебе доводилось использовать силы магии против другого человека?

- Да.

- И что с ним стало?

- Он мертв.

- Он тоже был колдуном?

- Не совсем.

- Что значит "не совсем"? Разве такое может быть. Человек либо колдун, либо нет.

- Это был совершенно особый случай.

Ларик задумчиво посмотрел на него, затем опять рассмеялся.

- Тогда ты - черный маг.

- Ну это ты сказал, не я.

Три оставшиеся кандидата наконец подошли к ожидающей их группе и были представлены. Ларик внимательно оглядел их.

- Вы опоздали. Из-за вас опаздываем все мы. Мы немедленно отправляемся в путь, будем идти туда, пока не выйдем за пределы города. Пройдем еще немного по этой тропинке, затем начнется подъем в горы. Я до сих пор не знаю сколько - если, конечно, они будут - привалов мы сделаем во время пути. Все будет зависеть от скорости вашего передвижения и времени, которым мы будем располагать.

Он указал на груды белой одежды.

- Каждый должен взять с собой одну из этих мантий. Вы оденете их непосредственно перед входом.

Он повернулся и первым двинулся в арку. Маусглов подошел к Полю.

- Я буду ждать тебя у выхода, утром, - сказал он, - удачи тебе!

- Спасибо.

Поль заспешил за остальными. Оглянувшись, он увидел, что Маусглов уже ушел. Он догнал Ларика, следуя на шаг позади него.

- Просто любопытно, - сказал он, - зачем столько старался, чтобы доказать, что я склонен к черной магии.

- Мне все равно, - ответил другой, - здесь встречаются любые маги и все очень переплелось.

- Ты ошибаешься. По крайней мере, я с тобой не согласен.

- Это неважно.

Поль пожал плечами.

- Думай как хочешь.

Он замедлил шаг и смешался с группой претендентов. К нему подошел Нарф.

- Все так удивительно, правда? - начал ученик.

- Что ты имеешь в виду?

- Внезапность и скоропалительность начала. Ибал даже не знает, что я уже в пути. Он все еще..., - он замолчал и хмыкнул, - занят.

- По крайней мере, он успел внести мое имя в список кандидатов, прежде чем заняться более важными делами.

- Ну, положим, не совсем бескорыстно, - ответил Нарф, - я немного завидую тебе, тому, что ты обретишь в ходе посвящения.

- Как это?

- Разве ты не знаешь?

Поль покачал головой.

- Одержимые Магией, особенно те, что прошли посвящение, - объяснил Нарф, - почти все без исключения становятся наиболее могущественными колдунами. Самыми сильными и влиятельными. Конечно, их не так много. Именно поэтому Ибал хотел бы, чтобы ты запомнил его, остался признательным и благодарным.

- Будь я проклят! - в сердцах сказал Поль.

- Ты действительно ничего не знал?

- Абсолютно ничего. Послушай, это что-нибудь значит? Меня очень удивило стремление Ларика выяснить черный я или белый.

Нарф рассмеялся.

- Полагаю, ему ненавистна сама мысль, что противоположная сторона получит достойное пополнение.

- Ты что имеешь в виду?

- О! Я не так много знаю о нем, но ходят сплетни, что Ларик такой лилейно-белый, что все свободное время ненавидит противоположный лагерь. Полагают, что он большой мастер своего рода - в сугубо технических аспектах.

- Я уже устал от неверных суждений, - произнес Поль, - кажется, это будет преследовать меня всю жизнь.

- Лучше со всем примириться.

- Я не думаю, что посвящение пройдет не по плану.

- Нет, я уверен, что он все хорошо подготовил. Белье, как правило, очень аккуратны и дотошны.

Поль улыбнулся в ответ. Он настроил свое внутреннее зрение и оглянулся на силовой конус. Пирамида заметно подросла. Он отвернулся и зашагал к облакам, окутавшим гору. Балкин был окружен таинственным сиянием. Он молча ожидал их.

Часть VI

Поль сидел на широкой плите около входа в пещеру на западном склоне горы. Он прикончил хлеб и допил оставшуюся воду. Последние солнечные блики тонули в бездонной тьме ночи. Они поднялись почти на три четверти и сделали лишь один короткий привал за время пути. Ноги Поля слегка дрожали и ныли. Он представил как болят стертые ноги у других кандидатов.

Небо юго-запада окрасилось яркими всполохами. Пронизывающий ветер, сопровождавший их во время подъема, взывал в сильном порыве и просвистел над головой. Поль напряг внутреннее зрение и поразился, весь Балкин был охвачен голубым сиянием. Он хотел было сказать об этом Нарфу, но Ларик поднялся и откашлялся.

- Теперь все. Наденьте мантии поверх одежды и постройтесь у входа, - сказал он, - здесь совсем недалеко идти до первой станции. Я покажу дорогу. По дороге не разговаривать и вообще никаких разговоров, пока вас не попросят отвечать на вопросы.

Они развязали узел с белыми одеждами и начали одевать мантии.

- ...Любые видения или превращения, которые вы увидите - вместе с изменениями в сознании - все это лишь иллюзии, не принимайте их на веру и не поддавайтесь их влиянию. Любые превращения с вами кончатся к концу ночи.

Они выстроились в шеренгу за ним.

- У вас есть последняя возможность, чтобы задать последние вопросы.

Вопросов не было.

- Очень хорошо.

Ларик осторожно двинулся в глубь пещеры. Поль шел в середине цепочки претендентов. Его зрение приобрело обычный ракурс. Голубое свечение немного ослабело, но не исчезало. Узкая пещера с высокими сводами, в которую они вошли, пульсировала как и наружные склоны горы; ее стены изливали вполне достаточное, а иногда и сверх-достаточное, количество света, облегчая их путь. По мере продвижения в глубь, сияние и переливы света усилились. Стены и своды пещеры сверкали яркими огнями и тонули в них, исчезая из вида. Казалось, что они шли вдоль сказочной, залитой сиянием, авеню, соединяющей рай и ад. Все выглядело загадочным и нереальным.

До них долетел отдаленный грохот грозового раската, когда они свернули влево, затем их путь повернул на право, и начался медленный подъем. Подъем становился все круче. Временами попадались

места с некоторым подобием ступенек. Лишь истертость пола свидетельствовала о том, что все это сделано руками человека.

Новый поворот, крутизна подъема все нарастала. Внезапно его руки нащупали тяжелые путеводные веревки. Сначала претенденты с отвращением держались за них. Перемещение рук по веревке было равносильно хватанию за прыгающее пламя, однако, пройдя еще не много, у них не осталось иного выхода. Помещение не было влажным; но Поль почувствовал как вспотели его ладони, потом уловил слабую пульсацию родимого пятна. Чем выше они поднимались, тем влажнее становился воздух. Поль отчетливо слышал тяжелое дыхание своих товарищей, которые едва поспевали за Лариком.

Внезапно они вышли в грот. Здесь веревки-перила обрывались. Пол площадки, где они остановились, был почти ровным. Перед ними раскинулся огромный круглый бассейн, заполненный кипящим белым светом, будто подсветка шла откуда-то снизу. Над ним, словно сосульки на солнце, переливались и сверкали сталактиты. Лишь узкий краешек окаймлял эту сверкающую емкость, наполненную неподвижной жидкостью. Ларик указал им на кромку. Они осторожно разбрались по кругу, повернувшись спинами к стенам. Поль почувствовал шершавость и холод камня. Спустя несколько минут, Ларик начал им петь. Он предлагал им остановиться или пройти дальше, пока все они не распределились согласно плану, известному только ему. Затем он выдвинулся на кромку длинной отмели, откуда он продолжал руководить ими, и посмотрел вниз, на излучающую сияние воду. Кандидаты последовали его примеру.

Сначала свет ослепил Поля, затем его глаза привыкли к ослепительному блеску и стали отражать зеркальные блики. Неровности сводов крыши предстали перед ним сказочным, фантастическим ландшафтом. Внезапно он увидел в отражении свои собственные глаза и осторожно заглянул в них. С зеркальной глади на него смотрел незнакомец - он забыл о своей маскировке - со смуглым, почти коричневым лицом и уродливым шрамом на левой щеке.

Внезапно его отражение растаяло, вместо него появился настоящий образ его лица - худощавое, с тонкими губами, высоким лбом - белая прядь разделила его черные локоны на двое. Он попытался поднять руку и дотронуться до лица. Он хотел убедиться, что эта странная навязчивая летаргия, полная неясных, тусклых образов, происходит лишь в голове. Его рука лишь слабо дернулась, Поль утратил всякую волю и не делал больше попыток пошевелиться. В его мозг ворвался голос, произносящий слова, которые он недавно заучивал. Это был Ларик, когда он закончил речь, эти слова должны быть повторены первым кандидатом, стоящим на дальней стороне бассейна. Слова эхом отражались от стен и, словно молот, колотили у него в голове. Его ноздри защекотал слабый, едва уловимый, сладкий запах. Следующий кандидат принял эстафету и начал повторять те же слова. Где-то

в самой глубине мозга Поля шевельнулась мысль, что когда придет его очередь, он тоже будет должен произнести эти слова. Ему показалось, что кто-то внутри его уже говорит их. Он ощутил себя вне пространства и времени. Время остановилось, все исчезло, растворилось, кроме яркого света и отражения. Слова клятвы колоколом звучали в его мозгу, пробуждая глубинные струны его "я", прокатываясь по самым дальним закоулкам его сознания. Он увидел как улыбнулось, затем рассмеелось его отражение. Хотя на своем лице он не почувствовал никакого движения. Он снова взгляделся в воду, теперь изображение зарябило и раздвоилось. Будто бы он вдруг обрел две головы - одна продолжала смеяться и дразнить его, другая, наоборот, имела хмурый, удручающе печальный вид. Оба лика медленно развернулись и посмотрели друг на друга. Его раздирали странные чувства. Он не мог сказать, как долго продолжалась в нем борьба эмоций, так как неотрывно следил за теми двумя, которые были разными прототипами одного. В его мозгу слабо шевельнулась мысль о помешательстве, затем появилось неясное чувство полной бессмыслицы.

Наконец до него дошло, что он говорит. Очередь подошла к нему и он начал свою партию по кругу, даже не осознав этого. Слова клокотали и вибрировали в нем, а все окружающее казалось причудливо изменившимся, оно как бы отдалилось от него. Свет под его ногами засиял еще ярче. Бесчисленные отражения, заполнявшие бассейн, вдруг искривились и сами собой начали сворачиваться. Два его лика слились воедино, обрели серьезность его собственного лица. Внутри него появилось чувство оживления, оно разрослось; народившаяся веселость постепенно стала вытеснять прежнее чувство неправильности и бессмыслицы. Когда он произносил заключительные слова, ему показалось, что его голова заполнена светом.

Очередь перешла к фигуре слева от него, которая начала речитатив. Поль полностью потерял чувство собственного "я", так же как и чувство времени и места, и теперь просто качался на волнах звука и света, ощущая, что что-то меняется внутри него. Наконец речи кончились.

Без всякого призыва или жеста он понял, что все закончилось. Когда последний участник стал произносить заключительные слова, свет начал быстро сливаться и твердеть, приобретая форму яйца. Еще долгое время они молча стояли в застывшей тишине, созерцая глубины бассейна. Без какого-либо намека Поль вдруг вскинул голову и посмотрел на Ларика. Боковым зрением он заметил, что и остальные одновременно сделали тоже самое. Затем, медленно, участники стали продвигаться по кромке.

Когда все претенденты сошли с края и собрались на пирсе, Ларик поднял руку и указал налево. Развернувшись, он повел их к очень узкому проходу позади нагромождения камней, никто не заметил его раньше. Почти сразу же Ларик встал на четвереньки и пополз в тесную

черную дыру. Один за одним они последовали его примеру: Бледный, подобный пламени свечи, свет был и здесь. Он казался волнистым и едва-едва освещал узкий лаз.

Продвижение шло очень медленно, так как теперь они двигались вниз, то и дело соскальзывали и обдирали кожу. В самых низких и узких местах приходилось ползти на животе. Особенно тяжело давались повороты, сквозь которые они с трудом протискивались, изгибаясь до боли.

Участники впереди и сзади него неожиданно остановились, Поль сделал тоже самое. Он услышал какое-то хрюканье, донесшееся сзади, будто один из претендентов резко выдохнул. Стены начали выцветать, бледнеть, в некоторых местах даже посерели, на них появились розовые прожилки.

Парень впереди Поля стал продвигаться вперед, Поль осторожно пополз за ним. Они продвинулись на длину человеческого тела, затем опять замерли. Поль, охваченный водоворотом ощущений, почувствовал, что окончательно утратил контроль над своими мыслями. Его сознание блуждало где-то между крайним истощением и тупой покорностью и смирением.

После короткого отдыха они снова продвинулись на то же расстояние. Так продолжалось несколько раз, и впоследствии Поль понял почему. В полу оказалось круглое отверстие. Участники по одному пролезали в люк, повисали на руках, затем разжимали руки и прыгали вниз.

Он подождал, пока исчезнет предыдущий участник, затем втиснулся в люк, повис и спрыгнул.

Падение длилось не долго. Приземлившись, он поднялся с колен и сразу же отошел в сторону. Вскоре он присоединился к группе, расположившейся почти в центре нового помещения с высокими полукруглыми сводами. Собравшиеся вставали по кругу в те места, на которые указывал Ларик. В центре людского круга помещался весьма интересный объект - огромный розовый сталактит выходил на поверхность из неровной горной глыбы прямоугольной формы.

Когда все оказались на своих местах, Ларик жестом приказал им раздвинуться и отойти к стенам. На секунду глаза Поля встретились с глазами Ларика, и Поль прочел в них необъяснимую боль. Однако, не задержавшись, глаза Ларика скользнули к объекту.

Поль расслабился и стал забавляться созерцательностью своего мозга. Он внимательно оглядел монолит и почувствовал присутствие чужеродной могущественной силы. Он обратился к внутреннему зрению, но ничего не увидел, кроме более яркого сияния сталактита. Он не заметил ни намека на присутствие нитей заклинаний. Его взор все больше притягивал сам объект, он манил своей загадочностью, потихоньку овладевая его сознанием.

С первыми словами Ларика его зрение вернулось к обычному, остались только физические ощущения, которые звучали и двигались в нем. Ощущение потери времени и отдаленности от реальности теперь наступило значительно быстрее, чем на предыдущей станции. Чем сильнее он вглядывался, тем быстрее становились переливы света на возвышающейся поверхности. Казалось, что сам объект начал медленно перемещаться в пространстве. Ларик замолчал, речитатив подхватил один из участников. Как только зазвучали первые слова, очертания помещения стали медленно растворяться и исчезать. Поль почувствовал, что огромный объект стал единственной осязаемой реальностью. Доносившиеся до него слова лишь усиливали чувство единения с объектом. Внезапно, монолит начал расти, его форма приобрела какие-то неопределенные габариты.

Другой голос подхватил слова. Поль заворуженно следил за сказочными перемещениями и превращениями объекта. Горная глыба, служившая основанием, тоже меняла свой облик. В ней отчетливо вырисовывались три сгорбленные фигуры. В центре одиноко возвышался указательный палец, рядом с ним с некоторым наклоном обозначился большой палец, с другой стороны неровными выпуклостями примостились остальные. Конечно... это же рука. Как он раньше этого не заметил?

Голос прозвучал совсем близко. Рука шевельнулась, разворачиваясь к нему. Палец стал медленно опускаться.

Его дыхание участилось, мозг становился все яснее по мере того, как палец отчетливей стал указывать на него. Расстояние между ним и пальцем было заполнено силовым потоком. Не подчиняясь никакой воле, его правое плечо и рука стали зудеть, затем их охватило ощущение покалывания.

Огромный палец, способный раздавить его, приблизился - нежно, мягко - и почти неощутимо коснулся его правого плеча.

Он обессилел и чуть не упал не от силы удара, а от нахлынувших на него эмоций. Он обнаружил, что сам является источником произносимых слов. Палец стал медленно возвращаться на прежнее место.

Едва он проговорил первые слова, чувство покалывания в руке сменилось тупой болью, затем онемением. Он вновь увидел очертания помещения, где они находились, рука снова обернулась сталактитом на угловатой глыбе.

Слова обошли круг, они в молчании взирали на монолит, расслабляясь и медитируя. Затем Ларик приказал им следовать за ним в расщелину в стене.

Поль едва передвигал ногами, раздавленный мертвым грузом, свисавшим с правой стороны. Неловко действуя левой рукой, он ошупал свою правую руку, помассировал мускулы.

Верхняя часть руки распухла, стала почти необъятной, ткань рукава натянулась и больно сжимала плоть, грозя вот-вот лопнуть.

Он пробежал левой рукой к кисти правой. Казалось правой руке не будет конца. Чувствительность исчезла во всей уродливо длинной руке. С большим усилием и трудом он выяснил, что может шевелить своей ручищей. Опустив глаза он с ужасом обнвружил, что его рука - внешне вполне нормальная - свисает значительно ниже обычного, кисть болталась где-то на уровне колена. Он ощутил биение пульса в драконовом родимом пятне, но, казалось, оно тоже онемело. Он вспомнил слова Ларика о трансформациях, которые могут происходить этой ночью, о том, что их следует воспринимать спокойно, без лишних эмоций, и перестал обращать внимания на свою руку. Тем не менее он придиричиво оглядел остальных участников, отыскивая возможные уродства. Те, которых он успел увидеть, до того, как они нырнули в тоннель, казалось не проявляли видимых метоморфоз. И, по-видимому, никто не замечал его уродства.

Они шли вперед. Дорога была довольно ровной, без изгибов и поворотов, и достаточно широкой. Ее освещал спокойный, ненавязчивый свет. Не задерживаясь, они миновали пустую комнату. Комната встретила их противным высоким звуком. Он отупляюще действовал на мозг и еще долго звучал в ушах. Наконец они вышли в грот.

Здесь они остановились. Грот оказался круглым помещением с выпуклым, подобно пузырю, потолком. Ларик расставил их вокруг скального образования, напоминающего котел. Вновь зазвучало песнопение, и Поль снова окунулся в океаническое чувство отчуждения, как и на предыдущих станциях. Однако здесь к нему примешались нотки депрессии и печали. Ощущение покалывания охватило его левую руку. Когда до него дошла очередь говорить и слова были произнесены, левая рука видоизменилась и стала походить на правую.

Он воспринял очередную метаморфозу почти без волнения, как необходимое условие обряда. Он решил, что и других одолевают подобные чувства. В полном унынии он последовал за всеми, но едва осознав свою угнетенность, он почувствовал как его руки обретают былую подвижность и легкость.

Он посмотрел на остальных. Толстый узловатый канат был прикреплен к горному выступу и спускался в темную дыру. Один за одним участники хватались за канат и спускались по нему в дыру, растворяясь в темноте. Когда до него дошла очередь он с необыкновенной легкостью проделал тоже самое, благодаря небывалой силе, которую обрели его руки.

В желто-голубой пещере, где они очутились, они выстроились согласно, ставшего уже знакомым, порядка вокруг большого кристалла сферической формы, покоящегося на пьедестале. К концу процедуры, Поль почувствовал, как обжигающая боль охватила его левую

руку, будто та побывала в котле с кипятком. Он не придавал этому значения, даже не стал осматривать ее до тех пор, пока ритуал не завершился и Ларик не повел их к новой станции сквозь расщелину в стене.

Рука все еще зудела, хотя ощущение жара исчезло. Когда он оглядел ее, он увидел, что она покраснела и распухла, на коже появились пузыри и струпья; ногти уплотнились и почернели, приобрели странную треугольную форму и изогнулись словно крючья. Пальцы удлинились и страшными узловатыми палками свесились до лодыжек. Мантия частично скрывала его уродство в длинных широких рукавах. Однако... Он снова осмотрелся. Казалось никто из других участников не замечал его дискомфорта. Поэтому он прогнал прочь беспокойство и тревогу. Он проследовал за всеми вдоль широкого ровного тоннеля. Его походка была слегка расхлябанной и нескладной из-за дисбаланса тяжести рук.

Тяжелый меч свисал с цепей почти в центре следующего помещения. Он медленно раскачивался между потолком и полом. В своем вращении он и стал объектом их медитации. С произнесением слов он отклонялся в сторону говорящего и вспыхивал красным огнем. Видения, вторгшиеся в его мозг, как и на предыдущей станции, вступили в открытую борьбу с сознанием. Ощущение обновленной конечности возникло теперь вместе с обжигающей острой болью в правой руке. Но все это воспринялось им с мазохистским наслаждением. Он произнес слова звонким голосом и даже не посмотрел на правую руку, зная наперед, что он увидит.

По окончании сцены он повернулся и присоединился к шеренге участников, которые гуськом направлялись к выходу в стене и далее вниз по наклонному тоннелю. Он двигался словно во сне. Все его поступки подчинялись некой алогичной модели, которую он сам для себя придумал. Ощущения, преломляясь сквозь представленный им образ себя, больше не беспокоили его. Его даже не заботило, замечают ли другие уродливые метаморфозы, происходящие с ним.

Тоннель шел ступенчатыми уступами, в нем витали сладковатые ароматы. Стены были покрыты живой сетью бледных огоньков. Глянцевый пол сверкал и выглядел влажным. Они долго спускались вниз, затем вышли в маленькую комнату и встали кругом около обыкновенной, ничем не примечательной каменной глыбы кубической формы. Помещение было усыпано цветами, источавшими приторно сладкий запах, заполнивший все пространство. Запах в комнате был невыносимо сладким, таким, что воздух казался густым и липким, как сироп. Слова, произнесенные в этой комнатушке, тяжелым молотом обрушились на уши. По телу Поля прокатилась теплая волна, сердце учащенно забилося в груди. У него закружилась голова, перед глазами поплыли круги. Но он знал, что даже если он потеряет сознание, ему некуда будет падать, в такой тесноте они стояли. Впоследствии он

полагал, что в действительности прекратил сопротивляться подсознательным тенденциям, в его памяти образовался полный провал вплоть до того момента, пока он не обнаружил, что сам произносит речь. Ему показалось, что здесь у него появилось совсем иное видение, которое подавило все остальные чувства. Его сердце учащенно билось, готовое выпрыгнуть, он тяжело дышал. Он увидел, что кандидаты, стоявшие с ним бок о бок, удалились от него и были едва различимы. Аромат цветов заметно ослаб и теперь едва улавливался, словно шел издалека.

Закончив монолог, он наклонил голову и заметил, что его мантия стала влажной. Затем он ощутил невероятную ширину своих плеч, бочкообразную форму груди. Не удивительно, что его одежда промокла. Могло ли это быть просто иллюзией? Он оглядел рядом стоящих участников. Занятые самосозерцанием и захваченные собственным водоворотом чувств они не обращали на него ни малейшего внимания.

Он медленно поднял правую руку. Просунув ее под плащ, он стал лихорадочно ощупывать одежду под мокрым пятном на мантии. Его неуклюжие пальцы неожиданно натолкнулись на упругие, жесткие уплотнения. Он начал осторожно ощупывать каждое утолщение. Казалось, все тело от пупка до шеи покрыто шрамами и рубцами. Он высвободил руку и бессильно опустил ее. Подняв глаза, он заметил, что Ларик внимательно разглядывает его. Едва их глаза встретились, Ларик немедленно отвел глаза в сторону.

Выйдя из комнаты, они попали словно в продолжение того тоннеля, который привел в тесную душную комнатуху. Новый тоннель, как и предыдущий, шел вниз в том же направлении. Передвигаясь, он старательно контролировал свое дыхание, иначе он производил звуки, подобные кузнечным мехам.

По мере их продвижения по шахте становилось все холоднее. Следующее помещение оказалось больше и просторнее других. Его пол был устлан зеленоватым камнем. С потолка на цепях свешивалась старинная маслянная лампа. С произнесением слов ее пламя вздымалось к потолку.

Теперь это случилось с левой ногой. В тот момент, когда началось покалывание, он уже знал, что произойдет дальше. Но когда все произошло, он совсем пал духом. Нога удлинилась и отяжелела. Он едва удержался на ногах. Приходилось неуклюже переваливаться, до боли выпрямляя одну ногу и держа согнутой вторую. Как он не старался отогнать тревожные мысли, чудовищные превращения лишь усиливались по ходу ритуала. Проходя к следующей станции по относительно ровному просторному коридору, он увидел массу загадочных видений. Он даже боялся опереться рукой о стену, так как то там, то здесь проглядывало маскообразное звериное лицо, соблазнительно манила женская грудь, цвел роскошный цветок или важно расхаживала диковинная птица.

Поддавшись диковинным галлюцинациям, он совсем сбился с толку и даже не представлял, что их может ждать в следующем помещении. Вокруг него медленно проплывали зодиакальные животные. Когда он сосредотачивался на одном из образов, он мгновенно распадался на множество других видений. Он махнул рукой на все и перестал замечать окружающее. Почти с благодарностью он воспринял пощипывание в правой ноге, по крайней мере так он сможет хоть передвигаться без особого труда.

Его мозг представлял беспорядочную, бестолковую смесь. Теперь он двигался за остальными, осторожно переступая по бесконечным ступенькам огромными ногами.

Они вошли в очень темную комнату. В центре помещения возвышалась серебристая колонна из сталактитов и сталагмитов. Ларик подвел их к ней и расположил по кругу. Мозг Поля мгновенно прояснился. В него закралась тревожная мысль, что же в действительности с ним происходит, и как долго еще продлится церемония. Видения и образа начали таять и рассыпаться. Только одна колонна гордо и величественно блистала в темноте. Трезво оценивая длину своих изуродованных рук, он понял, что может протянуть руку и потрогать колонну. Он почувствовал что определенная стабильность возвращается к нему. Он вытянул свои массивные ручищи и внимательно оглядел их. Где он мог видеть раньше подобные лапы? Он скользнул по ним внутренним зрением, но уродливость не исчезала. Все осталось как было.

Вдруг он вспомнил, руки безвольными плетями повисли по бокам. Эти руки - точная копия тех, которые были у чудовищных тварей там за Воротами, в загадочной стране снов. Что это значит? Что это? Иллюзия под влиянием сновидений или все происходит на самом деле? О таких ли метаморфозах ритуала говорил Ларик? А может под этим кроется кое-что еще?

Он поднял руку и дотронулся до лица, осторожно ощупал каждую черточку. Вроде ничего не изменилось, в тоже время...

Внезапная острая боль пронзила его живот. Брюшной спазм заставил его согнуться. Непроизвольно он наклонился вперед и зажал руками живот. В таком положении его застали слова Ларика, но теперь это были совсем другие фразы. Его живот налился небывалой тяжестью, как будто он проглотил огромный камень. Он бессильно разжал руки и тут же услышал треск лопнувшей одежды. Когда боль отпустила, он ощутил, что объем его таза расплылся как у лягушки, бедра расширились и искривились. Теперь он с большим трудом сохранял вертикальное положение. Казалось его спина тоже искривилась. Эта чудовищная кривизна влекла его к земле, требовала опоры на четыре кости. Он нехотя оперся руками. По ногам разлилась тупая боль.

Затем все стало безразлично. Секунды рационального мышления и трезвого понимания иссякли, их сменила вереница видений и силовых влияний. Казалось прошло слишком много времени. Его мысли кружились в круговороте повторений, почти бессознательно он сам произнес заученные фразы. Когда они снова двинулись в путь, он в забвении последовал за ними, сторбившись до земли и неуклюже передвигая одеревеневшими ногами.

Ларик подвел их к люку в полу, на краю люка была прикреплена веревочная лестница. Он кивнул им следовать за ним и начал медленно спускаться. Поль подождал, пока спустятся все участники, прежде чем самому начать рискованный спуск.

Лестница скрипела и трещала под его неподъемным телом, одно звено оборвалось, и он едва не рухнул вниз. Со всей силой схватившись за боковины и ободрав в кровь ладони, он мешком повис на лестнице, беспомощно ища ногами опоры. Нашупав очередную перекладину, он продолжил спуск. Это был самый трудный переход, наконец, он очутился почти в середине круга претендентов. Он заметил, что два участника распростерлись на полу. Возле одного из них на коленях стоял Ларик и массировал грудь.

Поль сошел с лестницы и огляделся. Парень, которого массировал Ларик, что-то промычал и сел. Ларик тотчас перешел к другому - маленькому, рыжеволосому человеку с гримасой боли на лице и крепко стиснутыми зубами - и приложил ухо к сердцу. Очевидно он не уловил признаков жизни, так как снова вернулся к первому пострадавшему. Спустя несколько минут, он помог ему подняться на ноги и вновь склонился над огненно-рыжим. Он по-прежнему неподвижно лежал на полу. Ларик ощупал его, покачал головой и встал, оставив лежащего в той же позе. Он жестом приказал остальным построиться вокруг него, затем поднял вверх обе руки.

Едва возник силовой поток, ноги Поля вновь заныли. Боль была пронзительной, почти невыносимой. В конце концов выросшие ступни разорвали обувь и вырвались наружу. Он прикрыл их мантией. Ритуал шел обычным чередом. Ему показалось, что церемония подходит к концу. Скоро все кончится и он сможет уйти куда-нибудь и уснуть...

Он сообразил, что сам говорит слова. К его удивлению это был его обычный спокойный голос. Закончив фразу, он закрыл глаза. Тотчас перед его глазами всплыл очень яркий образ. Он увидел осажденный Рондовал, вокруг бушевала буря. Образ покрылся дымкой и сменился другим. На центральном балконе стоял высокий человек, на его шее развевался черный шарф, в руках он держал магический скипетр. Его волосы словно инеем были покрыты сединой, лишь черная прядь ярко выделялась, рассекая шевелюру на две части. Он пел, отдавая приказы своему неземному воинству, и разил своих врагов огненными молниями. Напротив него стоял другой колдун, весь в белом - старый Мор.

Старик явно одерживал верх, оборона противника слабела. Человек на балконе резко отшатнулся и удалился.

Там, в помещении, он бросился в соседнюю комнату и начал творить магический ритуал с заклинаниями. Силы столкнулись. Мгновение спустя, он уже стоял в центре Магического Круга, в воздухе носились слова заклятий. Внезапно в комнате возникло легкое завихрение, в углу около потолка закурился дымок, он клубился и густел в такт заклятиям.

- Белфанио нед септут! - воскликнул он, - Бел...!

Дверь с треском распахнулась, явившийся посланник рухнул на пол, покоренный силой заклятия.

- Калитка под замком..., - успел сказать он, перед тем как тот испарился.

Колдун проговорил заклятие защиты, ударил скипетром и разорвал Круг.

Он вышел из комнаты, прошел через хол и оказался в другой комнате. Там он схватил висящий на стене мощный магический лук. Затем вынул из колчана единственную стрелу и вышел.

Потом Поль увидел его уже на улице, он пустил стрелу и сразил лидера атакующих сил. Далее он схватился со старым Мором. Мор одержал верх и поразил колдуна. Колдун умер под грудой каменных глыб.

Видения поплыли словно в тумане. Шторм стихал, битва угасала. Он увидел Мора верхом на кентавре, они двигались к западу. Тело мертвого волшебника вез другой кентавр.

Картина вновь затуманилась.

В пещере, освещаемой лишь слабым огоньком посоха Мора, он был один на один с мертвым колдуном. Тело лежало на каменной плите лицом вверх, руки скрещены на груди. Склонившись над телом, Мор что-то делал с его лицом - глядя и прижимаясь. Мгновение спустя он поднял руки и стал производить движения, наполняя его новой силой.

Нет. Мертвая маска. Только теперь Поль заметил как похожи черты лица Мора на черты мертвого волшебника.

Он начал что-то тихо шептать, но Поль не мог разобрать слов. Его внимание было приковано к серебрянной нити, незримо окутавшей маску.

Образ подернулся рябью, затем все распалось.

Поль открыл глаза. Все застыли в состоянии внутреннего созерцания, слова эхом разносились по комнате. Ларик стоял с воздетыми вверх руками, он медленно водил ими в сторону последнего говорящего.

Когда он окончил речь, Ларик обошел их и остановился возле мертвого человека. Он поднял его, взвалил себе на спину, затем двигаясь по периметру разорвал Круг. Он оглянулся и жестом пригласил следовать за ним.

Они вышли из комнаты и двинулись вдоль широкого тоннеля. Тоннель перешел в огромную пещеру. Она была неправильной формы, щедро украшена большими сталактитами. Они создавали причудливые закутки. Здесь было значительно холоднее, и голова Поля начала проясняться.

Ларик обошел вокруг пещеры и пристроил тело в одном из закутков. Вернувшись, он взобрался на небольшое возвышение и обратился к остальным:

- Крендел оказался единственным, который не выдержал воздействия сил, - произнес он, - остальные, можно сказать, так или иначе прошли испытания. Пройдет еще несколько недель, прежде чем наступит равновесие вашего магического статуса и ваши способности стабилизируются. Поэтому я не рекомендую вам заниматься Великим Искусством в это время. Иначе результаты могут принять совсем непредвиденный оборот, и вас будет ожидать разочарование. Отдыхайте, займитесь спортом, отвлекитесь на время от магии. Когда вы почувствуете, что готовы, начните с самого малого - и внимательно изучайте и следите за результатами своих действий. Так, потихоньку, продвигайтесь от простого к сложному, и то лишь тогда, когда убедитесь, что все идет нормально.

Он оглянулся через плечо и указал направление.

- Этот тоннель выведет вас наружу, - сказал он, - он очень длинный. Я провожу каждого персонально на встречу рассвету.

- Ты будешь первым, - сказал он рядом стоящему. - Пройди несколько метров и подожди меня, я догоню тебя через минуту.

Он спустился с насыпи и повернулся к Полю.

- Пойдем, - попросил он и повел его в один из темных сталактитовых закоулков.

- Что-то пошло не так, - прошептал Поль, - я стал чудовищем, а никто этого даже не заметил.

- Все правильно, - ответил Ларик, его голос приобрел нормальный тембр.

- Это означает, что я не прошел испытания? Ведь обряд посвящения уже закончен.

- Одержимый Магией! - ответил он, - твое превращение не имеет ничего общего с посвящением. Или ты ничего не слышал о Замке Авинконет?

- Да, никогда не слышал.

- И ничего не знаешь о Воротах и черном, зловещем мире? О тех Воротах, которые ты распахнул?

Поль нахмурился.

- Понятно, - сказал Ларик, вздохнув. - Все, что я сделал с тобой крайне необходимо. Я воспользовался возможностью воздействовать на твой мозг на каждой ступени посвящения и наложил силовые оболочки - они часть за частью меняли твоё тело на подобие тех тварей, которых ты там видел в том проклятом месте. Конечно, твой разум остался неприкосновенным.

- Зачем? - спросил Поль, - что я сделал тебе?

- Мне, лично, ничего, - ответил Ларик. - Но зло, которое ты несёшь, настолько разрушительно, что это оправдывает все мои действия. Ты будешь глубже познавать, что лежит перед тобой и за тобой. Теперь я должен вернуться к остальным посвященным.

- Поль протянул длинную когтистую руку, пытаясь схватить его. Ларик сделал едва уловимый жест и рука застыла в воздухе.

- Что это...?

- Я имею полный, абсолютный контроль над твоим новым телом, - произнес он торжественно, - я обернул тебя целой сетью практически неразрушимых оболочек. Видел как я могу воздействовать, полностью парализовав тебя? Это тоже замаскированная оболочка. Она даже частично компенсирует твою неловкость. Только ты видишь себя таким, каким ты стал на самом деле - ещё одно необходимое напоминание. То, что ты сейчас представляешь - это творение моих рук.

- Ты так обеспокоен черной магией, - сказал Поль, - возможно, ты опасешься конкуренции?

- В данное время это необходимо, - сказал он, - для борьбы со страшной заразой.

- Только не надо проповедей. Я ничего дурного не совершал. А вот ты - да.

Ларик пошел прочь. Поль рассмеялся ему в след. Смех перешел в вопль.

Его крик оборвался, как только Ларик обернулся. Теперь Поль вовсе не мог говорить.

- Я зайду за тобой в последнюю очередь и мы отправимся в Замок Авинконет, - сказал Ларик, затем рассмеялся и добавил, - постарайся никогда не уходить.

Он скрылся за сталактитовым выступом и исчез из виду.

До Поля донесся звон капающей в бассейн воды. Он слышал собственное хриплое дыхание, гул голосов остальных посвященных, беззаботно обсуждающих события ночи и собственные переживания.

Если магия породила его, то она может его освободить, думал Поль. Но он не мог обнаружить источника своей силы. Казалось, какая-то часть его беспробудно спит. Он стал размышлять над словами Ларика о том, что его сны стали для кого-то суровой реальностью. Он вновь и вновь прокручивал свою память, пытаясь отыскать ключ или то, что могло им быть. Он недоумевал, как может быть связана его нынешняя ситуация с тем нападением колдуна в Рондовале, с которым так браво расправился Маусглов.

Внезапно он услышал звук приближающихся шагов. Слишком рано, чтобы вернулся Ларик, но...

Перед ним появился высокий, как Ларик, мужчина, но чуть полнее. Его лицо постоянно менялось, словно он носил бесчисленное количество масок. Глаза бегали, нос то морщился, то распухал, ноздри раздувались, губы кривили гримасы разнообразных эмоций. Когда он открыл рот, чтобы произнести слова, Поль увидел сверкающий ряд зубов. Он перешел на внутреннее зрение, но так и не мог проникнуть сквозь защитную оболочку, которой ловко замаскировался пришелец.

- О, я вижу моя маскировка до сих пор на тебе держится, - услышал он знакомый голос, - но что ты сделал с остальными?

Поль обнаружил, что не может даже промолчать в ответ.

- Боже! - воскликнул незнакомец, - что за ужасное тело. Ты, наверное, дал волю всем бредовым извращениям, которые в состоянии родиться в человеческом мозгу. Я думаю ты немного перестарался, верно?

Он поднял голову, два глаза: огромный и совсем крошечный с интересом разглядывали Поля. Размеры глаз постоянно менялись, менялось и само выражение лица.

- О, прости меня, - сказал он снова, - я совсем забыл, что ты не можешь говорить.

Он протянул руку и легонько дотронулся до губ Поля. На секунду они напряглись, затем он почувствовал, как по ним прокатилась волна расслабления. Он ощутил, что его челюсти разжались, и он в состоянии даже пошевелить головой.

- Какого черта вам нужно, - спросил Поль.

- У меня совсем нет времени на объяснения, даже при всем моем желании, - ответил незнакомец, - это очень длинная история. Сейчас стоит заняться более важными делами. Кажется все идет прекрасно. Не стоит слишком волноваться.

- Что ты называешь "прекрасно"? - огрызнулся Поль, указывая на свое чудовищное уродство.

- Ну, не обязательно все понимать с эстетической точки зрения. Я имею в виду развитие событий. Теперь Ларик думает, что заполучил тебя с потрохами.

- Надо признать, что он прав.
- Это можно легко исправить, если ты хочешь продолжить игру.
- Но я даже не знаю правил, не тем более тех, кто делает ставки.
- Это будет частью твоей награды, если все пройдет хорошо. Ты получишь ответы на все вопросы - даже на те, которые ты до сих пор не задал.

- Такие как, кто ты, и кто стоит за тобой?
- Тогда они будут просто абсурдны.
- А мне понравится то, что я выясню?
- Это вопрос вкуса, здесь каждый человек сам себе судья.
- У меня есть выбор?
- Да, ты можешь действовать сам, или будут действовать с помощью тебя.

- Что я должен сделать?
- Для начала следовать за ходом событий, выяснить замыслы твоих захватчиков и решить нужно ли тебе это. Затем ты сам начнешь действовать в соответствии со своими желаниями. Ларик думает, что ты полностью подчиняешься ему, но я в один момент могу разорвать всю эту шелуху. Я сохраню это достаточно умело сработанное произведение, в которое он тебя облачил, в то же время я восстановлю твою юношескую, слегка утомленную, плоть. Затем я покажу тебе работу истинного мастера. Освободив и восстановив твоё тело, я замаскирую его так же, как и твоё лицо, теми уродливыми формами, над которыми так старался Ларик. Ну а на бис, я покрою тебя защитной оболочкой, аналогичной той, которая скрывает твои подлинные черты от слишком любопытных глаз...

- Маскировка под маскировкой?
- Примерно так.
- Ради чего?
- В этом отношении что, те, кто желает видеть тебя поверженным, должны быть уверены, что под внешним слоем прячется пойманное чудовище.

Высокий колдун перешагнул через него и встряхнул за плечи. В тот же момент Поль почувствовал боль словно от электрического разряда. Его руки онемели. Он безвольно повис. На пол с грохотом упали его ботинки, которые он долгое время нес подмышкой. Колдун схватил его за руку, острая боль волной прокатилась по ней. Боль стала невыносимой, Поль едва справился с ней, прежде чем осознал, что незнакомец держит уже другую руку. Он что-то мурлыкал, работая над ним. Было ли это мурлыканье частью процедуры, Поль не мог определенно сказать.

Когда он поднял руки, он убедился что это, действительно, его настоящие руки. Незнакомец начал производить серию довольно сильных ударов вдоль позвоночника одной рукой, одновременно простукивая по ребрам область сердца другой. Даже сквозь свое мощное тело Поль ощутил, что мужчину никак нельзя было назвать слабым.

Он почувствовал как со свистом и хрипом вырывается воздух из его носа и рта, в тот же момент его грудная клетка обрела нормальные размеры. Поль развел плечи и начал выпрямляться. Одновременно он получил чудовищный удар в промежность и в живот, там тоже начались долгожданные превращения. Поль смог полностью распрямиться и теперь наслаждался слегка болезненными ощущениями обретаемого вновь тела. Колдун заколотил по его ногам, и Поль почувствовал разливающуюся в них боль.

- Должен сказать, что ты слишком рьяно принялся за меня, - заметил он.

- Возможно, ты бы предпочел шестичасовое забытье с обезболиванием.

- Удача всегда права.

- Все, осторожно. Я начинаю создавать первую маскирующую оболочку, скрывающую тебя такого, как ты сейчас.

Превращение началось, все покрылось словно мраком, затянулось серым непроницаемым туманом, скрыв жесты и выражение лица незнакомца. Поль почувствовал как запульсировало под оболочкой родимое пятно в форме дракона в ответ на присутствие настоящей магии. Туман вокруг него сгущался, уже полностью скрыв его, он начал уплотняться, затем стал просачиваться под одежду.

Колдун вздохнул и выпрямился.

- Это все, что они увидят. Если им удастся заглянуть под наружную маску, они смогут разглядеть лишь то, что я скоро сотворю. Однако, я должен предостеречь тебя относительно наружности.

- Что-нибудь может произойти?

- Ты должен вести себя так, будто ты еще под контролем. Когда Ларик вернется, застынь в том же состоянии, в каком он тебя парализовал. Следуй всем его приказам, словно у тебя нет выбора. Если ты отступишь, ты потеряешь свой шанс узнать кое-что о будущем. Тебе придется бороться собственными силами.

Поль кивнул. Он внимательно оглядел себя и вновь увидел уродливые формы, но теперь не ощущал их.

- Я скрою эту наружную оболочку чудовища от всех так же, как это сделал Ларик, - произнес колдун, - но оставлю ее видимой для тебя, как и раньше. Это еще раз напомнит тебе, как нужно себя вести - неуклюже и послушно.

Поль внимательно следил за руками колдуна и за сложноплетеными жестами, которые они вытворяли.

- Ты видишь нити, когда творишь заклęcia? - спросил Поль.

- Иногда, - ответил колдун, - но сейчас я вижу лишь пучки цветных лучей, которые я перехватываю. Тихо. Я сосредотачиваюсь.

Поль сосредоточился на постоянно меняющемся выражении лица незнакомца. Он пытался отгадать настоящие черты. Но каждый раз возникали новые сочетания и ничего нельзя было принять за образец.

Движения прекратились, и человек выпрямился.

- Той ночью, в лагере, ты говорил мне, что наши интересы могут не совсем сочетаться.

- О, вероятность этого равноценна игре в чет или нечет, - ответил незнакомец, - я надеюсь на лучшее, но ведь есть еще и ты. Всякое может случиться. Но если это произойдет, по крайней мере, я буду уверен, что сделал все от меня зависящее. Кроме того, в данный момент мы оба хотим одного и того же: чтобы ты вышел отсюда, обманул своих врагов, определил свое место.

- А что может произойти, когда я выйду отсюда, у тебя есть какие-нибудь идеи на этот счет?

- О, да. Тебя тут же похитят - увезут в Замок Авинконет.

- Ларик тоже говорил об этом. Но кто еще замешан в этом. И что меня ждет в конце?

- Для тебя лучше самому найти ответы на все вопросы, чтобы получить исчерпывающие ответы.

- Черт побери! Я больше не вынесу! Все что-то скрывают!

- О, я даже не удостоился того, чтобы обо мне говорили отдельно! Сыграй свою партию до конца, мой мальчик. Сыграй сам!

- Не надо опекать меня! Мне нужно лишь немного больше информации, чтобы достойно все вынести.

- Закрой рот, - прошептал колдун и повернулся, - и не забудь принять ту же позу. По-моему, сюда кто-то идет.

- Но...

- Все остальное покрыто тайной, - произнес незнакомец и исчез за углом.

Часть VII

Маусглов забился в горную нишу, слева от входа в пещеру. Его капюшон рвался и трепетал под порывами утреннего ветра. Справа от него встающее солнце давало начало новому дню, щедро окрашивая красками и блеском пробуждающийся город, покинутый им несколько часов назад. Мимо него уже проследовали восемь участников посвящения. Каждого из них сопровождал Ларик. Они приветствовали рассвет, затем отправлялись по домам, по одному или в сопровождении слуги или наставника. Услышав шаги, Маусглов встрепенулся и повернул голову к входу. Увидев в проеме Поля, он встал, выпрямился, но не бросился навстречу.

В противоположность другим, Поль уже снял свой белый саван. Его походка была медленней обычной и более неуклюжей. Ларик тоже был одет в ту же одежду, что и днем. На голове все тот же красный платок. Его лицо уже не было столь торжественным и важным, чем когда он выводил из Балкина остальных. Он что-то быстро проговорил Полю, лишь только они вышли наружу. Они оба тут же повернулись налево и начали удаляться в этом направлении.

В полном недоумении Маусглов вышел из своего убежища и поспешил за ними.

- Доброе утро, - сказал он, - как прошла ночь?

Ларик чуть споткнулся и оперся на руку Поля. Но когда он повернулся, его лицо было совершенно спокойно. Поль тоже медленно повернулся, на его лице застыла безразличная, ничего не выражающая маска.

- Доброе утро, - ответил Ларик, - твой друг в полном здравии физически, но многие, кто проходит испытания, подвергаются в разной степени эмоциональным и психическим расстройствам. Это не миновало твоего друга.

- Это очень серьезно?

- Все зависит от многих причин - но, как правило, это излечимо. Я как раз тороплюсь помочь ему.

- Именно поэтому вы пропустили приветствие рассвета?

Глаза Ларика сузились от негодования. Он был явно уязвлен осведомленностью Маусглова.

- Я не собирался лишать его этого, - сказал он, - но, возможно, ты прав, традиции нужно соблюдать до конца.

Он вернулся назад к тому месту, где стояли остальные и начал готовиться к заключительной процедуре ритуала.

- Поль! Ты, по крайней мере, понимаешь меня? - спросил Маусглов.

Ларик обернулся.

- Я уверен, что да, - сказал он. - Но по ритуалу он не имеет права ни к кому обращаться, пока не кончится обряд. Ты сможешь услышать его ответ через несколько минут.

Он повел Поля к площадке, что-то тихо и быстро говоря ему на ухо. Маусглов огляделся по сторонам. Спустя некоторое время, он увидел как Поль поднял вверх руки и повернулся лицом к встающему солнцу. Как только Поль начал бормотать приветствие, Ларик немного отошел от него. Маусглов внимательно следил за ними, спрятав под плащ руки.

Закончив сокращенный гимн солнцу, он повернулся.

- Все может быть не столь уж серьезно, - произнес наконец Поль, - но сейчас я должен на какое-то время уйти вместе с Лариком, иначе я могу упустить все шансы на успех.

- И как долго?

- Я не знаю. Я пробуду столько, сколько потребуется.

- Возможно неделю, другую, - вставил Ларик, - иногда даже дольше.

- Куда ты ведешь его? Я пойду с вами.

- Я не хочу говорить тебе, пока не проконсультируюсь с экспертами. Возможно его вылечат здесь. А может быть придется увезти в другое место.

- Куда?

- Это будет видно после консультации.

- Поль, - сказал Маусглов, - ты уверен, что это то, что в действительности ты хочешь?

- Да, - ответил Поль.

- Прекрасно. Пошли и выясним все до конца. Если все будет происходить здесь, я подожду. А если где-нибудь в другом месте, я поеду с тобой.

- Этого не нужно, - ответил Поль и отвернулся, - я больше не нуждаюсь в тебе.

- Тем не менее...

- Ты будешь обузой, - закричал Ларик и вскинул вверх руку.

Маусглов двинулся за ними, но без прежней проворности. Члены его тела вдруг лишились своей чувствительности и силы. Он упал, его рука, все еще сжимающая рукоять пистолета, безвольно обмякла.

Еще не придя в себя окончательно, Маусглов услышал едва уловимый, постоянно прерывающийся шаркающий звук, когда, наконец,

он открыл глаза, его взор тупо уперся в маленький серый холм, поросший мхом, и россыпи гравия. Он заметил, что день уже в разгаре.

Он медленно пошевелил левой рукой и пододвинул ее ближе к плечу, оперевшись ладонью о землю. Он еще долго пролежал в такой позе, в конце концов он почувствовал холод камня. Вновь раздалось шарканье, он слегка приподнял голову, в тот же миг его шею пронзила острая боль. С огромным трудом он пододвинул вторую руку, немного отдохнув, приподнял свое отяжелевшее безвольное тело, затем упираясь ногами, попытался сесть. С третьей попытки ему удалось занять сидящее положение, но он еще долго раскачивался, преодолевая боль и головокружение. Обретя устойчивость, он огляделся и увидел ту площадку, где стояли Поль и Ларик. События сегодняшнего утра понемногу оживали в его памяти. Он повернулся к востоку. Положение солнца подсказало ему, что он провалялся больше часа. Он еще раз прокрутил в памяти события утра, пытаясь отыскать какую-нибудь зацепку или отгадку того, что могло произойти внутри горы, и что нужно делать. Он решил, что следующий раз при споре с колдунами будет держать наготове пистолет со взведенным курком и направленным прямо на оппонента.

Из глубины горы опять донесся слабый звук, он перешел в звук быстрых шагов и опять смолк. Маусглов согнул колено и со всей силой толкнул размякшее тело. Он медленно поднялся, в тот же момент он вновь уловил шарканье шагов, теперь возле самого выхода. Он поднял пистолет и прицелился, взведенный курок с готовностью клацнул.

Шаги приближались. Спустя секунду в проеме показался маленький, огненно-рыжий человек. Он был одет в грязно белый саван. Человек оперся спиной о скалу, его глаза безумно бегали, голова тряслась. Его взгляд скользнул по Маусглову даже не задержавшись. Цвет его лица был мертвенно-бледным. Он дергался и раскачивался, словно припадочный.

Маусглов долго и внимательно наблюдал за ним, прежде чем решился заговорить.

- Что произошло? - спросил он, прицеливаясь.

Голова дернулась, безумно выпученные глаза проскочили мимо него. Глаза лихорадочно вращались, не в силах сосредоточиться на объекте звука. Наконец глаза сузились и стали медленно искать. Отыскав произнесшего фразу, они застыли на нем. Выражение глаз заставило Маусглова содрогнуться от ужаса.

- Что произошло? - повторил он.

Человек шагнул вперед, вытянул белую руку с растопыренными пальцами, открыл рот. В его горле что-то захрипело, он пошевелил пальцами и потрогал кончик языка. Он снова робко шагнул вперед, высунул язык и протянул обе руки. Он сделал еще один шаг, затем еще один, еще, его правая рука двигалась из стороны в сторону, ощупывая

воздух. Он широко открывал рот, но его горло не рождало ничего, кроме бульканья и хрипа, его походка стала тверже и уверенней.

- Стой! - воскликнул Маусглов, - Что тебе нужно?

Человечек что-то прорычал и бросился вперед.

- Стой! - снова закричал Маусглов.

Человечек опять шагнул вперед и Маусглов нажал курок.

Залп пришелся по левой руке человечка, развернув его и качнув в сторону. Какое-то время он беспомощно раскачивался, затем рухнул на колени, даже не пытаясь схватить и зажать пораженное место. Он почти тотчас поднялся, повернулся к Маусглову и замычал.

- Не заставляй меня стрелять снова, - заорал Маусглов, взводя курок. - Я узнал тебя. Ты один из кандидатов. Скажи, что тебе нужно?

Человек подался вперед, Маусглов выстрелил.

Мужчина вздрогнул, дернулся, его снова развернула ударная волна, но на этот раз он устоял. Он выпрямился и двинулся вперед. Его горло отчаянно изрыгало целый поток бульканья и хрипения.

- Все хоо...о...о...р..р..о...ш.., - наконец выговорил он.

Маусглов облизал губы и прицелился.

- Ради всего святого, стой! - прокричал он в отчаянии, - Я не хочу убивать тебя!

- Неее...важжж...но. С..с..слушай, - произнес человечек.

Его лицо по-прежнему ничего не выражало, глаза безумно вращались, протянутые руки тряслись и дергались. Маусглов отступил назад на три шага, незнакомец двинулся на него. Тогда Маусглов прицелился прямо в грудь и выстрелил.

Человечек пошатнулся, упал навзничь, почти тут же сел, затем начал вставать на ноги.

- Нет! - взмолился Маусглов, - Пожалуйста! Остановись!

- Остановись! - повторил человек голосом, лишенным всяких эмоций. - Слушай, слушай, слушай! Поль. Важ-но. Для тебя.

- Поль? - переспросил Маусглов, взводя курок, - Что с ним?

- Да. Поль. Да. Теперь ты по...о..ни...ма...ешь меня. Да?

- Тогда замри на месте и говори! Не подходи ко мне!

Человечек медленно поднялся на ноги. Внезапно Маусглов осознал то, что раньше лишь смутно тревожило его.

Раны человека не кровоточили. В тех местах, где прошли пули, одежда была разорвана и слегка обгорела. Но сквозь нее не просачивалась красная кровь.

- Замереть на месте? Где - здесь?

- Да. Ты нервируешь меня. Я хорошо слышу. Говори прямо отсюда. Что с Полем?

- Поль..., - ответил незнакомец, покачиваясь, - в беде, Маусглов. Слушай.

- Я слушаю. Что случилось?

- Ларик поместил его под магическую оболочку.

- Что еще за оболочка? Существует кто-нибудь, кто способен снять ее?

- Этого не нужно. Ее уже сняли. Но Ларик не знает об этом.

- Тогда у Поля у мозгами все в порядке?

- Как обычно.

- А Ларик думает, что он под контролем?

- Да. Так захотел Поль.

- Куда он его повел?

- В Замок Авинконет.

- Это место Райла Мерсона! Я должен был догадаться. Я пойду туда и помогу ему, чтобы он не говорил мне.

- Только не теперь. От тебя будет мало пользы. Скорее всего тебя убьют. Лучше поступить по другому.

- Как?

- Иди к шефу Поля.

- Ибалу?

- Да. Расскажи ему, что случилось. Попроси его о скорейшей переборке тебя в Рондовал.

- Допустим, он согласится. Что дальше?

- Ты умеешь разговаривать с драконами?

- Боюсь нет. Но попробую.

- Расскажи старейшему из них - Лунной Птице - пусть отнесет тебя к уснувшему мертвому кратеру на горе Анвил и поможет тебе отыскать магическое оружие.

- Скипетр?

- Да.

- Хорошо, если я это сделаю.

- Отнесешь его Полю в Авинконет.

- С ним ничего не произойдет все это время?

- Они могут уничтожить его в любой момент, только по своей прихоти. Так что я не знаю. Если они не уничтожат его, то ему здорово пригодится скипетр.

- Кто ты?

- Я не знаю.
- Откуда ты обо всем узнал?
- Я был там.
- Почему ты хочешь помочь Полю?
- Я еще не уверен в этом.
- Почему я не могу убить тебя?
- Бездыханное тело нельзя убить.
- Теперь я ничего не понимаю.
- Ты достаточно узнал. Прощай.

Рыжеволосый рухнул на землю и застыл. Маусглов осторожно приблизился к нему. Он не дышал, Маусглов разглядел смертельную бледность лица. Он дотронулся до его щеки. Она была холодна, как лед. Он поднял правую руку человека. Она тоже была холодной и уже окостенела. Он поочередно стал сжимать каждый палец незнакомца. Пальцы побелели и так и остались белыми. Наконец, он склонился ухом к его груди, рядом с простреленным местом. Там царил холод и молчание.

Он разложил тело, скрестил на груди руки, натянул капюшон, прикрыв им лицо. Затем встал и пошел прочь.

Пройдя по той площадке, где стояли Поль и Ларик, он отыскал их следы и пошел по ним. Но следы скоро исчезли и затерялись в камнях. Еще несколько минут он потратил на поиски новых следов. Затем развернулся к городу иллюзий и начал медленно спускаться к сверкающим башням.

Часть VIII

Ветер свистел в ушах, яростно рвал и развевал капюшон, Поль сидел на спине маленького дракона, крепко прижавшись к его плечам - маленькое, коричневое существо было уменьшенной копией тех мощных гигантов, которые обитали в Рондовале. Поль обхватил ногами круп дракона, руки сжимали упряжь. В двадцати метрах от него и чуть выше летел Ларик, оседлав такое же создание с кожанными крыльями. Иногда он оглядывался на Поля, сохранявшего спокойный равнодушный вид. Огромное количество блестящих нитей, видимых только внутренним зрением, накрепко привязало их друг к другу. Поль размышлял, трудно ли убить человека в назначенный час. Он решил, что магия слишком ненадежна и неповоротлива, когда дело касается другого колдуна. Он решил действовать быстро, без предупреждения, со всей своей силой и сноровкой, как только узнает, что хотел, и сможет обойтись без этого человека. Было бы непросчитительно глупо оставлять в живых своих врагов подобного сорта.

Солнце склонилось к западу, предвещая скорый конец дня, на небосклоне уже зажегся узкий блестящий серп луны. Верхушки облаков окрасились бледной дымкой и тускло поблескивали. На северо-западе, куда они держали путь, замаячил смутный силуэт гор.

За день они уже четырежды пересекали горные цепи. Гряда, видневшаяся впереди, была окаймлена высокими пиками вершин. Плечи и ноги Поля онемели от неподвижности и теперь ныли. Он бросил взгляд на Ларика, казалось, тот совсем не устал. Ларик сидел, наклонившись вперед и крепко сжав губы. Он упрямо смотрел перед собой, словно пытался прожечь дыру в черном небе.

Авинконет. Авинконет... Поль часами повторял это название в ходе полета. Он совершенно откровенно и правдиво сказал Ларику, что ничего не знает о нем, тем не менее...

Теперь ему казалось, что в названии есть что-то знакомое. Возможно он встречал его в записях отца, но он не мог вспомнить ничего конкретного.

Авинконет. Авинконет и Рондовал. Могла ли между ними быть связь?

Солнце уже совсем скрылось за горизонтом, луна засветилась ярче - теперь луна, искупавшись в слезах уходящего дня, во всей красе виднелась прямо перед ними, зацепившись диском за пик. Эта одиночная, высокая гора открывала цепь хребтов, расположившихся за ней. Он уже знал, что узнает ее.

Авинконет был замком его снов, куда он проникал через Ворота. Его всегда преследовала мысль, что это вполне реальное место. Но чтобы посетить его, увидеть воочию... Предстоящая встреча всколыхнула в нем целый рой чувств. Он обнаружил, что нервничает, боится посещения страшного места, Ворот... В тоже время что-то разжигало его любопытство, его преследовала идея, что ему нужно там кое-что сделать, исполнить до конца начатое, несмотря на нервный страх. Чувства были настолько противоречивы, что он даже не догадывался, как поступит в ближайшем будущем.

Он разглядывал зловещую архитектуру, предстоящую перед ним, бледно желтые, холодно серебрянные, серые сооружения - огромная центральная башня была выстроена словно ступенчатыми террасами. На ее уровнях приютились многочисленные башенки со сверкающими куполами. Центральную цитадель окружал высокий мощный крепостной вал. Его украшали узорчатые зубцы, стены пестрели множеством бойниц, по периметру в углах расположились сторожевые башни. С правой стороны башни во многих местах светились окна, по другим сторонам черные стекла отбрасывали мертвенный блеск. Он скользнул по замку внутренним зрением и сразу же заметил огромный пучок нитей, уходящих высоко в небо с тыльной стороны башни. Он также увидел тонкий световой луч, опоясавший переднюю стену слева направо. Лучик волнообразно пульсировал.

Оказавшись над замком, Ларик направил свою летающую лошадку в центр огромного круга. Преодолевая сопротивление ветра, Поль последовал за ним. Один за одним они начали медленный спиральный спуск.

Пока они спускались, кружа над внутренним двором, Поль продолжал наблюдать за маленьким огоньком, видимым только во внутреннем зрении. Они пролетели совсем близко от него. К нему была прикреплена прозрачная длинная нить. Внешний вид этой картины навеял Полю траурные мысли и печальные предчувствия.

Опустившись совсем низко, Поль обнаружил, что тыльная стена огороженной области представляла собой грубую горную породу - это был склон горы - то там, то здесь были просверлены темные отверстия неправильной формы, некоторые из них были загорожены. На этом уровне светящийся след исчезал из виду.

Посадка оказалась довольно жесткой, Ларик тут же спешился. Поль почувствовал, как дернулось его тело, затем напряг и расслабил одеревеневшие мышцы и последовал за ним. Ларик расседлал зверей, прокричал им приказание и проследил, как они скрылись в одной из пристенных пещер. Он пошел за ними и за что-то потянул в темноте. Металлическая решетка с грохотом опустилась возле стены, закрыв входы и выходы. Гулкое металлическое эхо еще долго звенело в дальних уголках двора.

Ларик повернулся к Полю.

- Мы очень быстро добрались благодаря попутному ветру, - сказал он, - я думал мы доберемся уже за полночь. Возможно он захочет увидеть тебя прямо сейчас. Я не знаю. Пойду проверю.

- А он - это кто? - осведомился Поль.

- Райл Мерсон, хозяин Авинконета.

- Что он от меня хочет, чародей?

- Это он сам тебе скажет. Пошли.

Поль уловил как напряглись и потащили нити заклинаний, прикрепленные к его персоне. Он не сопротивлялся и покорно позволил себя увести в сводчатый проход, по его мнению расположенный на северной стороне. Они пошли вдоль мощеного камнем коридора, затем стали петлять по многочисленным поворотам и закоулкам.

Влево, вправо, влево, влево, запоминал Поль.

Внезапно они остановились около низкой двери. Тяжелая массивная дверь была чуть приоткрыта. Ларик с силой надал плечом и распахнул ее. Поль заметил, что ее можно закрыть снаружи на весьма внушительный деревянный засов.

- Входи, - сказал Ларик, нити ожили и повлекли Поля.

Поль прошел вперед, остановился и огляделся. Вдоль правой стены шла огромная деревянная скамья. Комната была очень маленькой, с низким потолком. В ней не было окон, лишь несколько вентиляционных щелей в каждом углу у самого потолка. На скамье валялось драное одеяло и груда разного тряпья. На полу стоял горшок. На стене над скамьей висел подсвечник.

Поль обошел всю комнату и повернулся, Ларик уже стоял за порогом. Поль почувствовал, что принудительное помыкание им исчезло.

- Что на ужин? - спросил он.

- Если он не сможет встретиться с тобой, я что-нибудь пришлю, - ответил Ларик.

- Я пока просмотрю список вин.

Ларик устался на него, затем покачал головой.

- Тебе следует быть более сдержанным. Я не хочу, чтобы ты здесь все разнес в щепки, - сказал он, - пойд и спокойно сядь на скамью.

- Хорошо, чародей. Никаких разрушений и ущерба.

Поль прошел вдоль комнаты и уселся на скамью. Тут же он почувствовал как заработали и запульсировали нити заклинаний.

- У тебя это здорово получается, - сказал он.

- Спасибо.

- ...Но я не думаю, что это поможет тебе в конце.

Ларик прыснул.

- ...До конца еще слишком далеко.

- Никогда не строй далеко идущих планов, - изрек Поль.

- Что ты имеешь в виду?

- Когда ты достигнешь, то можешь обнаружить, что уже опоздал.

- Прими это на свой счет, Чейнсон.

- Уже.

Дверь закрылась. Комната погрузилась во мрак. Поль услышал, как щелкнул засов. Поль с отвращением сбросил с себя опутавшие его нити.

Его забавляла идея внедрить одну из нитей в Ларика, пока тот старался захомутать его. Это позволило бы ему проследить все его передвижения и увидеть то, что с ним связано. Его раздирало любопытство, он отгонял от себя страхи рискованности мероприятия.

Он скользнул по комнате внутренним зрением, казалось все плавало в жемчужном сиянии. Около двери извивалась бледная золотистая нить. Он протянул вперед правую руку и напряг волю. Под толстым слоем маскировки он ощутил пульсацию в драконовом родимом пятне. Нить медленно поползла к нему.

Намотав ее на пальцы, он почувствовал легкое электрическое покалывание. Поль настроил свой мозг, создав в нем пустоту. Она стала немедленно заполняться образами и впечатлениями, навевая нити. Тотчас он осознал, что уже нагоняет беглеца-чародея. Ларик полностью расслабился и забыл всякую предосторожность, пребывая в полной уверенности, что Поль лишен любых магических действий и всем существом подчинен ему.

Он последовал за Лариком. Попетляв по коридорам, он вслед за ним поднялся по лестнице. С одной стороны площадки было огромное окно, за ним вновь тянулись ступеньки. Ларик шел по роскошным холлам, наконец он вышел в галерею, ведущую к двойной двери, щедро украшенной витиеватым орнаментом. Слуга в ливрее примостился на низкой скамеечке справа от входа. Он встал при появлении Ларика, на его лице появилась улыбка приветствия.

- Он не спит? - поинтересовался Ларик.

Человек покачал головой.

- Скорее всего спит, - ответил слуга, - он недавно лег и просил не беспокоить его.

- О, конечно, если он проснется, Мак, скажи ему, что я доставил того человека, которого он хотел.

- Если проснется, то передам. Но я не думаю, что он встанет раньше утра.

- Тогда я пойду распоряжусь насчет еды для парня. Что там можно ему подать?

- Немного мяса с хлебом, я думаю, будет совсем неплохо, можно еще добавить пиво.

- Райл вернулся недавно...

- Обратный путь утомил его. Он обернулся слишком уж быстро.

- Ничего не говори мне об этом. Ладно. Я иду в кухню. Спокойной ночи.

- Доброй ночи.

Поль вновь последовал за ним, теперь они спускались вниз и двигались по направлению к заднему двору. Ларик шел заметно медленней. Поль слышал, как он отдавал распоряжения насчет еды усталой полной женщине среднего возраста, которую он оторвал от собственной поздней трапезы. Затем он приготовил легкий холодный ужин для себя и тут же проглотил еду. Поль сохраняя связь, одновременно он почувствовал, как волна голода атаковала его, и голодный желудок отозвался ей призывным бурчанием. Краем глаза он узрел женщину, ставящую еду на поднос.

Ларик прикончил второй бокал вина, вздохнул и медленно поднялся на ноги. Он пожелал женщине доброй ночи, посетил уборную, затем вновь принялся петлять по бесконечным коридорам, вверх и вниз по лестнице. Продолав долгий путь, он оказался в северо-восточном крыле здания.

Поль старательно запоминал хитрые коридоры и маршрут, полагая, что Ларик движется в собственные апартаменты. Но путь шел все ниже и ниже и казалось вел в самую гору. Следы роскоши исчезли. Помещения, по которым они проходили, потухли под плотным слоем пыли, в них явно не ступала нога человека. Они служили свалкой старой сломанной мебели. Над ними царила мрачная, черная пустота. Ларик соорудил небольшой светильник на кончике ножа и поднял его над головой словно факел. Прыгающие блики отбрасывали уродливые тени на голых каменных стенах. Некоторое время он шел прямо, потом свернул в расщелину. Оттуда вниз вел узкий коридор и лестница с грубо высеченными ступенями. Коридор становился все уже и уже, потолок стал нависать все ниже. Поворот. Ларик шел очень медленно и осторожно. Он повернул еще два раза, шаги смолкли. Он подошел к высокому массивному выступу. На вершине его располагалось что-то большое и отражающее.

Он поднял руки и стал цепляться за камни. Огонек погас, как только он начал карабкаться вверх. Поль почувствовал, что его дыхание стало более глубоким. Достигнув вершины, он рухнул на колени и замер. Поль не мог отгадать, что помещалось перед ним, так как что-то вдруг случилось с глазами человека.

Он подождал, но больше ничего не происходило. Появилась долгожданная пища и он прервал контакт.

Покончив с едой, Поль оттолкнул пустой поднос и опять взялся за золотистую нить. Но она извивалась, видения исчезли. Он решил, что лучше прикрепить ее к чему-нибудь и подождать. Ах, да, тот человек устал и не велел беспокоить до утра. Поль соорудил на лавке постель из тряпья и растянулся на нем, укутавшись одеялом. Почти мгновенно он задремал, мириады образов событий последних дней закружились перед его глазами.

Но они быстро таяли, его сознание захватывала иная реальность. Холод на мгновение пронзил его, затем он вновь очутился возле массивных Ворот. Он чувствовал, что за спиной у него кто-то стоит, но был не в состоянии оглянуться - или просто не хотел делать этого. Правая половина Ворот была приоткрыта и вполне позволяла беспрепятственно пройти внутрь. Сквозь щель в Воротах просачивалась легчайшая дымка тумана или дыма. Ощущения, как и раньше, быстро овладели его сознанием, но теперь он не испытывал колебаний и раздвоенности. Он быстро двинулся вперед и вступил на земли загадочной зловещей страны.

Первое, что он увидел, смотрело на него с расстояния нескольких метров. Это была голова. Она была посажена на заостренный кол, открытые глаза невидяще взирали на мир мертвыми глазницами. Голова принадлежала одному из демонических созданий, на ней застыло выражение злобы. Выставка задела его, он почувствовал в ней что-то очень личное, какое-то слишком замысловатое предостережение, которое в первый момент показалось ему очень забавным.

Он ощутил перемены, происходящие в нем; подмигнув наводящей ужас маске, он воспарил к тусклым небесам подобно духу. Под ним среди камней кружились песчаные вихри, вздыбленные порывами ветра. Он летел к югу, двигаясь все быстрее и быстрее. Чувство торжества заполняло его. Он ликовал, жаждал излить свой восторг под трубные фанфары. Он расправил черные, огромные как паруса, крылья и помчался прочь от мертвой земли. Он летел как стрела, вдали замаячил смутный силуэт гор.

Он, Продромоли, жил памятью снов. Другая жизнь стала его реальностью. Он забыл о Воротах, о мертвой голове и о маленьком человечке Поле Дэтсоне, о котором когда-то мечтал. Ничто и никто из того мира было не нужно ему.

Достигнув гор, он бросился грудью прямо на камни, но сильный порыв ветра отшвырнул его обратно. Шесть раз пытался он одолеть горы и шесть раз отбрасывался назад.

На седьмой попытке он одолел сопротивление ветра, его изваяние - умашенное сладостями и пряностями, омытое вином и кровью -

разбилось вдребезги от его крика. Куда бы не падала его тень, там рушились сооружения и монументы, его почитатели падали ниц и умирали. Найлис возникла перед ним подобно башне из черных огней. Они ринулись навстречу блестящим водам неподвижного океана, затем закружились в стремительном танце, взлетая выше и выше, уносясь в безграничные просторы вселенной. Вокруг них горящими факелами падали сверкающие звезды. Ветры вертели их в блестящем хороводе огней, обнося вокруг планеты. Их танец перешел в дикую пляску с бешеным темпом, они проделывали смертельные пируэты, кровь тяжелым молотом стучала в висках. Возле Ледяных Гор он вновь заговорил, вновь засиял Купол над Воротами. и Толкне, Великая Змея Мертвых Вод, прервав свое путешествие д... юю в десять тысяч лет, поднялась из глубин навстречу ему...

Поль, секунду назад знавший о Ключах и клятвах черным богам, внезапно вздрогнул и очутился в собственной келье. Тревога охватила его. Он приподнялся и тут же отодвинулся, уставившись на полупризрачный образ женщины, стоящей около него. Ее руки вытворяли замысловатые жесты, губы шевелились, полупрозрачные глаза неподвижно усталились на него. Он приподнялся повыше и протянул руку.

Она отступила, ее бледная наружность тревожно всколыхнулась. Он отодвинулся еще дальше, постарался изобразить на лице спокойствие и сделал заверительный жест. Она остановилась и стала явственно изучать его. Медленно она подняла руку и указала на него. Затем она повернулась, указала на заднюю стенку кельи, снова повернулась к нему и отрицательно покачала головой. Он озадаченно наморщил лоб, тогда она повторила движения снова. Вдруг она подняла руку и выпрямила все пять пальцев на левой руке и два на правой. Опять покачала головой и повторила серию прежних движений. Он пожал плечами и развел руками.

Она начала вращать руками. Он встал, она попятилась назад. Поль сделал шаг вперед, она отступила. Он молча смотрел, как она отошла к дальней стене и растворилась в ней, оставив лишь аромат экзотических духов.

Он вернулся на скамью и сел. Последовательность женских образов слилась с его прерванным сном в какую-то причудливую галлюцинацию полуреальности-полувымысла. Возможно он все придумал, или ему привиделось. Что он помнит? Только широкие скулы, огромные глаза, маленький подбородок, узкие стрелы бровей и развевающиеся густые волосы. Именно эти черты делали образ запоминающимся и ясным. Он оглядел все вокруг, но она не оставила после себя ни единой нити, по которой бы он мог определить ее реальность.

Он подошел к двери. Он не был уверен, долго ли спал. Усталость все еще давала о себе знать, хотя он чувствовал себя более отдохнувшим, чем раньше. Вероятнее всего, все обитатели замка еще спали.

Тогда это самое подходящее время выйти отсюда и осмотреть замок. Он переключился на внутреннее зрение и внимательно осмотрел дверь.

Результат оказался весьма плачевным. Будто он блуждал в тумане в запотевших очках. Он сконцентрировался на засове, расположенном снаружи, на создании и закреплении нити заклинания, с помощью которой он смог бы открыть засов.

Медленно, очень медленно перед его взором проплыла зеленоватая нить, но она тут же растаяла. Он сосредоточился на родимом пятне и направил волю на возвращение нити.

Родимое пятно в форме дракона бездействовало, он не ощутил знакомой пульсации. Он ощутил лишь легкое пощипывание во всем предплечьи. Нить снова выплыла в поле его зрения, на этот раз он успел схватить ее. Но контакта не было. Она проскальзывала сквозь его пальцы, как будто их вовсе не существовало. Затем нить вновь пропала. Его глаза защипало и зарезало.

Он опустил руки. “Что происходит?” - удивлялся он. Впервые он ощутил собственное бессилие. Мог ли Ларик заблокировать его энергию?

В его памяти всплыли слова Ларика на заключительной стадии посвящения - что такое вполне может произойти, что может не получаться даже самая элементарная работа. Такое может продолжаться в течение нескольких недель. Однако, ведь все работало, ему удавалось многое проделывать, пока они с Лариком добирались до Авинконета. В течение восстановительного периода все может идти наперекос, подумал он, тяжело вздохнув. Тем не менее ему как-то не приходило в голову, что подобное может коснуться и его. Ведь его посвящение оказалось фикцией, обманом. Или он все-таки прошел обряд? Но он ведь прошел по всем станциям и прочувствовал все изменения с сознанием, он ощущал даже приливы энергии в нужное время. Мог ли он должным образом пройти обряд, пока превращался в чудовище?

Он тряхнул головой и снова взялся за эксперимент. В висках застучала кровь. Правое предплечье обожгло словно огнем. Снова он уловил расплывчатые очертания нити, но он был не в состоянии управлять ею.

Он вернулся на скамью и лег, плотнее укрывшись одеялом. Он еще долго думал о загадочной призрачной женщине, прежде чем сон снова одолел его. Об этом сне он потом будет вспоминать, как о кошмаре, в котором он бесконечно бродил вокруг головы демона, насаженной на кол.

Часть IX

Сначала мне показалось, что это просто освещение, хотя я не был уверен. Оно что-то делало со мной или для меня, но я не знал что именно. Оно также способствовало затруднению понимания некоторых аспектов моего естества. В то же время...

Я вошел в Балкин, внутрь этой огромной, черной, сверкающей каменной глыбы, и направился вдоль тоннеля. В самой верхней комнате я некоторое время висел над водой. Там явно присутствовала чужеродная могущественная сила. Она проникала в каждую клеточку моего естества. В некотором роде она была очень разрушительной; я явственно ощущал ее разряды на многих уровнях. Тем не менее я решил продолжить изучение физической структуры и внутреннего устройства горы.

Маршрут, по которому должны будут проследовать будущие волшебники, был явно обозначен на нефизическом уровне специфическими метками. Он включал ряд станций силового воздействия. Я проследовал на следующий пункт и там тоже некоторое время медитировал. Если это должно помочь им обрести иной уровень энергии, то возможно послужит и мне.

Как долго я проторчал на следующей станции, я не мог определить. Долгое время я верил, что предаюсь своим мечтам и, погружаясь в них, забываю о времени. Лишь позднее ко мне закралось сомнение, когда я ощутил нагнетание и увеличение мощности той силы, на волнах которой я блаженствовал. Я быстро помчался по ее следу, к источнику могущественной энергии, и обнаружил его в центре блистающего у подножия горы города. Сила исходила от сидящих по кругу колдунов. Именно в это время я осознал, что уже довольно поздно и вечер в разгаре. Это означало, что посвящение вот-вот начнется, а энергия будет наполнять гору в течение всей ночи. Я бросился обратно, к следующей станции, следуя своим собственным побуждениям. Я хотел наполнить себя, так как чувствовал, что новая энергия поможет восполнить пробелы памяти.

Кое-что странное произошло на четвертой станции, я услышал голос - мучительно знакомый - обращающийся непосредственно ко мне, даже с намеком на некую интимность.

- Фаней, - говорил он, - Фаней.

Это был мужской голос, и мне показалось, будто я понимаю смысл сказанного слова. Голос звучал настойчиво и сурово, в нем чувствовалось приказание. Фаней. Может это мое имя, затерянное в далеком прошлом и предъявленное в такой форме? Нет, пожалуй, это неверно. Фаней.

- Фаней! - прозвучало более повелительно.

Вместе со словом во мне запульсировало чувство долга, зажглось желание следовать непонятному приказу. Но сознание, что это нарушит мои планы, подавило стремление подчиняться.

Я расширялся и сжимался, судорожно метаясь по помещению и отыскивая средство избавления от принуждения.

- Фаней!

Ничего. Здесь не было ничего такого, на что могло быть направлено непонятное приказание, что могло утолить чувство долга.

Я двинулся дальше. Гора наливалась все большей энергией и силой. На следующей станции напряжение было чуть меньше, поэтому я остался здесь чуть подольше. Я снова утратил чувство времени и впал в блаженное состояние транса, которое резко оборвалось приближением процессии кандидатов. Я тотчас бросился к следующему пункту, чтобы мне никто не мешал.

Шестая станция оказалась мне самой дружелюбной. Я размяк и разнежился; заполнив все пространство, я стал впитывать и поглощать бьющую ключом энергию.

Казалось прошло совсем немного времени, но я вновь услышал их приближение. На этот раз я даже не пошевелился. Мне не хотелось двигаться, кроме того, мне пришло в голову, что будет полезно и поучительно посмотреть церемонию ритуала.

Я наблюдал за ними, вот они вошли и встали на свои места. Когда началась речь, я обнаружил, что мое внимание приковано к тому, кого звали Лариком. Я стал внимательно разглядывать его, поняв, почему он заинтересовал меня. Это было чрезвычайное открытие и я еще долго был ошарашен его эффектом, когда мой взор обратился к Полю. Меня поразили изменения происшедшие с ним.

Он согнулся и скрючился, длинные безобразные руки болтались почти у земли. Однако беглое обследование и ощупывание тела показало мне, что его руки, такие отталкивающие, пухлые и длинные, на самом деле не длиннее его собственных рук. Тем не менее он не мог не заметить этого. И если это не беспокоит его, то я не понимаю, почему это должно беспокоить меня.

Но это беспокоило и тревожило.

Дальнейшее обследование выявило, что Поль единственный из всех участников, кто подвергся анатомическим преобразованиям. Только я сделал такой вывод, как началось новое изменение в области плеч и живота. Теперь я мог обнаружить источник метаморфоз и сразу же определил, что уродства вызваны Лариком. Но мотивы его поступка были мне непонятны, так как мысли колдуна становятся абсолютно непостижимы, когда дело касается его собрата. А все остальные головы

не содержали ни единой плохой мысли, они были полностью поглощены созерцанием и пребывали в состоянии транса.

Я подождал конца церемонии и двинулся вместе с ними к следующей станции. Удастся выяснить, что кроется под действиями Ларика или нет, меня не столь занимало. Мне хотелось уяснить методику магического воздействия на Поля.

Я очень тщательно осмотрел и исследовал следующее превращение. Все это можно было более точно назвать передачей или перенесением. Как только нога Поля превратилась в огромную уродливую лапу, я освободился и смог проследить то, что происходит вне горы. Я помчался, кружась словно вихрь по проспектам, где пространство сжимается как губка, а время летит подобно бешенному потоку, неподвластному ничьим законам. Я приблизился к Воротам - к снам, преследующим Поля, которые до сих пор видел лишь мельком. Скользя в них, я оказался на мертвой земле и сразу столкнулся с вопящим существом, полумонстром, получеловеком с родимым пятном в форме дракона на правом предплечье.

- Брат мой, - обратился я к нему, - носи это еще чуть-чуть, покуда все служит человеческому обряду.

Но существо не могло или не захотело меня понять. Оно продолжало душераздирающе орать и биться своим изуродованным телом. Я наслал на него глубокий сон, и он забылся прямо там, в треугольнике серых выступающих камней. Мне хотелось помочь обоим, и Полю и тому чудовищу, хотя это совсем не приносило пользы лично мне. Я сам себя убедил, что в данный момент необходимо мое личное вмешательство - впервые - в дела других, для того чтобы дать благополучный исход всему, в том числе и удовлетворению моих интеллектуальных потребностей.

Но даже тогда я уже начал задумываться.

Еще несколько мгновений я рассматривал эту зачарованную землю, затем развернулся и отправился обратно. Надо мной полыхали молнии и гремели раскаты грома. Я вернулся на исходную точку и тут же уловил мысли в голове Ларика. Это были мысли об Авинконете и тех, кому он служил.

Первый проблеск понимания происходящего озарил меня.

Понаслаждавшись удовлетворением от проделанной работы, я последовал за процессией до следующей станции. там я увидел как произошла трансформация с другой ногой Поля. Это еще больше взволновало меня. Его мозг как и у остальных был во власти дурмана, это убедило меня в том, что он стал жертвой обмана. Хотя я мало знал, чтобы судить о людях, я подумал, что происходящее с ним совсем не справедливо и вовсе не честно, особенно то, что делает Ларик.

Когда мы подошли к следующей станции к уродству Поля добавилось кое-что еще. Один из участников умер. Конечно, он ничего не

значил для меня, но в этот самый момент вновь прозвучало слово "Фаней". Я оглядел остальных, ожидая как они среагируют, но реакции не последовало. Конечно, мертвый человек мог отвлечь их от всего остального, хотя слово прозвучало довольно громко, а несколько мгновений спустя повторилось.

А затем еще раз.

Оно стало навязчивым в своих повторениях. Я сжался, затем расслабился и прислушался. Господи! Как глупо предполагать, что кто-то еще может услышать, если это адресовано только мне, мне одному. Где-то в глубине я сознавал, что понимаю его. Потом опять происшествие.

Тело было перенесено, ритуал пошел своим чередом, и Поль опять стал видоизменяться. В тот момент казалось, что все это не столь важно. Изменения происходили со мной, естественно не на том физическом уровне, что с Полем. Во мне быстро нарастали и крепили новые понятия - свободы воли и предопределенности. К несчастью у меня не было времени предаваться размышлениям, мое внимание было целиком поглощено самим превращением: изменился мой разум. Я придерживался негласной, хорошо усвоенной позиции - не вмешиваться в дела других. И я не вмешивался, так долго, сколько себя помню. Я вновь задумался над своей позицией и решил, что настало время исклчений.

Мне не нравилось, что происходило с Полем, я не мог больше пускать все на самотек. Я должен что-то сделать, хотя - я не был уверен в этом полностью, что могло помочь ему вернуть прежний нормальный вид, чтобы он сам расправился со своими врагами, как сочтет нужным.

Я думал об этом все время, пока мы шли к конечной станции. Голос, твердящий "Фаней", исчез. Я предполагал, что Поль расстанется со своими ступнями. Я внимательно следил за Лариком в те моменты, когда он не руководил действием. Он внушал Полю мысли об Авинконете, где он станет пленником, как только кончится ночной ритуал.

Когда все покинули конечный пункт и вышли в огромную пещеру, я наблюдал как Ларик обездвижил Поля, настав на него паралич. Затем он стал выводить остальных. Мне казалось, что я смогу снять чудовищную оболочку, удерживающую его в нише, но я колебался и не знал, что делать дальше.

Я последовал за первым кандидатом, чтобы познакомиться с заключительной процедурой ритуала. Я видел, что многих учеников встречали наставники, у выхода я заметил Маусглова.

Конечно.

У меня уже был план, когда я вернулся в пещеру. Внезапно я увидел еще волшебника, который ночью навещал Поля по пути на

Балкин. Я остановился и стал наблюдать. от человека исходила необы-
ваялая сила.

Он умело пользовался ей, я понял, что он хочет направить ее на Поля. Я немедленно бросился, надеясь помешать ему. Это было стремление помочь, а не узнать новый механизм силовой передачи. Меня заинтересовала голова чудовища, насаженная на кол. Не могло ли это пригодиться для спасения Поля?

Поль возвращался к своему прежнему виду, затем вновь маскировался. Я понял, что намеривался сделать волшебник, его действия никак не способствовали моему плану. Поль по-прежнему оставался в опасности.

Я вспомнил о теле Крендела, того огненно-рыжего человека, который недавно скончался. В данный момент никто не интересовался им, я проник в него и стал изучать, как оно работает. Я хотел бы, чтобы оно было в форме и готово исполнить поручение. В его форме я хотел встретить Маусглова, ожидавшего снаружи.

Часть X

Маленький человек скользнул в золотистое отверстие в центре комнаты, оно тут же снова сомкнулось за ним. Пульсирующее сияние, оптический обман, взгляд сквозь любое пространство - все это далеко не исчерпывало всех возможностей роскошной комнаты. Вместе с тем глаз неотступно следил за удаляющимся человеком в черных одеждах, который проследовал сквозь высокую украшенную гобеленами стену и далее по аркообразной галерее, мимо колонады света и тьмы.

Затем сверкающий хрусталик сжался, сверкнул и погас. Ибал откинулся на подушки. Внезапно его дыхание участилось и стало глубже; на лбу заблестели капельки пота.

Вонни, сидящая возле него на коленях, нежно промокнула его лицо голубым шелковым платочком.

- Совсем немного, - сказала она, - можно считать проход достаточным.

Он улыбнулся.

- Это просто напряжение, - признался он, - и, говоря по правде, не то, что я намеревался сделать вновь. Сейчас, однако...

- ... все по-другому, - закончила она.

Он кивнул.

- Что ты собираешься делать?

- Набираться сил.

- Ты знаешь, я не это имела в виду.

- Хорошо. Набираться сил и забыть. Я протянул ему руку помощи. Мое благородство удовлетворено.

- Так ли? Правда?

Он вздохнул.

- В моем возрасте, слава и уважение - это все, что я могу себе позволить. Те дни, когда я увлекался подобными авантюрами, давно канули в прошлое.

Ее руки нежно скользнули по его волосам, обняли мускулистые плечи и погладили их. Затем она взяла бокал с холодным искрящимся вином и поднесла к его губам.

- Ты убежден в своей оценке случившегося? - наконец поинтересовалась она.

- Только боги знают, что еще может произойти! - воскликнул он.
- Что-то крайне неестественное направило Маусглова ко мне. Тем более эта история о юноше, которому я покровительствовал. Странно, он оказался сыном старого Дета и был похищен Райлом Мерсоном. Мое благородство подсказывает, что я должен кое-что сделать для моего протеже, иначе Райл Мерсон погубит его. Что я и сделал. К счастью, единственное, что хотел Маусглов - это как можно быстрее переправить его обратно в Рондова - я только что осуществил это.

- И этого достаточно?

- Конечно, нет, если бы он был моим учеником. Но я только сделал ему одолжение. Я слишком мало знаю его.

- Но..., - начала она.

- Все, - ответил он.

- Нет, я не о том.

- Тогда что?

- То, что ты сказал в самом начале, разве это может быть правдой?

- Я забыл о чем говорил.

- Ты сказал, что это продолжение того, что произошло еще до рождения Поля...

- Я лишь предположил это.

- ... это то, что ведет к войнам.

Он взял кубок из ее рук и отпил глоток.

- Да, я уверен в этом, - наконец изрек он.

- То, что вновь откроет дорогу тому бизнесу?

Он пожал плечами.

- Или полностью закроет его. Да. Я думаю, это может произойти - или этот Райл верит, что это может произойти. Опять все сначала.

Он отставил кубок, поднял руки и внимательно посмотрел на них.

- Поль, по-видимому, проявил излишний интерес к чему-то очень могущественному и сверхъестественному, - сказал он, - но на его пути встречаются надежные друзья.

- Я говорю не о Поле. Я думаю о ситуации в целом, частью которой он стал. Это место - целое сборище весьма искусных представителей магии. Подобное случается лишь раз в четыре года. По-моему, это больше, чем простое совпадение. Ты не думаешь, что нам следует обратить их внимание на случившееся?

Ибал рассмеялся.

- Остановись и задумайся на минутку, - произнес он сквозь смех.
- Я думаю, это самое худшее, что можно предпринять. В этом конфликте есть привлекательные стороны для обоих кланов. Некоторые усмотрят в нем выгоду, некоторые нет. Неужели ты действительно

думаешь, что мы сможем добиться консенсуса? Мы можем начать следующую войну прямо здесь, если ты, конечно, хочешь.

Пока он говорил, Вонни напряглась, ее глаза расширились от удивления.

- Господи! - воскликнула она. - Ты можешь быть прав!

- Так, а почему мы забыли о общей ситуации? - проговорил он. Он взял ее за руки. - И точно знаю, как взяться за это дело.

- По-моему у меня началась головная боль, - промолвила Вонни.

Маусглов не оглядывался назад. Он отнесся к колдуну, отправившему его в Рондовал, как к необходимости. Если магия обернется против него, то случится непоправимое. Но если она поможет ему, он будет несказанно благодарен. Пока он не встретился с Полем, он стремился избегать внимания колдунов, не признавал их. Он произнес слова благодарности Давстиру, покровителю воров, лишь он один оказывался полезным ему. Он молча молился ему, проваливаясь в космическую бездну и летя рядом со звездами.

Он обнаружил связку нитей заклинаний, которые оставил Польш, взялся за один узелок и произнес нужные слова. Затем повернулся и без всяких колебаний направился позапутанному лабиринту коридоров, ведущих в подземелье.

Он долго блуждал по холодным тоннелям с пляшущими тенями, прежде чем достиг входа, где огромная плита Поля возвышалась среди руин.

Пробираясь между валунами, он вышел к месту, где умирает эхо, а стены и крыша теряются из вида; к месту, где кружится голова от звериной вони, а факелы меркнут в крошечной мгле. Оно тоже было знакомо ему и он смело шагнул вперед, не испытывая той дрожи и трепета, которые испытывал несколькими месяцами раньше.

Многочисленные нагромождения чешуйчатых и шерстистых тел преграждали ему путь, большинство из них спало околдованным сном так же, как и он спал раньше. Некоторые предавались обычным дневным, недельным и месячным спячкам.

Идя к знакомой нише, он удивлялся тому, как когда-то сам спал здесь долгим сном. Он мог оказаться совсем в другом уголке мира, но где бы он ни был, его постоянно влекло сюда - хотя эта склонность не доставляла ему удовольствия. Проспав магическим сном двадцать лет под одной оболочкой заклятия вместе с Лунной Птицей, в нем зародилось странное чувство - что-то очень напоминающее дружбу и привязанность к гигантскому дракону. Он много раз пытался объяснить для себя эту странную связь, придумывая сложные доказательства, основанные на собственной индивидуальности. Нет, ему совсем не нравились подобные размышления.

Подойдя к тому месту, где обычно отдыхал Лунная Птица, он в изнеможении прислонился к огромному валуну.

- Маусглов! Сколько времени мы не виделись!

Маусглов вздрогнул и отпрянул. Горный выступ оказался плечом дракона. Но он тут же успокоился и положил руку на плечо дракона:

- Да, я вернулся, - ответил он. - Случилась беда. Нам нужна твоя помощь.

Маусглов почувствовал, как зашевелилось огромное мощное тело. Лунная Птица начал вставать.

- Что случилось? - спросил он.

- Мы должны добраться до горы Анвил, отыскать там скипетр Поля и вернуть его ему.

- Он бросил его в огненный кратер. Он сам говорил об этом.

- Да, мне он тоже говорил...

- Но я вернулся и огонь умер. Сейчас там лишь серые камни. Но я не знаю, как глубоко я закопал его. Нужны инструменты.

Маусглов на мгновение задумался.

- Там есть комната, возле заднего двора, - проговорил он, вспоминая. - Я пойду туда и поищу какие-нибудь инструменты. Встретимся во дворе.

- Мне легче доставить тебя туда. Это будет быстрее.

- Хорошо...

- Влезай!

Маусглов вскарабкался ему на спину. Минуту спустя они уже летели.

Часть XI

Поль проснулся от яркого света, бьющего прямо в лицо. Он повертел головой, стараясь уклониться от него, затем сел и открыл глаза.

Дверь в келью была приоткрыта.

Неужели кто-то шел к нему, а затем столкнулся с чем-то? Он прислушался. Из коридора не раздавалось ни звука.

Он осторожно встал на ноги. Он прошел по келье и остановился в том месте, где стоял раньше, безуспешно пытаясь сотворить заклятие; там, где начали саднить его глаза.

Что это? Иллюзия? Чтобы помучить его?

Он протянул руки к дверному косяку, и потрогал его. Затем легонько толкнул дверь. Она чуть-чуть сдвинулась. В этот момент он почувствовал, что кто-то беззвучно смеется над ним. Все выглядело, как будто нечто неясное злое потешалось, видя его замешательство, его трепет - это нечто обитало за гранью реальности и не имело с ним ничего общего. Он застыл в ожидании повторения ужасного смеха, но везде царила тишина.

Наконец он рискнул идти вперед и вышел в коридор. Нигде никого не было.

- Что теперь? - думал он. Следует ли ему пройти тем маршрутом, которым шел Ларик? Или стоит обследовать замок? А может лучше спуститься во двор, взять одну из летающих лошадок и покончить со всем?

Последнее показалось ему более правильным. Улететь, спрятаться и подождать, когда силы вернуться к нему. Тогда он сможет отправиться в Рондовал, сбросить свою чудовищную оболочку, снова вернуться сюда и разнести это злое место в пух и прах, как когда-то на горе Анвил. Это лучше, чем остаться в логове врага совсем беспомощным и послушным как игрушка.

Он повернулся в сторону двора с конюшнями. В тот же момент он застыл на месте.

Бледное прозрачное пламя преграждало ему путь.

- Угу, значит мой шанс не является в полном смысле шансом, - грустно произнес Поль.

- А он у тебя есть? - прозвучал знакомый иронический голосок у него в голове.

- Я пытаюсь отгадать, что мне останется.

- Как и в большинстве случаев, - прозвучал ответ. Теперь в нем проскальзывали миролюбивые нотки.

- Я не могу определить друг ты или враг.

- Мы - представители. Однажды мы уже помогали тебе.

- А теперь...

- А у тебя есть причины сомневаться в тех, кто раньше помогал тебе?

- У меня возникло чувство, что меня вовлекли в чужую игру.

- Я бы лучше сказал, что тебя вытянули оттуда.

- Ну это весьма спорное утверждение. Но вы говорите, что вы - представители. Представители чего?

- Перемены.

- Это слово можно понимать по-разному. Может вы уточните? Что-нибудь более конкретное?

- Две силы правят миром: наука и магия. Иногда они враждуют друг с другом. Мы представляем сторону магии.

- Но это место едва ли можно назвать оплотом технологии.

- Нет. Столкновения и сопоставления здесь ни причем.

- Черт побери! Получить от вас ясный ответ, все равно что подоить дикую кошку. Почему вы не можете просто сказать мне, что здесь замешано?

- Правда - это священная штука и мы свято охраняем ее.

- Я думаю, вы хотите сотрудничать со мной?

- Именно поэтому мы помогаем тебе вновь.

Поль попытался перейти к внутреннему зрению. Теперь все прошло легко и гладко. Он уловил человеческие очертания внутри пламени - маленькая мужеподобная фигурка, голова ее склонилась на грудь, руки скрывались в длинных рукавах. Оранжевая нить вилась возле правой руки Поля, на дальнем конце ее колыхалось пламя. Поль схватил ее пальцами и сжал в руке, спутав клубок. Родимое пятно тут же откликнулось пульсацией.

- Теперь ты скажешь мне все, что я захочу... - начал он.

Внезапно его руку обожгло словно огнем. Боль захлестнула его, в бессилии он опустился на колени. Внутреннее зрение иссякло. Рука невыносимо ныла.

- Я был вынужден так поступить, - зазвучал голос в его мозгу.

- Ладно, - процедил он сквозь зубы. - Я сам найду правильный выход.

- Это было бы куда проще и сэкономило бы тебе массу времени, чем бесплодные разговоры о том, что и кто здесь замешан.

Поль поднялся, поддерживая болящую руку здоровой.

- Ладно, будем надеяться, что вы окажитесь полезными этой ночью.

- Так и есть. Повернись и следуй за другим представителем.

Поль повернулся и увидел второй язычок пламени. Этот был величиной с ладонь, он висел посредине коридора на расстоянии вытянутой руки от него. Как только его взгляд обратился к нему, огонек начал медленно удаляться вглубь коридора. Поль последовал за ним.

Он повел его по огромному холлу, заставленному уродливыми статуэтками людей и нелюдей. Все было окрашено красноватыми отблесками; блики плясали и пульсировали, создавая иллюзию, что движутся каменные фигуры. Воздух был вязким и застревал в легких, он старался как можно дольше не дышать. Ему удалось задержать дыхание до тех пор, пока они не покинули это помещение. В некоторых помещениях и холлах еще сохранился прежний лоск, это давало смутное представление о былом убранстве комнат и их обитателях. Родимое пятно в форме дракона отчаянно запульсировало, лишь только они вступили в это место. Бешенный пульс не прекращался, пока они не миновали нежилые апартаменты.

Он спустился вниз по каменной лестнице; каждая следующая ступенька казалась грубее и шершавее предыдущей. Он миновал мрачные помещения и длинные унылые коридоры. По тому пути, который он проделал вниз, он мог судить, что находится как раз под замком, в сердце самой горы. В тот же момент он рискнул оглянуться назад и увидел другое пламя у себя за спиной. Он так же увидел тени, плавающие будто в жидкости. Они были вполне осязаемые; по его спине пробежал холодок страха, и он поспешил догнать своего таинственного гида.

Комнаты и коридоры, которыми он проходил, были покрыты многолетним слоем пыли. Лишь одно помещение немного приободрило его, заставило вздрогнуть - это камера пыток - оно было оборудовано всем необходимым - цепями, дыбой, щипцами, клещами, гирями, дробилками, кнутами, плетками и огромным набором всевозможных ножей. Все это было покрыто пятнами, ржавчиной, затянато пыльной паутиной. В каждом углу валялись кости, их давным давно огрызли и облизали крысы, и теперь они белели бесформенными грудками. Поль провел по стене ногтем, эхо многократно повторило скрипучий скрежет. Когда он перешел на внутреннее зрение, он уловил незримые следы жестоких действий, происходивших здесь много лет назад. Зверские драмы всюду оставили несмываемые следы. В мрачном расположении духа он вернулся к обычному восприятию.

- Кто..., - прошептал он, обращаясь скорее только к себе, - ответит за все это?

- Бывший лорд, Райл Мерсон, - прозвучал в голове немедленный ответ.

- Он был чудовищем!

- Когда-то подобные вещи широко практиковались. Он прекратил эту практику около четверти века тому назад, утверждая о своем раскаянии. Говорят, что с тех пор он вел относительно безупречную, возможно даже добродетельную жизнь.

- И это правда?

- Кто может сказать о том, что прячется на сердце человека? Возможно, он не мог признаться в этом даже себе.

- Все это для меня слишком загадочно. Я должен признаться в своих предубеждениях, но, в любом случае, как можно назвать безупречным и добродетельным его обращение со мной - это можно отнести и к его лакею, Ларику.

- У людей всегда есть причины для поступков. Мотивы и стремления редко имеют подходящие моральные оттенки.

- А вы? Вы тоже такие?

- Нас нельзя назвать ни моральными, ни аморальными, в наших действиях нет ни намека на свободу.

- Тем не менее что-то заставляет вас следовать тому курсу, которым вы следуете. Это и есть решение.

- Это только кажется - была ли ирония в этих словах?

- И ничего нельзя изменить, да?

- Ничего.

Они прошли около емкости, распространяющей зловоние, на дне ее что-то плескалось. Пол в углублении, по соседству с вентиляционной шахтой, был влажным и покрыт каплями, влага образовывала причудливые иероглифы. Стены в помещении залипли мутной слизью. Внезапно Поль почувствовал всю тяжесть горной массы и земли у себя над головой, ощутил тяжелое дыхание скалы.

Он удивился короткой беседе, внезапно всплывшей в памяти и напомнившей о заявлении Семерки после сражения на горе Анвил. Тогда создалось впечатление, что их действия чем-то предопределены. Во всяком случае они совпадали с тем малым, о чем они говорили. Но существовало что-то еще, что-то большее, чем он мог вспомнить о них. Именно это было главным, но оно как забытое сновидение все время ускользало от него...

Все попытки вспомнить забытое тут же оборвались, лишь только они свернули за угол и остановились. Что было впереди коридор или комната, он не мог определить. Все пространство было окутано туманом - сизый дым закрыл весь обзор, хотя запах не ощущался. Пламя

замерло, как только он остановился, теперь огонек был совсем рядом. Он стал ярче, внутри него появились зеленоватые блики.

- Что за черт! - воскликнул Поль. - Что это?

- Простое перераспределение эфира.

- Я не верю в эфир.

- Тогда называй его как-нибудь по-другому. Возможно ты внесешь вклад в будущую лексикографию. Мы знаем, что подобные вещи отличаются от тех вещей, среди которых ты вырос.

- Будь я проклят. Это уже кое-что. Так вы знаете мою историю.

- Мы были свидетелями твоего выдворения из этого мира. Мы видели как ты вернулся.

- Очень интересно. Однако ваши замечания подсказывают мне, что вы совсем не знаете о положении вещей там, где я вырос.

- Это правда, хотя мы смогли многое узнать и о многом сделать выводы, изучая твои действия и реакции с самого момента возвращения. Например, знание технологии, которую ты демонстрировал...

Огонек возле него погас. Поль неподвижно стоял в темноте, уставившись на слабо люминисцирующий туман. Он прислушивался к ударам сердца и вызывал огонек из драконова пятна.

Наконец голубой язычок пламени появился перед ним в том месте, где был предыдущий огонек.

- Пошли!

Этот голос был женским, в нем чувствовалась власть.

- А что стряслось с другим моим гидом? - спросил он.

- Он слишком много болтал. Пошли!

Поль очень удивился. Неужели ему удалось отыскать трещинку в их сверхпрочной броне?

- Я подошел слишком близко к чему-то, что вы не хотите, чтобы я знал.

Ответа не последовало. Голубое пламя стало медленно отплывать от него. Поль не шевелился.

- Знаешь, о чем я думаю? - произнес он. - Я думаю, что вы хотите использовать меня как сына моего отца. Это он создал вас. Я связан особыми узами с Рондовалом, а вы только и можете, что служить заданной цели.

Огонек замер и затрепетал.

- Ты не прав.

- Я и не думал, что это понравится вам, - продолжал он, совершенно игнорируя ответ, - все ваши разговоры о предопределенности и детерминизме... Для вас я - продукт другого мира, и вы не можете рассматривать меня на равне с теми, кто всю жизнь провел в этом мире.

Для вас я лишь случайный фактор, шальной фант, но у вас нет выхода, вы все равно должны взаимодействовать со мной. Прошлой ночью вы захотели удивить меня, произвести впечатление, чтобы я оказался более сговорчивым, послушным. Я заявляю вам, что вижу вещи совсем иначе, что дисплей горы Анвил - лишь пустяки по сравнению с тем, что я видел и знаю. Я готов встретить во всеоружии любые ваши попытки обескуражить меня.

- Ты закончил?

- Пока да.

- Тогда продолжим путь.

Пламя медленно двинулось вперед. Поль пошел следом. Казалось его сносит чуть влево, но он не видел никаких выступающих объектов, которые следовало бы обогнуть. Он тащился вперед, едва передвигая ногами. Бледно светящаяся дымка клубилась и кипела над его головой. Она кишела бесчисленным множеством двигающихся теней.

Он сменил направление. Эхо его шагов заглохло. Поль не мог точно определить двигался ли он вдоль длинного петляющего коридора, или он повернул обратно и оказался в одной из комнат. Так как он не мог нащупать руками стен, он предполагал, что последнее более соответствует реальности. Но вокруг не было ни намека, способного подтвердить хоть одну версию.

Тени приблизились к нему, их очертания стали отчетливее. Некоторые имели человеческие очертания, а некоторые нет. Над головой проплыл силуэт дракона, казалось он парит высоко в небе. Тени молча шли рядом с ним, не обгоняя и не выбегая вперед. Он попытался перейти на внутреннее зрение, но все осталось без изменений.

Внезапно, прямо перед ним выросла фигура - огромная, румяная, лысая, с большими умелыми руками. Огонек спикировал назад, возможно он пристроился где-то неподалеку.

- Отец! - воскликнул Поль, останавливаясь.

Рот его приемного отца скривила полуулыбка.

- Что ты делаешь в этом аду? - спросил он. - Ты так нужен нам дома, нужен как продолжатель дела.

- Ты не настоящ..., - произнес Поль, запнувшись.

Но Майкл Чейн выглядел внушительно. Выражение его лица - интонация речи - все было в точности Майкла Чейна после нескольких бокалов.

- Ты всегда приносил мне одно разочарование. Всегда.

- Отец...?

- Ладно, продолжай играть в свои глупые игры. Терзай материнское сердце.

Отмахнувшись от него, высокая фигура повернулась и направилась прочь.

- Отец! Подожди!

Он бросился в клубящийся туман.

- Это - обман! - закричал Поль, со злостью обращаясь к пламени.

- Я не знаю, как вам удалось получить его, и зачем это нужно, но это - подлый обман!

- Жизнь полна обманов. Сама жизнь может оказаться обманом.

Он отвернулся.

- Почему мы застряли здесь, в темноте? Я думал вы хотите отвести меня в более важное место?

- Ты первым остановился.

- Ладно, пошли дальше.

Он вновь повернулся.

Бетти Льюис, одетая в обтягивающее длинное вечернее платье, стояла слева от него. Ее фигура манила и влекла, она казалась совсем близкой и реальной...

- Мог бы предупредить, - сказала она, - возможно между нами не было сильного чувства, но ты, по крайней мере, мог попрощаться.

- Я не мог, - ответил он, - у меня не было дороги назад.

- Ты такой же, как все, - промолвила она. Туман между ними сделался гуще, Бетти медленно растворялась в нем.

- Я понял, чего вы добиваетесь, - бросил Поль пламени, - но это не сработает.

- Это иллюзии данного места. Ты сам вызываешь их.

Поль шагнул вперед.

- Вы привели меня сюда!

- Поль? - раздался знакомый голос справа от него. По его телу прокатилась волна дрожи.

- Черт с тобой! - бросил Поль, не оборачиваясь. - Эй, пламя, пошли!

Пламя послушно скользнуло вперед, Поль последовал за ним. Тень, по-прежнему, стояла справа от него.

- Поль!

Он даже не посмотрел на нее. Но в поле его зрения появилась рука - мускулистая, покрытая рыжими волосками, на запястьи широкий браслет с кнопками и индикаторами, сигнальными сенсорами - но даже увидев его, он не поверил в реальность образа.

Пока рука не взяла его за плечо и не развернула на себя.

- Я чувствую твоё пожатие, - медленно, растягивая слова, проговорил Польш.

- Я чувствую твоё тепло, - произнес другой.

Польш поднял глаза, перед ним стоял Марк Мараксон, грубоватый и мужественный. Вместо левого глаза вставлена линза. Она светилась глубоким, голубым светом.

- Ты не оставил мне другого выхода, - ответил Польш.

- Ты забрал моё имя, моих родителей, ты украл мою девушку...

- Нет! - закричал Польш.

- ...Ты отнял мою жизнь, - закончил Марк. Линза искусственного глаза стала чёрной как смола, щеки налились кровью, затем вновь побледнели.

Польш вскрикнул.

Его рука, сквозь кожу которой просвечивали кости, медленно отдалялась от него. Фигура растворилась в тумане. Лишь чёрная линза злобно сверкала, но вскоре и она исчезла.

Поля трясло, как в лихорадке. Он закрыл ладонями лицо, затем убрал руки.

На том месте, где стоял Марк, теперь была Нора. На её личике застыла маска безразличия.

- Это правда, - сказала она, - ты убил человека, которого я любила.

- Подожди!

Он побежал и почти догнал её. Но её тень затерялась в толпе других. Он тоже повернулся и побрёл прочь, идя то в одну, то в другую сторону.

- Вернись!

- Польш! Остановись! Сохраняй самообладание!

Он обернулся. Перед ним стоял старый Мор, опираясь на посох.

- Ради того, что я вижу теперь перед собой, не стоило возвращать тебя на родную землю, - сказал дряхлый колдун, - лучше бы Марк осуществил свою бредовую идею, чем то, что сделал ты.

- Я не понимаю, о чём ты говоришь, - ответил Польш. - Скажи мне то, о чём я хочу узнать!

Образ Мора вспыхнул ярким пламенем и исчез.

- Стой рядом со мной, - донеслось из пламени, - это уже выходит за рамки всякого контроля.

- Чьего контроля? - спросил Польш, разворачиваясь.

Стел, кентавр, стояла возле него, глядя прямо в глаза.

- Ты подорвал наше доверие, - произнесла она, - хотя ты поклялся на своём скипетре в обратном.

- Я не подрывал веры, - повторил он.

- Злой сын злого отца!

Поль повернулся и зашагал прочь.

- Вернись! - теперь в голосе звучали нотки угрозы.

Гигантская фигура с собачьей головой показала из-за пирамиды, внезапно выросшей перед ним.

- Вор! Разрушитель Магического треугольника Инта! - раздалось у него в голове.

- Я ничего не украл, я взял лишь то, что принадлежало мне, - сказал Поль.

- Проклинаю всех воров, их нужно травить собаками, сжить со света!

- Подавись своими проклятиями, - ответил Поль, - я побил тебя однажды. Теперь я не боюсь тебя.

Поль шагнул в сторону раскачивающейся фигуры.

- Стой! Они начинены энергией! Он действительно может ударить тебя! - слова почти выскочили из пламени. Огонек встал между ними, ярко вопя.

Собакоголовый поднял правую лапу. Поль стремительно развернулся и побежал.

- Стой!

Маленькая фигурка выскочила прямо на него. Это был беленький зверек с длинными ушами, одетый в кафтан. Он вертел носом и что-то вынюхивал.

- Снова опаздал! - произнес зверек. - Моя голова надежна как ад!

Он внимательно посмотрел на Поля.

- И твоя тоже, - успел сказать он и исчез.

Поль хотел пойти за ним.

- Стой! Не шевелись! Здесь...

Он почти столкнулся с мужчиной, им оказался неизвестный колдун, с которым он сражался в Рондовале. Поль попятился от него.

Колдун вскинул правую руку, тотчас в ней появился длинный нож. Он направил его прямо Полю в грудь.

Поль упал на землю и покатился. Он катился и полз до тех пор, пока не удалился от этого места на достаточное расстояние.

Еще несколько мгновений он неподвижно лежал, затем медленно поднялся на ноги. Другой человек быстро шел навстречу ему, подходя близко, он остановился. Это был высокий мужчина с царственной осанкой. Черная прядь вороновым крылом выделялось на его белых густых волосах. Поль сразу понял, что черты лица незнакомца были копией его лица.

- Ты...? - нерешительно спросил Поль.

- Дет Морсон, твой отец, - тут же прозвучал ответ.

- Хорошо, прокляни меня и ты и иди своей дорогой, - Поль резко бросил ему, выпрямляясь. Ведь здесь такая игра, правда?

- Я не являюсь частью этой игры. Я лишь воспользовался случаем, - он протянул руку и нежно потрепал Поля по щеке. - Какой бы путь ты не выбрал, чтобы не решил, как бы не сложились обстоятельства, - сказал он. - Твоим главным врагом будет Одержимый Магией.

- Как Одержимый Магией? Я думал это просто слово для обозначения...

- Генри Спайер - великий из Одержимых Магией, он единственный известен здесь.

- Что это за имя - Генри Спайер? Здесь...

Пламя вспыхнуло ярким языком и вторглось между ними.

- Назад, Дет! Возвращайся в свой особый ад! - провозгласил голос из пламени. - Твоя власть над нами кончилась!

Дет поднял руки, затем скрестил их на груди. Пламя стало пожирать его образ словно заразный предмет. Вдруг он поднял голову и внимательно посмотрел на Поля.

- Белфанио, - сказал он, - вспомни это имя в минуты нужды и опасности.

Поль открыл было рот, чтобы задать вопрос, но Дет уже был сметен порывом огненного ветра.

Пламя, плясавшее около него, стало гаснуть, уменьшаться, приобретая прежний размер и цвет.

- Что ты думаешь об этом? - полюбопытствовал огонек.

- Без понятия, - ответил Поль.

- Что он еще сказал тебе?

- Ничего. У него не было времени.

- Ты лжешь.

- Правда - это такая священная штука и я свято охраняю ее. Пламя замерло. Он ощутил признаки замешательства и гнева, но слов не последовало. Пауза затягивалась.

Затем, словно пожав плечами, пламя колыхнулось и поплыло влево. Поль пошел за ним. Тени по-прежнему следовали около него, но теперь они не приближались. Пламя полетело с большой скоростью, и Полю пришлось перейти на полубег.

Туман начал рассеиваться. Поль увидел стену слева от него, справа ничего не было. Вскоре перед ним показалась арка, он прошел в нее и почувствовал, что к нему вернулись нормальные эмоции и чувства.

По эту сторону арки тумана совсем не было, только легкая прозрачная дымка и слабый запах свежееклеенной обивки.

- По-моему, мы все время ходим возле одной большой комнаты, правда? - спросил Поль.

Ответа не было.

- Все в этом месте так или иначе сходится на мне. Ведь так? - снова заговорил Поль.

Опять молчание.

- Ладно, - произнес он.

Они подошли к лестнице, ведущей вверх.

- Если все, что вы хотите от меня, - это сотрудничество, тогда запомните: ваш клиент совсем не горит от счастья.

Они стали подниматься по лестнице.

Внезапно он ощутил прилив веселья. В драконовом родимом пятне появились знакомые импульсы. Они поднялись по лестнице и прошли по хорошо меблированной, хотя и нежилой комнате. Выйдя из нее, они вновь вышли на лестницу, ведущую вверх. Взобравшись по ней, Поль вдруг понял, что они находятся в восточном или северном крыле здания и что он уже мысленно проходил здесь вместе с Лариком.

- Мы идем обходным путем? - спросил он.

- В этом есть необходимость.

- Почему?

- Чтобы избежать нежелательных встреч с обитателями.

- И это единственная причина?

- А что еще?

- Чтобы затруднить мне задачу или произвести впечатление?

- Ты слишком превозносишь себя

- Это больше относится к вам.

- Мы учтем.

Они повернули налево и пошли по узкому коридору. Затем направо в комнату с огромным окном с видом на голую пустынную равнину, освещаемую блеклыми звездами. В комнате стояла старая сломанная мебель, предназначенная для чего угодно, только не для прямого использования. Они вышли в другую комнату, тоже служащую свалкой вещей. Поль с отвращением отбросил паутину, попавшую ему на лицо. Крыса с визгом перебежала ему дорогу и затаилась под древним креслом.

Еще через две комнаты, в холле с несколькими дверями, его вновь охватило чувство, что он уже был здесь. Он был уверен, что Ларик проходил здесь раньше.

Когда он вновь оказался перед лестницей вверх, усталость стала одолевать его. Они повернулись налево и направились по тоннелю к месту, где грубо высеченные ступени убегают глубоко вниз. Пламя полетело еще быстрее, теперь оно светилось очень ярко. Полю пришлось почти бежать, чтобы не отставать. На бегу он дотронулся до каменной стены и обнаружил, что она шершавая и влажная. Да, именно этим маршрутом шел Ларик.

Он сбился со счета, запоминая повороты, наконец, перед ним оказался темный каменный выступ с сияющим предметом наверху. Пламя медленно поползло по выступу. Поль стал карабкаться вслед.

- Что это? - спросил он, отдышавшись.
- То, что нам нужно.
- Вы очень любезны.
- Гораздо больше, чем ты подразумеваешь.

Спустя несколько минут, он увидел гроб. Он был закрыт выпуклой прозрачной крышкой. Подойдя ближе, он вздрогнул и замер: в гробу находилось тело его ночной посетительницы. Широкие скулы, маленький подбородок, волнистые пряди волос. В ярком свете своего гида он разглядел, что волосы были золотисто-каштановыми. Черты лица не были незнакомыми ему.

- Привидение..., - выдохнул он.
 - Говорят, ее дух и сейчас блуждает по замку, но это не имеет значения. Сними крышку.
 - Как?
 - Там есть запоры по сторонам и с концов.
- Поль продолжал вглядываться в бледные черты.
- За что страдает Снежная Дева? - наконец спросил он.
 - Прости, что ты сказал?
 - Почему она под стеклом?
 - Ее отец, Райл Мерсон, хочет видеть ее всегда.
 - Он что, болен? Я думаю он наложил бы на нее охранную оболочку - если она умерла много лет назад.
 - Это было очень давно. Открой крышку.
 - Зачем?
 - Чтобы вынуть ее.
 - Зачем вынимать ее?
 - Ее присутствие необходимо везде. Делай, что тебе говорят!
 - Ладно, хотя ей, по-моему, и здесь неплохо.
 - Ты понесешь ее на руках.

Пламя загорелось ярче и Поль смог разглядеть углубление за гробом. Оно вело в тоннель. Он осмотрел гроб и нашел задвижки... Один за одним он стал открывать замки. Он обхватил руками крышку и потянул ее. Крышка не поддавалась. Он вновь и вновь прилагал усилия. Внезапно пронзительно взвизгнув, крышка стала медленно подниматься. Он снял ее и положил на землю. Затем он склонился над женщиной и стал внимательно разглядывать ее, ища признаки какой-нибудь болезни.

- Как ее звали? - спросил он.

- Тайза. Бери ее и неси.

Пламя поплыло к углублению в стене. Поль поднял женщину на руки. Приятный знакомый аромат изысканной парфюмерии защекотал его ноздри.

- Почему она умерла? - спросил Поль, обходя катафалк и подходя к нише в стене.

- Жертва случайности в долгой запутанной борьбе.

Он обошел могильную плиту и вошел в тоннель вслед за движущимся огоньком.

Через некоторое время огонек круто повернул влево, Поль почувствовал, что тоннель ведет вверх. Тяжелое предчувствие, появившееся в нем с момента пробуждения, теперь стало особенно ощутимым. Он чувствовал, что подходит к кульминации, движется в самое сердце таинства; тайны, которая носит очень личный характер, и где ему предстоит сыграть главную роль.

Снова поворот, и он оказался в огромной комнате с высокими потолками. Комната была вырублена прямо в скале. Большое прямоугольное отверстие на стене слева открывало вид на бледнеющее небо и верхние террасы горы. В центре стояли тяжелые стулья и длинный стол. У дальней стены...

Он остановился и огляделся.

- Неси ее сюда.

Медленно, почти механически, его тело исполнило приказ. Он едва понимал, что делает, его глаза были прикованы к дальней стене.

- Положи ее здесь. Нет. Головой в другую сторону.

Поль опустил тело Тайзы на наклонную плиту, ногами к возвышению. Ее голова оказалась в широком углублении, вырубленном в серой породе. Автоматически, он накрыл ее голубой накидкой и поправил платье. Сделав это, он заметил широкий мелкий бассейн прямо под концом с углублением. На его краях лежал крест из черного камня. Он механически отметил все это, не придав им значения. Его внимание по-прежнему было приковано к другому.

Он в ужасе смотрел на стену перед собой, там находилась массивная двухстворчатая дверь. Его лоб покрылся испариной, руки дрожали, когда он отходил от тела и двигался вперед.

Это были Ворота его забытых снов, теперь представшие перед ним во всей мощи и величии.

Он подошел ближе. Двери были массивными, прочными с железной обивкой и инкрустациями из черного дерева. Казалось на них нет замков и запоров, только петли и фигурные ободки.

Прямо на Воротах был выгравирован и выжжен искусно сделанный, сложный рисунок. В центре помещалось изображение огромной змеи, взмывшей над гладью вод. В ее тело были вбиты три массивных гвоздя - один в шее, один в хвосте и один в середине тела.

Подняв глаза, он увидел знакомые очертания громадного, птицеподобного существа черного цвета. Большие, словно паруса, крылья были вгравированы в скалу. В нем тоже торчали гвозди - по одному в каждом крыле.

Поль продвинулся еще на шаг вперед, его дыхание сделалось прерывистым и тяжелым. Он снова стал Прододроли, Открывающим Путь, посягнувшим на небеса самого Бога. Под ним, взмыв из глубин, извивалось могучими кольцами тело Толкне, Великой Змеи Мертвых Вод, поднимаясь навстречу ему. Найалис пронзительно крикнула, предупреждая его. Крик содрогнул горы; все, что таилось в их сердцах, выплеснулось наружу. Описав в воздухе круг, он стал падать грудью навстречу гладкому зеркалу воды...

Он тут же пришел в себя, вспомнив о Ключах и о обещании черным богам вывести людей с проклятых земель, соединить разделенные пространства, открыть новый светлый путь между мирами. А Ключи...

Ключи!

Статуетки и есть те Ключи. Странные Ключи, живущие своей собственной жизнью... И...

Он нахмурился, глаза потемнели и сверкнули.

Да...

Прямо на полу была вырезана большая несимметричная диаграмма. Она была освещена бледно-желтыми, красными, голубыми цветами. Одна ее часть простиралась далеко назад, захватывая плиту, где лежала Тайза; другая секция диаграммы простиралась вперед, касаясь косяка левой половины Ворот. Часть резко выделенных, почти треугольных сегментов была вытянута, обозначена шипами и выделялась из общего тела схемы. Внезапно Поль ощутил сильную пульсацию родимого пятна. Поль принялся считать.

- ...Пять, шесть, семь.

- Точно.

Он прямо посмотрел на огонек, который теперь завис около Тай-зы.

- Возьми наше физическое воплощение и осмотри плоские изображения, поставь каждого из нас на свое место. Ты знаешь порядок.

- Хорошо.

Полю перешел на внутреннее зрение, поднял правую руку, поймал одну из семи черных нитей, тянущихся от уровня правого плеча. Вращая рукой, он начал наматывать нитевидное волоконец, пока не почувствовал напряжения. Энергия выплеснулась из родимого пятна в форме дракона и стала подниматься по нити, он начал подергивать ее.

Он поставил на ладонь одну из статуэток - высокую, стройную женскую фигурку, с волевыми резкими чертами и властной осанкой. Ее одежду украшали золотые блестки. Она была подпоясана кушаком из оранжевых, красных и желтых камней. Во лбу сверкал крупный ярко-зеленый изумруд.

Она излучала теплоту, ладонь Поля становилась все горячее, пока он внимательно разглядывал статуэтку.

Да...

Он повернулся направо и поместил ее на самой вершине второй выпуклости с конца, повернув лицом к Воротам.

Выпрямившись он бросил взгляд на прямоугольный проем и увидел, что все звезды уже исчезли, а небо стало почти светлым.

Он снова поднял руку, отыскивая нужную нить. Однако они исчезли. Он обнаружил, что его зрение вернулось в нормальный ракурс. Он попытался настроиться на внутреннее видение, но ничего не получалось.

Родимое пятно тоже утратило прежнее кипение энергии. Он стал массировать предплечье, потер в области родимого пятна. Затем вновь попытался установить внутреннее зрение.

- Что случилось?

- Я не знаю, я не могу справиться.

- Что значит не можешь справиться? Ведь ты только что делал это.

- Знаю. Но что-то исчезло, ускользнуло от меня. Энергия возникает и теряет свою силу с тех пор, как я вышел из Балкина. Теперь я утратил ее.

Пламя придвинулось и застыло перед ним на уровне глаз. Он зажмурился от яркого света.

- Держи глаза открытыми.

Он послушался и посмотрел на него. Он увидел, что пламя разрастается, становится огромным костром почти с него ростом, даже больше его.

Он отшатнулся и отступил назад.

- Стой спокойно, не шевелись. Мне нужно обследовать тебя.

Оно обернулось вокруг него словно покрывало, охватив его целиком. Он почувствовал, что пламя пронизывает его тело, каждую клетку. Но он не ощущал жары или ожогов, было только чувство вибрации, словно у моряка, спустившегося на берег после долгого плавания. Внезапно вибрация исчезла, пламя сморщилось и стало гаснуть, пока не превратилось в прежний маленький огонек.

- Ты сказал правду. Сейчас ты не способен к сеансам магии. Я не могу знать, как долго будет длиться этот период немоши, а ночь уже на исходе. Райл Мерсон может послать за тобой утром. Мы вынуждены отказаться от прежнего плана и запереть тебя в твоей келье. Верни статуэтку обратно и ...

Поль отрицательно покачал головой.

- Конечно. В твоём положении ты не можешь сделать этого; мы не можем осуществлять прямой контроль за твоей деятельностью и воздействовать на тебя. Подними ее. Мы шли мимо множества выступов и ниш по пути сюда. Ты найдешь, куда спрятать ее.

- А что будет с Тайзой?

- Оставь ее здесь.

- А если кто-нибудь ее здесь найдет?

- Это неважно. Пошли.

Пламя проскользнуло возле него. Он поднял статуэтку и пошел вслед за огоньком. В тоннеле он обнаружил подходящий тайник и спрятал ее в трещине горной породы.

Они вышли из пещеры и направились в замок. Уже после нескольких поворотов Поль понял, что они идут совсем другим маршрутом. Теперь они двигались намного быстрее. На их пути совсем не встречались комнаты, наполненные дымом, и темные коридоры.

Через короткое время он оказался перед кельей, вошел внутрь и закрыл дверь. Снаружи донесся звук задвигаемого засова.

- Путешествие окончилось. Можно считать, что первичное знакомство состоялось, так?

- Постарайся уснуть.

Пламя исчезло. Внезапно усталось совсем одолела его, голова закружилась. Он едва добрался до скамьи и растянулся на ней. У него не было времени обдумать создавшееся положение, мягкие черные волны сна уже накатывались на него...

Часть XII

Генри Снайер перевоплотился в новый облик, покинув пещеры Балкина, и полностью неузнаваемым появился в зачарованном городе. Он провел весь день в бесконечных празднествах с собратьями-колдунами, никто из них не знал его настоящего обличья. Довольный и сияющий разгуливал он среди них, никто не подозревал о том, что он вынашивает роковую черную тайну. Он пил вино, приправленное легкими наркотиками, творил чудеса, но старался избегать самых могущественных своих коллег. Здесь не было такого, схватки с которым он опасался, однако он не хотел вступать в конфликт с большими мастерами Великого Искусства, опасаясь потерять свое маскарадное обличье. Нет, не из-за страха разоблачения, а просто не желая преждевременного открытия тайны.

Он ходил, разбрасывая проклятья и посылая рок на тех, которых он не любил и осуждал, и как бы случайно одаривал благами других, снискавших его расположение. Ему нравился подобный ореол таинственности и льстила роль приближенного к богу. Он слишком долго сдерживал себя и выжидал. Но теперь... Сейчас он видел будущее свободное от всяких ограничений. Это великое будущее, словно птичка, вспорхнет с его протянутой руки. Он почувствовал странное всепоглощающее чувство близости и родства с теми, кто обретет много выгод от его трудов, пока никому неизвестных.

С наступлением вечера город распускался во всей своей колдовской красе и очаровании. Он уже долгие годы не испытывал подобного превосходства. Его сила достигла невероятных пределов, но он сдерживал себя от демонстрации своего могущества, ограничиваясь малой толикой того, чем он обладал. Но и это вызывало немалое удивление его новых друзей, собравшихся для состязаний и игр.

Он веселился и танцевал до самого разгара ночи. Затем тщательно и кропотливо подготовил все для грандиозной, по масштабам, послеполуночной трапезы. Он поборол сон и напроочь избавился от него, потом восстановил энергию и бодрость с помощью мастерски наложенной оболочки, которую сотворил за считанные секунды. Он дрейфовал на серебристом катерке по каналу, кольцом окружившему город, прихватив с собой куртизанку и хороший запас игристого вина. После долгих лет мрака и неясности, вечных маскировок и тайн, это было зовом на праздник, посвященный Равновесию, Великому Балансу, достигающему своего апогея.

Ночь была в разгаре и город превратился в настоящее царство света и цвета, буйство магических фантазий, гармонию звуков и

чувств. Он продолжал пировать до тех пор, пока небо не побледнело на востоке. Лишь только появились первые бледные всполохи над городом, словно пелена, промелькнула мгновенная волна тишины. Пролетев над замолчавшим, сверкающим огнями городом, она разбилась о скалы Балкина. Прерванное веселье и ночные забавы возродились с прежней силой. Но общий дух веселья стал медленно угасать.

Страхнув с себя пыль мечтаний и избавившись от нахлынувших чувств, он поднялся с благоухающего ложа. Ночные забавы и веселые развлечения больше не влекли его. Теряя последние капли легкомыслия, он покидал обманчивую территорию блистательного города. Хмурясь и увеличиваясь в размерах, он двигался к северу. Он подошел к краю околдованного города и смело вышагнул из его оболочки. Распрощавшись с городом-сном, он стал подниматься по отлогому холму. На его вершине он остановился и огляделся по сторонам, затем поспешил вниз.

Наконец он остановился, поднял сухую суковатую палку. Во все стороны торчали мелкие отростки. Он ласково погладил ее и начал что-то нежно нашептывать, указывая палкой во все четыре стороны света. Затем он замер и долго смотрел на нее, медленно поглаживая ее рукой. Утро занялось сильнее, на улице заметно посветлело во время его махинаций. Когда он встал на колени возле вертикально стоящей палки, тень от нее задвигалась, приобретая очертания маленького животного. Он стал распевать какое-то заклинание.

- Иохиппус, Мезохиппус, Протохиппус, хиппарион..., - так начинался замысловатый речитатив.

Пыль и песок, поднятые с земли, закружились в стремительном вихре вокруг крохотной фигурки. Смерчь, вертящийся словно волчок против часовой стрелки, полностью поглотил ее очертания. Кружение продолжалось с бешеной скоростью, теперь вихрь превратился в гигантскую воронку. Скрежет песка и камней стал оглушительным, это был могучий рев и рокот. Воронка, подобно бездонной бездне, вовлекала в себя все живое и неживое - кусты, гравий, камни, валуны, траву и лишайник.

Он отшатнулся от грохочущего вихря, поднял руки и начал серию одному ему понятных жестов. Длинный протяжный крик вырвался из центра воронки и на секунду заглушил ураганный рев. Он опустил руки.

Прогрохотав напоследок, вихрь улегся. Стала оседать пыль и вздыбленная земля. Сквозь оседающую пыль выступил силуэт. Силуэт имел огромную четырехугольную форму, он стоял, высоко подняв темную голову.

Он подошел ближе и ласково потрепал по длинной шее животное, абсолютно незнакомое обитателям этого мира. Оно тихо заржало в ответ.

Мгновение спустя, оно успокоилось и замерло. Его рука скользнула вдоль спины и потрогала седло. Он вскочил в седло и натянул поводья.

Они стояли в центре кратера, которого не было, пока он не начал творить заклинания. Он ласково заговорил с песочного цвета животным, нежно поглаживая по шее и почесывая за ушами. Затем снова потянул за поводья уздечки.

Животное начало медленно выбираться из ямы, осторожно карабкаясь по склону. Он вновь повернулся и посмотрел на север. Лишь только они поехали в нужном северном направлении, он заулыбался, затем довольно рассмеялся. На востоке появились первые розовые зарницы, верхушки облаков окрасились нежным румянцем. Он поддал коленками под бока, пришпорил чудо-животное и рванул повод.

- Гей! Прах, гей! - закричал он. - Вперед!

Его неутомимый скакун вихрем помчался по равнине, развивая бешенную, ни с чем не сравнимую скорость.

Часть XIII

Они добрались лишь к вечеру. Маусглов и Лунная Птица кружили над разрушенной вершиной горы Анвил. Внимательно вглядываясь в руины, Маусглов, прошедший здесь столько времени, с трудом узнавал знакомые очертания. Они видели лишь один громадный кратер, безмолвный и зловещий. Рядом находилось какое-то почти разрушенное огромное здание.

- Это где-то здесь, - сказал он, - вот то место, куда Поль бросил жезл.

- Да, это оно, - подтвердил Лунная Птица.

- Говорят, что глаз дракона видит дальше и глубже человеческого глаза.

- Все верно.

- Возможно какие-то механизмы или роботы до сих пор работают?

- Я не вижу не малейшего движения или шевеления.

- Тогда давай спускаться.

- В кратер?

- Да. Вон площадка около конуса. Я залезу и все обследую.

- Внутри все спокойно. Я не чувствую особенного тепла.

- Ты видишь до самого центра, до недр?

- Во время парения я могу скользить и проследживать тепловые потоки. Да, я могу видеть недра.

- Тогда давай спускаться, если ты уверен, что это не опасно.

Лунная Птица начал спускаться, двигаясь по спирали вниз, вдоль обожженных, тлеющих краев кратера. Приблизившись к нужному месту, он стал замедлять вращение, сложил крылья, поджал конечности и начал медленно падать. В момент посадки, он чуть распустил крылья, подобно парашюту и мягко коснулся земли. Сжав зубы и сощурившись, Маусглов с тяжелым чувством оглядывал серые неровные стены. Его подбрасывало и раскачивало из стороны в сторону, когда они передвигались по изуродованной поверхности. Схватившись за Лунную Птицу, он наклонился над впадиной, затем выпрямился и прижался к вонючему грунту. Кругом царил гробовое молчание, тени безмолвно скользнули по склонам.

Лунная Птица огляделся по сторонам, затем посмотрел вверх, потом вниз.

- Я немного просчитался, - заметил дракон.
 - Что ты имеешь в виду?
 - Размеры этого места. Здесь нет достаточного пространства, чтобы взлететь.
 - Ой, что же нам делать?
 - Просто выкарабкиваться, когда подойдет время.
- Маусглов тихо выругался.
- Есть и другая, более светлая, сторона дела.
 - Скажи какая.
 - Скипетр определенно находится здесь, - огромная голова повернулась, указывая направление. - Там.
 - Откуда ты знаешь?
 - Драконы могут чувствовать присутствие магии, магических предметов. Я знаю, что он находится под землей. Примерно здесь.
 - Покажи мне.

Лунная Птица, шаркая, зашагал по руинам и развалинам. Наконец он остановился, вытянул левую лапу и огромным черным когтем нацарапал на земле букву "X".

- Ты должен копать здесь.

Маусглов развернул заранее взятые инструменты, выбрал кирку и принялся за работу. Расширяя углубление во всех направлениях от отметины, он старался до пота, кашляя и чихая от вздымаемой пыли. Он снял плащ, затем и прилипшую рубашку, чтобы не стесняла движения. Спустя какое-то время, он застыл как изваяние и тупо уставился на серую грудку земли. Его тело покрылось пепельной пылью и казалось не живым. Плечи ныли, ладони покрылись пузырями и отказывались держать кирку.

- А твое драконье чувство, - спросил он наконец, - не может подсказать, как глубоко он захоронен?

- Он лежит между вторым и третьим слоем, равным твоему росту.

Кратер отзывался гулким эхом, пока Маусглов орудовал киркой.

- Почему ты не сказал мне об этом раньше?

- Я не думал, что это столь важно, - он замолчал. - А что, важно?

- Да! В любом случае я могу копать лишь какое-то определенное время из расчета моих сил и только на разумную глубину.

Он уселся на грудку гальки и вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони. Губы трескались от пепла. На зубах скрипела зола. В ушах, в носу - везде стоял вкус и запах золы. Лунная Птица подошел ближе и уставился в неглубокую яму.

- Может у тебя плохие инструменты? Слушай, возможно, здесь кое-что сохранилось со времен правления Огненного Марка?

Маусглов стал медленно поднимать глаза, пока его взор не застыл прямо над головой.

- Пожалуй, я могу забраться туда и поискать, - сказал он. - Но возможно мне удастся лишь найти что-нибудь взрывчатое - или один из огнеметов, разрезающих предметы насквозь лучом света? Ведь все это может разорвать на куски то, что мы ищем.

Лунная Птица со смехом зафыркал, брызгаясь слюной. Куда бы не попадали плевки, они тут же закипали и начинали тлеть. Через несколько секунд в каждой плевке плясал огненный язычок.

- Эту вещичку однажды спрятали только потому, что никто не может уничтожить ее.

- А ведь верно... Это правда... Я совсем не подумал об этом.

Он поднял свой плащ и принялся выбивать им из себя пыль. Достаточно похлестав себя, он одел рубашку.

- Ладно. Мне кажется, я помню, где могут быть спрятаны подобные вещи. Если, конечно, они все еще целы. И если мне удастся отыскать это место среди развалин.

Он направился к тому, что казалось наиболее непреодолимой стеной кратера. Лунная Птица зашаркал следом.

- Я лучше прямо сейчас начну выбиратья отсюда.

- Вон там, по-моему, вполне подходящая ступенька для твоей туши.

- Иди. Я сам вылезу. Мне хотелось бы быть подальше от всех волнений и потрясений.

- Хорошая мысль. Ну я пошел.

Маусглов отыскал опоры для ног и для рук и начал подъем. Позднее, когда он отдыхал, уцепившись за край какого-то выступа, он оглянулся и увидел, что Лунная Птица, хоть и черепашьими темпами, но упрямо движется вверх. Он медленно и осторожно ощупывал кромку, отыскивая наиболее подходящее место для опоры, затем вонзал в нее свои мощные острые когти, делал прочные зарубки, прежде чем навалиться всем своим весом.

Маусглов отвернулся и снова внимательно оглядел территорию. Да, решил он. Там юго-восток. Одно из мест, где я когда-то прятался, под тем монолитом. И...

Он посмотрел на солнце, клонящееся к горизонту, пытаясь определить, сколько времени у него в запасе. Затем он проделал со всей возможной скоростью и ловкостью путь, маршрут которого уже неоднократно прокручивал в голове.

Он проходил мимо покореженных балок, нагромождения камней, воронок от снарядов, развороченных машин, куч гальки и мусора, осколков стекла; мимо скелетов людей и драконов. Поверженный го-

род весь высох, иссяк, превратился в прах. Ничего живого. Ничего не шевелилось, кроме теней. Он вспомнил дни своего трусливого бегства. Его глаза рефлекторно скользнули к небу, отыскивая механических птиц круглосуточного наблюдения и разведки. Для него мощная фигура Марка Мараксона, словно монумент, вдруг возникла посреди исковерканного пространства. Выпуклая линза его искусственного глаза переливалась всеми цветами радуги, когда он двигался от света к тьме и наоборот.

Проходя по одному из перекрытых тротуаров, около разрушенного моста, он нырнул в полуобвалившийся дверной проем, ведущий в здание без крыши. Внутри он шел, лавируя между скрюченными телами миниатюрных роботов Марка. (Его возмущало прозвище “карлик”, которым их называли другие, поскольку они были одного с ним роста). По прошествии времени ему было очень интересно, чтобы представляла собой встреча со всем этим для того, кому посчастливилось уцелеть - подняться от варварства до уровня высокоорганизованного существования, и безвестно кануть в бездне лет, быть похороненным здесь на этом кладбище изуродованных машин и мертвых технологий. Возможно, период высокоразвитой цивилизации длился лишь короткое время, говорил он себе... Они еще не успели забыть примитивных привычек и навыков. Когда-нибудь все это превратится в очередную легенду.

Вдруг откуда-то - он не мог определенно сказать откуда именно - он услышал звук ударов молотком; а затем дважды, он услышал клацканье и рычание, говорящее о том, что кто-то пытается завести машину.

Он отыскал лестницу, которую было нужно, и в течение десяти минут прислушивался. Спустившись, он проследовал по закоулкам блестящих тоннелей, ведущих внутрь горы. Все хитросплетение подземных коридоров ожило в его памяти, как будто он только вчера проходил данным маршрутом. Лишь одна разница - передвигаться приходилось в почти абсолютной темноте, так как генераторы, питающие энергией и обеспечивающие освещением подземные мастерские были разрушены. Он шел на цыпочках, ступая осторожно и бесшумно. Его правая рука нервно сжимала пистолет. Но никто не собирался нападать на него.

Дверь в арсенал оказалась закрытой, но он мог открыть ее даже в кромешной тьме, его чувствительные пальцы ловко орудовали, перебирая бесчисленные отмычки, с которыми он не расставался. Эти пальцы имели собственную память, поэтому они открыли замок раньше, чем он сообразил, что путь свободен.

Тогда внутрь. Он прошел в комнату и отыскал нужную полку. Убедившись, что гранат вполне достаточно, он стал распахивать их в специальный пояс, затем остановился, чтобы отыскать и пополнить пулями свой пистолет.

Покидая арсенал, он вдруг замешкался и, по самому ему непонятным причинам, запер дверь. Затем поспешил в тоннель, держа пистолет в полной боевой готовности.

Лишь только он поднялся по ступенькам, его охватила паника - он тут же подавил ее - но в его душу закралось нехорошее предчувствие и тревога. Чем было все это вызвано, он не стал даже задумываться, но он полностью положился на свое шестое чувство, так как оно не раз выручало его в прошлом. Он остановился и замер, потом вжался в стену и стал медленно подниматься по ступенькам. Он двигался бесшумно и был невидим.

Когда его голова достигла уровня пола, он снова замер и прислушался к шорохам полуразрушенного помещения. Никакого движения. Казалось ничего не изменилось с момента его первого прохождения.

Он глубоко вздохнул и одним рывком одолел оставшиеся ступени, затем рванул к дверному проему.

Справа от себя он заметил едва уловимое движение.

Он замер, увидев одного из коренастых, мускулистых аборигенов, которые ранее работали на шахте. Абориген притаился за обвалившейся плитой потолка, намереваясь преградить ему путь. На человеке болтались лохмотья былой униформы, которую носили при Марке.

Маусглов поднял пистолет, но не выстрелил.

Коротышка был вооружен длинным кривым ножом. Его оружие казалось совсем смехотворным по сравнению с тем, что сжимали чуткие пальцы Маусглова. Человек был один, но если по близости существуют остальные, то звуки выстрелов могут насторожить и привлечь их.

- Не волнуйся, - дружелюбно начал Маусглов, опуская и убирая пистолет, - я уже ухожу.

Уже до того, как рот коротышки перекосила гримаса, он понял, что ему не следовало говорить подобным тоном.

- Ты один из тех, - прорычал человек, двигаясь на него и замахаясь ножом. - Ты друг колдуна...

Маусглов согнулся, его правая рука скользнула к рукоятке кинжала, торчащей из голенища, большой палец привычно отстегнул крохотный ремешок, удерживающий кинжал на одном месте.

Все еще в согнутом положении он вынул кинжал и медленно начал отступать, забирая вправо. Противник бросился вперед, возле самой головы Маусглова сверкнуло кривое лезвие. Маусглов увернулся от удара, размахнулся кинжалом и ударил человека в плечо. Затем отскочил в бок и, делая боковой маневр, притворился, что намеревается нанести удар прямо в грудь. Извернувшись от выпада противника, Маусглов нанес коротышке небольшую рану в области правой брови. Это был лишь легкий мелкий порез, но выступившая кровь должна

была охладить противника и снизить его темп. Внезапно он запнулся о неровный выступающий край каменного пола, пошатнулся, но не упал. Еще некоторое время он отчаянно размахивал руками, сохраняя равновесие.

Ему удалось наконец устоять, но еще несколько шагов он спотыкался и шел ныром, подхватив с земли пригоршню камней.

Выпрямившись, он швырнул камни в лицо преследователю, метнулся вправо и устремился вперед. Он попытался повернуть лезвие кинжала, попавшее коротышке в левый бок, но понял, что не в силах вытащить его.

Противник оттолкнул его и замахнулся собственным ножом. Маусглов метнулся в сторону, подобрал горсть камней, бросил их, но промахнулся. Коротышка угрожающе двинулся на него, кинжал по-прежнему торчал в его боку, нож застыл в поднятой руке, побледневшее лицо ничего не выражало. Маусглов не мог сказать сколько еще он протянет. Новый бросок, возможно...? Будет слишком рискованно повернуться ему спиной или наклониться вниз за камнями - он все еще довольно-таки успешно охранял дверь. Он решил просто увертываться от него, пока противник совсем не обессилит. Абориген до сих пор не делал попыток позвать на помощь и Маусглов решил не пользоваться пистолетом, пока не останется другого выхода или поднимется тревога.

Противник кривил губы, пытаясь выдавить улыбку. Он шел прямо на него. Тут Маусглов понял, что уперся спиной в огромную плиту, бывшую когда-то перекрытием крыши.

- Я выживу, - прорычал коротышка, - я залечу раны. А вот ты...

Он бросился вперед, размахивая ножом и теперь не опасаясь промаха.

Маусглов отстегнул тяжелый пояс с гранатами, висевший через плечо, и со всей своей силой швырнул его под ноги нападавшему.

Коротышка споткнулся и начал падать, Маусглов отодвинулся от плиты. Но ему не удалось отскочить, так как нападающий снова замахнулся ножом. Но он схватил поднятое вверх запястье и навалился на нависшую над ним руку всем своим телом. Его тело врезалось в нападающего и накрыло его, отбросив назад. Другой рукой он схватился за торчащую рукоять кинжала и начал неистово крутить ей. Наконец ему удалось выдернуть кинжал.

Отклонившись назад, Маусглов приставил острое к горлу противника. Но он тут же заметил кулак, стремительно приближающийся к его лицу. Маусглов отклонил голову и еще больше откинулся назад. Он тут же почувствовал как ноги противника сжали его словно тиски. Хватка произошла мгновенно, и тело охватила адская боль. Он вновь заметил руку противника, летящую ему в лицо, теперь растопыренные пальцы нацелились на глаза.

Маусглов выставил руку, блокируя удар противника. Но рука неумолимо приближалась к лицу. Нога противника еще сильнее сжала его. Маусглов почувствовал, что его поясница вот-вот хрустнет. Его противник, сжав зубы, расправил плечи и стал медленно отрывать их от земли.

Не мешкая ни секунды, Маусглов перестал сдерживать руку противника, выхватил нож и ударил его в другой бок.

Противник вздрогнул и упал, стукнувшись головой о каменный пол, его ноги разжались. Маусглов пырнул ножом еще раз, на губах у коротышки выступила кровавая пена.

Рука Маусглова снова схватила нож, но тут он почувствовал себя окончательно свободным. Нож медленно тонул, увлекаемый последними спазмами глотки умирающего противника.

Кровь била фонтаном, он еще глубже воткнул нож в глотку врага и удерживал его в таком положении, опасаясь уйти, пока не прекратятся судороги агонизирующего человека и не наступит расслабление. Он не обращал внимания, что его руки по локоть в крови, кровью залепаны рубашка и ноги.

Наконец он выдернул нож и отбросил его в сторону. Затем встал и пошаркал ногами по телу, обтирая кровь, потом выдернул из тела кинжал и тщательно промакнул его одеждой убитого. Он нагнулся вернул кинжал на место, подобрал пояс с гранатами и перекинул его через плечо, вытащил пистолет и вышел из здания.

Ничто больше не возникло на его пути до самого кратера и он почти уверился, что его противник был единственным уцелевшим; возможно он просто свихнулся, находясь в полной изоляции и почти заживо погребенным среди руин, питаясь только воспоминаниями о прошлом. Но внезапно он услышал шум - падающих камней, металлического скрипа, скрежещащее и шелестящие звуки - каждый из них в одиночку мог вполне сойти за шум ветра, рокот обвала или возню крыс. Однако, все вместе они доносились с места его схватки и означали совсем иное.

Маусглов ускорил шаг, перейдя почти на бег, звуки неслись за ним. Он тщательно осматривал каждый дюйм, проходимой поверхности, но не находил ничего вызывающего лязганье или шарканье. Тем не менее звуки нарастали.

Он бежал со всей скоростью, достигнув начала подъема, он тут же принялся карабкаться вверх, не оглядываясь назад. Осмотрев все до самого края кратера, он нигде не увидел Лунной Птицы, даже у самой вершины.

Взбираясь вверх, он отчетливо слышал шаги у себя за спиной. Бросив взгляд назад, он увидел шесть-восемь преследователей, бегущих за ним среди руин. Они были вооружены дубинками, ножами и копьями. У Маусглова отлегло от сердца: никто из них не пользовался

боевым оружием, в котором преуспел Марк. Боевое оружие так и не прижилось в их обиходе. На некоторых он заметил металлические части машин, которые они носили на шее, подобно амулетам. В тот момент он удивился, как же они могли обслуживать столь прогрессивную технику, если, оторвавшись от нее, вновь превратились в дикарей. Его размышления были быстротечны, однако они подтвердили его мысль, что примитивизм и варварство трудно убить даже высокоразвитому прогрессу.

Забираясь вверх, он поразился той призрачной, почти нереальной связи, которая накрепко соединила его с Лунной Птицей. Эта незримая связь позволяла общаться с драконом на расстоянии. Их близость и двадцатилетняя летаргия под одной оболочкой заклęcia сцепили их словно оковы. До сих пор он разговаривал с драконом только с близкого расстояния, но и теперь ему казалось, что их разделяет лишь одна горная терраса.

- Лунная Птица! Ты слышишь меня? - безмолвно кричал он в голове.

- Да, - донесся откуда-то ответ.

- Где же ты?

- Взбираюсь, до сих пор забираюсь.

- Я в беде.

- Что случилось?

- На меня напали те люди, которые когда работали на Марка.

- Много?

- Шесть-восемь. Может быть больше.

- Плохо.

- Ты ничего не можешь сделать?

- Отсюда ничего.

- Что мне делать?

- Быстрее выбираться.

Маусглов смачно выругался и оглянулся назад. Почти все его преследователи были уже у стены - один из них, самый мускулистый, размахнулся, чтобы бросить копье. Маусглов вынул пистолет и выстрелил. Он промахнулся, но рука нападавшего дрогнула и копье пролетело в метре от него.

Он снова выстрелил, теперь один из преследователей выронил дубинку и с воем схватился за правое плечо.

- Что это было?

- Пришлось выстрелить пару раз, - ответил Маусглов, продолжая подъем.

- Ты нашел, что искал?

- Да, у меня есть взрывчатка. Но мои преследователи слишком рассредоточены, чтобы накрыть их одним взрывом.

- Но ты ведь можешь использовать оружие на расстоянии.

- Да.

- Когда поднимаешься до края, бросай их в то место, где копал.

- А ты далеко отсюда?

- Это не столь важно.

- Но может возникнуть сильная воздушная волна.

- Это отлично. Не беспокойся.

Маусглов снова посмотрел вниз. Три преследователя уже начали карабкаться по склону. Замерев на мгновение, Маусглов осторожно вытянул руку и выстрелил в первого. Человек упал.

Он не стал больше задерживаться на расправу с остальными, отвернувшись от погони, он вложил в подъем все свои силы. Теперь он был около вершины. Его преследователи, как и он, оказались сильны и проворны. Но он был легче и более подвижен, поэтому сумел оторваться на хорошую дистанцию.

Наконец он достиг края, быстро перелез через него и укрылся под его защитой. Только тогда он снова взглянул вниз. Его горло сжимал ком, он жадно глотал воздух.

Лунная Птица старательно подтягивал увесистое тело. За все это время он одолел лишь четверть подъема.

- Я не могу бросать гранаты, - мысленно обратился к дракону Маусглов, - ты слишком близко!

- Я летал даже в грозовых облаках, - пришел ответ, - когда кругом блистали молнии и оглушал гром. Тем не менее все еще жив. Бросай!

- Не могу.

- Мы погибнем, если ты не решишься. И Поль...

Маусглов вспомнил о погоне, вынул гранату и бросил ее туда, где чернела перелопаченная земля от его недавнего копания. Он закрыл уши ладонями. Он услышал оглушающий взрыв и почувствовал, как содрогнулась земля. Затем он услышал грохот обваливающихся камней.

- Лунная Птица! С тобой все в порядке?

- Да. Бросай следующую. Торопись!

Маусглов повиновался и повторил операцию. После следующего взрыва он снова спросил:

- Лунная Птица?

- Да. Давай следующую.

Ответ ему показался совсем слабым или грохот взрывов слегка оглушил его. Он бросил очередную гранату и дождался третьего взры-

ва. На этот раз ударная волна отбросила его назад и прижала к каменной глыбе.

- Лунная птица?

Ответа не последовало. Он наклонился вниз, но кратер был скрыт густыми клубами пыли. Та область, где висел дракон, погрузилась в дым и мрак.

- Ответь мне, Лунная Птица!

Молчание.

Когда его голова перестала гудеть и улегся звон в ушах, он уловил скребущиеся звуки подъема по склону. Но они доносились с той стороны, где недавно прошел камнепад. Он рискнул больше не бросать гранат, так как побоялся окончательно разрушить склоны.

Он перелез через край и начал спускаться.

Пыль забивала нос и глаза, но он старался воздерживаться от чихания. Пыль скрепела на зубах, вызывая сухость во рту. Несколько раз он харкал и отплевывал вязкую слизь, но это неизбавляло от неприятного привкуса. С каждым шагом спуска становилось все темнее.

Его глаза все время возвращались к месту, где еще недавно сидел Лунная Птица, но он не мог разглядеть сквозь дым и копать силуэт гигантского дракона.

Маусглов продолжал спускаться, желая лишь одного, чтобы передвигаться как можно быстрее. Наконец пыль начала оседать. Прежде всего он заметил двух коротышек, копошащихся двумя ярусами ниже, они спускались вниз, перед ними маячили еще двое.

Ругаясь и проклиная все на свете, он достиг следующего яруса. Пока он нащупывал рукой опору понадежнее, его тело ощутило толчки и вибрацию горы, на склоне которой он распластался. За вибрацией послышался глухой рокот.

Внизу, под ним, то разгораясь, то угасая, но тем не менее расширяясь появилось оранжевое сияние. Оно лилось прямо из сердца кратера. Вновь раздался рокот, теперь вслед за ним поднялось облако горячего воздуха.

Он услышал истошный крик. Преследователи - теперь их было уже пятеро - замерли на месте. Затем они в панике принялись снова карабкаться вверх.

Мои взрывы спровоцировали извержение, подумал он. Все начинается снова.

- Господи! Нельзя вниз. Нельзя вверх. Остается только ждать смерти.

- Спускайся. Это тебе совсем не повредит.

- Начинается извержение!

- Нет. Спускайся. Это безопасно.

- Что? Что происходит?

- Хватит болтать. Спускайся.

Руки Маусглова продолжили прерванные поиски опоры, на которую он мог бы перенести свой вес.

По мере того, как он спускался все ниже, свет разгорался все ярче. Вибрация и содрогание продолжались, но они стали тише и мягче, подобно отголоскам дальнего землетресения. Внезапно мимо него со свистом и грохотом пролетел какой-то блестящий предмет, за ним последовал другой. Разойдясь в пространстве кратера, маленькие кометы исчезли за его пределами.

- Ты уверен, что внизу безопасно? - спросил он размазываясь по стене.

Ответа не последовало.

Продолжая спускаться, он осознал, что температура в кратере поднялась не столь уж сильно, как обычно происходит при извержении. Может это Лунная Птица развлекается играми с выпусканием пламени, пытаясь напугать врагов?

Нет, решил он, внимательно вглядываясь вниз. Задействована слишком большая площадь, да и огни вспыхивают слишком уж регулярно. Совсем не похоже на драконье пламя.

Он целым и невредимым добрался до днища кратера. Пламя вздымалось вверх огромными искрами. Повсюду поднимались огненные столбы и громадные красные языки. Но он не мог понять, что питает эти костры. Посередине, между кострищами, тянулся ясно различимый проход, и именно в том направлении, в котором намеревался проследовать Маусглов. Он пошел вдоль прохода.

Днище кратера в результате его бомбардировок оказалось еще больше изрытым и разрушительным. Он проходил мимо развороченных глыб, держа курс к месту, где он раньше копал. Через несколько шагов он увидел, что прямо перед ним движется огромная тень.

Он сделал еще шаг.

- Лунная Птица...?

Тень двинулась на него, он увидел прямо над собой огромную голову. Между кривыми острыми зубами торчала узорчатая палка.

- Скипетр! Ты нашел его!

Маусглов протянул руку.

- Залезай мне на спину.

- Я не понял.

- Поговорим позже. Залезай!

Маусглов послушался и влез на Лунную Птицу, расположившись между лопатками. Тотчас же дракон начал двигаться, выбираясь из ямы. Он направился к северной стене, противоположной той, по которой они карабкались раньше.

Дойдя до стены кратера, Маусглов крепче ухватился за Лунную Птицу, разгадав его намерение подпрыгнуть и начать подъем.

- Лунная Птица! Тебе не добраться до вершины по этой стороне. Этот склон почти вертикальный и гладкий.

- Я знаю.

- Тогда зачем лезешь?

- Здесь легче. Пока.

- Но..

- Подожди пока не выберемся.

Маусглов вспомнил о горном выступе, о котором он говорил. Он выглядел достаточно широким и мощным, чтобы выдержать Лунную Птицу - но, в действительности, это была лишь мертвая горная порода.

Лунная Птица быстро взобрался на него, он передвигался намного ловчее и быстрее, чем в предыдущий раз. На этой стене было меньше уступов, она была круче. Когда они влезли еще выше, Маусглов повернулся и посмотрел вниз. Пламя стало разгораться еще ярче, сливаясь в единый костер. Жар дохнул ему в лицо. Один за одним стали подниматься тепловые потоки.

Наконец Лунная Птица достиг желаемого выступа, удобно устроившись на нем, он тоже посмотрел вниз. Лишь только он бросил взгляд, огонь превратился в настоящую огненную бурю. Тепло мощным потоком устремилось в высь.

- Что происходит? - теперь уже в слух спросил Маусглов.

- Последний взрыв сорвал меня со стены, - ответил Лунная Птица.

- Упав в кратер, я ощутил, что жезл находится совсем рядом.

- А пламя появилось уже тогда?

- Я вызвал пламя. Я хотел отогнать преследователей.

- Как тебе это удалось?

- Я использовал могущество нижнего крайнего сегмента жезла. Он для вызова магического огня.

- Ты можешь пользоваться скипетром. Я даже не догадывался...

- Только самым нижним сегментом. Драконы знают секреты огня.

- Хорошо, кажется теперь мы в безопасности, но пламя разгорается все сильнее. Тебе нужно загасить костры - если, конечно, ты сумеешь.

- Нет.

- Почему?

- Мне необходим сильный поток тепла. Чтобы подняться отсюда.

- Я не понимаю.

- Я могу сливаться с тепловыми потоками. В теплом воздухе легче подняться наверх.

Тени от костров заплесали теперь уже почти рядом с ними. Маусглов вновь ощутил жаркую волну.

- До края не так уж далеко..., - сказал он, - ты уверен, что сможешь подняться в тепловом потоке на эту высоту?

- Жизнь непредсказуема, - ответил Лунная Птица. - Крепче держись!

Он расправил мощные крылья и воспарил над кратером.

Часть XIV

Чем больше я знакомился с окружающим миром, тем глубже тонул в пучине философских размышлений о вселенной и природе собственного бытия. Настоящие ответы на вопросы блуждали неизвестно где. Я не мог отыскать их ни в практике, ни на общем теоретическом уровне. Теперь меня волновало, является ли сомнение неотъемлемой частью любого мыслящего существа. До сих пор я мирился с мыслью, что всеми существами правят побуждающие причины, в которых я не слишком разбираюсь. Их поведение казалось прямо связано с конкретными обстоятельствами, тогда как я совершенно не усматривал в них объективных целей. Я заикнулся и начал повторяться. Я собирал информацию. Но совершенно не понимал, что все это означает. У меня не было настоящей цели - одни лишь призрачные тени - то, что упорно возвращает меня к мысли, что я должен знать и обладать чем-то большим.

Несмотря на полную растерянность и вечные затруднения перед лицом бытия, я продолжал повиноваться тем настойчивым велениям, которые сопровождали меня с момента отбытия из Рондовала. Я видел, как озадачило Маусглова полученное известие и он отправился выполнять поручение; мне очень хотелось верить, что Ибал обладает возможностями переправить его в нужное место сквозь пространство - несмотря на собственное желание. Я проследил, что Маусглов ушел, и вернулся к тому месту у подножия Балкина, где совсем недавно практиковался в управлении человеческим телом. Я попробовал еще раз, теперь с большей осторожностью, результаты оказались выше всяких похвал. Мне даже удалось напугать кучку подгулявших молодых учеников.

Затем я долгое время висел, не зная, чем заняться. Может проследить маршрут, по которому вернулся в город тот странный колдун? Его следы до сих пор отдавали едва заметным сиянием. Может следует узнать, кто он такой? Или мне лучше догнать Поля и Ларика, направившихся на север к Авинконету? Почти тотчас мой незримый маленький повелитель решил проблему.

Я собрался, поднялся в воздух, уплотнился и стремительно понесся к северу. Я нагнал их еще в полете и пристроился сзади, разрядившись и расслабившись. Ничего больше не тревожило меня. Незвестное понукающее мной начало наконец уgomонилось. Все оставшееся время до конца дня я чувствовал себя свободно и спокойно, как когда-то в золотые дни бесцельных блужданий по Рондовалу.

Конечно, подобное блаженство не могло длиться вечно, я понял это, когда солнце склонилось к закату и день стал медленно угасать, а

вперед замаячил черный мрачный силуэт Авинконета. В этот момент я почувствовал страх.

Это было странное всепоглощающее чувство - дурное предчувствие, если хотите - переплетенное с беспочвенной уверенностью, что я могу умереть, погибнуть, что мое существование обречено именно в этом месте. Такого раньше со мной никогда не случалось, это стало прозрением, своеобразным открытием, которое не радовало, а внушало ужас - но даже если рассматривать его через призму моих знаний о собственной природе, то оно вполне могло осуществиться. Я сразу ощутил, что жизнь, даже такая бесцельная как моя, совсем не такая плохая штука. В тот же момент я понял, что мои предчувствия не случайны. Я почувствовал, что самое мое страстное желание - это продолжать существовать; пусть глупо и бесцельно, но жить.

Я подобрался поближе к Полю и погрузился в тепло его тела. Я не мог понять, почему у меня не возникает ни единой мысли о самом полете. Я приник к нему словно младенец к матери. Так в обнимку мы подлетели к мрачному замку.

Я остался с ним в момент приземления, затем последовал в келью, где его заперли. Затем еще некоторое время я неотлучно находился с ним - до тех пор пока не принесли еду. После ужина я решил, что теперь его вряд ли кто-нибудь потревожит до самого утра.

Мой страх затих, предчувствия отдалились, их вытеснили рациональные взгляды на случившееся. Теперь, когда все успокоилось и затихли, казалось не осталось ни одного полуночника, самое подходящее время обследовать загадочный замок, проверить можно ли отвести угрозу и найти наиболее оптимальный способ нивелировать ее.

Поэтому я покинул Поля, оставив его в надежных, но малоинтересных апартаментах.

Я прошвырнулся по разным помещениям и комнатам, погонял крыс и мышей, тщательно обследовал каждую спальню, отыскивая следы или намеки на черную магию или угрожающие силы.

Я передвигался очень медленно, чтобы ничто не могло застать меня врасплох. Ночь была в самом разгаре, во мне появились нотки разочарования: зловещее предчувствие оказалось ложным. Ничто и никто не покушался на меня, не грозил, никто вообще не интересовался мной. Казалось, что и другая горная громада может быть пригодна для человеческого обитания, если ее слегка конструктивно усовершенствовать и проделать вертикальные тоннели и шахты, об этом свидетельствовали грубые останки обстановки, и яркая, нелепая манера их исполнения, которая имела совершенно афункциональную природу. Незримые следы магических деяний казались до боли невинными и безвредными.

Тем не менее чувство, охватившее меня, вызвало замешательство, хотя меня не так уж легко обескуражить. Ночь перевалила за полночь. Я обследовал каждую высокую башню. Я...

Непредсказуемая боль пронзила все мое естество. Такого острого ощущения мне еще не приходилось испытывать, за исключением того, что может быть подобный шок я испытал при рождении на свет, но я совсем не помню его. Вдруг все внезапно изменилось, что-то проникло в самые глубины моей личности. Лишь только это произошло, во мне возникли необъяснимые сомнения, а страх ли это вообще. Черная магия не имела к этому ни малейшего отношения. Последним результатом этих переживаний явилось чувство, что все дело во мне. Если бы я смог открыть его, то приоткрылась бы и моя собственная тайна. Долгое время я парил и медитировал, но созерцание ничего не дало, я не мог обнаружить источник, насылающий на меня таинственные волны боли и эмоций. Было такое ощущение, что где-то совсем рядом произносятся мое имя, а я не могу разобрать слов.

Я путешествовал от одного этажа к другому. Тщательно осмотрев все помещения над землей, я решил обследовать лабиринты под замком, расположенные в основании горы. Там было много входов естественного и рукотворного происхождения. Я последовательно принялся за них.

В одной из пещер я обнаружил нишу со спящей женщиной. Она неподвижно лежала в гробу, ее дух бесцельно блуждал рядом, поддерживая едва заметный ореол жизни вокруг нее. Я приблизился, чтобы внимательно изучить ее, ловушка тут же захлопнулась. Это была хитрая незаметная оболочка, предназначенная для заманивания в ловушку более и менее материальных существ, подобных мне, которые осмелятся приблизиться к леди слишком близко - вероятно, чтобы защищать даму от нежелательных вторжений.

Итак, я был пойман, несколько отростков ее плоти крепко держали меня, их скорее можно описать как гигантскую, невидимую паутину. Я начал вырываться, прикладывая все свои силы, но безрезультатно. Тогда я расслабился, разрядился и постарался изменить свою форму и естество. Это так же не сработало, провалились и все мои попытки переместиться в другую ипостась. Силовая паутина крепко держала меня.

Я повис, заполнил собой все пространство и стал анализировать создавшееся положение. Над оболочкой заклęcia чувствовалась аура почтенности, какую люди обычно приписывают выдержанному виноградному вину. Я уже был знаком с подобными капканами по опыту общения со старинными оболочками заклęcia в Рондовале. Лучшие из них, подобные этой, лишь расцветают и усиливают свое воздействие с течением времени благодаря циркулирующей в противоположных направлениях энтропии, усиливающей воздействие магии. Эта оболочка, насколько я конечно могу судить, наложена пятнадцать-двадцать

лет назад. Я попытался пропустить сквозь нее заряд энергии, надеясь обнаружить слабину, в которую можно выскользнуть или разгадать основу заклинания. Но все без пользы. В ней не было ни одного изъяна, это был крепкий монолит и он цепко держал меня.

Я пробыл в том месте довольно долгое время, пытаюсь вспомнить все, что могло помочь одолеть ее. Испробовав все средства и потерпев полное фиаско, я решил, что теперь у меня достаточно времени для философских размышлений. Я привел в порядок свои мысли и стал раздумывать над существованием, бытием и небытием, затем еще раз проанализировал предчувствия, по-новому взглянул на свои переживания и чувства.

Внезапно я услышал шаги...

В общем-то очень легко соблюдать полную конспирацию, когда ты невидим и не слышим; однако я потратил немало сил, чтобы сохранить спокойствие на всех уровнях, включая и мыслительный, увидев приближающегося Поля в сопровождении бледного пламени, такого же бестелесного, как и я.

В очертаниях этого пламяподобного чувствовалось что-то очень знакомое, что-то что мне совсем не нравилось. Не зная почему, я понял, что в спутнике Поля достаточно силы, способной повредить мне.

Я ощутил какой-то обмен между Полем и огоньком. Я слушал только партию Поля, даже не пытаюсь уловить диалог целиком, опасаясь, что это может выдать и обнаружить мое присутствие перед пламенем.

Наконец Поль склонился над гробом, открыл задвижки, снял и отставил в сторону крышку. Затем последовала долгая и безмолвная пауза, после чего Поль поднял на руки женщину, прошел по комнате и вошел в тоннель вслед за пламенем.

Внезапно я понял, что свободен. Оболочка была сосредоточена на женщине, а не связана с помещением или гробом.

Я повис в воздухе. Мне не терпелось посмотреть, куда они направляются, но я не хотел еще раз испытать судьбу и быть пойманным снова, поэтому не подлетал слишком близко. Я медленно плыл за ними, придерживаясь дистанции, чтобы избежать коварства оболочки.

Я сразу узнал огромную палату, как только вошел. Последний раз, когда я проходил здесь, я передвигался с метафизической скоростью и следовал по магическому маршруту, поэтому я не стал тратить время на ознакомление с окрестностями. Следовательно я и понятия не имел, что именно здесь находятся Ворота.

Ворота...

Насколько я помню по снам Поля и своему беглому знакомству, Ворота всегда выглядели грозно громадными, зловещими и, к счастью, всегда закрытыми. Они и сейчас не были открытыми. Хотя в снах и полудреме они много раз бывали полукрытыми, пропуская посланников, полуматериальных существ и заблудившихся духов. И если их физическая сущность заключается в этом, она не позволит им захлопнуться навсегда, и я окажусь свидетелем начинающегося взаимодействия и слияния миров, где более древняя, странно устроенная форма с господством магических сил разольется во всей красе и будет стремиться подчинить себе молодую, лишенную волшебства, землю, пытаясь изменить ее по-своему подобию, и в конце концов обновится сама за счет сырых первозданных основ этого места. Чем сильнее магия, тем слабее жизненные силы. Но магия будет господствовать, я в этом уверен...

Поль положил свою ношу на каменную скамью, окруженную аурой. Его движения были замедленны и вялы, как будто он двигался во сне. Я осторожно приблизился к нему, более осторожно чем раньше, и прикоснулся к его мозгу, его мышлению, чтобы уловить мысли.

Он был околдован. Он сам не подозревал об этом. Огонек поработил его.

Я не видел приемлемого способа вмешаться. Даже без особых усилий я знал, что этот пламяподобный могущественнее меня. Я чувствовал себя абсолютно бессильным и лишь наблюдал, как пламя управляло им словно марионеткой, как оно заставляло установить статуэтку в нужное место. И я по-настоящему обрадовался и облегченно вздохнул, когда силы магии покинули Поля, и их планы сорвались. Крушение надежд огнеподобного вызвало во мне безудержный прилив сил и веселья. Это оказалось самой лучшей шуткой, над которой я когда-либо смеялся.

Я наблюдал, как они уходили. Вряд ли Полю могла угрожать внезапная опасность, кроме того мне хотелось повнимательнее ознакомиться с зловещей палатой. Огромное, прямоугольное отверстие на левой стене уводило меня в зарождающееся утро. В глубине моей души вновь заскребли коготки предчувствия, на сей раз это имело отношение именно к этой комнате.

Часть XV

Поль очнулся от пустого, лишённого видений сна, разбуженный звуком отодвигаемого засова. Сначала он почувствовал свинцовую тяжесть в руках и ногах, тупую пустоту в голове, как будто накануне его напичкали наркотиками. Но затем, ещё до того как Ларик переступил порог кельи, родимое пятно в форме дракона отчаянно запульсировало. Это было бешенное токание, подобного которому он не испытывал раньше. Дикая пульсация, словно адреналиновый шок, охватила весь организм, его голова просветлела, боль и тяжесть исчезла, и он почувствовал в себе мощный прилив сил. Он никогда ещё не чувствовал себя столь могущественным.

- Вставай, - скомандовал Ларик, подходя к нему.

Поль почувствовал, что может уничтожить этого человека одним единственным жестом. Вместо этого он повиновался.

- Пошли со мной.

Поль вышел из кельи вслед за ним, старательно изображая тяжёлую, топающую поступь, по его мнению вполне соответствующую замаскированному чудовищу. Пройдя мимо окна, Поль увидел, что день в самом разгаре, но он не видел положения солнца и не мог определить, который час. Они шли совершенно иным маршрутом, не тем, по которому он на магической волне преследовал Ларика; и тем не менее, по которому его вело пламя.

- Если ты будешь сотрудничать с нами, - бросил ему небрежно Ларик, - то возможно тебя освободят без всяких увечий.

- Я вообще не считаю, что мне причинен какой-то вред или ущерб, - ответил Поль, поднимаясь по ступенькам.

- Твое нынешнее положение можно исправить.

- А что это даст тебе? - поинтересовался Поль.

Ларик долго молчал, затем произнес:

- Возможно ты меня не понял.

- Что ж, попытайся объяснить.

- Нет. Объяснять и разжевывать тебе - это не по мне, - ответил он, - скоро ты можешь найти свои объяснения.

- Сколько тебе заплатили за обман и срыв обряда посвящения?

- Есть вещи, которые всегда останутся главнее других. Ты скоро сам все поймешь.

Поль хмыкнул. Энергия и могущество било и закипало ключом. Его удивляло, что Ларик ничего не замечает. Он едва сдерживался, чтобы не выдать себя.

Они прошли вдоль длинного коридора, снова поднялись по лестнице и вышли в огромный холл.

- Мне бы очень хотелось встретиться с тобой при других обстоятельствах, - произнес Ларик, стоя на последней ступеньке.

- Я верю, что хочешь, - ответил Поль.

Он узнал это место по своему ночному путешествию. Он понял, что они находятся в северо-западном крыле здания. Они подошли к тяжелой, окованной двери. Ларик прошел вперед и постучался.

- Войдите, - раздался голос, более высокий, чем ожидал Поль.

Ларик открыл дверь и переступил порог. Затем повернулся.

- Входи.

Поль вошел в комнату. Это был рабочий кабинет, отделанный грубообработанным деревом и камнем, на полу лежали четыре красно-черных ковра. Окон в комнате не было. Райл Мерсон восседал за огромным столом, перед ним стояли остатки завтрака. Он не соизволил подняться навстречу.

- Вот, тот самый Одержимый Магией, о котором мы говорили, - сказал Ларик. - Он почти послушный и ручной за исключением бунтующего духа.

- Хорошо, это тебе зачтется, - ответил Райл. - Оставь его мне.

- Да.

- Я подразумевал в буквальном смысле.

Поль увидел, как по лицу Ларика проскользнуло удивление, его глаза расширились, рот приоткрылся в немом вопросе.

- Ты хочешь, чтобы я ушел?

Широкое лицо Райла ничего не выражало, кроме безразличия.

- Будь любезен.

Ларик явно смутился.

- Очень хорошо, - сказал он искусственно бодрым голосом.

Он повернулся и направился к двери.

- Но не уходи далеко, возможно ты мне понадобишься.

Ларик оглянулся, мрачно кивнул и вышел из комнаты, плотно прикрыв дверь.

Райл внимательно рассматривал Поля.

- Я тебя видел на Балкине, - сказал он после затянувшейся паузы.

- Я тоже тебя видел, - проговорил Поль интонацией и фразой старика, - на улице. Ты разговаривал с Лариком около кафе, где сидел я.

- У тебя хорошая память.

Поль покачал головой.

- Я не помню, что дал повод для насильного похищения и злоупотребления собой.

- Я предполагаю, что все это выглядит для тебя именно так.

- Я предполагаю, что все это будет выглядеть именно так для любого.

- Мне бы не хотелось начинать с тобой с подобной ноты.

- Мне бы не хотелось начинать с тобой с любой ноты. Чего ты хочешь?

Райл вздохнул.

- Хорошо. Если все так случилось, то подобным образом и продолжим. Ты мой пленник. Ты в опасности. Я нахожусь в выигрышной позиции и могу причинить тебе любой вред, включая вопрос жизни и смерти.

Жирный колдун встал, обошел стол и остановился напротив Поля. Он сделал какой-то жест, затем еще один, его движения руками были аналогичны жестам Ларика. Полю ничего не почувствовал, хотя он понял, что должно произойти, и удивился, что маскирующая оболочка под оболочкой до сих пор держится.

Она держалась.

- Возможно тебе нравится твоё теперешнее положение?

- Не совсем.

- Твое лицо скрыто маскирующей оболочкой. Я оставляю ее на месте, потому что знаю, как ты выглядишь на самом деле. Я полагаю, что мы можем начать с этого.

- Здесь у тебя явное преимущество. Давай, действуй!

- Последний год до меня доходило много слухов, что Рондовал снова обитает. А позднее дошла весть о сражении на горе Анвил. Посредством магии я восстановил твою внешность. Твои волосы, твою родовую отметину, твоё сходство с Детом - было абсолютно очевидно, что ты один из их Рода, и единственный, о котором я ничего не знал.

- Ну конечно, ты позаботился об этом, ведь все ненавидят Рондовал.

Райл повернулся спиной, прошагал до конца комнаты и снова повернулся лицом.

- Ты вынуждаешь меня согласиться и признать справедливость подобных чувств. Но существуют определенные причины, заставляющие меня поступить именно так. Хочешь узнать какие?

- Конечно.

- Было время, когда Дет был моим лучшим другом. Ведь он твой отец, так?

- Да.

- Где же он тебя спрятал?

Поль отрицательно тряхнул головой.

- Он не прятал. Насколько я понял события, я присутствовал при падении Рондовала. Грудным младенцем старый Мор перенес меня в другой мир, где я и вырос.

- Да, я этого не учел. Очень интересно. На кого он тебя подменил?

- На Марка Мараксона; человека, которого я убил в горах Анвила.

- Прекрасно. Превосходно. Как тебе удалось вернуться?

- Мор вернул меня. Для противостояния Марку. Так ты знал моего отца?

- Да. Мы многим увлекались. Вместе осуществляли одно мероприятие. В волшебстве он был само совершенство.

- Ты говоришь так, будто произошло что-то роковое, и вы перестали быть друзьями.

- Все верно. Мы окончательно разошлись в одном вопросе, касающемся нашего последнего великого проекта. В то время я разорвал наш союз и прекратил работы, уведомив его. А затем он стал инициатором того, что в итоге привело к конфликту и разрушению Рондовала. Третий участник нашего предприятия покинул его, когда уже все пошло прахом и приняло дурной оборот.

- Кто он?

- Очень странный Одержимый Магией, обладающий могущественной энергией. Я не знаю точно, где его откопал Дет. Его звали Генри Спайер. Необычное имя, правда?

- Ты подразумеваешь, что если бы вы оба не дезертировали, то Рондовал бы выстоял?

- Я уверен, что это бы и произошло, но мир бы жестоко изменился. Я предпочитаю думать, что Дет и Спайер предали меня.

- Конечно. А теперь ты желаешь особой изоощренной мести всему роду, как в старые времена, да?

- Вряд ли. Но теперь твоя очередь отвечать на вопросы. Ты говоришь, тебя привел Мор?

- Вернул меня - вот, что я сказал. Он не сопровождал меня. Он выглядел очень больным. Я полагаю, он остался в том месте, где я был.

- Обмен... Да. Ты пошел прямо в Рондовал?

- Нет. Я нашел собственный путь, правда позднее.

- А твое наследство? Все то, что ты знаешь о Великом Искусстве? Как ты дошел до всего?

- Я просто понял и выбрал все в себя.

- Это и сделало тебя Одержимым Магией.

- Это я уже слышал. Ты до сих пор не сказал мне, чего ты хочешь?

- А кровь тебе ничего не подсказывает, нет? - спросил Райл с сарказмом.

Поль изучал лицо стоящего перед ним человека. Теперь оно светилося иронией, наложенной поверх прежней маски безразличия. В узком прищуре глаз затаилась угроза. Эти глаза буквально поедали Поля. Губы Райла слегка приоткрылись в кривой ухмылке. На щеках появился легкий налет румянца. Поль также заметил, что одна из пухлых рук Райла так сильно стиснута в кулак, что костяшки пальцев глубоко врезались в плоть.

- Я не понимаю, что ты подразумеваешь, - спокойно сказал Поль.

- Я думаю, что отлично понимаешь, - ответил Райл. - Твой Отец посягнул на Баланс, господствующий в нашем мире, но его попытки не увенчались успехом. Я остановил его, а силы Клайса покончили с ним в Рондовале. Но рано или поздно наступают ответные реакции. Одну из них породил Марк Мараксон на горе Анвил. Он принес в мир новый разлад, но тебе удалось остановить его. Теперь Баланс снова отклоняется в сторону, уже в другом направлении - так как хотел твой отец - в сторону всеобщего господства колдовства над миром. Его еще можно остановить в данной точке, или все пойдет прахом, подобный дисбаланс пройдет по всей вселенной - мечта твоего отца осуществится. Все эти годы я ждал, чтобы остановить процесс, вернуть исходный Баланс.

- Я повторяю. Я не знаю о чем...

Райл подошел и ударил его по щеке. Поль подавил в себе желание отклониться, когда почувствовал прикосновение пальцев к своей щеке.

- Сын черного мага! Это у тебя в крови! Даже... - Он вдруг осекся и замолчал. Затем отступил назад. - Ты откроешь Ворота. Ты завершишь великое дело своего отца.

Внезапно Поль понял, что все сказанное действительно правда. Ворота... Конечно же. Он забыл о них. Все его сны.. Они промелькнули в его сознании. Вместе с ними пришла определенная готовность.

- Ты говорил, что был сторонником этого предприятия в самом начале? - спросил он, стараясь говорить спокойно и уверенно.

- Да, это правда, - подтвердил Райл.

- И ты говорил о черной магии...

Райл опустил глаза, подошел обратно к столу, уселся поудобнее на стуле и откинулся на спинку.

- Да, - ответил он, его глаза тупо уставились в остатки завтрака, - я полагаю, в буквальных смыслах. Черная, потому что ее использовали для того, что не имеет морального права существования, и черная в более утонченном смысле своего глубинного значения - то есть пользующаяся силами извращенного характера, искривляющая само поня-

тие магии. Первое утверждение всегда оспаривается, но второе никто не подвергает сомнению. Я допускаю, что сам однажды был черным магом, но больше этим не грешу. Я пересмотрел и изменил окончательно свои взгляды много лет назад.

- То что ты нанял Ларика для грязной работы - сотворения оболочек заклятия - вряд ли обеляет тебя. Мне кажется ты не избавился от духа черной магии. А случай со мной...

Его слова заставили Райла вздрогнуть, он поднял глаза и уставился на Поля.

- В твоём случае, - ответил он, - я хочу поступать - и буду, если это понадобится, только по собственной воле и своими руками. В худшем случае это будет первоклассный пример - попытка предотвращения огромного зла.

- Ну прямо по законам великой морали - а они еще нужны кому-нибудь?

- Я думаю о гораздо большем числе людей, чем ты. Я думаю о том, что ты можешь принести целому миру.

- Открыв Ворота?

- Точно.

- Прости мое невежество, а что произойдет, если Ворота откроются.

- Этот мир заполнят, наводнят силы более далекого древнего мира - на нашем языке это силы зла. Мы превратимся в продолжение той Земли. Более древняя и могущественная магия той Земли сокрушит естественные законы нашего мира. Это будет настоящее царство черных чар и колдовства.

- Но зло - это понятие относительное. Скажи мне как конкретно неприянь колдуна к чему-то может обеспечить главенство магии над всем остальным.

- Ты используешь тот же аргумент, каким когда-то твоему отцу удалось убедить меня и склонить на свою сторону. Но затем я узнал, что освобожденные силы настолько могущественны, что ни один колдун не сможет обуздать их. Мы окажемся во власти тех, кто находится позади Ворот, и небольшой группы наших отщепенцев, которым безразлично с кем объединяться с теми или с другими.

- А кто эти отщепенцы?

- Одним из них был твой отец, Генри Спайер - еще один, ты сам и другие подобные тебе - все Одержимые Магией.

Поль едва сдержал смех.

- Как я понял, ты - не Одержимый магией?

- Нет, все свои навыки я обрел тяжким трудом, усердием и тренировкой.

- Кажется я начал понимать суть произошедшей в тебе перемены, - в его интонации появилось сожаление, когда он увидел, как изменилось лицо Райла.

- Нет, я не верю в это, - почти выкрикнул Райл, злобно сверкая глазами, - ведь у тебя нет дочери, несущей вечное проклятие Генри Спайера.

- Приведение этого замка...? - спросил Поль.

- Ее тело спрятано в надежном месте, она ни жива, ни мертва. Спайер сделал это, когда я вышел из их союза. Уже поэтому я горю желанием отомстить им.

Полю хотелось повернуться, сбросить лишний вес, и налегке покинуть комнату.

Вместо этого он спросил:

- Что конкретно ты имеешь в виду, когда говоришь Одержимый Магией?

.. Ну подобных тебе, с природными способностями к Великому Искусству, - ответил Райл, - тех, кто обладает тесным, более личностным контактом с магическими силами - мастеров, художников своего рода, а не технарей; я думаю примерно так.

- Ты можешь творить сны? - спросил Поль.

- Конечно, да...

- Сны, - продолжил он, - которые я посылал тебе; в них твой дух входил в Ворота и становился свидетелем полного разрушения и заброшенности мира зла, где он встречался с обитающими там тварями, проводящими все свое время в пирах безнравственности и разврата.

Поль вспомнил свои ранние сны, но он так же припомнил и более поздние видения, уводящие его в города, расположенные за горами. Их нельзя было назвать заброшенными и разрушенными, наоборот они хранили и несли очень сложную, многогранную культуру, во многом превосходившую его уровень понимания.

- Это все, что ты хотел показать мне? - спросил Поль, окончательно запутавшись.

- Все? А разве не достаточно? Не достаточно, чтобы убедить любого сомневающегося, что Ворота не должны быть открыты?

Райл склонил голову набок и задумался. Затем рассмеялся.

- А, это, - воскликнул он, - Кес...

- Кес? Это тот колдун, который напал на меня в собственной библиотеке?

Райл согласно закивал.

- Он самый. Да, это я подослал его. Хороший человек. Я думал, что он лучше и талантливее тебя и все решит, как надо.

- Что надо? Ты тут все толкуешь о Воротах и моем отце, об Одержимых и черной магии, но я до сих не знаю, чего ты добиваешься от меня.

Толстый колдун вздохнул.

- Я думал, что навевая тебе сны, смогу донести до тебя угрозу, а потом, тщательно обрисовав положение вещей целиком, чего я сейчас и сделал, попытаться, только попытаться, склонить тебя на свою сторону, убедить в правоте моих мыслей и уговорить сотрудничать с нами. Это бы облегчило жизнь всем.

- Вряд ли вы начали переговоры с нужной ноты, затеяв игры с превращениями в чудовище и уродуя меня.

- Это тоже было необходимо, чтобы показать тебе ту степень, до которой я дойду, если ты не согласишься помогать мне.

- Я все еще не верю в это. Что может находиться на обратной стороне - кроме смерти?

Райл довольно потер руки и улыбнулся.

- Твоя голова, конечно, - сказал он, - я начал с самого легкого. Но если после этого - после подобного эксперимента с видоизменениями твоего тела - ты откажешься отдать мне то, что я прошу, тогда я завершу трансформацию до конца. Я отошлю твою голову встречать за Воротами подобных тебе изгнанников. Ты станешь чем-то подобным тому искалеченному демону - твой жалкий опыт и закончившееся полным крахом дело до конца дней останутся назиданием другим.

- Что ж, звучит очень убедительно, - заметил Поль. - Ну и ради чего весь этот сыр-бор?

- Ты знаешь, где находятся Ключи - Ключи, которые могут открыть Ворота или захлопнуть их навсегда. Я хочу эти Ключи.

- Вероятно, чтобы сделать последнее.

- Точно.

- Сожалею, но у меня нет подобных Ключей. Я даже не представляю, как они могут выглядеть.

- Как ты можешь так говорить, если я сотни раз видел, как ты изучал их на столе. И даже во время схватки с Кесом..

Мысли Поля вернулись к прошлому, одновременно к той сцене и одному из снов. Он почувствовал как в нем нарастает сопротивление.

- Ты не можешь их иметь, - сказал он.

- Я так и думал, что убедить тебя совсем нелегко, - заметил Райл, вскакивая на ноги. - Если открытие Ворот так много для тебя значит, это говорит о том, что ты слишком далеко зашел.

- Это не связано с открытием Ворот, - ответил Поль. - Это можно сравнить с очень острой болью, как будто ты хочешь оторвать что-то

от моей плоти. Ты собираешься их использовать ради того, что с кровью вырвано у меня.

Райл поднял руки.

- Это намного проще, чем ты думаешь, - сказал он. - Абсолютно безболезненно, если тебе повезет. Мы сейчас выясним, насколько ты оказался дальновидным.

Как только руки Райла пришли в движение, Поль начал бороться с желанием разом покончить со всем этим маскарадом. Но тоненький голосок твердил ему: - Еще не время. Возможно это был его собственный голос. Он обратился к внутреннему зрению и увидел огромную оранжевую волну, катящуюся прямо на него.

Когда она захлестнула, его охватила вялость, мысли спутались, тело одеревенело. Настоящее утратило свою конкретность, его сознание растекалось словно воск, он потерял чувство реальности и сам не знал чего хотел, а чего не хотел.

Райл ему что-то говорил, казалось его голос доносится откуда-то издалека.

- Как тебя зовут?

Находясь в странном, приятном опьянении, он почувствовал, как движутся его губы, и как бы со стороны услышал собственный ответ:

- Поль Детсон.

- Под каким именем ты известен в том мире, где вырос?

- Даниэль Гейн.

- Владеешь ли ты семью статуэтками, являющимися ключами к Воротам?

Внезапно между ними вспыхнул огненный проблеск, едва заметное пламя разделило их. Райл, однако, не заметил его присутствия.

- Нет, - услышал собственный ответ Поль.

Жирное лицо колдуна озадачилось. Затем он улыбнулся.

- Это грубо сформулировано, - проворковал он елейным голоском. - Ты можешь сказать мне, где находятся или могут находиться семь статуэток, которые некогда принадлежали твоему отцу.

- Нет, - снова ответил Поль.

- Почему нет? - спросил Райл.

- Я не знаю, где они.

- Но ты же видел их, трогал, держал их у себя?

- Да.

- Что же с ними стало?

- Они были украдены по дороге на Балкин.

- Я не верю в это.

Поль молчал.

- ...Но ты не можешь поздравить себя за отличную предусмотрительность, - продолжил Райл. - Ты надежно защищен даже от самопредательства. Очень искусная мощная оболочка. Мне придется потратить Очень много времени, чтобы выяснить ее истинную природу и сломать. К несчастью для тебя, у меня нет ни времени, ни желания, поэтому придется заставить тебя говорить другими методами. Я кажется уже упоминал о том, чем тебе это может грозить.

Колдун проделал очередную серию жестов, и сознание Поля начало быстро проясняться. Как только все его чувства достигли прежнего уровня, пламя тотчас исчезло.

- Я так же восстановил твою внешность, из сугубо эстетических побуждений, - сказал Райл, - теперь ты похож сам на себя. У тебя есть что-нибудь сказать мне?

- Нет.

- Ну, я так не думаю.

Толстый колдун засеменил к двери, открыл ее и прокричал.

- Ларик? - позвал он.

- Да? - донесся откуда-то издалека его голос.

- Отведи этого человека обратно в его темницу, - сказал он, - я пошлю за ним, когда будет готова комната для допросов с пристрастием.

- Ты опробовал принудительную оболочку?

- Да, самую сильную. Он защищен. Теперь пойдем с другой стороны.

- Жаль.

- Да, но что делать.

Райл вернулся в комнату.

- Поль, ступай за ним.

Поль сдвинулся с места, повернулся и медленно направился к двери. Он удивился тому, что вдруг пришло ему в голову... Ведь он пройдет совсем рядом с Райлом. Если он быстро повернется и нападет на него, он знал, что все может произойти очень быстро, и колдун не успеет воспользоваться магическими чарами. Затем, он, конечно, схватится с Лариком, Поль стал размышлять, удастся ли ему отправить на тот свет Райла раньше, чем сюда войдет молодое подкрепление. Для этого лучше...

Образ пламени вновь всколыхнулся около него.

- Не время, - раздался в его мозгу голос, - уже скоро. Подожди. Держи себя в руках.

Специально растягивая время, он нарочно медленно прошел возле Райла и вышел в коридор, где его уже ждал Ларик.

- Ладь, - сказал Ларик, направляясь совсем в противоположную сторону от той, из которой они пришли.

Поль услышал как хлопнула дверь и ближе подошел к Ларику, он почти дышал ему в затылок. Один резкий сильный удар, сообразил он, чуть ниже головного платка, который он, по-моему, вообще не снимает, и Ларик навсегда выйдет из игры.

Почти тотчас перед его глазами заплясал бледный огонек.

- Сворачивай сюда.

Поль повернул, затем спросил:

- Но это не тот путь, по которому мы шли.

- Я знаю это, сучий сын. Я хочу показать тебе, что вытворяют такие как ты.

Они вдруг оказались в знакомом месте, мысли Поля лихорадочно заскакали. Почти в панике он понял, куда его ведут и что собираются показать.

- Топай. Топай.

Он ничего не мог придумать, прислушиваясь к пульсации в замаскированной руке. Он решил всецело положиться на руководящее пламя, незримо скользящее возле него. Что-то подсказывало ему, что скоро предоставится возможность отомстить Ларику и уничтожить его...

Конечно. Он ясно представил свои действия. Он стал абсолютно уверен в том, что должно произойти, и уже точно знал, что он сделает, когда это все произойдет.

Они вошли в пещеру. Ларик сотворил маленький огонек-фонарик, освещающий им путь. Поль был внутренне готов к тому, что через несколько шагов они окажутся там, где находится открытый пустой гроб. Три шага, два, один...

Он услышал страшный, почти звериный крик Ларика. В нем была боль умирающего зверя. Эхо ответило аналогичным воплем из всех закоулков пещеры. Его зрение само по себе перешло на внутреннее видение. По пещере лихорадочно метались разноцветные лучи яркого света. Он напрягся и ему удалось расщепить их на отдельные светящиеся нити, но лишь только он расслабился, они вновь объединились в лучи и световые ленты. Это были строго горизонтальные лучи, они не плавали, а медленно поднимались вверх, располагаясь на разном расстоянии друг к другу по ширине. Спустя мгновение, появились и вертикально расположенные лучи, а вслед за этим и диагональные. Мир предстал в весьма своеобразной кубической проекции. В то же мгновение он осознал, что это ничто иное, как перемещенное в другой ракурс видение, которое обычно представлялось ему в форме нитей -

он также знал, что за этим ракурсом существуют и другие, и что когда-нибудь в будущем он сможет видеть магический мир в форме, наиболее подходящей потребностям и желаниям текущего момента. И это видение будет намного гибче и свободнее, чем настоящее ограниченное представление. Следуя интуиции, он догадался, как можно использовать эти лучи, это чувство было сродни тому прошлому озарению, когда он впервые столкнулся с нитями заклинаний и его руки сами сделали свое дело. Поль едва удержал себя от немедленного использования магических лучей, так как в этот момент к нему повернулся Ларик. На его лице застыл звериный оскал ужаса.

- Она исчезла! - кричал он. - Украдена! Как..?

Его выпученные глаза скользнули в сторону, он медленно повернул голову вправо. Поль был уверен, что Ларик, как и он, перешел на внутреннее зрение, и теперь увидел след, указывающий в каком направлении была унесена Тайза.

Ларик быстро развернулся в нужном направлении и обежал могильную плиту. Едва заметный бледный след уверенно вел от пустого гроба в нужном направлении.

Поль прошел вперед и обошел плиту с другой стороны, держа фокус на внутреннем зрении и находясь в полной готовности использовать все открывшиеся ему возможности нового понимания магического мира. Он поспешил за знакомым огоньком, светившим в самом конце тоннеля, заскочив туда, где была спрятана статуэтка.

Когда он вошел в палату, в его мозг ворвался целый хор голосов.

- Сейчас! Сейчас! Сейчас! Сейчас! Сейчас! Сейчас!

Ларик стоял спиной к нему, он склонился над Тайзой, стоя на коленях возле каменной скамьи. Их разделяло шагов десять. Поль протянул руки и двумя руками ухватился за оранжевый луч, он почувствовал как заструилась энергия, подгоняемая родимым пятном в форме дракона.

Через мгновение луч высвободился и развернулся в сторону Ларика. Это был уже длинный яркий шест, направленный на Ларика.

Хотя он произвел ряд жестов, он увидел, что Ларик вздрогнул и начал поворачиваться в его сторону, почувствовав приближение Поля. Он прочел в его лице удивление и растерянность, но оно тут же исчезло, подавленное волей колдуна.

Ларику удалось сдвинуться с места и довольно быстро. Его левая рука выстрелила вверх, пальцы задвигались. Он схватил красный диагональный луч и вытолкнул его в сторону Поля.

Сильный силовой удар обрушился на него, пытаясь свалить на пол, но ему удалось увернуться от поражающего потока. Поль развернул длинное копьё, которое до сих пор держал в руке, и, производя левой рукой чеканящие движения, укоротил его, превратив в мета-

тельный дротик. Ларик потрянул головой и начал прижиматься к полу. Его взгляд был прикован к Полю, к тому, как он отводит назад правую руку, намереваясь швырнуть в него блестящий дротик.

Ларик присел и поднял руки, защищая голову. Поль направил световую шпагу прямо на него и руки Ларика бессильно упали. Яркие лучи, разделявшие их дернулись, подпрыгнули и распались на длинные продольные полосы.

Это было похоже на внезапно опущенные Венецианские жалюзи. Ларик оказался скрытым за радужной, красочной стеной. Пика Поля врезалась в цветную стенку, в тот же момент и копые и стенка взорвались и разбились вдребезги, оставив после себя салют из цветных огней. Когда сияние улеглось, он увидел Ларика, его руки торопливо передвигались поперек тела.

Его внешнее зрение предупредило его, и как раз вовремя. Ларик орудовал двумя боковыми диагоналями, словно огромными сверкающими ножницами. Поль выставил вперед руки и бросился на него.

Он перехватил руками вертикальный луч и установил его перед собой, не давая сжаться световым клещам. Диагонали резанули по нему, едва не прихватив запястья Поля. Он увидел едва заметное напряжение, промелькнувшее по лицу Ларика, когда тот старался сдвинуть руки плотнее. Диагонали резко дернулись и приблизились. Поль упирался всем телом, стремясь отбросить их назад. Ларик подался вперед, намереваясь пересилить сопротивление.

Внезапно Поль со всей силой подался вперед, затем резко отскочил назад, упал на пол и откатился в сторону, в то время как Ларик покачнулся и отклонился назад, лучи захлопнулись прямо над его головой.

Вскочив на ноги, он повернулся лицом к Ларику, внимательно следя за его руками. Он начал двигаться по кругу, выдерживая дистанцию футов в пятнадцать, Ларик медленно поворачивался вслед за ним. Очень плавно руки колдуна творили сложное, тщательно продуманное заклинание жестами. Поль пристально следил за его движениями, хотя и не в состоянии был разобрать некоторые мелкие манипуляции магических действий на том уровне понимания, каким он владел.

Внезапно нога Ларика проделала размашистый мах, тут же один из расположенных внизу лучей обвил лодыжку Поля, дернулся, и Поль повалился на бок, оказавшись на полу. Проклиная себя за нелепую оплошность, Поль старался подняться на ноги.

Но пол вдруг отяжелел, его поверхность стала волнистой, он притягивал его к себе, не давая опомниться. Борясь с притяжением, он обнаружил, что его тело теперь находится не на полу, он сидел верхом на рябящей волне из световых лучей в полуметре от пола. Только теперь он начал осознавать, что технология этой материи более сильна, чем живая энергия. Поль так и не смог подняться на ноги, но ему

удалось твердо встать на колени с опорой на левую руку. Он увидел, как правая ступня Ларика стала быстро двигаться вверх вниз, как будто нажимала на педаль рояля, стремясь взболтать и размесить поверхность пола. Казалось, что магический дар Ларика раскрылся полностью, его способности превосходили себя, особенно в контрмерах, поэтому он ослабил бдительность и расслабился. Это дало Полю несколько коротких мгновений передышки, чтобы обдумать следующие возможные атаки и подготовиться к их отражению.

Он в который раз задумался, неужели магическое насилие - это единственный метод обхождения с человеком. Если бы удалось подойти ближе, то одного хорошего точного удара было бы достаточно, чтобы Ларик забыл все магические приемы, он чувствовал, что его боксерские навыки не забыты и могут сослужить добрую службу в рукопашной схватке. Но если и это не сработает, то ему остается успокоиться на мысли, что он вступил в схватку с мастером...

Лучи! Но ведь их можно использовать, чтобы поддержать, подпереть собственную массу, значит...

Вытянувшись вверх, он ухватился за расположенные на достаточной высоте лучи и подтянул свое тело; так он продолжал перехватываться за верхние лучи и подтягиваться, пока наконец не повис относительно свободно над притягивающим, словно магнит, полем. Правая рука Ларика тотчас пришла в движение, двигаясь из стороны в сторону где-то на уровне плеча.

Поль продвинулся вперед, подхватил очередную горизонталь и повис прямо перед Лариком.

Он был готов изогнуться и увернуться сразу всем телом, если это понадобится, затем освободился от лучей и соскользнул вниз.

Ларик держал три метровые луча из зеленого света, они сверкали словно шпаги, готовые обрушиться на Поля.

Приземлившись, Поль почувствовал нормальный твердый пол, он тут же выхватил диагональный луч из желтого огня, усилием воли превратил его в некое подобие сабли или длинного кривого ножа и замахнулся. В первый раз в этом мире он держал в руках подобие ножа - это было первый раз с тех далеких пор университетских соревнований по фехтованию.

Он парировал удар в голову и отпрыгнул назад. Новая позиция не имела достаточно хорошей точки опоры, чтобы рискнуть на ответный удар.

Ларик продвинулся вперед, в тот момент на ум Полю пришли две вещи сразу: Ларик стоял к нему лицом, повернувшись всем корпусом, а не боком, и от его левой руки отбрасывалась длинная темная тень.

Он снова отступил, а Ларик сделал шаг вперед. Нож и щит - это не совсем то, с чем он привык заниматься в университете. Это было

что-то среднее - более увесистое, требующее хорошей опоры и тренированных ног. Ему не хотелось материализовать щит таким, каким он его знал, и встретить Ларика предметом, абсолютно неизвестным ему.

Ларик замахнулся ножом и ударил в грудь Полю, но ему удалось вовремя отскочить назад и избежать неприятных последствий. Ларик продолжал наступать, Поль отодвигался назад.

Быстро, в один миг, он припомнил все, что касалось технологии оружия этого мира. Ларик должен быть неизвестен с рапирой; кроме того, его техника работы с ножом такова, что оружием считается само лезвие, край, но не острие или кончик. Поль застыл в позиции "шашки на голо".

Он прекратил пятиться и притворился, что готов ударить прямо в грудную клетку. Ларик слегка замахнулся ножом, чтобы ударить с плеча в ответ. Но Поль не шевелился и Ларик улыбнулся.

Он заимствовал положение ножа Ларика под удар снизу и направил его прямо на нож противника. Последовала ответная атака.

В тот миг как двинулся нож Ларика, Поль отскочил назад, подпрыгнув вверх прямо и высоко. Его оружие описало полукруг и оказалось прямо над руками колдуна, он с силой вонзил его в предплечье врага. Из глотки Ларика вырвалось сдавленное подобие крика, оружие выпало из его руки, он оступился и отшатнулся назад, прикрывая себя. Поль улыбнулся, топнул ногой и начал наступать на него.

Ларик вскинул правую руку, но Поль не обратил на это внимание и замахнулся в прямом лобовом ударе. Зеленое лезвие подскочило на полу и вновь оказалось в руке у Ларика, отразив удар. Поль оказался не в силах остановить момент, поэтому он решил продлить его, он рубанул ножом по защите Ларика, прежде, чем тот успел нанести ответный удар.

Как только Ларик попятился назад, Поль резко рубанул по его оружию, ударив его сбоку. Затем со всего размаха пнул ногой в самый центр щита Ларика. Ларик пошатнулся, и Поль пнул еще раз, нож снова выпал из рук Ларика. Ларик взмахнул рукой и щит сдвинулся в сторону. Поль не стал долго размышлять, он стоял достаточно близко, и его прямой левый, словно молния, попал в солнечное сплетение.

Щит отлетел в сторону и Поль сам отбросил свой нож, чтобы ударом правой в челюсть Ларика завершить дело.

Ларик пришел в себя и выставил перед собой руки, образовав своеобразный блок защиты: ладони защищали лицо, а локти - грудь и поддых. Поль отступил назад и ударил левой в голову, но промахнулся, и удар получился смазанным.

Ларик рухнул на пол, но успел схватиться за его колени. Поль почувствовал, что клонится в сторону и, отчаянно размахивая руками, попытался обхватить Ларика за плечи, но его кулак схватил лишь клок

рубашки. Не удержав равновесие, он упал назад под завывающий аккомпанемент голосов.

Убей его! Быстрей! - прозвучал настойчивый голосок в его голове.

Как только Поль оказался на полу, Ларик бросился на него, но был встречен и отброшен двумя мощными ударами в корпус. В такой позиции Поль уже точно знал, что нужно делать.

Он вытянул правую руку на уровень плеча ладонью вверх, одновременно он перевернулся и встал, расставив ноги над лежащим навзничь Лариком. Родимое пятно в форме дракона тревожно запульсировало, когда одна из самых черных линий, разделяющих лучи возле него, проплыла рядом с его руками, затем начала сворачиваться и уплотняться в черный шар, несущий мощный отрицательный заряд, всепоглощение, смерть.

Он отчиркнул шар от себя и швырнул его прямо в лицо Ларику. Его глаза резко метнулись в сторону и ему едва хватило времени извернуться всем телом и оттолкнуть смертоносную сферу вглубь комнаты, подальше от себя.

Ларик попытался подняться на ноги, поэтому пришлось хорошо приложиться к его подбородку. Поль почувствовал, как противник обмяк и затих. Он качнулся на пятках, отбросил налипшие на лоб волосы, и огляделся.

Затем медленно пошел вперед. Там, где был оторван рукав... Правая рука Ларика была обнажена...

Его рука слегка дрожала, когда он дотронулся до родимого пятна в форме дракона, расположенного как и у него на правом предплечьи.

Часть XVI

Голос Райла заполнил апартаменты:

- Он еще жив?

Поль не обращая внимания на вопрос, подошел к телу и сорвал головной платок. Белая прядь разделяла темные волосы на две части, протянувшись ото лба до затылка.

Только после этого Поль повернул голову в сторону массивной фигуры, застывшей в дверях комнаты.

- Ты убил его? - спросил Райл.

- Я до сих пор еще никого не убивал здесь, - сказал он. - Кто такой Ларик? Кем он доводится тебе?

- Как тебе удалось освободиться от оболочки, наложенной на тебя?

- Нет. Ответ сперва мне. Я хочу все знать о Ларике.

- Ты слишком быстро забыл свое место, - тихо произнес Райл. - Ты мог освободиться из-под контроля, но ты, я вижу, предпочел сидеть на привязи.

Он проговорил заклинание, растворяющее иллюзорную оболочку. Человеческая оболочка Поля растаяла, и он превратился в чудовище.

- Ну вот, оболочка готова для полной завершающей трансформации, о которой я тебе говорил, - сказал он, - требуется лишь заключительное слово.

- Я думаю, ты не прав, - возразил Поль.

Он напряг волю, заставил энергию пробежать по всему организму, пропуская ее сквозь родимое драконово пятно. Облик чудовища стал распадаться; его подлинные черты обрели свой прежний вид. По густым волосам пробежал легкий бриз, их цвет вернулся к прежнему оттенку, по середине головы появилась одинокая белая прядь.

Одежда повисла лохмотьями, он тяжело вздохнул, увидев то, что осталось от бывшего костюма, затем рассмеялся.

- Ответь мне, - повторил он свой вопрос, - кто такой Ларик?

Лицо Райла побледнело.

- Давно, когда твой отец и я были еще друзьями, - произнес он с дрожью в голосе, - он поручил мне заботу о своем сыне, отдал его мне в ученики.

- Ларик - мой брат?

Райл кивнул.

- Он на пять лет старше тебя.

- Что ты сделал с ним?

- Я учил его Великому Искусству и старался, чтобы из него получился хороший человек, порядочный и славный парень, уважающий...

Поль быстро подсчитал кое-что в уме.

- Он был к тому же хорошей страховкой, когда ты порвал с отцом, так? Ты обрел хорошего заложника против гнева и мести бывшего друга.

- А я и не стыжусь этого, - ответил Райл, - ведь ты совсем не знал своего отца. Он был настоящим дьяволом, и в тоже время одним из лучших колдунов. Я должен был позаботиться о собственной безопасности.

Внезапная догадка озарила его и Поль спросил:

- Не потому ли Генри Спайер, который все еще оставался союзником моего отца, проделал кое-что с твоей дочерью, чтобы обеспечить безопасность Ларика?

Краска залила лицо Райла.

- Ты думаешь так же, как и они, так? - злобно бросил он, - Да. Твой отец не осмелился посягнуть на меня, но этот злодей не знает ничего святого, он отнял у меня самое дорогое - дочь. Теперь Ларик будет до конца дней нести вину за это заклятие.

- Я полагаю, не без твоей помощи. Именно этим ты держишь его в узде, да? Расплата за чужие грехи?

- То, что ты никогда не испытывал, я уверен. Ты готов перерезать беспомощной девушке глотку. Ты уже давно бы сделал это, не услышь я крик Ларика.

- Я бы охотнее перерезал твое горло, - сказал Поль, надвигаясь на него. - Ты - проклятый лицемер, ты ничем не лучше моего отца или Спайера. А может еще хуже. Ты был готов поддерживать их союз, пока это сулило выгоды для тебя. Когда ты понял, что самому придется кое-чем пожертвовать, ты перекрасился в белого мага, ярого поборника равновесия. Это больше предательства! Сплошное претворство! Ты ни чуть не изменился. Ты держишь моего брата для выполнения грязной работы, чтобы не замарать своих белых ручек. Но они все равно в грязи! Надеюсь, ты не такой глупец, чтобы отрицать это?

Райл выставил руки и начал творить охранные жесты. Поль тут же перешел на внутреннее зрение. Драконово родимое пятно напомнило о себе всплеском пульсации.

- И ты говорил мне о морали, рассуждая о Ключах к Воротам, а моя дочь уже лежала, готовая к жертвоприношению? Так кто же из нас больший лицемер, Детсон?

Огненная дуга появилась между пальцами колдуна, Поль внимательно следил, ожидая появления нитей или лучей, но напрасно.

Но затем, внезапно, комната стала заполняться цветным дымом.

Поль вытянул и напряг руки, тотчас в том месте, где он хотел, появилась голубоватая дымка. Он почувствовал влагу на своих руках. Мгновение спустя, он уже подбрасывал с руки на руку сферу с водой размером с баскетбольный мяч. Огонь. Вода. Казалось у него заранее имелось любое средство на все, что возникало в голове у Райла.

Он подождал, пока старый колдун сделает первый шаг, в его голове пронеслись воспоминания о битве с Кесом, затем с Лариком, его вновь озадачило, почему всякий раз казалось его собственное восприятие магического мира. Вдруг ему пришло в голову, что в каждом случае его видение противника было окрашено пониманием и восприятием врага. Возможно, теперь мир Райла был более туманным и облачным, чем обычно.

- Мы изменили способ восприятия друг у друга, так ведь? - спросил он полупшепотом.

- Я здесь, чтобы убить тебя, а не читать лекции, - огрызнулся Райл.

Огонь, который он держал, превратился в раскаленный кинжал, он направил его прямо в грудь Поля.

Поль пожелал холода и стужи и почувствовал, как стали замерзать его пальцы. Водяная сфера заклубилась, начала твердеть, покрываясь коркой льда. Кинжал столкнулся с ледяной глыбой, отколов от нее дюжину сверкающих осколков, и подпрыгнув, упал на пол. Поль швырнул ледяной мяч в Райла, но колдун во время увернулся, и мяч с треском разбился о противоположную стену.

Райл поднял вверх руки и резко отпустил их. Комната исчезла. Теперь они обитали в пространстве, заполненном цветными облаками, где кроме них ничего не было. Поль шагнул вперед. Как и раньше он рассудил, что если ему удастся подойти на дистанцию ближнего боя, он сможет успешно избавиться от магических чар, и конечно, от самого Райла.

Он было начал двигаться вперед, но его путь преградил внезапно возникший образ низкой стены. Он хотел встать на нее и перелезть, но в тот момент ее верхушка оказалась усыпанной осколками битого стекла. Он отскочил назад и тут же натолкнулся на что-то. Оглянувшись, он увидел другую стену. Затем появились еще две - слева и справа. Почти одновременно они начали приближаться к нему. Райл стоял прямо перед ним, ладони его рук были направлены друг на друга и медленно сдвигались навстречу друг другу.

Но у куба не было верха и низа. Он направил энергию вниз, желая вызвать густые клубы тумана, которые подняли бы его подобно лучам в битве с Лариком.

Он встал на мглистую подушку и перенесся на ней через преграду. Все показалось слишком просто...

Наблюдая за Райлом, он увидел по его глазам, что затевается очередная каверза. Колдун до сих пор не выяснил в чем его слабость, какова его сила. Он знал лишь, что должен завершить намеченное до конца. Поэтому в глазах был страх. Он вел борьбу очень осторожно, присматриваясь к противнику, изучая его, выдерживая дистанцию. Подобные чувства испытывал и сам Поль. Райл без сомнения был мастером своего дела. До тех пор пока он не оценил возможности Поля, лучше прибегнуть к разрушительным атакам. Но Поль не был уверен, что сможет осуществить их. Тем не менее он решил действовать быстро и решительно. Но как? В затянувшемся молчании он не мог думать о предстоящем нападении. Разве только...

Возможно ему удастся изменить правила, изменить военную тактику. Возможно ему стало обидно за свою уступчивость, за то что он позволил противнику навязать себе бой на чужой боевой площадке. Оставалось еще столько, чего он до сих пор совсем не знал...

Он почувствовал, что лучше покончить с Райлом как можно быстрее. Кроме угрозы, что Ларик может очнуться в любой момент и прийти на помощь противнику, Поль опасался, что его силы могут иссякнуть, что уже случалось несколько раз - неожиданный упадок магических сил, непредсказуемая потеря контроля над энергией.

Он много раз дивился еще в битве с Кесом, действительно ли необходимы подобные символические немые сцены в магических столкновениях. Так как это была воля против воли, силовые манипуляции против силовых манипуляций и, возможно, личная энергия против личной энергии. Казалось, что происходит обнажение до самой эссенции, голого духа, которого питает сам Дьявол. Внезапно его озарило, что его мысли текут совершенно алогично, не как в учебниках; он рассуждает как Одержимый Магией. Но он был осторожен, когда пытался подражать изяществу совершенных действий тех, кто прошел долгие годы обучения; и он знал, что становился в невыгодное положение, пытаясь воздействовать на ход их игры. Были определенные преимущества в исполнении действ по хитрым искусным приемам искусства, но он не располагал временем, чтобы научиться им. Поэтому он решил действовать по-иному, попытавшись приблизиться.

С некоторым трепетом он перешел на обычное зрение. Туман исчез, комната обрела нормальные формы. Райл стоял около выхода. Его глаза блуждали где-то далеко в своем внутреннем мире.

Поль поднял правую руку в направлении Райла и пожелал, чтобы колдун упал, скрючился и умер. Родимое пятно в форме дракона

словно сковало льдом, энергия ударила ключом. Он продолжал концентрировать волю. По руке прошло привычное волнообразное ощущение.

Райл пошатнулся, но сохранил равновесие. Внезапно Поль обнаружил, что стоит на маленьком кусочке земли. Его установки не изменились, бушующие потоки воды бурным водопадом неслись мимо него, низвергаясь из рук. Райл расположился на крохотном островке вниз по течению. Как только Поль заметил, что край островка Райла скрылся в шипящих волнах, он усилил энергию, направляя ее прямо на остров, помогая волнам.

Райл взмахнул руками, его лицо напряглось. Водяной шторм начал затихать. Маленькая волна ударилась о полосу земли, где стоял Поль. Затем еще накатилось несколько волн и все затихло. На рукотворном море установился полный штиль. Но пауза затишья длилась не долго. Вскоре поверхность моря снова всколыхнулась. Но теперь волны покатались в сторону Поля. Он наблюдал, как вода разгоняется, набирая скорость и мощь, земля перед ним стала медленно тонуть в шумящих водах.

Он тряхнул головой, избавляясь от наваждения. Райл снова ввергнул его в символическую, специально задуманную ситуацию. На мгновение он забыл о бушующем море и направил все усилия на восстановление своего присутствия в комнате.

Океан исчез. Они снова очутились в комнате. Ничего не изменилось. Только теперь он почувствовал давление, явно выраженное ощущение сжатия во всем теле. Сжатие нарастало, стараясь выжать из него последние соки.

Он перефокусировал энергию.

- Стори, растай, исчезни...

Давление исчезло, а Райл вздрогнул, как от внезапного удара. Поль оказывал теперь собственное давление, сосредоточив на его передаче все силы. Райл попятился, будто отгоняемый сильным ветром.

Внезапно их разделили огоньки пламени; словно огненный веер, увлекаемый ветром, они устремились в сторону Райла. Они вырвались из глубокой расщелины разделившей гористую поверхность, на которой теперь находились противники.

Ветер стих так же внезапно, как и начался, и огни стали вертикальными. Он почувствовал как его лица коснулся теплый бриз. Огненные языки изогнулись в его сторону.

- Нет! - закричал Поль и видение исчезло.

Но теплое дуновение и ощущение жара осталось, пока ему не удалось окончательно собраться и привести в порядок свои эмоции. Затем пропали тепловые ощущения, он бросил энергетический поток на противника. Им овладела прежняя страсть расправы.

...Он стоял на одном горном пике, Райл - на другом. Между ними бушевала буря. Молнии металась от одного берега к другому...

- Нет, - тихо произнес он, - не сейчас.

Тут же он вновь очутился в комнате, тело ныло от тяжести.

...Каждый из них стоял на огромном айсберге. Серое зыбучее море разлилось между ними...

- Нет.

Они стояли в комнате, Райл свирепо смотрел на него, пожирая глазами. Его рука начала описывать дугу, но сраженная внезапной слабостью, упала как плеть.

...Вокруг царил черный мрак, комета, оставляя яркий след, начала...

- Нет.

Ему с трудом удалось овладеть собой и вновь сконцентрировать волю, он отогнал прочь новый приступ бессилия. Волю должна встретить воля. Он должен быть сильным.

Комната поплыла, но ему удалось остановить процесс и вернуть прежние очертания.

- Нет.

Он рассмеялся.

Почти минуту он сопротивлялся нападкам колдуна, но затем тяжесть и сжатие стали вновь одолевать его. Он обратился к запасам решимости и сопротивления, но тяжесть продолжала сжимать его.

Но даже в этом положении он понял, что и Райл имеет свой потолок. Этот человек вел опасную суровую игру, но она не была необходима. Он знал, что не сможет больше сдерживать его, не сможет сопротивляться. Райл оказался сильнее. Конечно, у него не было шанса выяснить это раньше.

Поль сделал шаг вперед. Если он сможет подойти к нему ближе, он может пустить в ход кулаки...

Давление превратилось в невыносимый пресс уже на следующем шагу, он понял, что ему не пересечь комнату. Теперь жирное лицо колдуна расплылось в улыбке.

- Отец?

Райл повернулся и давление исчезло. Скользнув глазами влево, Поль увидел Тайзу, сидящую на каменной скамье.

- Тайза?

Человек шагнул ей навстречу.

Поль собрал остатки сил и нанес удар. Свет померк в глазах Райла.

- Отец!

Тайза рухнула на скамью. Ларик зашевелился и попытался встать, но снова растянулся на полу.

Громовые раскаты дикого хохота потрясли высокие своды апартаментов.

Часть XVII

Волк расхаживал по громадной пещере, расположенной внизу Лица, перед ним застыли замершие силуэты зверей и людей. Он покидал ее крайне редко, только для поисков пищи. Он был не в состоянии далеко отойти от своего логова, одна часть его мозга вела непрерывное наблюдение за входом. Он быстро прикончил добычу и потащил ее к себе в грот. Он развалился возле призрачных силуэтов других существ, похрустывая костями. Над всем этим царило молчание и покой.

Когда он снова поднялся, его движения уже не были быстрыми и резвыми, они становились все медленнее и медленнее, замедлялось и его сердцебиение, дыхание.

Наконец он едва шевельнулся и замер. Его глаза распахнулись еще шире. Он стал полностью неподвижен.

Затем, медленно раскручивая кольца, змея соскользнула с невысокой террасы рядом с Лицом. Извиваясь, она начала спускаться по отвесной горной стене, язычок трепетал, глаза злобно сверкали. Она соскользнула на пол. Она почувствовала запах останков волчьей еды и сожрала их.

После трапезы она стала подниматься по стене, обследуя террасу за террасой. Она заглядывала в каждую щелку или трещину, поедая насекомых, которые ей встречались. Язык метался из стороны в сторону, он чутко проверял любое колебание воздуха.

Проходили часы, ее движения замирали. Растянувшись на всю длину, она застыла на дне расщелины, окруженной ночным мраком.

Огромная кошка проснулась и потянулась в изящной растяжке. Она вышла полюбоваться на спокойное, равнодушное Лицо, свысока взирающее на мир. Она обошла дозором пещеру. Затем на мгновение покинула ее в поисках добычи, как это делал волк, вернувшись она застыла и окостенела в процессе вылизывания, одна нога высоко задрапась над головой.

Человек пробудился ото сна. Он выругался, вынул кинжал, тщательно осмотрел и вычистил его. Поднявшись, он принялся расхаживать взад вперед. Спустя некоторое время, он заговорил с Лицом. Оно никогда не отвечало, но он не настаивал. Он чувствовал в нем ум и силу. Слепые глаза, казалось, следовали всюду за ним, куда бы он не шел.

Последние его слова повисли в воздухе, и он превратился в часть декорации.

Гарпия проснулась и испустила истошный вопль с проклятиями. Быстро обежав и проверив порядок в пещере, она предалась обильным испражнениям и погрузилась в галлюцинации.

Затем она стала рассматривать Лицо, не шевелясь и не двигаясь. Потом доела остатки кошачьей еды.

Все они были равны перед Лицом.

Часть XVIII

Поль повернулся к двери. В проеме стояла массивная фигура, окутанная слишком нереальной темной тенью. Увидев, что Поль смотрит на него, незнакомец вошел в комнату. Мрак, сопровождавший его персону, исчез.

Поль затыл в изумлении. На мужчине был желтый плащ, под ним виднелась темно-коричневая одежда. Голубые глаза незнакомца приветливо смотрели на Поля. Соломенные волосы начали серебриться сединой на висках. В чертах лица чувствовалась сила и уверенность. Но в целом это было лицо открытого честного человека, располагающего к доверию. Он улыбнулся, обнажив ослепительный ряд блестящих ровных зубов.

- Это тебе урок на будущее, юноша, - произнес незнакомец, Поль тотчас узнал голос. - Он держал тебя в своих руках, но сам позволил сбить себя с толку. Я снял с тебя старую оболочку, предоставив тебе полную свободу, я хотел посмотреть на что ты способен, - он тряхнул головой, откинув назад волосы. - Тебе также не следует допускать подобной рассеянности. Тебе следовало немедленно начать атаку и нанести сокрушительный удар, а не стоять столбом. Не будь простофилей, малыш. Более мастеровитый колдун мог в два счета убить тебя в тот момент - мог, запомни это.

- Но рассеянность и смятение сами по себе могут представлять угрозу, - ответил Поль.

- Если на тебя падает здание, ты вряд ли обратишь внимание на гудок приближающегося автомобиля. Ты постарайся избежать опасности и гибели под обломками. Таков закон выживания. Ты вел себя отлично, но много колебался. Однако, нерешительность - это не смертельно.

- Автомобиль? Кто же ты, черт возьми?

- Ты же знаешь мое имя.

- Генри Спайер?

- Ну вот и познакомились.

Человек снова улыбнулся.

Непонятно откуда он достал черный портсигар, вынул сигарету и сунул в рот. Она задымилась раньше, чем он успел сделать первую затяжку. Он с удовольствием сделал глоток дыма и оглядел апартаменты.

- До сих пор все шло так, как я и предполагал, - произнес он, с интересом разглядывая помещение.

Он сунул руку под плащ и достал статуэтку, которую Поль спрятал в тоннеле.

- Ты нашел ее...

- Конечно.

Генри Спайер прошел мимо него и установил фигурку на вторую позицию в правой части диаграммы на полу.

- Остальные шесть - ты, - сказал он, выпрямившись и посмотрев на Поля.

- Это первая сигарета, которую мне довелось увидеть в этом мире, - задумчиво произнес Поль.

- Знающий толк человек черпает удовольствия и маленькие радости из многих мест, - ответил Спайер. - Буду рад научить тебя всему чуть позже. Но теперь нужно закончить одно очень важное дело.

- Мои сны, - сказал Поль. - Ты освободил меня от тех навязчивых видений в первых сериях, тогда ночью в пути...

Спайер кивнул.

- Но вместо тех появились другие - они тоже были связаны с тем же местом, но они были совершенно иными.

Генри снова кивнул, над его головой поднялось облачко табачного дыма.

- В первых примерах тебе навязывали определенное одностороннее представление, - заметил он, - я подумал, что будет справедливо, если будет представлена и противоположная сторона, чтобы ты мог составить целостную картину.

- Должен признаться, что и целостная картина не слишком исчерпывающая и не совсем понятна мне.

- Было бы странно, если бы этого не случилось, - проговорил Спайер. - Поскольку это более древняя и почти чужая нам цивилизация. Куда более важно то, что несмотря ни на что, ты нашел ее заманчивой и привлекательной.

Глаза Спайера посмотрели прямо в глаза Полю, не выдержав пристального взгляда, Поль отвел взгляд в сторону.

- Я нашел то, что она очаровательна, - сказал Поль. Он мельком взглянул на Спайера и увидел, что он улыбается.

- Прекрасно, - ответил колдун, - я верил, что мы будем едины в оценках. Это говорит за то, что ты достанешь остальные шесть Ключей и присоединишься к нашему предприятию.

Поль оглядел комнату и обвел рукой ее:

- Ты предостерегал меня от нерешительности и рассеянности. А что с этими?

- Мне потребуется много сил, чтобы вернуть их в сознание, - сказал он, - это потребует полного напряжения воли, и я сомневаюсь в успешном завершении той важной работы, которую я наметил.

Поль покачал головой и, повернувшись, подошел к Тайзе. Ее неподвижное тело казалось мертвым.

- Твой взгляд следует за направлением твоих мыслей, я понял.

- Неужели все это требует человеческих жертв?

- Да. Так что воспрянь духом, у тебя есть шанс. Мы можем спасти девушку ради твоего удовольствия и даже найти применение Райлу, который с большим удовольствием убил бы тебя, если бы это помогло ему.

- А мой брат?

- Он не вписывается в наши планы. Райл извратил его мышление. Я бы предложил тебе позволить мне выслать его подальше, например, в тот мир, где ты вырос.

- Но он колдун. Он может вернуться назад.

- Я могу очень просто кое-что стереть из его памяти.

- Это слишком жестоко.

- Его обращение с тобой тоже нельзя назвать образцовым.

- Но ты сказал, что Райл влиял на него.

- Кто знает, в чем здесь дело? Я готов пощадить его только за то, что он твой брат.

- Скажи мне честно, и я отдам то, что просишь. Какие гарантии есть у меня, что я понадоблюсь тебе в дальнейшем?

- Я предвижу глобальные изменения, один я не в силах контролировать и управлять целым миром. А Одержимых Магией не так уж много. Кроме того, я еще не обсуждал со многими этого вопроса. А ты, конечно, всегда будешь на особом счету, даже вследствие того, что осуществил операцию с Ключами.

- Понимаю, - произнес Поль.

- Точно ли? Осознаешь ли ты то, что произойдет, когда откроются Ворота.

- Думаю, да. По крайней мере, у меня есть предположения.

- Это будет наш Триумф. С той могучей силой, которая окажется в нашем распоряжении, мы станем богами нового мира.

Поль перевел глаза на Ворота, игра света и тени создала причудливый ракурс, казалось, что прикованная птица дергается, стараясь сорваться с гвоздей.

- Предположим, я скажу "нет"? - спросил Поль.

- Это может повлечь весьма значительные последствия для обоих из нас. Но какие у тебя есть причины для несогласия?

- Я не люблю когда меня насильно вовлекают во что-то, а затем ставят перед фактом, независимо от того, кто инициатор - ты, Райл или статуэтки. Мной манипулировали, как марионеткой, едва лишь я ступил на землю этого мира. Я устал от помыкательства.

- Ладно, как в любых важных делах количество выборов и шансов не беспредельно, а весьма ограничено. В твоём конкретном случае: либо ты заодно со мной, либо против меня, либо желаешь отойти от всего. Два последних для меня неприемлемы и повлекут ответные меры с моей стороны.

- Мне не понравится все это, - ответил Поль, - хотя, возможно, тебе тоже.

- Ты угрожаешь мне, юноша? - мягко спросил Спайер.

- Просто вношу ясность, - ответил Поль.

Высокий колдун вздохнул.

- Да, ты сильный теперь, Поль, - сказал он, - сегодня ты сильнее, чем за всю свою прошлую жизнь. Ты выдержал посвящение, и твои светила теперь полностью благоприятствуют любому начинанию - в настоящий момент нечего больше и желать. Никто не может сказать, как долго будет длиться подобное расположение. Но поверь, я все еще сильнее и могущественнее тебя. Между нами не возникнет даже соревнования кто-кого. Ты окажешься словно слабое пламя свечи под ураганом моей воли. Сейчас я просто могу тебя заставить отдать Ключи. Но мне бы хотелось твоего добровольного участия, чтобы ты остался жить и поддерживать меня, без всяких заклятий с моей стороны.

- Почему?

- У меня есть на это определенные причины, я скажу тебе о них позже, когда окончательно уверюсь в тебе.

- Ты предвидел между нами определенный конфликт. Твои слова намекают...

- Да, предвидел. Но его не должно быть. Если ты такой щепетильный, я лучше сам себя принесу в жертву.

Поль рассмеялся.

- Это не так. Я бы убил Райла, если бы смог. Я говорю только о том, что ты манипулируешь мной, навязываешь то, что идет не от меня.

- У меня нет выбора.

- Черт бы вас всех побрал!

Спайер повернулся и в задумчивости уставился на Ворота.

- А вот интересно..? - начал он.

- Между прочим, - вмешался Поль, - если ты убьешь меня, каким образом вы добудете Ключи?

- С большими трудностями, если, конечно, вообще удастся, - ответил Спайер, - с тех пор как ты их прячешь в том месте, что практически является частными, секретными областями вселенной. Если ты умрешь, то перед нами встанет адская, почти неразрешимая проблема.

- Ну тогда понятие свеча в смысле метафоры не совсем годится. Тебе придется вообще закрыть все щели и поумерить силы, чтобы ее случайно не задуло.

- Возможно. А возможно и нет. Во всяком случае я не слишком рассчитывал на легкий исход. Ворота можно открыть и с помощью всего одного Ключа - но возможно на это уйдет пара лет и, естественно, возникнет много проблем. Ну хватит об этом, ведь мы говорим о предположительном повороте дела, так?

Поль подошел к Воротам и прикоснулся к ним. Холод обжег его. Ему показалось, что распятая змея заглянула ему прямо в глаза.

- А что случится, если статуэтки будут разбиты? - спросил он.

- Эту вещь будет трудно восполнить, - ответил Спайер, - даже, если знаешь как.

- Но все это предположительно, так?

- Правда. Ворота могут навсегда исчезнуть отсюда, останется лишь грубая горная стена.

- Но они открыты - или их можно открыть без всяких Ключей - в другом месте и пространстве, другом измерении?

- Да. Но только бестеленные тени могут пройти в них, как ты, например, проходил в своих снах.

- Почему они оказались именно здесь, на первом плане?

- Вследствие наших усердий и стараний - твоего отца, Райла и моих.

- Но как? И каким образом оказались задействованы статуэтки?

- Все, хватит. Для предположений и гипотез информации и так достаточно - или это своеобразный допрос? - проговорил Спайер. - Существует три выбора - один хороший и два плохих, ты еще помнишь?

- Да.

Поль повернулся лицом к Спайеру, прижался спиной к Воротам и сложил руки на груди. Тут же он почувствовал холод, разом охвативший всю спину, но не сдвинулся с места. Энергия до сих пор не изменила ему, она пульсировала в драконовом родимом пятне.

Глаза Спайера на какую-то долю секунды расширились и странно блеснули. Он осмотрел Поля с головы до ног.

- Я знаю твой ответ, - сказал он, - но я хочу услышать его из твоих уст.

- Ты сбежал от моего отца, оставив его на растерзание войскам.

Эта фраза озадачила Спайера, он нахмурился.

- Он поступил, не послушав моего совета, - произнес он в ответ. - И войска подошли из-за его действий, а не из-за моих. Мне не было смысла погибать вместе с ним, просто из солидарности. Но зачем тебе все это? Ты даже не знал своего отца.

- Просто любопытно, - сказал Поль, - хотелось услышать твою версию.

- Конечно ты не станешь использовать этот аргумент, чтобы отвергнуть меня? Ведь ты был совсем дитя.

Поль кивнул. Он вспомнил о привидении своего отца и его предостережении там, в сумрачной пещере.

- Ты прав. Но побалуй меня еще одним ответом на вопросом, если хочешь отвечать. Могла ли между вами произойти борьба за власть, в конечном итоге за господство в том новом мире?

Спайер слегка покраснел.

- Я не знаю, - сказал он в некотором замешательстве, - возможно...

- А может она началась еще раньше? Вы были в преддверии революции, новых перемен, а это лучшее время, чтобы избавиться от конкурента...

- Хватит, довольно. Я и так понял, что твой ответ "нет". Может соблаговолишь сказать мне, по какой причине ты мне отказываешь?

Поль пожал плечами.

- Выбери любую по своему вкусу, - сказал он. - Возможно я просто не уверен в себе. Но я думаю, и этого вполне достаточно.

Холод сковал все его тело, но он не сделал ни малейшего движения, чтобы отодвинуться от тела змеи, которое он подпирал спиной, прислонившись к Воротам. Было такое чувство, что Ворота сами удерживали его в том положении...

- Очень жаль, - произнес наконец Спайер, - ведь я почти полюбил тебя.

Поль напал на него. Он сконцентрировал каждый бит своей силы, которой обладал, направил всю свою волю и выстрелил этим сгустком энергии.

Очень медленно и спокойно Генри Спайер достал сигарету из портсигара, но тут же бросил ее, раздавив подошвой. Он спрятал портсигар в один из потайных карманов плаща. В его поведении сквозила некоторая наигранность и бравада. Поль знал, что колдун должен почувствовать его удар. Но психическая атака сделала свое дело. Поль ощутил смертельный страх, предвосхищая могущество Спайера, но отогнал страхи, собрался и настроился на отражение любой, даже самой мощной атаки. Он целиком положился на провидение, и чувст-

вовал себя так, будто летит в бездонный черный колодец, у которого нет дна.

Спайер поднял глаза, они словно молнии пронзили Поля. Волна сопротивления захлестнула его.

Спайер шагнул навстречу Полю.

Это было подобно падению головой в пылающий костер, встрече лицом к лицу с тигром.

Его зрение перескочило на внутреннее видение, он сфокусировался на Спайере, приближаясь к нему, руки сами сделали боевую стойку. Образ Спайера, до сих пор находившийся на некотором расстоянии от него, растаял. Лицо колдуна расплылось в самодовольной улыбке, на лбу выступил пот. Кулак летел в направлении Поля.

Концентрация Поля оказалась сломанной. Он быстро пригнул голову и нагнулся, затем поднял руки, защищая лицо. Он услышал громкий треск и хруст, затем короткий вопль. Поль тут же сообразил, что удар Спайера пришелся по Воротам.

Он опустил руки, прицелился и ударил левой, затем без передышки правой по корпусу Спайера. Но удары не произвели никакого эффекта. Противник был вынослив и силен.

Даже отвесив левый апперкот и почувствовав, что он достиг цели, он осознал, что единственная боль, которую, по его мнению, испытывал этот человек - это боль в костяшках пальцев от удара по Воротам. Поль ударил правой, метя в лицо противнику, но его удар был блокирован на полпути. Спайер бросился на него.

Спайер всем телом врезался в Поля, отбросив его к Воротам. Ошеломленный Поль в ужасе столкнулся с дверью, его голова с треском ударилась о железную обшивку. Затем Спайер отступил на шаг назад, и их глаза снова встретились.

Он взывал к родимому пятну в форме дракона и молил о защите, его тело было охвачено шоком, подобным электрическому удару. Он оправился от удара и вновь почувствовал прежнюю силу, но, казалось, вся его воля не сумеет защитить его от противника. Внезапно он ощутил нарастающее давление, но эта тяжесть совсем не была похожа на ту, что насылал на него Райл. Оба противника, и он и Спайер, стояли абсолютно неподвижно, и хотя Поль сконцентрировал всю энергию на собственной защите, тяжесть все нарастала.

Кровь молотом застучала в висках, грудь сдавило так, что дыхание прорывалось с трудом. Он покрылся испариной, вспотел так, что можно было выжимать, хотя всем телом дрожал от холода. Голова пошла кругом. Сознание померкло, прояснилось, потом снова померкло. Он понял, что может противостоять Спайеру всего несколько секунд. Его силы таяли. Этот человек подчинит его своему контролю,

заставит отдать злосчастные статуэтки, а затем возможно и его принесет в жертву. Где же то пламя, которое руководило им, защищало?

Ему показалось, что он услышал робкий, дразнящий смех. Он внезапно понял, что это именно тот конец, к которому вели его огоньки. Они тоже хотели, чтобы Ворота были открыты. И если он не захотел помочь им в этом, они не стали его защищать.

Голова закружилась еще сильнее. Свет стал меркнуть в его глазах. Если это уже конец, он, по крайней мере, должен попытаться нанести противнику последний удар.

Он оперся правой рукой о Ворота и вытолкнул себя навстречу Спайеру. Из последних сил он отчаянно замолотил кулаками, снизу, сверху, сбоку, опять сверху...

Он сам удивлялся, что его удары достигали цели. Последнее, что он успел увидеть, падая на пол и теряя сознание, было изумление, застывшее на лице Спайера, падающего навзничь.

Свет погас, мрак и тупость стали последними ощущениями Поля. Он ничего не почувствовал, упав на пол. Темнота и пустота.

Часть XIX

Падение. Он медленно проваливался сквозь мрак и безмолвие. Его единственным ощущением стал холод, сковавший его плоть, но и холод впоследствии исчез.

Как долго он падал, он не мог сказать - мгновения, годы, столетия... Прежний холод, одолевавший его, исчез, и теперь он пребывал в глупой эйфории. Память требовала слишком большого напряжения. Единственное, что он знал и помнил, это то, что хорошо бы оживить все, что было в прошлом, или, по крайней мере, найти силы на мыслительный процесс...

Появилось странное убаюкивающее качание. Даже больше... Он начал волноваться. Затем раскачивание сменилось не менее странным подталкиванием в одном направлении. Оно сносило его, баюкая, словно в кресле-качалке.

Он ощутил едва заметное свечение. Казалось, что оно лилось сразу отовсюду. Он даже не задумался, каким сенсорным аппаратом воспринимается это почти фантастическое сияние. Его сознание просветлялось, но мозг, по-прежнему, представлял окоченевшую массу.

Свечение становилось ярче, а движение замедлялось. То, что располагалось внизу, предстало бледно-желтой массой с темными пятнами.

Теперь панорама прояснилась, но с каким-то искривленным пониманием перспективы. Восприятие света странным образом исказилось, стало совсем невозможно определить расстояние до объектов, маячивших внизу. Это была развороченная земля, гористая, песчанная, окутанная теньями, с пыльными ветрами и грязными облаками, низко стелющимися змеевидными туманами. Контрасты еще не давали четкости изображения, поэтому ничего не возможно было узнать, ни даже определить масштаб. Тем не менее место казалось до боли знакомым. Где? Когда?..

Толчок и он провалился ближе к земле. Где же те горные вершины или крутые гребни хребтов, мимо которых он обычно пролетал?

Куда он летит? Может ли он контролировать свое передвижение? Или нет? Кажется...

Теперь он двигался вдоль огромного горного выступа. Внезапно он обогнул его, и проблема разрешилась сама собой.

В трех метрах под ним высоко на шесте покоилась голова демона. Адская ухмылка застыла в чудовищном оскале. Черные, словно угли, глаза были широко раскрыты и злобно следили за ним.

Он почувствовал что-то сродни содроганию, пролетая над наводящим ужас указателем. Ему даже показалось, что голова заговорщически подмигнула ему. Под ним всюду простиралась пустыня, пока он парил в сумрачном бледном небе с нарождающимися огоньками звезд. Над пустынной землей металось облако пыли. Он тоже ощущал пронизывающие порывы холодного ветра, налетающие на него со злобным протяжным воем. Но и это завывание казалось монотонным и пустым как и все окружающее. Но вот пустынный ландшафт остался позади. Откуда-то поднялся огромный фонтан брызг, стремясь преградить ему путь. Но брызги рассеялись, подобно бисеру, так и не достигнув цели. Несколько мгновений спустя, в воздухе повис звенящий металлический звук, словно от огромного призывного гонга. Его вибрирующие переливы еще долго стояли в ушах.

Яркая комета чиркнула по небу, оставив в вышине едва заметный сверкающий след. До него донесся громовой раскат, шум грозы шел оттуда, где совсем не было облаков. Ему показалось, что он полетел быстрее, ветер засвистел в ушах. Далеко внизу оставались освещенные и мрачные участки земли, они образовывали причудливую картину, целое море кривых изображений - вытянутых, изогнутых, прекрасных, абсолютно чужих, зловещих, успокаивающих, а иногда совершенно безумных.

Он покружил над разрушенным городом, над ним суетились и вертелись черные силуэты. Посреди руин металась маленькая голубая огоньки. Случайно одна из теней наложились на другую и поглотила ее. Он пролетел над черной башней, откуда доносилось одинокое сладкоголосое пение. Скрученное многоногое создание с влажной растрескавшейся кожей, свернулось калачиком на ее крыше и теперь напоминало гнилую тухлую сливу. Бронзовая колесница бесшумно пронеслась в вышине. Мертвенно-бледное существо, закутанное в плащ, безмолвно погоняло пятерку длиннохвостых созданий. Их разгоряченные ноздри выдыхали густые клубы белого пара, который тотчас распадался на мельчайшие брызги и, замерзнув на ветру, кружился веселым хороводом сверкающих снежинок. В следующий момент видение пропало, и он уже начал сомневаться, а была ли снежная колесница на самом деле.

Мелодичный звон, будто от сотен звучащих колокольчиков, сопровождал его перелет над серой равниной, где полчища людей и демонов застыли в воинственных позах и склонились перед древним изваянием, чьих пальцев он коснулся.

Впереди его горизонт раскололся надвое по всей длине - тонкий неровный край мира медленно пробуждался и поднимался. Он сосредоточил на этом восходящем крае мира все свое внимание.

Его взгляд разглядел зубчатые своды и крепостной вал - мощный, массивный, высокий и черный. В какой-то момент ему показалось, что он вот-вот разобьется об эту громаду. Но огни чуть переместились и

перед ним открылась новая перспектива, он понял, что все это бесконечно далеко и невероятно огромно. Внутри его призрачного естества что-то сжалось, и он интуитивно осознал, что лучше пролететь не задерживаясь.

Внизу земля, стыдливо скрытая дымкой, нет-нет да обнажала свои красоты. У него не было глаз на затылке и он не видел обзор сзади, однако внутреннее чутье подсказывало ему, что что-то незримо движется за ним. Он предпринял короткую атаку на свой одеревеневший мозг, пытаясь выбить из окаменевших глубин, кто он и откуда. Он продолжил созерцание мира, раскинувшегося под ним, вспоминая, что когда-то он уже был здесь, и понимая, что теперь этот мир изменился, но ему необходимо выполнить здесь важную миссию.

Неясные очертания гор угрожающе замаячили впереди, он уже точно знал, что какова бы не была их природа, пересечь их будет очень сложно. Он принялся внимательно изучать ребристый силуэт, отыскивая брешь или ущелье - любое, что могло облегчить горный переход. Ему показалось, что удалось отыскать такую низинку слева от себя, и он попытался изменить траекторию полета в направлении ущелья.

Достигнув его, он всерьез удивился. Это было его первое волевое действие, с тех пор как сознание немного просветлело. И он искренне радовался, что ему удалось осуществить его. Однако, он тут же заинтересовался другим, что же направило его в нужное русло до этого момента.

Он вдруг ощутил некую тягу, влечение, исходящее откуда-то выше гор; нечто, что сносило его в сторону. Поэтому он еще быстрее и настойчивее устремился к земле, его скорость невероятно возросла.

Приближаясь к горам, он заметил, что становится более осязаемым, чем раньше. Его существо теперь встречало явное сопротивление, чувствовало порывы встречного ветра.

Под ним громоздились огромные хребты, их вершины, словно колья, пронзали облака. Подлетая к ущелью, он поднялся еще выше в воздух. Сильный поток ветра, как пушинку, подхватил его и отшвырнул назад.

Он восстановил силы и снова ринулся на штурм, теперь он держался ближе к горам. На этот раз ему удалось пролететь подольше, прежде чем ветер отбросил его.

В третьей попытке он двигался быстро, подобно стреле, стараясь выбросить себя вперед изо всех сил, вот перед ним замаячил смутный горный склон. Но ветры вновь закружили его, он отчаянно сопротивлялся их мощным порывам, стремясь прорваться к такому близкому правому склону ущелья, но вся борьба оказалась тщетной.

В четвертый раз он попробовал сменить угол подлета, но почти тотчас был отброшен.

Он низко парил, восстанавливая спокойствие и ориентацию, собираясь с новыми силами. Он сосредоточил энергию и начал подъем.

Теперь он придерживался лучшего курса, выявленного в предыдущих попытках. Он приблизился к горам почти вплотную. Изогнувшись всем телом и немного взмыв вверх, он разогнался.

Ветры злобно плясали вокруг него и трепали его естество словно порванные струны сломанного музыкального инструмента. Он трепетал в их бешеном вихре, но не сдавался. Не обращая внимания на их порывы, он продвигался вперед. Но силы уже покидали его, энергия таяла словно снег под ярким солнцем. Его охватило смутное предчувствие. Если он не соберет остатки сил и не преодолеет гор именно сейчас, то он будет обречен на бесцельные скитания на столетия, а может быть и больше, прежде чем обретет новую энергию.

Порывы усилились, превратившись в воздушный заслон, он напряг остатки своих гаснущих сил для последней, решающей попытки. Внезапно все стихло. Секундное затишье обеспечило ему максимум преодоленного пути. Но бешенный вихрь уже поджидал его у самого ущелья.

- Отзовись кто-нибудь, - безмолвно взмолился он, - если ты действительно хотел видеть меня, протяни мне руку!

Почти тут же он почувствовал тягу - сперва ему показалось, что это вполне реальное физическое ощущение, а не психическое влечение. Он подключил к нему всю свою энергию и с удвоенной скоростью бросился вперед. Он опередил все свои прежние достижения. Ущелье было прямо перед ним, оставалась самая малость - немного повернуть и устремиться в него.

Он снова напряг силы, слился с неведомой тягой и нырнул в ущелье. Он надеялся найти убежище от пронизывающего ветра под сенью гор, но столкнулся с целой бурей ветров. Пробиваясь сквозь шторм к расщелине справа от него, он тратил жалкие остатки энергии. Он шел почти напролом. Он уже явно различал горный выступ прямо перед ним, а рядом еще несколько ущелий.

Бросаясь навстречу воющим порывам, он вплотную приблизился к хребту и обрел, наконец, защиту на подветренной стороне горного склона левее назначенного места. Ветры ревели над его головой и швыряли на камни сверкающие хороводы снежинок, которые тут же таяли и стекали слезинками к подножию. Он сделал еще усилие, еще попытку, преодолел новый отрезок пути и вновь оказался недостижимым для ветров. Помогающая ему доселе тяга ослабевала, возвращаясь на психический уровень и приобретая характер умственного побуждения.

Почувствовав, что он собрал достаточно сил, он бросился в атаку. В некоторой степени, ему удалось довольно долго дефилировать на ветру, в конце концов он достиг последнего, защищенного от шторма

участка. Впереди отчетливо маячило желанное ущелье. Он решил, не мешкая, подобраться к ближайшему краю - левому, он открывал прямой вход в ущелье, опасаясь новых нападков ветров.

Вот и последний рывок, впереди словно мираж мелькнула черная зеркальная гладь древнего моря, до нее было чертовски далеко. Его отнесло чуть в сторону, озлобленные ветры добрались до него и закружили в бешеном вихре, взмывая в высь.

Его мчало вверх на бешеной скорости, окружающее завертелось в безумном калейдоскопе, чувства утратили реальность и осмысленность и теперь предстали обрывками безумных галлюцинаций. Он уносился все выше, затем ощутил резкое падение. Неведомая сила подхватила и потащила словно по невидимой стиральной доске, ввергнув его в бесшабашную стихию. Когда весь этот круговорот прекратился, его чувства представляли лишь беспорядочную мешанину.

Спустя некоторое время движение стало замедляться, он бесцельно парил почти на месте, в тот момент он снова ощутил знакомую тягу. Он двинулся прочь от проклятого хоровода высоких ветров, снижаясь все ниже и ниже. Постепенно его зрение само восстановило все на свои места.

Прямо под ним, растянувшись почти до самого зеркала воды, простирался сказочный город террас и уступов, асимметричных зданий из металла, все эти знакомые желанные очертания убегали далеко к горизонту. Он спустился ниже. Башни цветного дыма благоухали пахучими ароматами. Он окончательно сбился с толку, обманутый хитрой игрой перспективы и бледных огней. Он спустился еще ниже и увидел демонов, разгуливающих со своими любовницами; странная замедленная музыка неслась из вращающихся пятиугольников. Он проплыл над проспектом, украшенным гротесковыми фигурами, застывшими в древних пируэтах ритуального танца. Огромное, ужасное существо посаженное на цепь между двумя бурами колоннами, рыдало, уткнувшись в каменное основание, вокруг него неподвижно стояли зеленоватые вонючие нечистоты, подходящие почти к самым краям основания. Бледные, подобные искрам костра, вспышки озарили мрачное хмурое небо высоко над морем, отразившись от его зеркальной черной поверхности сотнями разноцветных бликов. Проспект ошеломил его, в нем было что-то новое, не поддающееся пониманию. Это новое шло отовсюду, куда не падал взгляд. Например, та желтая башня со стороны моря, на вершине ее высилась статуя женщины-птицы...

Вдруг она шевельнулась и он понял, что это вовсе не статуя.

Голос Найалис, словно фанфары, разорвал тишину и далеко разнесся над морем.

Все замерло.

И он знал.

Он развернулся к морю и помчался над водной гладью, его скорость постепенно нарастала, окружающее замелькало будто из окна скоростного экспресса, и слилось в вереницу убегающих образов. Он летел вдоль линии притяжения, удерживающей его в этом мире. Впервые он почувствовал присутствие того, ради чего было предназначено все его путешествие...

Перед ним замаячила черная тень. Затем промелькнувшее мгновение вырвало на долю секунды огромный черно-крылый силуэт, рвущийся в небеса. Он был окружен вереницей сверкающих огней. Лишь короткий миг длилось видение, затем он вновь был захвачен и привлечен к предназначенному судьбой месту свидания. Его пробудившееся, обновленное сознание смешалось и разбилось вдребезги, поглотилось и слилось.

Он раскрыл клюв и послал ответный крик бездыханному морю. Это был крик торжества и ликования в уверенности, что он, Генри Спайер, встретился и объединился с древним сознанием Продохроми, Открывающим Пространство и Новый Путь.

Он, подобно волнорезу, врезался в ураганный ветер и спикировал вниз, к своему отражению на воде. Там была сила, он знал. Он созовет свой народ и поведет его к Воротам, к новой жизни. Там он разбудит свою человеческую плоть. Этого будет достаточно для Открывающего Путь и Пространство. Достаточно помощи; кровь, пролитая однажды, омоет новую оболочку. Теперь ничто не может помешать его планам, возрождению его мира. Он взмахнул крыльями, наслаждаясь их силой и мощью, отражаясь на зеркальной поверхности грациозной величественной тенью.

Внезапно море раскололось, фонтан чешуи и грязи вздыбился над ним. Он стремительно приближался к птице, сверкая немигающими красными глазами. Глубинные водоросли рваными лохмотьями свисали с ее колючего гребня. В них, словно в сетях, застряли покореженные полусгнившие останки кораблей, скелеты животных и брошенные панцыри, среди них сновали прыгающие тела морских мусорщиков. Лишь только фонтан вознесся и замер кинжалообразной башней из грязи и пены, Толкне, Великая Змея Мертвых Вод, застыла в ожидании следующей схватки, возобновляя внутренний, почти погасший конфликт.

Продохроми шире расправил крылья, затмевая почти все небо, и остановился в полете. Это была боевая стойка принятия боя, и Толкне нанесла удар.

Подобно молоту голова змеи врезалась в парящую птицу, захлестывая ее потоком брызг и вовлекая в бушующую пучину вод. Толкне нырнула вслед за скрывающейся птицей.

Лапы Продохроми растопырились, выбросив вперед острые когти. Они пропороли тело змеи, оставив глубокие борозды.

Он со всей силой рубанул клювом, когда змея намеревалась задушить его кольцом своего тела.

Они кувыркались по поверхности, не в силах одолеть друг друга. Пена и брызги вихрем кружились вокруг них. В воздухе метались выдранные перья, куски плоти, вздымались кровавые фонтаны, которые тут же расплывались по поверхности воды алыми пятнами. Его когти терзали тело змеи, лишь только петля ее тела начинала затягиваться вокруг него. Толкне отчаянно мотала головой, выбрасывая ее взад, вперед, вбок и отыскивая уязвимое место для удара. Над ними немим свидетелем нависало хмурое небо, которое лишь изредка озарялось проблесками солнечной улыбки. Крик Найалис вновь содрогнул небесные и водные своды.

- Это тот вызов, на который ты никогда не сможешь ответить достойно, Птица, - со свистом прошипела Толкне.

- Мы уже беседовали об этом раньше, Змея, - крикнул в ответ Продромоли.

Впервые их глаза встретились и они на мгновение застыли.

- Поль? - клацнула птица.

- Генри..?

Продромоли ударил клювом, сквозь его оперение на секунду проглянули человеческие черты. Толкне забилась в мертвой хватке его когтей. Но темный ураганный вихрь поднял высокие волны. На пенном гребне одной из них Толкне перевернулась на спину и мощным шлепком хвоста огрела Продромоли, рвущегося в небеса и увлекающего за собой ее скользкое тело.

Толкне повлекла птицу назад, стягивая ее тело тугими кольцами своего мощного мускулистого тела. Но Продромоли вывернулся, сбросив склизкие удавки, и яростно заработал клювом и когтями-саблями. Он отчаянно бил крыльями, дюйм за дюймом продвигаясь к земле, увлекая за собой и змею, не давая ей погрузиться в воду.

Он глубже вонзил свои когти в вырывающееся тело змеи и резко взмыл в высь. Море вздрогнуло от его победного крика, когда ему удалось вытащить корчащееся, упирающееся тело почти целиком. Вот уже показались горы, на их террасах замелькали строения города-мира. Собрав свои силы, Толкне вновь ринулась в атаку.

Голова Толкне метнулась вверх, рот широко распахнулся. Но ядовитые клыки лязгнули, не достигнув цели. Растопыренный хвост птицы, словно заслонка, отгородил ее от смертоносных зубов. Не теряя высоты, Продромоли размахнулся и ударил клювом. Толкне делала новые и новые попытки задушить птицу кольцом своего тела. Но они натывались на мощные клевки и были обречены на неудачи. Голова Толкне вновь приблизилась к Продромоли. Однако новый удар клювом отбросил ее и птица рванула еще выше.

Они летели к облакам, земля становилась все ближе и ближе. Толкне вялой массой болталась в когтях Продромоли. Мощные крылья делали яростные взмахи, развивая все большую скорость. Порывы ветра трепали и швыряли безвольное тело змеи из стороны в сторону.

- Без воды, - со смехом крикнул Продромоли, - ты - ничто, просто фаршированная шкура, жалкая сосиска!

Толкне не ответила.

- Я - Открыватель Пространства, Нового Пути, - вновь заговорил Продромоли, - я широко распахну Ворота и вдохну дыхание свежей жизни.

- Ты не покинешь этого мира, - прошипела Толкне.

Продромоли мчался к земле, он уже слышал музыку и восторженные крики, толпа аборигенов в ярких оранжевых одеждах томила на берегу, готовая ко всему: убить, забиться в радостной истерике, лишь только приблизится его тень. Он раскрыл клюв и снова прокричал победный клич.

Приблизившись, он стал внимательно оглядываться, тщательно подбирая место расправы, наконец отыскал подходящее не далеко от нижних террас. Поравнявшись с пятном, он разжал когти и начал кружить над падающим телом.

Падая на город, тело змеи извивалось и корчилось словно от огня. Там, где оно с треском плюхнулось на землю, рухнули здания, разрушились фонтаны. Все перемешалось, люди, демоны, обломки вмялись в землю. Лишь редкие языки пламени изредка еще вздрагивали над руинами и развороченными останками. Продромоли пригнул голову и сложил за спиной крылья. Он камнем устремился к земле.

Вцепившись когтями в тело змеи, он вдруг почувствовал, как оно содрогнулось и выстрелило будто порванная струна. Змеиный хвост изогнулся петлей и затянулся вокруг птицы. Яростно махая одним крылом, Продромоли потерял равновесие и стал заваливаться в сторону. Новые и новые здания превратились в руины, статуи крошились на мелкие кусочки в тех местах, где они кувыркались, чувствуя предсмертную агонию. Они скатывались по террасам, земля сотрясалась под ними. Пение раздалось с новой силой, когда они скатились к подножию.

Тело Толкне вытянулось. Продромоли захватил его мертвой хваткой и с отчаянием обреченного принялся рвать куски мяса. Кровь захлестала фонтаном. Они крутились в смертельной схватке. За ними тянулся длинный след тел в оранжевых одеждах. Птица молотила клювом, не разбирая направления. С каждым новым ударом, тело змеи содрогалось все сильнее. Телесное кольцо, сдавливающее птицу, слегка дернулось и ослабло. Продромоли удвоил энергию, сильнее заработал клювом, разбрасывая кровавые куски плоти. Они смачно

шмякались о серебристые листья декоративного кустарника, обильно обагрив его алой кровью.

Он почувствовал, что змея слабеет. Вздохнув свободнее и слегка высвободившись из тугих тисков, он снова рубанул клювом, затем запрокинул голову и испустил пронзительный крик. Потом медленно, осторожно расправил крылья и, преодолевая боль поднялся в воздух.

Голова змеи метнулась вверх, острые зубы вцепились в его правую лапу. Скользящими движениями Толкне медленно потащила его в воду. Не выпуская лапы Продромоли, она скользнула по берегу, устремляясь к воде.

- Ты не покинешь этого мира, - повторила Толкне, глубже погружаясь в холодные воды.

- Поль, - завопил противник, - ты сам не знаешь, что творишь...

Повисло гробовое молчание, сопровождаемое лишь шелестом скользящего по песку тела.

- Знаю, - откуда-то пришел хриплый ответ.

Толкне поплыла, увлекая за собой Продромоли.

Поддерживаемая водой, птица нагнула голову и ударила клювом прямо в змеиную башку, но ядовитые клыки уже подобрались к шее и вонзились в нее.

Как только вода забурилась и сомкнулась над ними, и мощный клюв ударил по змеиной голове, Поль потерял сознание. Видения затуманились и стали отдаляться. Даже когда его клыки сомкнулись на шее противника, он почувствовал оскорбление и обиду, от того, что все происходило не на яву... совсем с другими...

Колотя клювом, он не мог разжать мертвой хватки, парализовавшей его шею. Погружаясь в морские глубины, Генри Спайер чувствовал приближение черноты, надвигающейся на него. Он хотел закричать. Сознание меркло. На какой-то миг ему удалось собрать остатки сил и энергии. Но его могущество иссякло раньше, чем он закончил серию магических действий.

Часть XX

Он продвигался. Туман сгушался. В плотной дымке перемещались другие фигуры. Одна из них, очень знакомая, что-то говорила ему..

Было холодно, очень холодно. Он хотел одеяло, но ему совали в руки что-то другое. Это другое тоже излучало тепло и это было здорово. Откуда-то доносился слабый стон. Он едва ли осознавал происходящее. Он сильнее схватился за тот объект, который оказался у него в руках, это наполнило его силой.

- Поль! Вставай! Очнись! Ну быстрее!

Опять речь...

Он почувствовал, что кто-то похлопал его по лицу. Лицу? Да, у него есть лицо.

- Вставай!

- Нет, - вяло сказал он, его руки сильнее сжали какую-то палку.

Палка?

Он открыл глаза. Лицо склонившееся над ним было окутано дымкой, но оно казалось до боли знакомым. Оно приблизилось и, наконец, прорвалось в его сознание.

- Маусглов...

- Вставай! Быстрее! - человечек отчаянно тормозил его. -Остальные уже приходят в себя!

- Остальные? Я не могу... Ой!

Поль попытался сесть на пол, Маусглов помогал ему. Сев, он понял, что держит в руках скипетр отца.

- Как ты попал сюда? - спросил он, с трудом соображая.

- Потом! Давай, действуй им!

Поль оглядел комнату. Ларик еще лежал, но повернулся в его сторону и смотрел на него. Его глаза были широко раскрыты, но в них застыло дикое непередаваемое выражение. В другом конце, около двери слабо постанывал Райл Мерсон, тщетно пытаясь подняться. Краем глаза Поль увидел как дрогнула и слегка поднялась рука Тайзы. Поль вспомнил слова Спайера об ошибках, потере воли и повернулся к нему, к этому моменту Спайеру тоже удалось сесть.

- Это что, все враги? - с удивлением спросил Маусглов. - Тебе лучше что-нибудь сделать с тем, который проворнее всех!

- Уходи отсюда! - крикнул Поль. - Скорее!

- Я не оставлю тебя здесь одного.

- Ты должен! Как ты попал сюда...

- Через окно.

- Давай так же назад. Иди быстрее!

Поль встал на колено и поднял скипетр прямо перед собой, наставляя его на Генри Спайера. Маусглов скрылся из вида, но Поль не мог сказать: ушел он или где-нибудь спрятался. Откуда-то до него донесся запах дракона.

Его рука призывно пульсировала, он безмолвно воздал хвалу богам, что силы не покинули его. Статуэтка все еще стояла на нужной позиции диаграммы лицом к Воротам. Он встал на ноги и послал в скипетр весь заряд энергии. Ладони слегка зашипало в ответ. Ощущение протяжной стереофонической ноты появилось в его организме, он дрожал, словно натянутая органная струна.

У него не было больше сомнений, что так или иначе Спайер должен умереть. Он решил, что если он сохранит ему жизнь, то окажется больше виноват, нежели убьет его. Иначе он до конца дней будет нести полную ответственность за все зло, которое может совершить этот человек.

Со звуком подобным громовому раскату язычок почти жидкого пламени оторвался от конца скипетра и полетел в направлении Генри Спайера. Комната осветилась сверкающими переливами огней, по стенам заскакали причудливые тени.

Внезапно пламя разделилось на два язычка, они обогнули Спайера, стоящего в самом центре разветвления с высоко поднятой рукой.

- Как тебе удалось добраться до этой вещи? - донесся голос сквозь треск огня.

Поль не ответил, он сосредоточил силы на том, чтобы приблизить огненную развилку. Подобно окровавленным ножницам в безумных трясущихся руках, они то сходились, то расходились около человеческой фигуры, замершей в центре. Поль почувствовал как усиливалось сопротивление, затем снова ослабевало, по мере того, как Спайер случайными толчками собирал силы.

- Твой дракон находится снаружи, да? - спросил Спайер. - Его следует лучше воспитывать. Я не могу находиться рядом с драконами. Можно до костей провонять мерзким запахом прокисшего пива и тухлых яиц.

Внезапно языки раздвоенного пламени разошлись еще шире, образовав некое подобие буквы "Y"; а затем и "T". Руки "T" слегка

развернулись в сторону Поля, а затем вся буква целиком, медленно вращаясь, полетела прямо на Поля.

Поль от напряжения стиснул зубы, движение пламени прекратилось. Он поймал себя на мысли, что даже с таким мощным инструментом как скипетр, ему будет трудно прижать Спайера к стенке. Казалось его силы беспредельны, в то время как собственные силы Поля, помноженные на могущество скипетра, достигли верхнего предела. Пламя вновь ожило и качнулось, но его языки по прежнему трепетали возле Поля. Он знал, что уже слишком поздно менять тактику атаки, он также был уверен, что и смена характера атаки не возымела бы действия.

- В твоих руках очень мощное оружие, - спокойно произнес Спайер, как бы читая его мысли. - Но любое оружие, тогда лишь хорошо, когда оно в руках мастера. Ты слишком молод, и совсем недавно обрел силы магии. Тебе оно вряд ли поможет. Ты поставил перед собой невыполнимую задачу. - Он сделал шаг вперед и языки пламени соединились в бушующий костер. - Кроме того, я вообще сомневаюсь, что найдется кто-нибудь в состоянии осуществить ее.

- Замолчи! - выкрикнул Поль. Он попытался отогнать пламя, но оно настырно стояло на месте.

Спайер сделал еще шаг и замер, так как мощная энергетическая волна, подогреваемая злобой Поля, выстрелила в него, и на миг вызвала замешательство.

- Если ты будешь упорствовать, то результат будет лишь один, - продолжал Спайер ровным голосом, - и я не хочу этого. Послушай меня, мой мальчик. Если бы ты был равным мне соперником и смог бы доставить мне столько же неприятностей, сколько я тебе, ты мог бы с гордостью называться мастером. Я буду очень жалеть, что пришлось помучить и уничтожить тебя, особенно потому, что в этом совсем не было необходимости.

Со стороны окна раздался громкий хлопок, пуля рикошетом отлетела в стену. Спайер и Поль одновременно повернули головы в одном направлении.

Маусглов стоял снаружи, оперевшись локтями на подоконник. Пистолет, нацеленный на Спайера, до сих пор дымился. Казалось, он одеревенел, застыл, а потом просто растворился на глазах. Пистолет с грохотом упал на каменный пол.

Поль посмотрел на Спайера и увидел заключительный жест заклинания.

- Будь у меня на секунду, две больше времени, я бы заставил его выстрелить в себя, - произнес он, - но я успею это еще сделать. Огнестрельное оружие слишком варварская вещь в таком идиллическом месте, не правда ли? Между прочим, я полностью одобряю твое пове-

дение на горе Анвил. Баланс должен быть смещен в сторону магии, где мы будем верховодить и главенствовать.

Тяжело дыша, Поль постоянно тратил усилия на отгон пламени, родимое пятно в форме дракона горело словно в огне. Он знал, что без скипетра он столкнулся бы с мощной лобовой атакой, казалось силы Спайера черпались из неиссякаемого источника, он увеличивался в размерах, восстанавливая свое равновесие; даже простым глазом было заметно, как разрастается аура его силы и стабильности.

- Как я и говорил в этом совсем нет необходимости, - продолжил Спайер. - Я склонен забыть всю эту мышинную возню перед Воротами, и простить своеобразную борьбу прототипов за ними. Я чувствую, что ты до сих пор ничего не понимаешь. Я еще больше убедился, что из тебя был бы хороший союзник. - Он отступил на шаг, и давление ослабло. - Знак моей честности и добросовестности, - сказал он, - я сделал первый шаг к сближению и к уменьшению конфликта между нами. Давай передохнем и начнем работать дальше вместе во имя обоюдной выгоды. Я даже научу тебя некоторым необычным приемам обращения с посохом, что у тебя в руках. Я...

Поль вскрикнул и сморщился от боли, затем рухнул на колени. Его левая половина была охвачена невыносимо болезненными спазматическими схватками. Ему показалось, что слева хрустят и ломаются ребра.

Собрав остатки энергии, он вышвырнул их на Спайера в гигантской психической волне. В ней все слилось воедино: страх, ненависть, чувство предательства, стыд за свою доверчивость и огромное желание...

- А я тут причем! - закричал Спайер полугневно, полуизумленно, отлетая обратно к стене.

- Ларик! Останови их..., - донесся слабый голос справа, где Райл Мерсон пытался встать на ноги.

Тотчас спазмы прекратились, хотя их последствия все еще ощущались: Поль по-прежнему, стоял на коленях, стонал и вздрагивал.

- Помоги ему! Черт, где же ты! - кричал Райл. - Там Спайер, он около стены!

Жирный колдун подскочил к Полю и взялся за скипетр, чуть ниже руки Поля. Поль тут же почувствовал частичное ослабление напряжения, которое давило на него довольно длительное время.

Широко распахнутые глаза Спайера сузились в щелки. Ларик встал с другой стороны Поля, положив свою руку на скипетр еще ниже.

- Ты говорил, что я использую тебя, - произнес Спайер, - да, это правда. Но они тоже не лучше - они ведь тоже использовали тебя в своих целях.

Поль сосредоточил волю, удвоенная остальными, она показалась ему огромной. Пламя подпрыгнуло и продвинулось вперед, но снова замерло, будто натолкнулось на невидимую стену.

Он попытался увеличить усилия и почувствовал, что остальные последовали его примеру, однако ситуация не изменилась. Во всяком случае Спайер улыбался - легкой печальной улыбкой.

- Что случилось? - спросил Поль едва слышным шопотом.

- Он держит нас, - ответил Райл.

- Всех троих? - изумился он. - Но до этого я один почти с ним справился!

- Моя маленькая змейка, - раздался громовой голос Спайера с противоположного конца комнаты, - хотя тебе удалось удивить меня несколько раз. Но я все время экзаменовал тебя, тестировал пределы твоего могущества, и, конечно, работал под тебя, чтобы все шло своим чередом, и у нас была возможность спокойно поговорить. Теперь я понял, что все мои убеждения оказались напрасными, поэтому сделал соответствующие выводы. Хотя мое сердце разрывается от жалости к тебе, я вынужден сказать до свидания - возможно до более приятной, взаимосогласной жизни. Возможно...

Он начал важно расхаживать перед ними, внезапно скипетр под ладонью Поля стал раскаляться. Но несмотря на боль, он сильнее сжал его, все трое они направили энергию в одно русло, пытаясь остановить Спайера, который казался воплощением могущества и уверенности. Спайер почувствовал некоторое давление, но это не остановило его, до его ноздрей долетел легкий запах горелого мяса. Голова Поля кружилась, комната куда-то уплывала, вокруг него сгущалась дымка, фигура справа от него не была больше Райлом Мерсоном. Что он говорит?

Спайер внезапно выскочил вперед и согнулся как от острого желудочного спазма. Он стал проделывать круговые движения ладонями, держа правую руку прямо перед собой, а левую отведя в сторону.

Через мгновение он выпрямился, но продолжал выписывать круги в воздухе, теперь его движения стали синхронными, в них появился определенный ритм, круги стали больше по амплитуде. Он посмотрел перед собой потом влево.

- Ну, теперь эти ряженные куклы, - произнес он с сочувствием.

Поль, который уже вряд ли понимал горячий его скипетр, ледяной или еще какой-нибудь, повернул голову к входной двери.

Там стояли Ибал и Вонни. Он держал белый жезл, она некое подобие женского карманного зеркала, которое она прижимала к своей груди.

- А у тебя надежная охрана, но я не люблю слишком долгой возни, - добавил Спайер, свирепо сверкая глазами и полностью обновляя свои силы. - Придется снова отправить их подальше.

Его левая рука изменила ритм и последовательность движений. Металлическое зеркало ослепительно вспыхнуло, когда Вонни слегка покачнулась. Ибал мягко положил руку ей на плечо и, взмахнув жезлом, замер в немой паузе, подобно дирижеру во “Второй симфонии” Брамса.

- Было время, когда ты был большим мастером, старик, - сказал Спайер, - но теперь тебе лучше уйти на покой...

Он щелкнул пальцами правой руки, внезапно Райл Мерсон вскрикнул и рухнул на пол.

- Небольшой недолет не повредит, - произнес Спайер с печальной ухмылкой, - тем более вас еще четверо...

По его лицу пробежала тень крайнего напряжения, улыбка исчезла. Зеркало вновь вспыхнуло.

- Проклятая ведьма! - пробормотал он, отступая на шаг в сторону.

Тонкий, словно яркая проволока, белый луч вырвался из жезла Ибала и уперся в правое плечо Спайера. Спайер злобно промычал при виде бессильно повисшей руки и, чувствуя обжигающую боль, пронзившую правую половину тела.

Его одежда дымилась, он сделал размашистый жест, и скипетр вырвался из рук Поля и Ларика. Словно стрела он метнулся через комнату, развернулся поперек и ударился в грудь и плечи Ибала. Белый жезл с грохотом упал на пол, немного погодя рухнуло на пол безвольное тело Ибала, его лицо стало выглядеть на двадцать лет старше.

Зеркало вновь ослепительно сверкнуло, яркий луч метнулся в сторону Спайера. Но ему удалось перехватить его левой рукой и, отразив от ладони, метнуть в сторону Поля и Ларика.

Поль ощутил мощный удар, искры посыпались из глаз. Падая, он пытался опереться на Ларика, но тот и сам едва стоял на ногах. Они одновременно рухнули на пол. Закрывая глаза, Поль бросил взгляд на Спайера, оставшегося с Вонни один на один. С его правой руки каплями стекала кровь, волосы на голове стояли дыбом, брови ошетинились и сошлись в грозную линию, лицо налилось ярким нездоровым румянцем, плащ дымился.

- Дорогая моя леди, - сказал Спайер, идя прямо на нее, слегка покачиваясь, - теперь ваш черед и ваш конец.

Откуда-то издалека донесся ее тихий ответ: - В данный момент подумай лучше о себе.

Он услышал крик и стон Спайера и решил, что она прикончила его. Но затем, словно из-под земли, раздался его слабый голос: - Отлично. Но все же не достаточно сильно.

Но Поль уже брел в тумане, фигура человека, очень похожего на него, что-то говорила ему, что-то очень важное, что нужно запомнить...

- Белфанио! - громко и отчетливо произнес он, приподняв голову.

Вихрь из дыма и пыли закружился возле него. Клубы его становились все гуще. Это последнее, что увидел Поль, проваливаясь в небытие.

Часть XXI

Мой мирок разорвался на части и сложился в единое целое теперь совсем в ином свете. Возможно и я сам подвергся аналогичному процессу. Мое бесцельное прозябание, длящееся годами, вдруг оборвалось и приобрело совсем иной смысл всего вследствие одного единственного жеста. Все волнения моего духа улеглись и утихли. Все - с самого моего зарождения - стало ясным и встало на свои места. Я прозрел в один момент. Я ликовал.

“Белфанио!”

Белфанио. Да, Белфанио. Оно прекрасно подходит ко мне, как специально сшитая одежда, выполненная и подогнанная на заказ. Я незримо вертелся перед зеркалом воображения, восхищаясь то фасоном, то тканью.

Я был зачат впопыхах, воссоздан из сырого материала мироздания могущественным чародеем Детом Морсоном в день его смерти - возможно в последние минуты перед его гибелью. Вся эта спешка произошла из-за стремительного наступления его врагов. Он был просто не в состоянии должным образом завершить свое творение, наполнить меня всеми необходимыми инструкциями, отдать приказания, задать нужные побуждения. Он устремился прочь, бросился навстречу смерти, так и не завершив окончательного заклатья и не запустив в движение силы, которые он вызвал. И даже, не сказав мне, кто я и для чего. Будучи добросовестным по натуре, я пытался выяснить все это самостоятельно.

Чертовски приятно узнавать о собственной важности в происходящих событиях.

И очень здорово, в реальном смысле этого слова, найти и обрести собственный путь в этом мире, в противоположность тем, кто является в мир, до предела напичканным банальными приемами, готовым интеллектуальным и эмоциональным багажом, заботливо собранным хлопотливыми няньками, и всю жизнь идет проторенной дорогой, даже не помышляя о переменах. Размышляя..

Дет бросился прочь. Теперь я понимаю, почему он не выпустил меня на волю. И не потому, что я был не закончен, без заключительного ритуала произнесения моего имени, а потому что моя младенческая сила была абсолютно бесполезной перед полчищами, осадившими замок, их колдуны-предводители просто бы не обратили на меня никакого внимания, признав меня безвредным и беспомощным. О, сколько времени с момента падения Рондовала, я томился и маялся, находясь в заточении в маленькой комнатушке, в сетях хитрой оболочки заклатья. Я право теперь не помню. Возможно годы; пока есте-

ственное разрушение и тление не сломало преграды, удерживающей меня в той комнате. Но подлинным испытанием стало то, что мое существование имело почти растительный характер, того философского мышления, которым я ныне наслаждаюсь, не было и в помине. Последующие годы я изучал географию, архитектуру, но никогда не интересовался силой, удерживающей меня в замке, даже тогда, когда мои скромные вылазки в окрестности всегда сопровождались какой-то непонятной тягой, которая покидала меня лишь в стенах замка. Но я был молод и наивен. Было много вопросов, которые я не задавал даже себе. Я плавал около паромов и плотов, танцевал среди лунных лучей. Жизнь казалась идиллией.

Так было до тех пор, пока не появился Поль и вся эта деятельность, последовавшая за его появлением. Она возбудила во мне настоящее любопытство. Кроме общения со всяким сбродом и непонятными обывателями мой единственный опыт в чувствах и ощущениях шел от мозга спящих драконов и им подобных - а они совсем не разжигали творческого горения интеллекта. Внезапно я оказался наводнен мыслями и словами, а также идеями и думами, заключенными в них. Именно тогда я пришел к самосознанию и впервые начал искать загадки и отыскивать ответы применительно к себе.

Я знал, что я был связан с Полем, потому что он имел родимое пятно в форме дракона. Были и другие намеки, которые напоминали в нем моего первого злополучного хозяина. Однако, тогда я не знал, что это было частью замысла моего существования. В свете этого некоторые мои действия стали носить более вразумительный характер. Например, манипулирование с мертвым телом, с целью передать Маусглову важную информацию. Или мое собственное решение оставить Рондова и сопровождать Поля.

“Белфанио”. Очаровательное слово.

Так как Поль пребывал в полусознательном состоянии, задыхаясь, страдая от боли и многочисленных ожогов, растяжений и ран, контуженный и на последнем издыхании, я сразу понял, что наиболее важная часть моей миссии в жизни - это обеспечить его защиту, и я был доволен, что это мне до сих пор удавалось, и теперь есть шанс успешно выйти из затруднения. Мне доставило удовольствие то, что однажды я вырвал его из слишком горячих объятий тревожного сна, не забыв отправить Маусглова за скипетром, без которого он, пожалуй, давно бы был мертв.

Да, мне приятно, что поступая так, а не иначе, я действовал правильно, а особенно радостно то, что я сделал много точных выводов, полагаясь на свою интуицию, а не на приказы. Увидев распростертое тело Ларика - тоже моего подзащитного, и Райла, Ибала, внезапно упавшую леди Вонни, я был рад узнать, что моя сфера деятельности значительно расширилась, увеличилось число тех, кого я должен взять.

под свою опеку. Новые философские горизонты, открывшиеся передо мной, казались поистине безграничными.

Да.

Лишь только было произнесено мое имя, я сразу осознал кто я и зачем: Я - Проклятие Рондовала (чисто технический термин), существующий для защиты замка и представителей Рода, а если они погибнут, для мести за них.

Я нашел это занятие, а может профессию, очень привлекательной, прекрасной и почетной.

Теперь я был очень благодарен и признателен Дету Морсону, стоящему одной ногой в могиле, за то, что он нашел время и сотворил доброе Проклятие, то есть меня.

Наблюдая за Генри Спайером и Вонни, которые слегка пошатываясь, стояли друг против друга, я увидел, как они, собрав последние силы, выстрелили энергетическими сгустками друг в друга. Я тут же оценил их силы и понял, что несмотря на всю свою мощь, которую я выплесну на колдуна, он уже через несколько мгновений оправится от удара и будет готов к новым атакам. Я счел, что будет поучительно последить за его манипуляциями. Как я понял, он был гением, подлинным мастером Великого Искусства. Кроме всего прочего, этот человек был ровня и близкий друг моему злополучному хозяину. В этом смысле, было печально, что он стал врагом Рондовала, а следовательно, превратился в объект моей ярости и гнева.

Одновременно передо мной встала и другая дилемма: учитывая, что Дет Морсон умер двадцать лет назад, а два его отпрыска лежали без сознания на полу, кого из них я должен считать его настоящим приемником и моим злополучным хозяином? Ларик был старше Поля, однако, он давно покинул родные пенаты и прочно основался в Авинконете. Поль, наоборот, укрепился в Рондовале, сделав его своей резиденцией, он научился тонко понимать и чувствовать Рондовал. Живой пример тому - его далекоидущие планы восстановления и возрождения замка. Проблема выбора приемника могла вылиться для меня в очень важное событие, особенно с годами, ведь так или иначе именно от приемника зависел режим и характер моих работ.

Наконец, проблема решена в пользу Поля. Возможно здесь сыграла роль и моя сентиментальность. Пока я убеждал себя в том, что за главный аргумент следует принять местожительство, во мне все время свербило подсознательное чувство, которое придало особую эмоциональную окраску решению. Это чувство твердило мне, что Поля я знаю лучше, чем его брата, кроме того мне совсем не понравилось первоначальное обхождение Ларика с Полем. А если сказать по простому: Поль мне нравился больше.

Я подлетел ближе к его распростертому, вздрагивающему телу и впервые попробовал напрямую обратиться к нему.

- Теперь все нормально, - рапортовал я, - осталось несколько мелких деталей.

Он закашлялся, очевидно, стараясь показать, что услышал меня. Одновременно с кашлем раздался сдавленный крик Вонни.

Я вновь внимательно посмотрел на Генри Спайера. Его лицо перекосило гримаса, оно почернело, когда он восстанавливал последние штрихи своей оболочки. Я заметил, что Райл Мерсон пришел в себя и вяло пошевелил рукой. Ларик и Ибал предпочли остаться без сознания. Тайза сидела на скамье, глядя дикими, ничего не понимающими глазами.

Я провернул в памяти арсенал возможных действий, которые я могу предпринять против Спайера, многие я тут же отверг - даже затопление помещения подземными водами, хотя мне бы оно доставило море эстетических наслаждений.

В конце концов, весь выбор сузился до одного единственно возможного действия, осталось лишь детально продумать план и цвет мизансцен.

Авокадо, колеблющееся в пределах бледно-зеленого, наконец решился я.

Часть XXII

Когда Поль услышал голос в голове, он открыл глаза и с трудом пошвеллил головой. На большее у него уже не было сил. Насколько он мог судить, ситуация в сущности не изменилась. Вонни не казалась больше юной девой, теперь это была усталая, изможденная женщина средних лет. Спайер выглядел тоже утомленным, но в его жестах до сих пор чувствовалась жизненная сила. Еще мгновение и он окончательно победит.

Громкий свистящий звук раздался откуда-то из заднего угла комнаты. Спайер посмотрел в том направлении и остолбенел. Его лицо застыло, руки замерли на полужесте. Вонни, тоже повернувшая голову, казалось испытывала не меньший ужас.

Поль силился повернуть голову, и когда ему это удалось, он заметил нечто материализованное и призрачное. Это было демоническое чудовищное тело, какое он сам некогда носил, оно все отчетливее вырисовывалось вдоль стола, но самое ужасное - у монстра не было головы. Там, где должна быть голова, высилась огненная корона - авокадо, она переливалась бледно-зеленым пламенем.

Поль услышал, как вскрикнула Тайза. А по перекосившимся лицам Вонни и Спайера можно было ясно прочесть, что они винули друг друга в порождении подобного ужаса. Спайер отпрянул назад, отчаянно замахал руками, отгоняя страшное видение, затем украдкой взглянул на Райла Мерсона.

Поль поднял руку и попытался совершить магический жест, но пальцы не слушались его, рука была вялой, родимое пятно в форме дракона молчало. Силы снова изменили ему. Спайер сделал предостерегающий жест, в тот же момент громовой голос потряс своды комнаты.

- Перед тобой Проклятие Рондовала, Генри Спайер!

Огненноголовый демон накренился вперед, и Спайер - кровь и краски отхлынули от его лица, оставив безжизненную мертвую маску - повернулся и схватил статуэтку, стоявшую на диаграмме перед ним.

- Я служил вам! - закричал он. - Теперь ваш черед! Сейчас или никогда!

Вспышка света от зеркала Вонни метнулась в сторону Спайера, одновременно около стола раздался странный скрипящий звук.

Световой луч так и не достиг Спайера, он впитался в поле фигурки, на расстоянии вытянутой руки. Камушки, украшавшие статуэтку вспыхнули яркими, разноцветными огнями.

Темная призрачная тень устремилась вперед, обогнав демона. Она обогнула рукотворное чудо - тяжелое деревянное кресло, стоящее рядом со столом - миновала Спайера, развернулась в воздухе вокруг оси, опустилась и ринулась к Спайеру, ударяя ему под колени.

Колдун, словно подкошенный, рухнул в кресло, его рука крепко сжимала сверкающую статуэтку.

Кресло наклонилось назад и быстро взлетело в воздух, лишь только Проклятие Рондовала прыгнуло на него. Оно описало в пространстве комнаты широкую дугу. Вслед за ним скакал мститель в огненной короне.

Оно подлетело к стене, накренилось, а затем метнулось в сторону окна.

Белфанио немного замешкался, оценивая ситуацию, развернулся и помчался следом. Ему удалось ухватиться за край желтого плаща Спайера, развевающегося словно крыло.

Кресло резко дернулось, Спайер издал сдавленный звук, схватившись рукой за горло. Затем раздался треск разрываемой одежды и плащ упал. Кресло возобновило движение вперед, набирая скорость, и вылетело в окно.

Поль услышал ужасающий вопль и драконий рык. Мгновение спустя, раздались пистолетные выстрелы. Затем до них донеслись непроизносимые вслух ругательства Маусглова. Поль оперся на относительно неповрежденную руку и попытался встать. Он почувствовал руку Райла на своем плече, она подняла и поддержала его.

- Не волнуйся..., - сказал он. - Он остановлен. Теперь мы спасены.

Райл помог ему сесть, затем оглянулся на Тайзу, Ларика и Вонни.

Старая женщина сидела на полу и придирчиво рассматривала себя в зеркало. Затем она положила голову Ибала себе на колени и что-то нежно зашептала, склонившись над его лицом. Почувствовав взгляд Райла, она подняла руку, прикрывая лицо. Райл смутился и быстро отвел глаза.

Ларик пошевелился. Райл, осторожно ступая и покачиваясь, направился к дочери. Поль увидел, как он подобрел и улыбнулся.

- Мой злополучный хозяин, - рявкнул Белфанио, подлетая к Полю, - я явился на твой зов. Я прошу прощения, но тому человеку удалось сбежать от моего гнева.

- Что, кто ты? - спросил Поль, отдергивая внезапно потеплевшие ноги от склоненной головы с бледно-зелеными огнями авокадо. - И, пожалуйста, встань.

- Белфанио, Проклятие Рондовала, твой верный слуга, - ответил он, принимая вертикальное положение.

- Действительно?

- Да. Ты позвал и я явился. Я бы разорвал его на части ради твоего удовольствия, я бы сделал все, если бы ни этот проклятый трюк со стулом.

- Возможно, когда-нибудь тебе еще предоставится случай, - сказал Поль. - Спасибо за службу. Она была как раз кстати, вовремя и хорошо исполнена.

Белфанио протянул ему желтый плащ.

- Твоя собственная одежда представляет весьма жалкое зрелище и нуждается в починке. Возможно этот плащ колдун...

- Спасибо.

Поль взял плащ. Цвет ткани, ее структура выглядели очень странно и в тоже время очень знакомо. Внутри, рядом с воротником, он увидел белую этикетку. Он поднял и отвернул язычок лейбла, внимательно разглядывая его.

"Сделано в Гонконге" гласила надпись.

Он почти выронил плащ, по его телу пробежал озноб.

- Тебе помочь, злополучный хозяин?

- Нет. Я сам.

Он накинул плащ на плечи и застегнул на шее. Превозмогая боль, он вытянул ноги, затем встал. Боль в левой части тела усилилась. Ларик тоже пытался встать на ноги. Он протянул руку. Ларик замешкался, не зная, что делать, затем взялся за нее и поднялся. Он, не понимая ничего, тупо смотрел на родимое пятно в форме дракона. Затем перевел взгляд на волосы Поля.

- Я не знал, - прошептал он.

- Я сам узнал лишь в последний момент, - произнес Поль в ответ.

Обернувшись, Поль увидел Маусглова, сидевшего на подоконнике и с любопытством разглядывавшего происходящее. Через минуту маленький человечек что-то прокричал в окно и спрыгнул на пол.

- Лунная Птица не может преследовать кресло, - сказал он, - оно движется слишком быстро.

Поль кивнул. Когда Маусглов подошел к нему, он увидел приближающихся Райла и Тайзу.

Ларик улыбнулся, встречая Тайзу. Но она прошла мимо него, обняла Поля за шею и поцеловала.

- Спасибо, - наконец выдохнула она, - я думала этот день никогда не настанет, пока, блуждая призрачным духом, не увидела тебя. Я знала, что ты все равно освободишь меня.

Взгляд Поля скользнул за нее, он заметил странное выражение, промелькнувшее по лицу Ларика. Он быстро выскользнул из объятий и мягко отстранил ее, чуть сгибаясь в сторону ноющей от боли стороны.

- Рад, что смог помочь, - проговорил он, - но один бы я вряд ли справился. Это просто судьба и обстоятельства.

- Ты слишком скромн.

Поль отвернулся.

- Лучше помочь Ибалу и Вонни.

Старый чародей выглядел снова юным, но все еще был без сознания. Красота Вонни тоже почти вернулась, а завершающие штрихи накладывались прямо на глазах Поля. Она подняла голову и улыбнулась.

- С ним будет все нормально, - сказала она, - я сама сдерживаю его пробуждение, пока не будет завершена косметическая оболочка. Мы сможем и позже подлатать оболочку оздоровления и восстановления сил.

Она взяла магическое зеркало и посмотрелась в него. Снова улыбнулась.

- Это тщеславие, я знаю, - произнесла она. - Очаровательная вещица.

- Позвольте, - вмешался Райл, подходя к ним, - может лучше его перенести в более удобное место. Поль, возможно, твой слуга может отнести его.

- В этом нет необходимости, - успокоила Вонни, поднося зеркало к лицу Ибала.

Глаза Ибала тут же открылись. он вытянул руки и ноги, пробуя рефлексy, затем поднялся.

- Ведите, - сказала Вонни, - а мы за вами.

Часть XXIII

Ночь близилась к концу. В огромной палате замка Авинконет шесть статуэток, украшенных драгоценными камнями, были сгруппированы в серии концентрических окружностей, нарисованных на полу. Среди кругов были начертаны Слова и Знаки. На их размещение ушел целый день. Любая мелочь, выполненная неправильно, любой неучтенный фактор - капля краски, размазанный силуэт, неправильно прочитанное Слово, неточно выписанные фигуры, подземные толчки и полчища мародерствующих паразитов - могли испортить все дело.

Наконец, последнее заклятие было произнесено и нарисована заключительная линия, сделан финальный жест. Тотчас все препятствия и помехи были устранены. Ключи были вовлечены и задействованы.

Теперь Поль, Ларик, Ибал, Вонни, Райл, Тайза, Маусглов и Белфанио сидели, полулежали, стояли, парили в форме эфира - кто во что горазд, они отдыхали, подкреплялись, освежались, ведя неторопливую беседу в дальнем углу огромной комнаты.

- ...Тогда я не могу понять, почему они не помогли ему, - произнес Маусглов.

- Я полагаю, что они все время помогали Спайеру, - произнес Райл, - но в конце концов мы изнурили их, их силы истощились, также как и наши. Хотя их силы трудно измерить. Почти...

- Ты сказал, что теоретически, он до сих пор может открыть Ворота с одним Ключом? - спросил Маусглов.

- Он говорил Полку, что может, я тоже уверен в этом. Хотя требуется много сил и энергии. Я до сих пор не был уверен, но теперь знаю, он непревзойденный мастер, величайший из ныне живущих.

- Что сейчас? - спросил Маусглов.

Он сидел возле Тайзы, которая не сводила глаз с Поля. Поль же, не отрываясь, смотрел в книгу, лежащую на коленях.

- Эти теперь нейтрализованы, но я не успокоюсь, пока все семь Ключей не будут уничтожены, - сказал Райл. - Эти ведь тоже можно похитить и каким-нибудь образом освободить, и все начнется с начала.

- Я могу сохранить и уберечь их от всех смертных воров, хотя бы некоторое время, - предложил Маусглов.

- ...И от прочих других разновидностей, - раздался из ниоткуда голос Белфанио.

- ...А они могут быть уничтожены? - спросила Тайза. - После всего случившегося, они слишком быстро утомляют...

- Все существующее имеет слабые стороны, - произнес Ибал, поднимая бокал. - Нужно тщательно их исследовать.

- Это здесь, - проговорил Поль, - в первых записях, правда в разрозненном виде, отец все же оставил кое-какую ниточку, ключи к разгадке. Я уже натолкнулся на некоторые новые. Теперь я собираюсь прочитать весь дневник целиком от начала до конца и сложить все крупицы в единое целое. Это может занять время...

- Но это необходимо сделать, - включился Ларик.

- Да.

- Я ничем не могу помочь, но я искренне восхищаюсь вашей проницательностью и мечтой, - сказал Ибал. - Вы же знаете, если бы я был Одержимым, а не традиционным представителем Великого Искусства, добывшим свое мастерство трудом и терпением, я никогда бы не поверил, что когда-нибудь буду сидеть здесь вместе с вами.

Поль лукаво посмотрел на него.

Ибал хмыкнул.

- Не смотри на меня так, - сказал он. - Ты был в самом начале своего пути, когда все узнал. А если бы ты был Одержимым, чтобы ты сделал Райл?

Райл отвернулся.

- Я не отрицаю, - проговорил он, - это, конечно, ошибка, но я ненавидел их за расшатывание традиционных точек зрения, а может и еще за что-нибудь.

- Я спросил это не для того, чтобы позлить тебя, - продолжил Ибал, - а как предостережение: надеюсь больше не окажется Одержимых Магией, кроме тех, что здесь находятся - пока они не пройдут досканальной проверки.

- Ты думаешь Спайер собирает новых союзников?

- А ты не думаешь?

- Я верю, что я на пороге открытия, - сказал Поль, переворачивая страницу, - я не думаю, что это будет легко...

Ощущение напряжения повисло в воздухе, как будто внезапно повысилось давление. Феномен длился несколько секунд, затем все исчезло.

- Что это было? - спросил Маусглов.

- Ключи попытались разбить границы, - объявил Белфанио. - Но им это не удалось. Ваша оболочка и заклятие оказались на должном уровне.

- Многообещающее начало, - произнес Ларик. - Читай, брат. И отмечай необходимые абзацы.

Позднее, парящий и невидимый, я был единственной аудиторией Поля, не считая спящего дракона, сидевшего на зубчатой стене Авинконета, играющего на гитаре перевязанными руками.

Я считал себя вполне удачливым и счастливым, потому что обрел свое имя и у меня появилась цель в жизни. Слушая его песни, я решил, что он вряд ли окажется таким скверным никудышним хозяином, какими их обычно рисуют. Кроме того, мне нравилась его музыка.

Затем произошла странная вещь, мое восприятие совсем не похоже на их понимание и восприятие, мне нравится видеть и чувствовать то, что не так легко приукрасить и надуть. Луна прорвала завесу облаков, выставив яркий полукруг, все озарилось бледным серебристым светом. Бледный луч облизал Поля, и мне показалось, что волосы Поля стали белыми, а по середине вороновым крылом пролегла черная прядь. В тот момент во мне всплыл образ моего создателя, я снова как бы взглянул в лицо Дета, скрытого под маской лица Поля. Образ поражал своей силой и натуральностью, он произвел на меня громадное впечатление, вызвав некоторое неудобство и дискомфорт.

Но видение исчезло, а музыка лилась и лилась. Что такое жизнь: краткий иллюзорный миг и длинная песня? Я нуждался в философских размышлениях и загадках, поэтому вновь и вновь задавал себе этот вопрос.

Роджер Желязны, Фред Сейберхэген

ЧЕРНЫЙ ТРОН

Это произведение написано в жанре приключенческой фантастики. Все действующие лица и события, отраженные в книге, вымышлены. Какое-либо сходство с реальными людьми или событиями является чистым совпадением.

Часть I

Ее пение слышалось издалека со стороны моря. Продолжая свой путь на рассвете этого серого теплого дня сквозь туманы, которые окутали его мир этой полувязкой густой белизной, похожей на снег, убаюкивающей как покров или саван, мальчик двигался довольно осторожно, в то время, как голос без слов звучал внутри его, призрачные силуэты маячили вокруг. Обходя каменный выступ и ветку на просеке позади школы, он ощутил причудливую странность этого места, которое было давно ему знакомо. Эта внезапная загадочность овладела его душой, превратив ее в кокон, отгороженный от реальной жизни чем-то особым и невидимым, и эта просека стала отчетливой, словно вечная татуировка или шрам на всей его жизни.

Нечто большее, чем сумрачный голос моря неумолимо делало угасание мира еще пронзительнее. Но неужели само море могло быть причиной этого? Нет, не так. Нет.

И все-таки, это море. Песня каким-то образом сказала ему об этом, хотя и без слов. Море должно было быть. К нему ведет мальчика этот день, день, вобравший в себя стройный, мягкий, соленый звон, насквозь пронизанный песней, пульсирующей как содержимое вен и артерий.

Хрупкие пальцы веток царапали ему плечо, листья оставляли влажные поцелуи. Он свернул в сторону от темной коряги, споткнулся о другую, поднялся. Постепенно можно привыкнуть к лондонским туманам. Даже маленький американец быстро приходит к пониманию того, что надо отличать осторожность от страха, оценивать обманчивость расстояния, скользкую дорогу, недостаток звуковых ориентиров. Он двигался в бессознательном поиске певца, поиске, который начался, должно быть, еще до того, как он проснулся. В действитель-

ности, все это казалось не чем иным, как продолжением причудливого сна.

Он отлично помнил, как вставал, одевался, прощался. Но это был уже промежуточный эпизод. Все началось еще до этого. Что-то на берегу... Пляж? Берег. Одно и то же. Он должен пойти и найти его сейчас. Он знал, что это где-то там. Пение было в обеих частях сна. Оно подсказывало, оно вело его...

Он продолжал свой путь; одежда становилась холодной и влажной, начала прилипать, ботинки намокли. Дорога шла под уклон, и когда он спустился, деревья расступились, хотя тени все еще продолжали вставать из тумана, и колокольчик - где-то звенел колокольчик, - словно конец неизвестности, медленный, земной, полнозвучный контрапункт этой бесплотной песни.

Соленый запах моря впервые достиг его, когда он начал спускаться, и он ускорил шаг. Скоро, скоро...

Внезапно тропа стала круче. Откуда-то донеслись крики чаек, их темные силуэты плавно скользили на белом фоне над головой. Легчайшее дуновение ветерка чуть коснулось его, принес с собой еще более сильные запахи моря, чем он почувствовал раньше.

Тропа стала шире и не такой крутой. Неожиданно под ногами появился песок, гладкая галька шуршала и отскакивала. Донего донесся шум моря. Чайки продолжали свой зов. Звон колокольчиков стал слабее.

Пение, едва ли более громкое, чем прежде, казалось, однако, ближе. Повернув налево, он пошел на звук, обходя крайнее дерево, довольно приземистое, похожее на пальмочку. Но оно не должно было тут расти.

Туман стал более густым, прибывая из отдаления со стороны воды. Местами белизна рассеивалась, позволяя ему увидеть участки гальки и песка. В других местах она извивалась, как змея, прижималась к земле или превращалась в причудливые фигуры, которые исчезали так же быстро, как и возникали. Так, продвигаясь вперед, пока не достиг воды, он остановился, нагнулся, опустил ладони в море, затем поднес палец к губам.

Это не сон. Вода была теплая и соленая, как кровь. Волна коснулась носков его ботинок, и он отошел назад. Он повернул и снова пошел, теперь уже совершенно уверенный, куда направляется. Он ускорил шаг, а потом побежал.

Он споткнулся, вскочил на ноги и продолжил идти. Возможно, он каким-то образом пересек незримую линию и вновь вернулся в свой сон. Оловянный звон колокольчика с бакена донесся до него, подавая знак о том, что где-то далеко справа был пролив. Казалось, будто море внезапно приблизилось. Огромная стая птиц пролетела над головой,

издавая звуки, не похожие на крики чаек или каких-нибудь други: птиц, которых он когда либо слышал. Колокольчики - теперь где-то позади него - звенели уже по-другому, отвечая как-то более прилежно и низко на случайные звонки с бакен. И пение... Сначала пение стало громче. Казалось, оно где-то совсем близко.

Что-то темное внезапно встало на его пути. Небольшая скала или...

Он споткнулся опять, стараясь обойти ее. Когда он упал, пение прекратилось, колокольчики затихли. Его глазам предстали унылые стены и пустые глазницы окон - какое-то сооружение, увенчанное зубцами, с башнями внезапно возникло из дюн, зловещее, мрачное, местами обрушившееся, рядом со спокойной свинцовой гладью карстового озера. Он падал, как-то очень стремительно, прямо туда...

Затем туман закружился, и дымка исчезла. То, что казалось далеким, было в пределах досягаемости. Теперь было ясно, что перед ним замок из песка, сооруженный на холмике возле заводи, оставленной приливом.

Его выставленная вперед рука задела стену. Центральный вход был завален.

- Нет! - раздался крик. - Ты, злодей! Прекрати!

И она налетела на него, колотя своими маленькими кулачками по плечам, спине, голове.

- Извини, - сказал он. - Я не хотел. Я упал. Я сделаю все, как было.

- О-х. - Она перестала колотить его. Он повернулся и взглянул на нее.

Серые глаза, темные растрепанные волосы ниспадали на лоб. Изящные руки с тонкими пальцами. Голубая юбка и белая блузка были перепачканы в песке, подол юбки намок. Ее полные губы дрожали, когда она переводила взгляд с него на песочный замок, потом снова на него, но глаза оставались сухими.

- Извини, - повторил он.

Она повернулась к нему спиной. Еще мгновение и она выставила босую ногу вперед. Еще одна стена упала, еще одна башня рухнула.

- Не надо, - закричал он, поднимаясь, чтобы остановить ее. - Прекрати! Пожалуйста, не надо!

- Нет! - сказала она, продвигаясь вперед, круша башни. - Нет.

Он схватил ее за плечо, но она вырвалась, продолжая пинать замок и наступать на него ногами.

- Пожалуйста..., - повторил он.

- Эй, ты, оставь в покое замок бедного парня, - раздалось за их спинами.

Они обернулись, чтобы разглядеть фигуру, приближающуюся к ним из тумана.

- Кто ты? - спросили они почти одновременно.

- Эдгар, - ответил он.

- Но это мое имя, - сказал первый мальчик изумленно, в то время как незнакомец подошел ближе.

Когда незнакомец остановился, они оба застыли, разглядывая друг друга. Мальчики были похожи, как две капли воды. Волосы, глаза, цвет кожи, - сходство было абсолютным. Оно распространялось и на жесты, осанку, голос и школьную форму, которая была на них надета.

Девочка, замерев от волнения, переводила взгляд с одного на другого.

- Меня зовут Энни, - сказала она тихо. - вы, наверное, братья, или что-то вроде того.

- Пожалуй, - первым отозвался пришелец.

- Похоже на то, - сказал первый мальчик.

- Почему ты ломала его песочный замок? - спросил второй Эдгар.

- Это мой песочный замок, и это он разрушил его, - ответила она.

Эдгар Второй улыбнулся Эдгару Первому, который в свою очередь покачал головой и пожал плечами.

- А почему бы нам всем вместе не построить его заново? - сказал один из мальчиков. - Я думаю мы могли бы сделать его даже лучше того, что был, а Энни.

Она улыбнулась.

- Хорошо, - согласилась она. - Давайте.

Они опустились на колени возле бесформенной кучи песка. Энни взяла палку и начала прокладывать новые дороги.

- Центр будет здесь, - сказала она, - и пусть будет много башен...

Они долго молчаливо работали. Оба мальчика вскоре тоже сняли обувь.

- Эдгар...? - произнесла она.

Все рассмеялись.

- Было бы удобнее, - сказала она первому мальчику, - если бы я могла обратиться отдельно к каждому из вас.

- Алан, - представился он. - Я - Эдгар Алан.

- А я - Перри, Эдгар Перри, - сказал второй мальчик.

После этого мальчики вновь стали пристально разглядывать друг друга.

- Я никогда прежде не видел тебя здесь, - сказал Перри. - Ты гостишь здесь или что-то вроде этого?

- Я иду в школу, - ответил Алан, кивая головой в направлении небольшого утеса, с которого он спустился.

- В какую школу? - спросил Перри.

- Мэнор Хауз. Она как раз там, вверх по дороге. Перри наморщил свой широкий лоб и медленно покачал головой.

- Я не знаю, где это, - сказал он. - Но эта местность мне совершенно не знакома. Я тоже иду в школу, которая тоже называется Мэнор, хотя, если честно, я никогда не видел тебя там. Я просто вышел из дома...

Он бросил взгляд на Энни. Она, еще когда говорил Алан, повернула голову, как будто впервые увидела эту гору.

- А ты? - спросил он ее.

- Я не знаю никакой школы, - сказала она, - но вся эта местность моя. Я имею ввиду, что все здесь мне знакомо.

- Интересно, что у вас обоих американский акцент, - поделился Алан своим наблюдением.

В ответ на его слова оба уставились на него.

- А какой же акцент у нас должен быть? - сказала Энни. - У тебя ведь такой же.

- Где ты живешь? - внезапно спросил Перри.

- В Карлстоне, - ответила она.

Он переступил с ноги на ногу.

- Тут что-то не так, - сказал он. - Дело в том, что прежде, чем прийти сюда и найти место, я видел сон сегодня утром...

- И я тоже!

- И я...

- ... видел, как-будто я уже здесь, я и еще кто-то... вы двое.

- То же самое было со мной.

- И со мной тоже.

- Надеюсь, что теперь-то я уже не сплю.

- Наверное, нет.

- Однако чувствую я себя довольно странно, - сказал Алан. - Как-будто это все на самом деле и в тоже время не совсем реальность.

- Что ты имеешь ввиду, - спросил Перри.

- Опусть руки в воду, - сказал ему мальчик.

Перри нагнулся и исполнил приказание.

- Ну и что? - сказал он.

- Вода в море никогда не бывает такой теплой, - пояснил Алан.

- Но ведь она же отстаивалась в этой заводи какое-то время, которого достаточно, чтобы она так нагрелась.

- В море вода такая же теплая, - ответил Алан, - я еще раньше попробовал.

Перри вскочил на ноги, обернулся и побежал к воде. Алан с Энни переглянулись и она засмеялась. Мигом они оба припустили за Перри.

Вскоре они уже плескались в океане, окуная друг друга; Волны пенились у них под ногами.

- Ты прав, - воскликнул Перри. - Такого не бывает! Отчего же это так?

Алан пожал плечами.

- Возможно, оно теплое, потому, что какая-то часть поверхности моря, которую мы не видим, фокусирует солнечные лучи. Потом волны разносят это тепло по всей поверхности.

- Это мало вероятно. Может быть это просто теплое течение, как река в океане.

- Оно теплое, потому, что я так хочу, - прервала их Энни. - Вот и все.

Мальчики взглянули на нее, и она засмеялась.

- Все это не кажется вам сном, - сказала она, - потому, что это не ваш сон. Он мой. вы помните, как вы вставали в это утро, а я - нет. Я думаю, это принадлежит мне и это - мое место.

- Но я-то настоящий. Я вовсе не часть сна!

- И я тоже.

- В таком случае, это я вас пригласила.

Оба мальчика внезапно рассмеялись и брызнули в нее водой. Она засмеялась в ответ.

- Что ж, может быть..., - сказала она и брызнула на них.

Их одежда промокла, но через некоторое время, когда они достаточно и по разным поводам испытали нрав моря, быстро просохла. Медленно между купаниями под их руками вырос новый замок. Больше и величественнее, чем тот, с которым покончил Алан, он разветвлялся на множество башен, подобно веткам аспарагуса, его мощные стены ползли вверх и спускались вниз, послушные неровностям волнистого ландшафта. Он был влажен от воды и брызг из заводи, где обитали маленькие крабы, яркие рыбки и прятались моллюски среди гальки, ракушек и обломков кораллов. Алан порывисто подался вперед и взял всю в песке руку Энни в свою.

- Чудесно, что ты придумала этот замок, - сказал он. В то время, как лицо Энни заливала краска, Перри взял ее другую руку.

- Да, - сказал он, - и если это - мечта, то ты - лучшая из всех мечтателей.

Он не представлял, что все это могло закончиться. Самые дружественные чувства он испытывал к Перри, как-будто бы они действительно были братьями, хотя его чувства к Энни были другими, и он был уверен, что Перри тоже любит ее. Свет расстилавшийся вокруг них, был серым, зеленым от моря и жемчужным от тумана. Казалось, что море и воздух существуют вне времени, окутывая их со всех сторон и мягко пульсируя.

- О, боже! - сказала Энни.

- В чем дело? - воскликнули оба мальчика, поворачивая головы в направлении ее испуганного взгляда.

- Т-там, в воде..., - сказала она. - Это труп, да?

Туман расступился. Что-то опутанное водорослями, переплеставшимися с лохмотьями одежды, лежало, наполовину выступая из воды. Тут и там проступали участки вздувшейся, как рыбий живот, белой плоти. Это было похоже на человека. Но сказать наверняка было трудно, - так это было исковеркано и побито, в окружении полос тумана, время от времени заслонявших картину.

Перри встал.

- Может быть, да, а может - и нет, - сказал он.

Тогда Энни заслонила лицо ладонями и стала смотреть сквозь пальцы. Алан взирав с изумлением.

- А хотим ли мы на самом деле знать, что это? - продолжал Перри. - Может, это просто комок водорослей и всякого прочего хлама, в котором запуталось несколько рыб. Если мы не пойдем туда и не будем смотреть, мы сможем считать это чем угодно. Понимаете, что я имею ввиду? Вы хотите сказать вашим друзьям, что вы видели тело на берегу? Что ж, может это и так.

Снова туман стал между ними, спрятав непонятный предмет.

- Как ты думаешь, что это? - спросил Алан.

- Водоросли и мусор, - ответил Перри.

- Это тело, - сказала Энни.

Алан рассмеялся.

- Нет, вы оба не правы, - заключил он.

- Почему? - вдруг сказала Энни.

- Потому что мир существует не для этого, - сказал Алан.

Алан встал и пошел сквозь туман по направлению к телу.

- Я думаю, что и для этого тоже, - услышал он, как она произнесла у него за спиной.

Туман за клубился, и вновь расступился. В этом, неожиданно образовавшимся просвете Алан увидел бесформенную массу, которая теперь уже почти целиком погрузилась в воду и лишь слегка выступала. Надо было решаться и, как можно, скорее.

Он шагнул вперед, сливаясь с движущейся стеной тумана, в направлении прямо перед собой. Но ему не хотелось терять предмет из вида; Он бросился вперед. Он ожидал, что вот-вот ощутит бурление воды возле щиколоток...

- Алан, - ее голос слышался в отдалении.

- Где ты? - звал Перри тоже, казалось, откуда-то издалека.

- Сейчас, - ответил он. - Я около него.

Казалось, будто они окликнули его опять, но он не мог разобрать слов. Он бросился вперед. Внезапно ему показалось, что он движется вверх. И снова вокруг него возникли темные силуэты. Казалось, земля становится тверже. Над головой раздался крик этих странных птиц.

- Э-тскели-ли, - как будто бы кричали они.

Он пустился бежать. Споткнулся.

А потом. Потом. Потом...

Я был на пути к Форту, возвращаясь от Лиграна, когда это произошло. Я тогда даже не подозревал, что моя жизнь совершенно переменится. Не то, чтобы моя жизнь до этого была лишена фантазии. Вовсе нет. Но на этот раз ничто в моем восприятии окружающего не помешало мне считать воображаемое реально происходящим.

Когда золотой жук вылетел откуда-то и ударился мне в лицо, я еще не знал, что это было знаком перемен во всей моей жизни и навсегда. Я поискал и увидел его на песке перед собой, замечательный, сверкающий кусочек золота в лучах заходящего, октябрьского солнца. Я знал, что некоторые майские жуки имеют металлическую окраску, золотую или серебряную, и это, должно быть, прекрасно. Но этот... Это был особенный экземпляр, по крайней мере, мне не известный. Когда я встал на колени, чтобы рассмотреть его получше, то был поражен необычными поместками. Внезапно я понял, что черный рисунок на его спине был расположен так, что все остальное представляло собой форму маленького золотого черепа.

Я сорвал лист с ближайшего дерева, положил блестящее насекомое на него, аккуратно завернул и спрятал в карман. Я был уверен, что Лиграну будет очень интересна эта находка, когда я приду к нему в следующий раз. Если не как предмет для научного исследования, то, по крайней мере, как повод для самых загадочных предположений.

Я брел вдоль песчаного побережья в подавленном состоянии, не смотря на прекрасный день и интересную находку. Направо от меня уходила вглубь острова девственная, почти непроходимая чаща вечнозеленых мирт, покрывающих большую часть суши. Я слышал, что их называют кладбищенскими цветами, так как они разрастаются и образуют сплошной ковер. Было так странно увидеть на яву то, что столько лет было сном и вдруг понять, что это не что иное, как часть жизни. И потом в минуту душевного подъема, лишиться мечты, еще не успев ее понять. Иметь, иметь, а потом потерять; мечта существует, а реальность ускользает, как-будто бы часть моей собственной жизни впервые высветилась по-новому, а потом отделилась от меня и не вернулась. Что может быть более жестоким, чем отнять заветную мечту в тот момент, когда она вот-вот осуществится. Я поддел ногой камень, услышал где-то вдали над водой раскаты грома. И дело не только в том, что все мои взгляды на жизнь изменились в такое короткое время - я не настолько углублен в свои переживания и склонен к метафизике, чтобы серьезно зависеть от этого - главное, меня не покидало чувство роковой неизбежности и моего бессилия защитить от гибели милый сердцу призрак.

Когда я прошел еще мило, тропинка повернула вглубь острова, сквозь заросли. Эта дорога пересекала остров. Тени почти смыкались, когда я проходил между ними, потому что солнце уже садилось.

Спустя какое-то время, когда я зашел уже порядочно вглубь острова, я остановился. Что-то было не так. Я протер глаза, тряхнул головой, но видение не исчезало.

Они стояли в отдалении возле заводи, образованной приливом, примерно в миле ходьбы, высокие в розовеющих сумерках - парящих призраков - там, где, я мог поклясться, раньше ничего не было. Произошло что-то невероятное, совершенно невероятное, и я не мог понять, что бы это могло быть. Я не был уверен, что под моим пристальным взглядом видение исчезнет, однако вновь направился по западной тропе. Вскоре я уже различал далекие огни Карлстона, светящиеся вдоль гавани, частично уже спрятавшиеся в быстро сгущавшемся тумане. Казалось, что туман приближался с необыкновенной быстротой, и я остановился на какое-то время, чтобы полюбоваться этой картиной.

Мне казалось, что расположение города было немного иным, чем то, которое я наблюдал раньше с этой точки, хотя я не стал бы утверждать это наверняка, так как был очень взволнован и туман надвигался слишком быстро. Именно этот туман помогал мне вновь воскрешать ее в памяти, Энни, ребенка, девочки, леди из мечты; Энни, образ которой я пронес через годы, как некую нескончаемую фантазию, свою воображаемую подругу детства, которая подросла вместе со мной, которая откликалась на мой призыв или звала за собой в царство

причудливых видений, на берег моря... Энни, мой милый призрак, моя туманная леди...

Вот и все, не более того. Кем она могла быть для меня - обманчивой игрой воображения, подругой снов, другом или даже больше...?

Энни. Она нереальна. Конечно, нет. Все это время наши встречи были не более материальны, чем этот туман. Да, так я думал. Я думал так до позавчерашнего дня, дня, который разрушил созданный мной мир.

Помню, как я прогуливался по городу после ужина. Потом, как сейчас, легкий туман набежал на море сквозь удлиняющиеся тени. Осенняя сырость сливалась с морской влагой. Темнота перемешивалась с отблесками огней. Терпеливый спаниель поджидал своего хозяина у дверей пивной. Дорожная пыль серебрилась под ногами. Несколько черных птиц, хрипло крича, полетели в направлении моря. От всего этого было как-то не по себе. Внезапно я услышал крик.

Да, кто-то кричал, но погруженный в свои мысли, я не был уверен, что услышал ее именно тогда, так как экипаж еще не появился. Это было нечто большее, чем просто услышать ее крик и ощутить ее присутствие.

Мгновение спустя экипаж вывернул из-за угла - большой и черный, - натянутая упряжь, лоснящиеся лошади, смуглый извозчик еле сдерживал вожжи, его губы искривились, издавая что-то вроде рычания. Экипаж неосторожно покачнулся, выпрямился и устремился вперед, обдав меня клубами пыли. Но в окне я увидел ее лицо. Энни. Наши взгляды встретились на кратчайшее мгновение, она вздрогнула и я снова услышал ее крик. Правда, я не был уверен, что ее губы при этом шевелились и ни один из немногих прохожих возле меня не проявил никаких признаков беспокойства.

- Энни! - прокричал я в ответ, но она миновала меня и умчалась вниз по улице, ведущей к морю.

Я повернулся и побежал. Мне вслед залаяла собака. Кто-то что-то прокричал - я не смог разобрать и смеясь бежал вперед. Экипаж загрозил по мостовой, нагоняя меня, и я уже бежал, пробиваясь сквозь облако пыли.

Еще не достигнув угла, я закашлялся, глаза заслезились. Я отступил назад в сторону от дороги, чтобы пропустить экипаж, набирающий скорость. Я продолжал преследование, хотя и замедлил шаг, стараясь не догнать, а хотя бы проследить за ним. Таким манером я какое-то время мог держать его в поле зрения, ускоряя шаг по мере того, как пыль рассеивалась. Когда он повернул, я опять побежал и добежав до угла, снова увидел его.

- Эдди, - слышалось мне. - Помоги мне. Я в их власти. Боюсь они причинят мне зло...

Я сделал еще один рывок, на этот раз под гору. Казалось, экипаж направлялся к гавани. Собственно, он почти уже был там. Я продолжал бежать, безразличный ко всему, кроме бедственного положения этой женщины, само существование которой я подвергал сомнению еще мгновение назад. Моя леди снов и теней, морских дюн и туманов каким-то образом проникла в реальный мир, против своей воли заключена в экипаж, который мчится к докам. Ей нужна была моя помощь, а я боялся подоспее ли вовремя, чтобы защитить ее.

Страхи мои были оправданы. В то время как я спускался по улице, похитители, наверное, уже сажали ее в лодку. И вот я достиг пирса, на котором стоял брошенный экипаж с распахнутой настеж дверью. Лодка уже причалила к черному кораблю необычной конструкции с поднятыми и раздутыми парусами - фрегат или бриг, точно не знаю (я солдат, а не моряк), - который казался быстроходным и хорошо вооруженным. Могу поклясться, что тогда еще раз я услышал ее крик, хотя расстояние было слишком большим.

И пока я произносил проклятия и озирался вокруг в поисках хоть какого-то средства передвижения, лодку подтащили к борту корабля, где команда уже приступила к переноске груза, который был не чем иным, как женщиной, потерявшей сознание.

Я закричал, но никто из них даже не повернулся в мою сторону. И никто не появился поблизости узнать, почему я кричу. Я был вынужден броситься в воду и поплыть, хотя здравый смысл подсказывал мне, что было глупо ставить себя в такую уязвимую позицию. Затем, вдруг я подумал, что мои крики все же были услышаны. С борта судна раздалось несколько ответных криков. Но мгновение спустя их заглушил звук якорной лебедки.

Обессиленный, я провожал взглядом судно, которое медленно поворачивалось, ловя ветер в свои паруса; чтобы быстро унести в открытое море. Поблизости не было никого, кто бы помог мне, ни одного подходящего судна, чтобы пуститься в погоню и конечно же никаких шансов достичь чего-либо своими собственными силами, даже если бы у меня и была небольшая быстроходная лодка. Я мог только остановиться и проклинать все на свете и видеть, как Энни уносится от меня по воле капризной судьбы, которая вновь разлучила нас.

Вот уже два дня, как все это мучает и терзает меня. и даже сегодняшняя встреча с Леграном не смогла отвлечь меня от печальных мыслей. А теперь направляясь к форту Молтри, я почувствовал, что не смогу приступить к службе сегодня, так как в четверти мили от берега бросил якорь корабль, черный корабль необычной конструкции. Я мог поклясться, что что именно на этом судне находилась Энни.

После. После. Немного позднее. Иду. Раздумываю.

И он, ползая, пробираясь сквозь туман в поисках ее, не понимая, как он вернулся из Фордхэма в королевство у моря. Может быть, на воздухе голова прояснится. Есть какой-то пробел в веренице событий. Валентайны были очень милы и миссис Шу тоже. Но провал в сознании между “тогда” и “сейчас” был таким странным, что не поддавался осмыслению. Был перерыв - да! черная бездна - и из ее глубины выступало что-то похожее на смерть или сон. И все же он, пожалуй, не умер, если, конечно, быть мертвым и чувствовать, что ты пьян, - это не одно и то же. Он потерял виски, медленно повернулся и посмотрел назад. Туман не позволял понять, откуда он пришел - полдюжины извилистых тропинок остались позади. Он стоял покачиваясь, вслушиваясь в шум моря. Наконец, он повернулся опять, чтобы продолжить путь по выбранному им маршруту. В то самое место, где его всегда ожидал праздник души. Почему сейчас? Что сейчас? Что-то было им отвергнуто, что-то таилось от него, словно слово, готовое сорваться с уст; и чем сильнее хотелось сказать, тем труднее было произнести.

Он пошатнулся, один раз упал. А действительно, он не припомнит точно, может он и вправду выпил? Похоже, что так оно и было. Плеск волн внезапно стал громче. Небо было темнее, чем обычно в этих местах, позади туман. Он стряхнул песок с брюк. Да, это было то самое место...

Он споткнулся и пришел в себя, голова прояснилась. Острое всепоглощающее чувство утраты овладело им, и внезапно он понял, что ему следует искать. Он повернул вглубь острова и уже через несколько шагов тягостное чувство притупилось.

Дорога шла вверх, становилась менее песчаной, хотя голос моря не терял своей силы. В то время как воля его истощалась, шаг становился все тверже. Плотная масса перед ним слегка рассеялась, ее очертания стали яснее. Им овладела нервная дрожь, глаза блестели, он торопился.

Достигнув цели, он протянул вперед дрожащую руку, медленно нащупал холодный серый камень, потом опустился на колени у самого входа и долго сидел так недвижимый.

Когда он встал, море шумело еще сильнее у него за спиной и вкрадчиво лизало его ботинки. Не оглядываясь, он подошел к темной металлической двери, распахнул ее, вошел внутрь влажного помещения. Он долго отдыхал среди теней, слушая голос моря и птиц, сидящих в проемах.

И позднее, гораздо позднее, в другом месте, умиротворенный, он напишет: “Я был ребенком и она была ребенком в королевстве возле моря...”

Вниз по направлению к побережью...

Мы блуждаем впотьмах, сознавая бренность существования, погруженные в неясные, но все же существующие тайники судьбы, отделенные от нас быстротечным временем и бесконечно величественные.

В пору юности нас преследуют тени прошлого, но мы никогда не станем считать их сном. Это наши воспоминания. Мироощущения юности слишком чисто, чтобы обмануться хотя бы на миг.

“Eureka”,

Эдгар А.По

Часть II

Вечерний ветерок доносил до меня шепот тумана, когда я приблизился к берегу. Судно было довольно далеко. Я произвел беглый осмотр погружающегося в сумерки берега в надежде найти небольшую лодку, чтобы отправиться на корабль. Через некоторое время бесполезность моих попыток стала очевидной.

Я снова обратил внимание на корабль. Несмотря на надвигающуюся ночь и туман, я понял, что поплыву туда. Другого пути у меня не было. Хотя еще до армии я накопил некоторый опыт участия в драках, все же иллюзий по поводу моих способностей противостоять целой команде на борту я не питал. Моя реакция боксера и навыки борца едва могли бы выручить против дюжины крепких матросов, вооруженных фут-штоками и лодочными баграми. В то же время я не мог позволить кораблю опять уйти, унося Энни из моей жизни в последний раз и навсегда. Я должен использовать малейший шанс, пойти на любой риск, чтобы выручить ее.

Но как только я присел, чтобы расшнуровать ботинки, раздалось скрежетание корабельной лебедки. Оно доносилось с корабля, возле которого несколько мгновений спустя я увидел спущенную на воду лодку. Так и не расшнуровав ботинки, я замер в ожидании. Очевидно, корабль не собирался немедленно сниматься с якоря. Я решил не привлекать к себе внимания попытками вплавь добраться до корабля, а увеличить свои шансы на успех, наблюдая за группой людей, которые собирались сойти на берег. Возможно даже, что моя затея окажется теперь менее рискованной, чем я предполагал.

В конце концов, я же не был до конца уверен, что дело нечисто. Я мог истолковать неправильно ситуацию, в которой оказалась Энни, и ее поведение. Быть может, она поспешила на борт судна по своей воле. Не выдавал ли я собственные предположения и страхи за действительность, драматизируя безобидное событие, которое виделось мне через призму нашего загадочного знакомства.

Но упрямый чертенок внутри меня говорил: "Нет!" К сожалению, довольно часто, этот чертенок овладевает большей частью нашего осознания. Я понял это немного позднее, когда, рассекая густой туман, лодка направилась к берегу. Я окликнул их, и они изменили свой курс, приближаясь прямо ко мне.

В лодке было восемь или десять человек, быстрые, уверенные взмахи весел приближали ее ко мне. Меня заинтересовало, какую цель могли они преследовать, сходя на берег именно здесь и в это время. Я уже мог хорошо разглядеть их предводителя, негодяя злобного вида.

Он смотрел на меня, ухмыляясь, потирая руки. Где-то внутри меня, посмеивался чертенок.

Меня встревожил взгляд мужчины, и не столько его злобность и очевидность его намерений, сколько то, что именно я, и не кто иной, был объектом его пристального внимания. И тут меня осенило, почему именно здесь и сейчас они решили сойти на берег: их странной целью было каким-то образом причинить мне зло. Противоречивые чувства переполнили меня: им нужен был именно я, им было заранее известно, что я буду именно здесь в этот вечер.

Когда они достигли мелководья, нас разделил туман. Мне был слышен шум весел, плеск воды, шуршание гальки и песка по днищу лодки, когда они втаскивали ее на берег. Я развернулся и побежал.

Их силуэты показались в поредевшем тумане, и я услышал шум погони. Я повернул в глубь острова, пробираясь сквозь чащу. Преследователи приближались, легко нагоняя меня.

- Остановись, или будет хуже! - крикнул один из них, наверное главный. Этого было достаточно, чтобы удвоить или утроить мои попытки спастись.

Что-то царапнуло мне плечо - должно быть, бросили камень - и следующий крик раздался еще ближе. Я продолжал бежать, чувствуя, что кто-то меня настигает. По звуку его дыхания и топоту шагов я понял, что он вот-вот меня догонит.

Я немедленно обернулся и столкнулся лицом к лицу со своим преследователем, смуглолицым крепким парнем с дубинкой в правой руке. Он остановился и слегка отступил назад, очевидно удивленный неожиданным отпором. Я быстро ударил его по коленной чашечке, потом стукнул в бедро, нога подкосилась, я налетел на него, сдавил горло и вырвал из рук дубинку. Другой мужчина, пониже ростом с безобразным шрамом от губы до уха, приближался ко мне. Я понял, что столкновения с ним мне не избежать.

Я ждал, опустив руки. Он не был вооружен, и я, немного согнувшись, отступил назад, подпуская его поближе. Он ударил меня, я в ответ стукнул его дубинкой по локтю. Он взвыл, и я немедленно стал наступать, нацелившись ему в висок, но промахнулся, и удар пришелся в челюсть. Его заменил крупный чернобородый детина, который замахнулся кинжалом, направив его мне в живот. Я уклонился от удара, хотел стукнуть его по руке, но промахнулся. Тогда он ударом левой в затылок отбросил меня к дереву. Сквозь его бороду мне виден был ряд зубов, разделенных двумя щербинками, нож болтавшийся на боку, когда он наступал на меня, расчищая себе путь вытянутой вперед левой рукой.

Не в силах двигаться, я наблюдал, как он приближается ко мне. Вдруг необычайно длинная волосатая рука обвила справа его туловище, заломив за спину руку, в которой был нож. Уродливая рука схва-

тила его слева, потом подняла высоко в воздух и швырнула вниз к его товарищам. Я тряхнул головой, пытаясь уяснить для себя происходящее, вспоминая виденные когда-то картинки с изображением человекообразной обезьяны и сравнивая их с тем, что было передо мной. Из-за сутулости и неуклюжей походки трудно было сразу определить ее действительные размеры. Однако ее внезапное появление и действия произвели совершенное замешательство в рядах моих преследователей. В это время пара выстрелов прозвучала за моей спиной, слева. Один разбойник упал, другой зажал внезапно окрасившуюся алым руку.

- Сюда, приятель! - раздался сзади надтреснутый голос, и я почувствовал, как кто-то властно сжал мою руку своей.

- Ко мне Эмерсон! Иди сюда! - крикнул он, и обезьяна послушалась и последовала за нами.

Я позволил вывести себя через низкий кустарник на открытое пространство, которое привело нас на побережье. Потом мы побежали. Я не знал, куда мы направлялись, но коротышка рядом со мной явно двигался с определенной целью. Доносился шум погони, но туман приглушал его, поэтому трудно было сказать, по той ли тропе бегут наши преследователи, что и мы.

При беглом взгляде на моего спасителя я на какое-то мгновение принял его за ребенка, так как он был не выше четырех с половиной футов. Но потом я разглядел его странное красноватое лицо, обрамленное копной необычайно жестких волос и одновременно отметил, как он широк в плечах, как крепки его мускулы.

Он бежал, я поспевал за ним, обезьяна, прижимаясь к земле, прыжками следовала вдоль берега. И вот мы остановились возле кучи веток и кустарника, которую коротышка стал немедленно растаскивать. Как только я понял, что там спрятана лодка, я начал ему помогать. Но прежде, чем мы успели закончить работу, один из преследователей выскочил прямо на нас из тумана. Увидев нас, он поднял абордажную саблю, которую держал в правой руке.

- Дьявол! - крикнул он, бросаясь вперед.

Коротышка стоял между нами. Он поднял левую руку навстречу лезвию, занесенному над его головой, схватил нападавшего за запястье, обезоружил его. Потом, не суетясь, протянул вперед правую руку, схватив нападавшего за пряжку ремня. В этот момент я услышал скрежетание трущихся друг о друга костей. Злодей пытался повторить свои прежние ругательства, но уже был сбит с ног маленьким человеком, который приподнял его и бросил в воду. После этого коротышка немедленно подошел к лодке и начал без видимых усилий тащить ее к берегу, остановившись один раз, подмигнуть мне и криво усмехнуться.

- На борт, мистер Перри! Эмерсон - и ты тоже! Давай! - приказал он. И гораздо позднее, когда мы уже были в лодке, добавил: - Ведь вы же Перри, не так ли?

- Да, это так, - сказал я. - Я не видел раньше ни одного из этих людей. И даже не представляю, почему они напали на меня.

Когда мы начали грести, я добавил: - Должен поблагодарить Вас за вмешательство. Надо сказать, оно было чрезвычайно своевременным.

Он издал звук, напоминающий смех.

- Ну, это было просто необходимо, - сказал он. - Еще чуть-чуть, и было бы уже поздно.

Мы дружнее налегли на весла и через несколько минут в любом направлении уже нельзя было различить ничего, кроме тумана. Обезьяна пробралась между нами и примостилась на мосту лодки. То и дело она делала жесты, которые, очевидно, что-то обозначали для моего спасителя, и таким образом он слегка корректировал курс.

- Петерс, - вдруг сказал он. - Дик Петерс, к Вашим услугам. Руки можем пожать в другой раз.

Я кивнул. - Ну, мое имя вам уже известно.

- Да, - признал он. Я выдержал паузу, ожидая подробностей, но их не последовало.

Туман был по-прежнему густой. Обезьяна опять сделала знак. Когда курс был выверен, я спросил: - Куда мы направляемся?

Выдержав порядочную паузу он ответил: - На борту одного корабля есть джентльмен, искренне желающий увидеть вас. Этот же джентльмен послал меня и Эмерсон на берег, чтобы соблюсти Ваши интересы.

- Сдается мне, что слишком большое количество людей знает, кто я, куда я собрался и когда я должен был оказаться здесь.

Он медленно кивнул: - Похоже, что так.

Вскоре обезьяна издала низкий звук и несколько раз подпрыгнула на месте.

- Что это, Эмерсон? - удивился Дик. Потом понял.

- А-а, - произнес он, и мы стали грести назад. Затем раздались слабые отголоски, и большая темная масса замаячила смутными очертаниями впереди нас. Это был корабль, с которого сошли мои преследователи. Когда мы развернулись и подплыли ближе, мне удалось разобрать название. Это была "Утренняя Звезда". Еще ближе. И вдруг в освещенном пространстве, кормовой части палубы я увидел дорогой и знакомый мне силуэт. Энни. Она стояла, пристально вглядываясь в туман, даже не повернув головы в мою сторону. Что-то в ее подавленности и в этой странной манере держать себя говорило мне о том, что

она была в трансе, полудреме, под воздействием лекарства, притупляющего чувства. Медлительность в движениях, некая отстраненность...

Рука опустилась на ее плечо и ее увели от окна. Тут же тяжелые гардины опустились на окна и свет погас. Света не стало. И Энни не стало.

Я что-то пробормотал, отпустил весло и хотел встать.

- Не смейте даже думать об этом! - взревел Петерс. - Стоит вам только ступить на этот корабль, и вы - покойник! Эмерсон, придержи, чтобы он не пытался покинуть лодку!

И послушное создание действительно ухватило меня за воротник. Обезьяна, должно быть, весила не больше меня, но однажды увидев, что она может сделать с человеком, я понял, что рисковать не стоит. Притом, я подумал, что Петерс, должно быть, прав. Мертвый, я буду не очень полезен Энни. Я неохотно сел, потом снова взял весло.

Мы продолжали грести довольно долго. Туман то рассеивал, то снова заволакивал, хотя смотреть было не на что, разве что на воду, да редкие звезды, отраженные в ней. Иногда я спрашивал себя, может быть, мы заблудились, гребя по огромному кругу или в открытое море, или скоро врежемся в берег. Но вот силуэт другого судна показался в поле зрения: такой же загадочный и внушительного вида, как и первый.

- Э-эй! - прокричал Петерс.

- Это ты, Петерс? - раздалось в ответ.

- Я и еще небольшая компания.

- Причаливайте сюда, - отозвались с корабля.

Мы причалили, и вскоре нам была спущена веревочная лестница. Эмерсон вскарабкался немедленно. Прежде чем взобраться на палубу, я прочитал название судна: "Эйдолон".

Этот человек выглядел ужасно представительным: темные волосы, слегка посеребренные на висках, седые, аккуратно подстриженные усы, выразительный лоб, изогнутая линия губ открывала ряд превосходных зубов, когда он сжимал во рту трубку тонкой работы. Его хорошо подогнанная форма сидела безупречно. В ней он был высокий и стройный, и его улыбка внушала доверие.

- Капитан Гай, - представил Петерс.

Тот передвинул трубку в угол рта и улыбнулся.

- Эдгар Перри...? - спросил он.

- Да.

Он протянул руку. Мы обменялись рукопожатиями.

- Добро пожаловать на борт "Эйдолон", - сказал он мне.

- Спасибо. Рад вас видеть, - сказал я. - Похоже, всем тут известно, кто я такой.

Он утвердительно кивнул.

- Вы были объектом некоторого внимания.

- Какого рода? - поинтересовался я.

Капитан взглянул на Петерса, тот отвернулся.

- Хм, я не уверен, что мне стоит говорить об этом, - ответил он.

- А кто-нибудь здесь мог бы мне это сказать?

- Конечно, мистер Элисон.

Он снова посмотрел в сторону Петерса и Петерс снова отвернулся.

- Мистер Сибрайт Элисон, - сказал он тогда, как-будто это что-то объясняло.

- Я могу встретиться с этим джентльменом? - спросил я.

Петерс фыркнул и взял меня за руку.

- Пошли, - сказал он. - Уладим это дело сразу.

- Что это за судно? - спросил я тогда.

Капитан Гай повременил с ответом, выполняя ритуал переключения трубки, и сказал: - Ну, это яхта мистера Элисона.

- Пошли, - повторил Петерс и мы оставили капитана одного пускать дым в туман.

Мы пошли вниз, и я, даже если бы не знал заранее, мог бы предположить по отличной облицовке корабля, хорошо подобранной команде, что это прогулочное судно, предназначенное для личного использования, а не для коммерческих дел. Пока мы шли, я все время спрашивал себя, почему Дик Петерс, а не капитан Гай ведет меня на эту встречу. Может быть, он не простой матрос, за которого я его принял?

Он остановился у двери, украшенной резьбой в виде плавающих драконов, и резко постучал.

- Кто там? - откликнулись с другой стороны.

- Петерс, - ответил он. - Со мной Перри.

- Минутку.

Вскоре я услышал звук опустившейся цепочки, и дверь открылась. Передо мной предстал крупный мужчина ростом более шести футов и широкий в обхвате. На нем был темно-зеленый с черным халат поверх незастегнутой белой рубашки и брюки. Светлая опушка - вот и все, что осталось от его волос, глаза были ярко голубые.

- Мистер Перри! - воскликнул он. - Не могу сказать, что я рад видеть вас в добром здравье!

- Выходит, это вам я должен быть благодарен за это, сэр.

- А мы вам сердечно рады. Проходите, проходите!

Я вошел. Петерс, рядом со мной, слегка кивнул, Элисон ответил и удалился.

- Прошу садиться, - сказал великан. - Вы голодны?

Я вспомнил ужин из куропаток, которым слуга Леграна, Юпитер, угощал меня всего два часа назад.

- Спасибо, я сыт.

- Тогда, что-нибудь выпьете?

- Не смею возражать против этого.

Он ушел в кабинет, откуда вернулся с пузатым графином с красной жидкостью и парой низких бокалов. Он налил по чуть-чуть, поднял свой, сказал: - Ваше здоровье. - Я кивнул и наблюдал, как он делал маленький глоток. Я понюхал - запах вина. Сделал глоток. Было похоже на бургундское. Я выпил оставшееся залпом, сам удивляясь эксцентричности этого поступка. Его глаза слегка расширились, но он тут же снова наполнил мой бокал.

- Хороший человек, этот Петерс, - сказала я. - Как точно он угадал, когда следует прийти мне на выручку, действовал решительно и намеренно. Помог мне устоять против сильных противников. Должен признаться, до сих пор не могу даже предположить, что явилось причиной их атаки. Или почему...

- Да?

- На борту их корабля, который называется "Утренняя Звезда", находится близкий мне человек. Я был бы благодарен, если бы вы поведали мне что-нибудь о намерениях этих людей или просто сказали, кто они. - Одним глотком я осушил следующую крохотную порцию вина в моем бокале и продолжал. - Как вы узнали, что я собирался прийти туда, где вы меня нашли? И что мне нужна помощь?

Он вздохнул, выпил маленький глоток вина, потом наполнил мой бокал.

- Прежде, чем мы начнем обсуждать это, мистер Перри, - сказал он, - я бы хотел уточнить кое-какие детали Вашего прошлого. Я должен быть уверен, абсолютно уверен, что вы тот джентльмен, за которого я вас принимаю. Вы не возражаете против того, чтобы ответить на несколько вопросов?

Я усмехнулся.

- Ведь вы спасли мне жизнь, а сейчас я принимаю Ваше угощение. Можете спрашивать.

- Хорошо. Правда ли, что Ваша мать была актрисой, - начал он, - и что она умерла в нищете?

- Черт возьми, сэр! - воскликнул я, но потом взял себя в руки. - Таково положение вещей, - сказал я более миролюбиво, - насколько мне известно. Ведь мне не было и трех лет, когда она умерла.

Выражение его лица не изменилось, только взгляд на кратчайшее мгновение остановился на моем бокале. Я почувствовал необходимость взять его и выпить почти, как лекарство. После этого он немедленно был наполнен вновь. Между тем, мой собеседник продолжал осушать свою порцию крохотными глоточками.

- Она умерла от чахотки, - продолжал он.

- В Ричмонде?

- Да, это так.

- Отлично, - констатировал он. - А Ваш отец?

- Отлично, сэр? - изумился я.

- Ну, ну, молодой человек, - сказал он, касаясь моей руки. - Чувствительность тут не уместна. В данный момент слишком многое поставлено на карту. Я всего лишь имел ввиду, что это именно тот ответ, которого я от вас ожидал. Ну так, что же ваш отец?

Я кивнул.

- По всей видимости, он был актером, как и мать. Он исчез из нашей жизни за год или два до ее смерти.

- Все так, - пробормотал он так, словно и этот ответ удовлетворил его. - И у вас появилась счастливая возможность, после смерти матери, быть усыновленным состоятельным человеком из Ричмонда, Джоном Аланом, и его женой?

- Я бы сказал точнее, что мистер Алан пожалел сироту и взял к себе в дом. Формально я не был усыновлен.

Сибрайт Элисон пожал плечами.

- И все же, как член семьи Аланов вы пользовались преимуществами, в которых другим было отказано, - отметил он. - Например, вы провели четыре года в Англии, в частной школе Мэнор Хауз на севере Лондона, не так ли?

- Да, - согласился я. - Ваше знание таких подробностей из моей жизни меня просто обескураживает.

- И смею предположить, что приблизительно в это же время вы впервые столкнулись с Энни в каком-то, ну скажем, сне или видении.

Я вытаращил на него глаза. Никто в этой жизни, вне моего сна, не мог знать о ней. Я никогда и ни с кем о ней не говорил.

- Что вы знаете об Энни? - прошептал я севшим голосом. - Что можете вы знать о ней?

- Немного, уверяю вас, - ответил он. - Разумеется не все, что я хотел бы знать. Но, скорей всего, гораздо больше того, что знаете вы.

- Я видел ее, - сказал я, - два дня назад в Карлстоне и потом, через час. Сейчас она на борту...

Он остановил меня жестом.

- Я знаю, где она сейчас, - сказал он. - В данный момент ей ничего не угрожает. Я могу помочь вам пробраться к ней, хоть сейчас. Но будет лучше, если вы позволите действовать мне по своему усмотрению.

Я кивнул. - Очень хорошо. - И опять опорожнил свой бокал. Он снова подлил мне вина, покачал головой и пробормотал что-то наподобие: - Удивительно. - Потом спросил:

- Мистер Перри, вам известно имя "По"?

- По-моему, это река в Италии.

- Ну, конечно! - хихикнул он. - По - это имя человека. Эдгар По. Эдгар Алан По.

- Простите... - сказал я тогда. - О, так ведь это совпадение, не так ли? Тот человек на берегу - ведь они хотели убить его, этого Эдгара По.

- Нет, - жестом остановил его Элисон. - Я хочу, чтобы вы не питали иллюзий на счет. У меня нет никаких сомнений в том, что эти люди точно знали, кого они хотят убить, а именно, вас, сержанта Эдгара А. Перри. Хотя я бы не сказал, что Эдгар По находится в безопасности. Вовсе нет. Но предполагаю, что его участь не будет столь ужасной и ... Это, в сущности, нас не касается.

Он вздохнул, сделал глоток, поднял бокал и допил его.

- Конечно, - начал он неторопливо, - существует некое совпадение. Да, вы с Эдгаром По похожи так, как редко быва- лт похожи два живых существа в истории существования мировой цивилизации. Но, я повторяю, что эти люди, от которых я вас спас и которые, несомненно, вновь будут охотиться за вами, ничего не перепутали. Нет. Они хотят видеть мертвым именно Эдгара Перри.

- Почему? - спросил я. - Я даже не знаю их.

Он глубоко вздохнул, потом опять, наполнил свой маленький бокал.

- Известно ли вам, где вы находитесь? - спросил он немного погодя. - Вопрос отнюдь не риторический, я не имею ввиду, что вы в моей каюте, на борту корабля. Прошу рассматривать это шире.

Я пристально смотрел, изучая его, как мне казалось, пытаюсь понять, куда он клонит. Но я был слишком потрясен событиями, чтобы быть сообразительным.

- Ну, порт Карлстон? - предположил я, чтобы хоть что-то сказать.

- Верно, совершенно верно, - ответил он. - Но тот ли это Карлстон, который был вам всегда знаком? Неужели за последние несколько

часов вы не заметили ничего такого, что навело бы на мысль, что это гавань, которой вы раньше никогда не видели?

Я снова увидел перед собой тех лесных призраков в лучах заходящего солнца и вспомнил этого странного золотого жука, который, несомненно, еще лежит у меня в кармане. Я сунул руку внутрь и пошарил. Да. Листок был еще там; я вынул его.

- Вот, что у меня есть, - начал я, разворачивая свою находку.

Золотой жук был еще там. Он медленно полз по поверхности листа, который я разложил на столике. Элисон надел очки и несколько мгновений изучал его. Потом изрек:

- Отличный экземпляр представителей *scarabens capus hominus*, но ничего необычного в нем нет. Вы находите его замечательным, не так ли?

- У меня есть друг в Салливане, который коллекционирует исключительно насекомых, - объяснил я. - В его коллекции нет ничего даже отдаленно похожего на это. И я тоже не видел нигде ничего похожего.

- Но в этом мире, мистер Перри, это обычная вещь.

- Что значит "Этот мир"?

- Это значит мир Карлстонской бухты с ее прибрежными ущельями и миражами, - пояснил он. - Где эти жуки обычное явление. Где обычного сержанта, служащего в форте Молтри следует называть Эдгар Алан По.

Я поднял бокал и долго разглядывал его. Потом выпил. Элисон усмехнулся.

- ...Где вино обычно подают в бокалах, размером не более тех, что сейчас перед нами, - продолжал он. - Да, для вас еще одну, пожалуйста.

Он сделал глоток, я - тоже и протянул графин.

- Нет, нет, мне хватит, спасибо. Моя норма, похоже, намного меньше Вашей.

- И все же я не понимаю, - сказал я, - что касается По; и почему он не форте, где, как вы говорите ему следует быть? Где он? Что изменилось?

- Он ушел в тот мир, откуда пришли вы. Он занял Ваше место в вашем мире, в то время как вы заняли его место здесь. - Он продолжал, изучая мою реакцию. - Что ж, вижу вы не находите эту идею совершенно невероятной.

- Нет, - сказал я, - не нахожу. Я познакомился с Эдгаром Аланом, как и с Энни, в результате нескольких странных встреч на протяжении всей моей жизни.

Я почувствовал, как ладони стали влажными, когда я говорил это.

- Вы, мне кажется, знаете, что может случиться с ней на борту того корабля. Что им надо от нее? Что они хотят с ней сделать?

Он медленно кивнул.

- Она вне опасности в смысле немедленной физической расправы. Наоборот, ее здоровье, возможно, предмет особой заботы ее захватчиков. Они хотят использовать ее умственные и спиритические способности.

- Я должен пробраться к ней, найти способ помочь, - сказал я.

- Конечно, и я объясню, как это сделать. Вы с Энни и человек, который известен как Эдгар Алан, встречались много раз на протяжении лет, как вы утверждаете, при необычных обстоятельствах...?

- Да, наподобие встреч во сне. Достаточно реальных, но оставляющих странное чувство.

- Помимо непосредственного участия вы пытались как-то осмыслить происходящее?

Я пожал плечами.

- Невозможно сказать, сэр. Мы обсуждали это время от времени, но никогда не находили удовлетворительных ответов.

- Вы и По живете в различных мирах, похожих и, одновременно, разных. Что касается Энни, то я не уверен, где ее настоящий дом. Возможно, - в третьем измерении. Я вижу, вы киваете, сэр, как-будто эта версия вам знакома.

- Такая возможность обсуждалась один раз и очень недолго.

- О? Идея По?

Я кивнул.

- Это человек с живым умом, - заметил он.

Я пожал плечами.

- Предполагаю, что так, - согласился я. - Только слегка театрален и склонен гоняться за химерами.

- И он был прав.

- Действительно, сэр.

- Действительно. Я говорю вам правду, как я понимаю ее.

- Я могу понять вас, - сказал я. - И даже, пожалуй, могу поверить вам. Но, боюсь, не слишком ли меня встревожит встреча с этим человеком при таких странных обстоятельствах.

- Он был часто прав в спорных вопросах?

- Да. Как вы заметили, живой ум, живой ход мысли.

- Не лишен воображения, - добавил Элисон.

Я осушил свой бокал.

- Хорошо, - сказал я тогда. - Предисловие закончено, что дальше?

- Вы, Эдгар По и Энни составляете некое духовное целое, способное проникать в пределы нескольких миров, - начал он. - Основной силой вашего единства являются исключительные способности, которыми обладает Энни. Люди, которые знают способ получения прибыли с помощью ее месмеризма, похитили ее еще ребенком и заключили в этот мир. Но это можно было сделать, только вычислив всех в вашей триаде. Вот почему было необходимо вам поменяться местами с По.

- Месмеризм, сэр! Неужели! Это звучит для меня, как продукт мистификации.

Его глаза расширились, и он улыбнулся, потом покачал головой.

- У вас нет претензий, когда речь идет о переменчивой реальности, но стоит лишь упомянуть о незримых воздействиях, и вы упираетесь. А они существуют: между отдельными людьми, между людьми и природой. Вы, ей богу, удивительный человек.

- Я видел кое-что из этой переменчивой реальности, но никогда не наблюдал в действительности этот, так называемый, магнетизм.

- У меня есть причины думать, что он проявляется во всех случаях до определенной степени, в основном, ниже уровня нашего внимания, хотя я считаю, что в этом мире его эффективность намного выше, чем в вашем. Все, что влияет на область психики, здесь гораздо сильнее. Если бы я, например, принял столько же алкоголя, сколько вы, в этот вечер, я был бы болен несколько дней. Вот поэтому, я думаю, ее захватчики так хотят, чтобы Энни оставалась здесь. Пока она здесь, ее способности будут наибольшими. Если вы действительно не верите, то не остается ничего другого, как ждать, пока я не представлю бесспорные доказательства, и в очень скором времени.

Я опять вытер ладони.

- Достаточно, - сказал я. - Я был чересчур поспешен. Теперь я принимаю это *arguendo*, так как хочу знать, куда нас это приведет. Кто эти люди, у которых находится Энни? Что они делают с ней? Зачем им нужны ее способности?

Он поднялся и, сцепив руки за спиной, сделал несколько шагов.

- Слышали вы когданибудь о знаменитом изобретателе Ван Кемпелене? - сказал он наконец.

- Да, - ответил я. - Конечно. Я думаю, он даже имел какое-то отношение к созданию знаменитого механического шахматиста, которого я, помнится, видел в Карлстоне.

- Возможно и так, - ответил Элисон. - Говорят, он лучше других изучил труды сэра Исаака Ньютона, отца алхимии.

- Об этом я не слышал, - сказал я.

- Рассказывают, - продолжал он, - ходят слухи, что он превратил свинец в золото и вырастил гомункула.

Я усмехнулся.

Человеческая доверчивость в том виде, в каком она существует...

- начал я.

Он усмехнулся тоже.

- Конечно, я сомневаюсь насчет его успехов с гомункулом.

Я ждал продолжения, но его не последовало. Я взглянул на него.

- Что касается трансмутации, - наконец сказал он, - то я говорю, как человек, который знает, что он преуспел в этом.

- О, да, - ответил я, что было не вежливо по отношению к моему хозяину, а также выходило за рамки представления о том, что "в этом мире могут случаться подобные вещи".

- Полезное умение, если не сказать больше.

Я взглядом следил, как Элисон, продолжая ходить, оказался в дальнем углу своих апартаментов. И я впервые заметил, что на низкой полке, мимо которой он проходил, были расположены различные предметы таинственного оборудования. Заметив мое недоумение, он улыбнулся и показал рукой в этом направлении.

- Реторта, перегонный куб, дистиллятор, спиртовка, - пояснил он проходя мимо. - Да, я иногда балуюсь этим на досуге, поэтому могу понять важность открытия и что его тайну. Он поднял небольшой гладкий предмет, подержал его в руку. Предмет испустил высокий пронзительный звук, потом звук стал ниже и затих. Он отложил предмет в сторону с осторожностью, переведя свое внимание на что-то плавающее в зеленом растворе внутри спирального сосуда.

- Ван Кемпелен разгадал секрет, - продолжил он, - затем бежал в Европу, когда понял, что за ним охотится "Анхоли Тринити". Они думают, что Энни может помочь вернуть его на материк и проникнуть в глубины его мозга.

- А это возможно? - спросил я.

- Думаю, что да, - ответил он. - По всем данным ее возможности огромны.

- По чьим данным?

- Вашим. И других людей...

Я внезапно почувствовал головокружение, но не от вина, потому что все содержимое этих маленьких стаканчиков не могло сравниться с одним хорошим бокалом вина, к которому я привык.

- Я пытаюсь, - сказал я, - понять. Повторяю, кто эти люди, у которых находится Энни и которые хотят использовать ее, чтобы похитить секрет Ван Кемпелена?

- Гудфелло, Темплтон и Грисуолд, - ответил он.

- Доктор Темплтон, пожилой и загадочный тип, - это их месмерист. Я думаю, они используют его силы, чтобы держать под контролем Энни. Следующий, старик Чарли Гудфелло, искренний, честный, свой парень, пока не всадит вам нож между ребер. И наконец, Грисуолд. Он у них главный и слывет безжалостным джентльменом.

- И все эти люди находятся на борту "Утренней Звезды"? - спросил я.

- Думаю, да, - ответил он.

- И этот доктор Темплтон пытается ввести Энни в транс, чтобы она могла указать им координаты Ван Кемпелена?

- Боюсь, что так.

- Если ее поле такое мощное, как вы утверждаете, то он не сможет ничего сделать.

- Скорее всего, они попытаются накачать ее наркотиками. Лично я сделал бы именно так.

Я изучал его, в то время как он стоял оперевшись на лабораторный стол, устремив, в свою очередь, на меня испытующий взгляд.

- Что ж, - сказал я через некоторое время, - разрешите мне снова поблагодарить вас за своевременную помощь и за информацию об Энни...

Он улынулся.

Не то чтобы я совсем не верю в альтруизм, - сказал я, - но у вас было столько неприятностей из-за меня.

- Я готов к множеству новых, - сказал он, - чтобы расстроить планы этих людей. И вы правы. В этом деле у меня есть свой интерес.

Я пожал плечами.

- Все это слова, а где же факты? Я был бы рад услышать истинные мотивы.

- Я очень состоятельный человек, - сказал он тогда.

- Это можно было предположить, - ответил я, многозначительно скользнув взглядом по мебели с искусной резьбой, ковру восточной работы и множеству великолепных картин.

- Итак, если это не жажда наживы, то, должно быть, месть, не так ли? - спросил я. - Можно предположить, что один из этих людей чем-то здорово вам насолил...

Он покачал головой.

- Хорошая версия, но неверная, - сказал он. - Все дело именно в деньгах. Я достаточно осведомлен, чтобы поверить в историю Ван Кемпелена, достаточно знаю об Энни, чтобы положиться на ее способности в раскрытии тайны. И я достаточно богат, для того, чтобы допустить такое положение дел, при котором серьезные колебания цен на

золото стали бы для меня необратимыми. Я в исключительной ситуации, из которой есть два выхода: или разориться самому, или помешать им. Ваша цель - любовь, моя - деньги, и оставим эти разговоры о мести. Итак, мы, как я понимаю, теперь союзники.

- Именно так. И я искренне хочу пойти с вами против них.

Он отодвинулся от своего лабораторного стола, улыбаясь.

- Хорошо, тогда решено.

Он пересек комнату, подойдя к небольшому секретеру, сел, достал ручку, чернила и начал писать, не прерывая разговора:

- Короче, я должен представить вас моему главному консультанту по месмеризму, монсеньору Эрнесту Вальдемару.

- Буду рад встретиться с ним, - сказал я.

- Уверен, уверен, - ответил он. - Вы возьмете на себя руководство этим делом по преследованию и пресечению действий этих людей и по спасению вашей леди.

- Я? Буду командовать?

- Да. Ведь вы военный человек, не так ли?

- Я не понимаю. А вы?

- Долгие морские путешествия плохо действуют на меня, да еще эти события последних дней... Я думаю, что Грисуолд с компанией скоро направятся в Европу, куда бежал Ван Кемпелен.

- А куда именно?

- За этой информацией вам следует обратиться к монсеньору Вальдемару.

- Когда я могу увидеться с ним?

- Вас представит ему его сиделка, мисс Лиги.

- Он инвалид?

- О, у него свои проблемы. Но его добродетели компенсируют все.

Он закончил писать страницу и начал другую.

- Да, - продолжал он, - этот корабль, капитан и команда будут в вашем распоряжении. Включая Петерса и его орангутанга, Эмерсон, как он называет зверя. Я снабжу вас рекомендательными и деловыми письмами к людям и банкам множества тех мест, где вы можете оказаться, перед тем, как покинуть вас.

- А где можно будет вас найти, - спросил я.

- Предполагаю, вы вряд ли когда-нибудь слышали о местечке Арнгейм? - сказал он.

Я покачал головой.

- Оно находится в штате Нью-Йорк. Я укажу подробности в инструкциях. Надеюсь, вы навестите меня, чтобы сообщить о полном

успехе предприятия. Я буду весьма признателен вам, получив известие о трех некрологах.

- Минутку, сэр, - уточнил я. - Я имею намерение освободить Энни и не собираюсь никого убивать.

- Конечно, нет, - ответил он. - Я просто сказал, что известие об их кончине доставило бы мне удовольствие, так как это жестокие люди, и я не исключаю возможности стычки, в которой вы, профессиональный военный, вынуждены будите применить силу с целью самообороны. В этом случае я был бы очень вам признателен.

- Да будет так, в лучшем из всех существующих миров, - добавил он, смеясь.

Я кивнул.

- Все мы в руках Всемогущего, - изрек я, что было довольно двусмысленно, и не давало ему весомого повода думать, что я выполню его наставления.

По крайней мере, он еще шире улыбнулся и кивнул мне в ответ так, словно мы достигли взаимопонимания.

Я встал, повернулся, сделал несколько шагов, чтобы привести в порядок свои мысли. Элисон продолжал писать.

- Вы хотите поручить мне командование судном? - поинтересовался я, спустя некоторое время.

- Капитан Гай продолжит командование, - ответил он, не поднимая головы. - Он из тех людей, для которых исключена возможность неповиновения. Он будет беспрекословно выполнять все ваши приказы.

- Хорошо, - сказал я, - а то я ничего не понимаю в управлении кораблем.

- Все, что вам будет действительно необходимо, - это сказать ему, куда и когда вы хотите отправиться.

- А это я должен узнать у Вальдемара?

- С помощью Лиги, да.

На мгновение он перестал писать и посмотрел на меня.

- Если у вас возникнут проблемы, - сказал он затем, - советую обратиться к Дику Петерсу. Хотя он грубоват в обращении, его образование оставляет желать лучшего и внешность не безупречна, он беззавестно предан и очень силен. Никто здесь, на корабле, не смеет перечесть ему.

- Легко могу в это поверить, - сказал я.

Я сходил за графином, пронес его через всю комнату к лабораторному столу, где оставил свой стаканчик деликатных размеров, наполнив

нил его и выпил. Я заметил, что Элисон перестал писать и наблюдает за мной.

- Забавно, - сказал я и сделал еще глоток.

Тогда он спросил: - Есть проблемы?

- Да, - ответил я. - Значит ли это, что я отплыву без разрешения из форта Молтри?

- Да, это так. А вы думаете они выдали бы вам разрешение для участия в предприятии такого рода? Или у вас было время, чтобы попросить об этом?

- Нет. Ситуация мне ясна. Но служба, большей частью, не была мне в тягость, и я не хотел бы ее закончить дезертиром. Я бы хотел написать письмо вышестоящему офицеру с просьбой об отпуске и объяснить, что у меня были серьезные личные мотивы, чтобы поступить так.

Он какое-то время размышлял над этим, потом опять улыбнулся.

- Очень хорошо. Сочиняйте ваше письмо, я возьму его с собой, когда сойду на берег и прослежу, чтобы оно было доставлено. Разумеется оно должно быть подписано: "Эдгар Алан По".

- Я не думал об этом..., - начал я.

- С другой стороны, я могу поговорить со своим знакомым сенатором и ускорить вам немедленную отставку.

- Пожалуй, это будет даже лучше...

- Ну, тогда, решено. Когда вы вернетесь в Арнгейм с добрыми вестями, все необходимые бумаги будут уже готовы.

Он подмигнул и снова начал писать. Я ходил, пытаюсь упорядочить свои мысли. Через некоторое время я откашлялся.

Он опять поднял на меня взгляд: - Да?

- А где я буду жить, - поинтересовался я.

- Здесь, в этой каюте, - был ответ, - как только я ее освобожу. Он сложил письмо, отложил его в сторону и добавил: - А это произойдет очень скоро.

Я коснулся пальцами своей рубашки. Я был в гражданской одежде, пригодной разве только для того, чтобы бродить по безлюдной местности.

- Жаль, что мне не во что переодеться. Странно чувствуешь себя отправляясь на такое дело и имея на плечах вот это.

- Поищите что-нибудь в этих сундуках, - сказал он, жестом указывая сразу на три: большой - рядом с койкой, другой - в углу и огромный - посреди комнаты. - В них вся одежда.

Я последовал его совету.

- Надеюсь, вы старший сержант? - спросил он.

- Да.
- Значит вы уже на втором сроке службы?
- Да.
- Доводилось служить в кавалерии?
- Да.
- Значит, вы умеете пользоваться саблей?

Воспоминания о блестящих сабельных клинках, колющих и режущих в лучах вечернего солнца, всплыли в деталях.

- Да, - ответил я. - У солдата должна быть крепкая рука.

Он прищурился, словно пытаясь понять, не шутка ли это. Я, действительно шутил, хотя это была чистая правда.

- Хорошее оружие, - сказал он наконец, - а главное - бесшумное. Хочу, чтобы вы знали: У капитана Гая много всякого оружия, и при желании вы могли бы потренироваться.

- Спасибо.

Я изучил его. Наконец, не смог удержаться и спросил: - Когда-нибудь сами баловались этим?

- О, да, когда я был моложе, - ответил он, - в Карибском море.
- А я думал, что вы подвержены морской болезни.
- Тогда еще не очень, - сказал он.
- На каких кораблях вы ходили? - не мог я не спросить.

- На торговых, конечно, - ответил он, словно пробуждаясь от воспоминаний и осознавая направленность моих вопросов. - Конечно на торговых.

- Думаю, что немного практики не помешает, - сказал я тогда.

Было ли это подергивание его левого глаза простым подмигиванием? Мысленно я закрыл его повязкой, представил черную бороду, а вокруг головы - красный платок. Я пытался представить себе, как в таком обличье, может, сорок лет назад он махал абордажной саблей. Удивительно...

- Неплохая идея, - сказал он.

Я вынул несколько брюк и рубашек среднего и высокого качества, два жакета, светлый и темный, которые могли бы мне пригодиться. Красновато-коричневая рубашка и черные брюки были мне впору, и я остановил свой выбор на этой одежде.

- Ну что ж, неплохо, - заметил Элисон, взглянув на меня и ставя свою подпись под последним из писем. - Я покажу вам, где находится потайной сейф, куда мы положим это. Затем представлю вас мисс Лиги, прежде чем удалиться.

- Очень хорошо, сэр, - ответил я.

Все это было сделано. Таким образом я познакомился с Сибрайтом Элисоном, владельцем имения Арнгейм.

Когда туман вплотную подполз к окну, он написал:

*Я говорил о Воспоминаниях,
которые преследуют нас в Юности.
Но иногда они
преследуют нас даже в Зрелости,
становясь постепенно все менее и менее
различимыми,
время от времени беседуют с нами
тихими голосами...*

Ветер разогнал туман. В этом просвете пробил себе дорожку кусочек луны... Он думал о том, что будет дальше, о конце.

Часть III

Я шел, но боже! Песок уходил у меня из-под ног; я спотыкался и падал несколько раз. Сквозь плотный туман море ревело, как умирающий Левиафан, то и дело накатывая с силой урагана, отрывая огромные куски береговой линии и проглатывая их в своей агонии. Определив направление, я карабкался на более высокий участок, а стихия проглатывала берег за моей спиной. Хватаясь за корни, скалистые выступы, скатываясь назад и снова цепляясь, я выбрался, наконец, из зоны ее досягаемости, оказавшись там, однако, где свистели и завывали ветры, отвечая звериному реву моря внизу. О боже! В своем буйстве стихии стремились друг к другу, потом спасались бегством. Земля, воздух и вода пульсировали гигантскими сердцами. И потом, когда я поднимался вверх, преодолевая последний фут, четвертый недостающий элемент присоединился к ним, чтобы довершить ужасающий образ, возникший передо мной: сноп искр низвергся с небосвода, чтобы объять пламенем дерево, видневшееся впереди. Инстинктивно я поднял руку, а когда опустил, дерево задымилось и вспыхнуло на ветру, и неподалеку от него обозначилась фигура человека, смотревшего сквозь меня в направлении невидимого бушующего моря. Его темный плащ развевался на ветру.

Я заслонил лицо рукой и, пригнувшись начал двигаться к нему.

- Алан, - крикнул я, узнав его, когда подошел ближе; потом добавил: - По!

Он слегка повернул голову в моем направлении, что-то, похожее на задумчивую улыбку, оказалось на его лице, когда он ответил: - Перри, как хорошо, что ты здесь. Я знал, что ты придешь.

Я подошел к нему. Его плащ хлестал меня по правому боку.

- Что за дьявольщина здесь происходит? - спросил я.

- Это не что иное, как похороны Земли, дорогой Перри, - ответил он.

- Я не понимаю.

- Покрытая шрамами оболочка Земли истощается по мере того, как физическая сила слова покидает ее атмосферу, - сказал он. - Страсти большинства стихий и нераскаявшихся сердец выпущены на свободу. Мириады несбывшихся надежд угасают вокруг.

Я откинул волосы со лба. Дерево треснуло у нас за спиной, причудливо вспыхнув в тумане. Море гудело подобно грому.

- Память о прошедшей радости - не это ли настоящее горе? - продолжал По.

- Хорошо, может и так, - ответил я. Разглядев его получше, я понял, что он, всегда казавшийся сверстником, был на самом деле гораздо старше. Линии его лица были прочерчены глубже, под глазами - темные круги. Было почти так, как-будто мы увидели друг друга в разное время, соответствующее каждой из наших жизней.

- Мысль о будущей радости, - предположил я - может привести все в равновесие. Разве это не повод для надежды?

Некоторое время он пытался осмыслить сказанное мной, потом покачал головой и вздохнул.

- Надежда? - повторил он. - Это слово тоже покинуло атмосферу. Земной, Земля... Все рушится, дорогой Перри. И весь твой облик наглядное подтверждение тому.

- Алан..., - начал я.

- Пусть будет "По", - сказал он, - между нами.

- Тогда, черт побери, По! - закричал я. - О чем ты мне говоришь? Я, правда, тебя не понимаю!

- Любимый образ угас, - ответил он. - В его отсутствие скорлупа нашего мира раскалывается. Она ушла, мое второе я. Увы! самый жестокий из всех жестоких дней! Та, которая наполняла собой это место, больше не придет. И ты знаешь ее имя.

- Энни, - вздохнул он и указал куда-то дрожащей рукой.

Я повернул голову в том направлении, куда он указывал, к морю, и туман расступился, чтобы поверх жующей морской стихии я мог увидеть подобие серого мавзолея, такого блестящего от воды, которой он словно был пропитан насквозь, что казался сделанным из стекла.

- Ее гробница, - сказал он тогда.

- Я не верю тебе, - воскликнул я и бросился прочь от него.

- Перри, - звал он. - Вернись! Это бесполезно! Не знаю, что будет со мной, если что-то плохое случится с тобой!

- Она не там! - закричал я в ответ. - Она не может быть там!

Я спускался, царапая руки, разрывая одежду.

- Перри! Перри! - звал он.

Я затаил дыхание, проскользив половину пути вниз, потом покатился и упал в песок. Я тут же вскочил на ноги, оказывая сопротивление сильному ветру и волнам, доходившим мне до колен, когда я шел по направлению к сияющему монументу. Я все еще слышал голос По со стороны горящего дерева наверху. Но слов я не мог различить, доносился лишь лающий звук.

Я взялся за холодный металл темной двери, открыл задвижку, распахнул ее и вошел. Я пересек сумрачное пространство, ступая по лодыжку в воде. Передо мной на постаменте лежал каменный саркофаг.

Он был пуст. Мне захотелось рассмеяться и заплакать одновременно. Вместо этого я пошатываясь направился к выходу и закричал: - По! По! Ты ошибся! Ее здесь нет! По! По!

Огромная черная масса воды накатилась на меня и отбросила назад, к усыпальнице.. •

Я проснулся на полу каюты, хотя точно помню, что накануне вечером укладывался на большой койке, принадлежавшей Сибрайту Элисону. Не могу припомнить, чтобы я падал с нее или делал что-нибудь такое, от чего промокла бы и изорвалась моя одежда. Мои ботинки были полны песка, и несколько песочных дорожек тянулись от того места, где я лежал, к центру комнаты, где они должно быть, начинались. Я потерял правый глаз и сел. Снимая пришедшую в негодность красновато-коричневую рубашку, я обнаружил на предплечье несколько ссадин. Тут я вспомнил шторм, мавзолеей, молящую фигуру По у горящего дерева.

Я отыскал свежую одежду в сундуке, переоделся. Я надеялся, что с По ничего не случилось. Я был взволнован явными признаками его помешательства и, в меньшей мере, странным оборотом всех событий. Уже давно мне удалось понять, что наши странные встречи состояли не только из реальности. В них одновременно присутствовало что-то из области символов, знаков, предзнаменований. Исходя из этого я мог понять, почему усыпальница была пуста: Энни в это время находилась в месмерическом трансе. Но тут было еще что-то. Должно было быть. Конечно, то, что рассказал мне вчера Элисон, немного приоткрывало завесу над феноменом. Но даже этот доблестный алхимик не мог знать всего. Нет такого человека, которого я мог бы спросить обо всем, что касается этого дела, кроме...

Я задумался. Накануне своего отъезда Элисон представил меня леди Лиги, женщине с большими глазами и черными, с блестящим отливом, волосами. Ее красота была столь чарующей, что замедлила ход моих мыслей, по крайней мере, наполовину. Но это произошло не только под влиянием ее наружности, как я понял минуту спустя. В ней было еще что-то, что производило сильное завораживающее действие. Стоило мне понять это, как я тут же отступил на шаг назад и перевел дыхание. Чары были разрушены. Дама улыбнулась.

- Рада с вами познакомиться, - сказала она низким гипнотизирующим голосом, напомнившим мне манерой звучания одного русского эмигранта, и глядя мне прямо в глаза с необыкновенным напряжением.

- Это человек, о котором я вам говорил, - сказал Элисон.

- Я знаю, - ответила она.

- И он согласен выполнить дело, которое я ему поручил.

- Я знаю, - повторила она.

- Надеюсь, что ваши способности послужат нашему общему делу.

Она кивнула.

- Конечно.

- Однако, у нас был очень напряженный день, - сказал он, - и я думаю, что продолжение знакомства можно отложить до завтра, как и встречу с вашим подопечным. Мой преемник уже осведомлен о том, что монсеньор Вальдемар способен принимать информацию из мест, находящихся за пределами реальной досягаемости.

- Понимаю, - сказала она.

- А я - нет, - сказал я, - но в этом деле предпочту целиком положиться на вас.

- Я получу необходимую информацию и передам ее капитану Гаю перед отъездом, - сказал Элисон.

- Очень хорошо, - ответил я. - В таком случае...

- ... Вы можете удалиться, - закончил он за меня, - а я попрощаюсь с вами, пожелаю счастливого пути и доброй ночи.

Он крепко сжал мою руку.

- Хорошо, - сказал я. - до свидания и спокойной ночи. На прощание я кивнул Лиги.

- До завтра.

- Я знаю, - сказала.

Я отправился назад в свою каюту, где бросился вниз лицом на большую койку. Я заснул почти сразу, потом отправившись в наш дворец на берегу моря. А сейчас...

Было достаточно светло для меня, чтобы побриться и умыться, поливая себя холодной водой из большой емкости в алхимическом конце моих апартаментов. Закончив прихорашиваться, я вышел в поисках завтрака. В столовой мне сказали, что будут подавать еду в каюту и дали инструкцию по поводу оповещения о трапезе. С тех пор я находился в салоне, решив остаться и подождать, пока лук и яйца, тосты и палтус будут для меня приготовлены. Ночная путаница снов и неожиданностей, загадок и страхов была смыта несколькими чашечками превосходного кофе, с последней из которых я вышел на палубу, чтобы продлить удовольствие, наблюдая за играющими под солнцем волнами, несколькими облаками, плывущими как белые острова в безмятежной голубизне высокого неба. Солнце было еще достаточно низко. Я смотрел на него, а мысли мои уносились далеко к морскому

побережью, где мы расстались, и глаза уже начинали искать хотя бы малейшие признаки его, но земли не было видно ни поблизости, ни даже на линии горизонта. Несколько чаек делали круги позади нас, то ныряя в кильватер, то поднимались ввысь. Когда кок, одноглазый испанец по имени Доминго, что-то громко крикнул (проклятия или слова песни, было не разобрать) и выплеснул утренние помои, они ответили ему и быстро ринулись вниз попить в бурлящих водах. Я пошел немного вперед, ища какое-то время в этом направлении хоть какой-то признак огромного темного силуэта “Утренней Звезды”. Но она тоже была за пределами голубых границ моего мира.

Я поежился от холода и сделал еще глоток, остывающего кофе. Я решил в следующий раз надеть что-нибудь потеплее, когда надумаю подняться на палубу так рано поутру. Собираясь спуститься вниз и вернуть чашку на камбуз по дороге к каюте Лиги, я встретил улыбающегося Дика Петерса, который, коснувшись бескозырки, в шутовском приветствии прорычал: - “Мартин”, - мастер Эдди.

Я улыбнулся, кивнул ему и повернул назад: - Доброе утро, мистер Петерс.

- Можно просто - “Дик”, - ответил он. - Прекрасный денек, не так ли?

- Действительно, - согласился я.

- А как вы себя чувствуете в командирах? - продолжал он.

- Трудно сказать, мне еще не пришлось отдавать никаких приказаний.

Он пожал плечами.

- Насколько я понимаю, в этом нет необходимости, - сказал он. - Меньше неприятностей. Мистер Элисон, должно быть, позаботился обо всем распорядиться на какое-то время.

- Я тоже так думаю.

- Доводилось когда-нибудь плавать? - спросил он.

- Я был как-то на борту корабля еще ребенком. Не помню, чтобы меня мучила морская болезнь. Вы ведь это имели ввиду?

- Хорошо, - заключил он, когда что-то темное упало с верхнего настила, прокатилось по палубе и оказалось рядом с ним. Он протянул руку и сжал лохматое плечо своей обезьяны. Зверь добродушно отреагировал на этот жест, и я не могу не заметить, что они были чуточку похожи друг на друга. Я говорю об этом, не для того, чтобы унижить человека, который пришел мне на помощь в трудную минуту, - хотя согласен, что было бы простительно погрешить против истины во имя красоты - а потому, что эта некрасивость его лица была, в более высоком и мудром смысле, предметом гораздо большего восхищения, чем эти штампованные красавчики из числа любимцев публики. Его губы были тонкими, зубы, если вы их видели, длинные и выступающие

вперед. Если бы вы присмотрелись к нему более внимательно, он производил приятное впечатление. С другой стороны, кому-то его веселость могла показаться демонической. Фактически, его лицо было искажено как бы гримасой смеха, и в складках между морщинками кожа была светлее, наводя меня на мысль, не были ли некоторые части его лица целиком сделаны из суровой ткани. Это лицо отпугивало, особенно когда вы понимали, что переход от кажущейся веселости к гневу был всего лишь плодом вашего глубокого созерцания, а не каких либо действий со стороны этого человека. Вы чувствовали себя так, словно, найдя драгоценность в каком-то укромном местечке, вдруг обнаруживали, как она превращается в голову змеи.

- Хорошо.

Не могли бы вы мне что-нибудь сказать о Вальдемаре, - спросил я.

Он сделал жест, как бы собираясь причесаться, запустил пальцы в свою немыслимую шевелюру, постепенно отделяя от головы эту копну черных волос, давая понять, что это парик. Заметив, что я смотрел, как зачарованный, он добродушно улыбнулся и сказал:

- Вырезал из шкуры медведя, который замыслил недоброе против меня.

- О Вальдемаре? Никогда его не видел. Он находится в каюте рядом с вашей.

Хотя в манере Петерса говорить и держаться явно угадывался моряк, но прослеживались и черты жителя приграничной зоны. Поэтому я спросил его: - Вы с Запада?

Он кивнул.

- Мой папа был вояжером, торговал мехами, а мама, Ансарока Инджун, уроженка Блэк Хилз. Я охотился и исходил все тропы на Западе. Я прошел через Колтерс Хэл и был на дне каньона, такого огромного, что если бы Карлстон провалился туда, его никто бы не заметил.

Он сплюнул сквозь ругательства, растерев свой плевок с ужасающей аккуратностью.

- Я был в Мексике и на Севере, там, где в конце дня северные огни висят как занавески. Все это, когда мне еще не было двенадцати, - добавил он.

Хотя я был искушен как слушатель длинных историй подобного рода, но эксцентричная наружность моего собеседника и грубовато-искренняя манера говорить заставили меня полностью поверить ему. Тот, кто говорит неправду, обычно заботится о том, чтобы ему поверили, так как хочет произвести определенное впечатление. Думаю, Петерсу было глубоко плевать, что о нем могли подумать.

- О Вальдемаре... - вернулся я к теме нашего разговора.

- Да?

- Давно он на корабле?

- Не знаю точно, сэр. Но дольше, чем я. Нам сказали, что он инвалид и любит путешествовать. Но лично я не понимаю, какое удовольствие можно получить целыми днями находясь в своей каюте.

- Вы думаете, здесь что-то, о чем мы не знаем?

Он пожал плечами.

- "Quien sabe?", - потом. - Думаю, леди Лиги.

- Что вы имеете ввиду?

- Какая-то странная эта леди, его сиделка. Напоминает мне одного "доктора" медицины, которого я встречал. Джонни-Уолкс-Два-Духа. Сущее привидение, которое мне когда-нибудь приходилось видеть. Когда он разговаривал с вами, вам чудились видения за его спиной и слышались забавные звуки вокруг. В ней тоже есть что-то такое. Не знаю, как это сказать.

Я кивнул в подтверждение его слов.

- Когда я увидел ее, что-то словно сковало меня, - сказал я. - Не мог даже говорить на очень близком расстоянии. И внешность ее очень впечатляет.

Он хмыкнул.

- Она себе цену знает, - сказал он. - Я бы предпочел оставаться с ней в хороших отношениях.

У меня такое чувство, что она может быть серьезным противником.

- Я всегда за гармонию, - сказал я. - Думаю, не стоит откладывать мой визит к Вальдемару.

- Я думаю, капитан тоже хотел бы с вами поговорить.

Я посмотрел на него внимательно и кивнул в знак согласия. Он, похоже, не знал, что Вальдемар был главным экспертом Элисона на пути следования судна, а не обыкновенным туристом. Поэтому было справедливым оставить эту тему, хотя рано или поздно я все равно бы выявил, что ему известно, а что нет. Я шутливо спросил: - К кому же из них мне направиться в первую очередь?

- Черт возьми, капитана вы можете увидеть в любое время.

- Вы правы, - согласился я. - Кто знает, сколько времени понадобится для встречи с нашим загадочным пассажиром, если он не совсем в порядке? Но когда мне удобнее к нему заглянуть?

- Вы слышали, как отбивают склянки? - спросил он.

- Да, но только не знаю, что это значит.

- Они отсчитывают часы, - объяснил он. - Сигнал дается каждые полчаса от одной склянки до восьми. Потом - все сначала. 8 час. 30 мин.

- одна склянка, 9 час. 00 мин. - две, потом - три склянки - это 9.30. Лучше пойти к нему после третьей или четвертой склянки, чтобы дать ему время проснуться и привести себя в порядок.

- Спасибо, - сказал я, протягивая руку. Петерс не взял ее, но Эмерсон выбежал вперед, ухватил меня за руку, начал трясти и похлопывать. Могу сказать, что, если бы он захотел, мог бы сломать ее как пригоршню сухих веток.

Петерс неодобрительно улыбнулся и кивнул мне.

- Если могу быть вам чем-нибудь полезен, Эдди, дайте мне знать.

Потом он опять послал мне дурашливый салют, повернулся и спустился вниз. Эмерсон взмыл вверх, исчезнув за парусом.

Три или четыре склянки. О'кей. Я спустился выпить еще чашечку кофе, чтобы скоротать время. Когда пробило три склянки, я вернулся в каюту, где еще раз сделал ревизию своего гардероба. Белая рубашка и галстук вполне подойдут, решил я. К четырем склянкам я уже надел соответствующий жилет, жакет и, отдавая дань своей армейской привычке, пару свеженачищенных сапог.

Я прошел мимо нужной мне каюты и постучался в дверь Лиги. Она открыла немедленно, встретив меня очаровательнейшей из улыбок.

- Я ожидала вас, - сказала она.

- Я так и думал, - ответил я, осозная, что тоже начинаю улыбаться.

На ней было не поддающееся описанию сероватое дымчатое одеяние, а на пальцах и запястьях уже не было драгоценностей, которые я заметил накануне вечером. И снова ее присутствие произвело на меня особое впечатление, словно только что вспыхнула молния или вот-вот должна вспыхнуть.

Она не пригласила меня войти, но и сама не вышла в коридор. Она просто изучала меня какое-то время и наконец сказала:

- Вы даже болес необычный человек, чем мне вначале показалось.

- В самом деле? И в чем же?

- В смысле географии.

- Не понимаю.

- Вам не подходит ни одно место из тех, что я знаю, - сказала она, - а мне всегда казалось, что знаю все из них. Должно быть вы из какого-то другого места.

- Похоже скоро мы его найдем, - сказал я, решив не прерывать ход ее рассуждений, преследуя странную возможность поупражняться в тавтологии. - И я буду счастлив остаться там. Разумеется с вами.

Она нахмурила брови, прищурила глаза.

- Где?

- "В каком-то другом месте".

- Тогда напряжение спало с ее лица и она широко улыбнулась.

- Вы, американцы, всегда шутите. Ведь вы посмеялись надо мной, правда?

- Да, - сказал я.

Она оперлась на дверной косяк. Сделала ли она это специально, чтобы качнуть бедрами?...

- Вы желаете сейчас увидеть монсеньора Вальдемара? - спросила она, как бы возвращаясь к деловой части нашего разговора.

- Да.

- Очень хорошо, - сказала она, указывая на дверь слева от меня, между нашими каютами. - Подождите возле этой двери.

С этими словами она удалилась к себе и закрыла дверь. Я услышал звук закрывающейся задвижки.

Я приступил, как она приказала, заняв пост у соседней двери в ожидании. Через некоторое время дверь внезапно отворилась передо мной. Она распахнулась по крайней мере на фут, но я не мог ничего разглядеть внутри, кроме темноты.

- Войдите, - услышал я ее голос.

- Хм, я ничего не вижу, - сказал я.

- Очень хорошо. Делайте то, что я скажу.

Припоминая, что Элисон в своих инструкциях предписывал доверять ей, я сделал два шага наугад, достаточных, чтобы оказаться за порогом в темноте внутренней части помещения. Дверь немедленно захлопнулась, я услышал щелчок замка и застыл на месте.

- Нельзя ли попросить хотя бы немного света? Я не знаю, куда двигаться.

Тут же я почувствовал, как меня взяли за руку.

- Я поведу вас, - мягко сказала она. Монсеньор Вальдемар в таком состоянии, что свет чрезвычайно беспокоит его.

- Даже маленькая свеча?

- Даже маленькая свеча.

Она повела меня назад и вправо. После нескольких шагов она стиснула мою руку и положила другую свою руку мне на грудь.

- Стойте, - сказала она; потом, когда я остановился: - Все отлично. Оставляйтесь там.

Она отпустила меня, отошла на несколько шагов. Вскоре я услышал скрип открывающейся двери где-то перед собой. Затем последовало полное молчание и, выждав несколько минут, я откашлялся. Она никак на это не отреагировала, тогда я наконец спросил:

- Все в порядке?

- Конечно, - сказала она. - Будьте терпеливы. Требуется время, чтобы установить контакт.

Не могу сказать, что она делала, хотя чувствовал шорох движений. Потом я почувствовал специфическое состояние, знакомое мне по вчерашнему вечеру. Я заметил слабую полоску света справа от меня. Конечно, там была дверь, соединяющая эту каюту с ее жилищем, которая неплотно прикрыта. Потом послышалось бормотание. Она говорила очень мягко.

- Давайте не будем тревожить беднягу сейчас, - сказал я. - Пусть он отдохнет. Я найду попозднее.

- Нет, - ответила она. - Он в порядке. Просто ему требуется время, чтобы... собраться. Вот и все.

Тут раздался ужасный стон.

- И вообще, терпеть не могу, когда инвалида подвергают такому испытанию, - добавил я.

- Ерунда! - ответила она. - Ему от этого не хуже. Защищайте его интересы в жизни.

Опять стон.

Я придвинулся ближе, когда мои глаза начали привыкать к темноте, надеясь заметить что-нибудь более интересное, чем движения ее рук над темной кроватью. Снова я почувствовал дрожь волнения. Но прежде, чем я успел это как-то объяснить, снова раздался стон, за которым последовали отдаленные фразы: - Нет! Нет!... Разрешите мне быть. Пожалуйста! Умоляю вас!

- Вы убеждены,... - начал я.

- Конечно, - ответила она. - Он всегда немного не в себе, когда я бужу его. Все дело в настроении.

- Должно быть, тоже было с мной, пока я не выпил чашечку кофе. Может послать за завтраком для него?

- О! О-ох! - простонал он. - Я умер.

- Нет, он не очень-то любит поесть или выпить, - ответила она.

- Монсеньор, очнитесь. Это джентльмен, которого я хочу вам представить.

- Пожалуйста! Прошу... позвольте мне... идти... - донесся далекий хриплый голос. - Дайте мне умереть.

- Чем больше вы будете спорить, монсеньор, тем дольше это протянется, - констатировала она.

- Очень хорошо, - сказал он тогда. - Что на этот раз Вы от меня хотите?

- Я хочу представить мистера Эдгара Перри, который сейчас возглавляет нашу экспедицию...

- Экспедицию... - сказал он тихо.

- ... по преследованию Гудфелло, Темплтона и Грисуолда, которые похитили женщину, известную как Энни.

- Я вижу ее, - сказал он, - ослепительна... как прозрачный хрусталь... перед нами. Она не из этого мира. Они используют ее. Они используют ее... преследовать... другого. Дайте мне умереть.

- Ван Кемпелена, - сказал я.

- Да. Но я не знаю... куда они... направляются... потому что... неясно еще... куда направляется он. Дайте мне умереть.

- Нас больше не интересует эта информация сейчас, - сказал я, когда неожиданная идея осенила меня и стала причиной того, что я потихоньку начал двигаться вправо. - Скажите, что вы знаете о связи между Эдгаром Аланом По и мной?

- Вы... в каком-то смысле... одно... и то же лицо.

- Переход, - сказал он. - Бедный По... никогда... не узнает. Никогда не найдет, что ищет... на равнинах... и в горах.

- Почему?

- Дайте мне отдохнуть!

- Скажите!

- Я не знаю. Только Энни... знает! Я умер!

Еще немного вправо, и вот я повернул ручку и рывком распахнул дверь. Дневной свет проник внутрь из комнаты Лиги, выхватив из темноты даму, делающую пассы над открытым гробом, в котором лежал пугающей белизны человек. Его белые бакенбарды резко контрастировали с черными волосами. Глаза были открыты, но зрачки закатились. Лицо его было перекошено, рот провалился, зубы обнажены. Язык слегка вывалился и был совершенно черным.

- Мой бог! - сказал я. - Это покойник!

- И да, и нет, - заметила она. - Это необычный случай.

Она сделала медленный пасс, и глаза его закрылись. Она закрыла крышку.

- Ну что ж, у каждого свои проблемы, - добавила она. - Может быть, хотите чаю или предпочтете гашиш?

- А может быть, есть что-нибудь посильнее? - ответил я, когда она взяла меня за руку.

- Всенепременно, - ответила она, а я обернулся назад, когда мы выходили из комнаты и с удивлением заметил, что гроб в закрытом виде был похож по форме и размерам на большой контейнер для винных бутылок, даже по месту расположения ручек для переноски.

Она указала мне на удобное кресло, проследила, чтобы я сел в него. Закрыв соединительную дверь, она проследовала в отдаленный конец своей комнаты, где открыла шкаф. Вскоре я услышал легкий звон ударяющихся друг о друга бокалов и звук струящейся жидкости.

Через некоторое время она вернулась, неся в руке высокий стакан, наполненный грязноватой зеленоватой жидкостью с плавающими на поверхности обрывками листьев и чем-то еще.

- С виду похоже на болотную воду, - сказал я, принимая стакан.

- И на вкус тоже, как болотная вода, - добавил я, сделав маленький глоток.

- Это травяной тоник, - объяснила она. - Очень расслабляет.

Я подумал немного, потом сделал еще глоток.

- Вальдемар... что... на самом деле мертв? - спросил я, спустя некоторое время.

- Да, - ответила она, - но иногда он об этом забывает. Как только он вспоминает об этом, испытывает нечто вроде стресса.

- Когда, как он умер?

Она поежилась.

- За месяцы и годы до того, как мы оказались на корабле, - сказала она. - Задолго до того, как я его нашла.

Я окинул взглядом ее жилище, увешанное яркими гобеленами, выстланное шкурами животных и восточными коврами. Тут были статуэтки из черного дерева, я решил из Африки, украшенные медной проволокой и яркими бусинами. Пара толедских клинков висела на одной из стен. Рядом с огромной, задрапированной шелком кроватью был турецкий водопровод. В воздухе висел тяжелый аромат экзотического свойства. Все это напомнило мне цыганский табор, где мне однажды за плату гадали по руке. Сильно напомаженная цыганка была тогда сверхизобретательна на мой счет. И все же здесь было что-то большее, чем тогда. Петерс был прав. Я почти угадывал призрачные видения за ее спиной.

- Чем можно объяснить особенность Вальдемара? - спросил я.

- Я думаю, что на своем смертном одре, - пояснила она, - он стал участником сеанса месмеризма. Его существование приостановлено точно на переходной грани между жизнью и смертью. Поэтому он и получил уникальную способность проникать в суть событий. Но требуется исключительно опытный месмерист, чтобы контактировать с ним, так как он постоянно пытается уйти в темноту недостижимости.

- И вы, очевидно, именно такой специалист?

Она кивнула.

Я думаю, что уже чувствовал дважды на себе силу вашего воздействия.

- Вполне возможно, - сказала она. - Заканчивайте ваш тоник, и я покажу, как это делается.

Я выпил остаток, поставил стакан в сторону.

- Эта смесь не очень-то на меня подействовала, - заметил я.

- Это довольно легкий напиток, - ответила она.

- Я думал, что вы дадите мне более сильное средство.

- Нет, вы попросили чего-нибудь более сильного. Этим и будет лечение.

Она подняла руки. Казалось, что они излучают искорки. И снова. Я почувствовал теплый пульс, слабое покалывание во всем теле.

- Тоник - не что иное, как подготовка.

- Какого рода лечение вы собираетесь провести?

- Я не знаю точно, - сказала она, - что надо делать в вашем случае.

А что вы сами хотели бы?

- Я хотел бы ненадолго избавиться от самого себя.

Она улыбнулась, вытянула руки вперед, опустила их. Меня словно внезапно окатила очень теплая волна. Я откинулся назад в своем кресле и полностью расслабился. Она была доверенным лицом Элисона и знала, что я был нужен ему. Она опять сделала пассы, и я попытался еще более полно расслабиться, позволяя ощущениям пронизывать меня насквозь. Ни одна цыганка ничего подобного со мной не делала.

В то время как первые несколько пассов произвели бодрящее действие, следующие стали более успокаивающими. Создавался эффект отстраненности между моим сознанием и телом. Потом я понял, что мысли стали затормаживаться. Но наряду с этим мной овладела эйфория, поэтому я уже не мог противостоять летаргическому полубытию.

Ее руки медленно двигались вокруг меня.

- Я собираюсь вызвать у вас очень глубокую релаксацию, - сказала она. - Когда вы проснетесь, то почувствуете себя совершенно отдохнувшим.

Я уже собирался ответить, но потом показалось, что не стоит тратить на это усилия. Она снова сделала пассы, и я уже больше не ощущал своего тела. Кроме глаз. Казалось ужасно обременительным держать их открытыми. Я закрыл глаза. Почувствовал, как снова двигались тени ее рук. А потом я начал уходить: парение... яркая белизна... скольжение... снег... падение...

... Внезапно голова стала тяжелой, заболел живот. Я поднял руки, чтобы помассировать виски. Открыл глаза. Я лежал в постели, обложенный подушками. Потертое одеяло закрывало меня до пояса. Когда я опустил руки, они слегка дрожали. Где-то за окном пел дрозд. Огля-

девшись вокруг, я увидел, что нахожусь в маленькой и довольно запущенной комнатке. Что произошло? Не могу вспомнить, как я попал сюда...

На столике рядом с кроватью была записка. Я взял ее. Она была адресована По. Еще более озадаченный, я прочитал ее в надежде найти ключ к разгадке того, что происходило:

Ричмонд, 29 сентября, 1835г.

Дорогой Эдгар,

если бы я мог излить перед тобой душу в тех словах, которые подобают данному случаю, я бы сделал это. И поэтому вынужден говорить с тобой на своем простом языке.

Я твердо верю, что ты искренен в своих обещаниях. Но, Эдгар, если ты опять пойдешь по этому пути, боюсь, что все твои намерения пропадут зря, и ты опять начнешь попивать, пока это не лишит тебя здравого рассудка. Положись на собственные силы, - и ты выберешься! Обратись к своему хозяину за помощью, - и ты спасен!

Как сожалел я, расставаясь, что ты никому не известен на этой земле, кроме меня. Я был привязан к тебе, - и сейчас еще привязан, - и с радостью бы вернулся, если бы не боялся новой скорой разлуки.

Если бы ты мог заставить себя поселиться в моей семье или в любой другой семье, где не выпивают, то можно было бы еще надеяться. Но если ты будешь ходить в таверну или в любое другое место, где это подают на стол, ты не убережешь себя. Говорю это по собственному опыту.

У тебя большой талант, Эдгар, и ты должен добиться уважения для него и для себя. Учись уважать себя, и вскоре поймешь, что тебя уважают другие. Навсегда расстанься с бутылкой и своими друзьями по выпивке!

Дай мне знать, можешь ли ты это сделать и твердо ли это решение, не поддашься ли ты искушению.

Если бы ты опять захотел приехать в Ричмонд и снова стать моим помощником, ты должен раз и навсегда понять, что все обязательства с моей стороны будут расторгнуты в тот момент, как ты напьешься.

Только пропащий человек пьет перед завтраком! Не может такой человек хорошо исполнять свое дело.

Я серьезно думал о рукописи статьи и пришел к заключению, что лучше всего будет не печатать ее в ее настоящем виде. Я бы вовсе не удивился, если бы, в случае публикации, Купер стал бы преследовать меня за клевету.

Вот уже три дня, как она набрана для печати, и столько же дней я решал этот вопрос.

Твой верный друг,

Т.У.Уайт.

Я уронил письмо. Не припомню, чтобы когда-нибудь испытывал такую слабость. Тем не менее, я взял себя в руки, встал, прошел через комнату к небольшому зеркалу и стал себя изучать: мое лицо и все же - не мое. Обрюзгшее, с воспаленными глазами. Я снова растер виски. Значит, бедняга По слишком многопил, и вот как он себя чувствовал.

Каким же образом я переселился в его тело?

Вспомнил Лиги, делающую пассы надо мной, Вальдемара, Петерса, Элисона. И мою последнюю встречу с По. Думал ли он, что Энни умерла? Могло ли это послужить причиной его теперешнего плачевного состояния?

Если это было так, нельзя ли изменить все к лучшему, написав ему послание? Я посмотрел вокруг в поисках карандаша.

- Эдди, - донесся голос пожилой женщины из соседней комнаты. Я решил не отвечать. - Эдди! Ты встал?

Вот. На столике у окна. Ручка. Чернильница. Я торопился. Бумага. Бумага...? Он работал в журнале, где-то должна быть бумага. В шкафу нет...

- Может быть, выпьешь чаю, Эдди?

Ага! В нижнем ящике стола. Я придвинул единственный в комнате стул, уселся на него. Как начать? Пожалуй, лучше всего обратиться к тому, что нас объединяет, - Энни.

"Сколько раз девушка является в видениях", - написал я. И вдруг силы покинули меня. Я положил ручку. С трудом смог поднять голову. Я услышал, как за спиной открылась дверь. Любопытство подсказывало, чтобы я обернулся, но я был слишком слаб, чтобы сделать это. Я тяжело опустился вниз.

- Эдди! - услышал я ее крик.

Я уже снова терял себя, уходя, уплывая куда-то. Ее голос удалялся. Тело мое обмякло и все вокруг стало серым. Потом, жизнь как бы вновь зашевелилась во мне и на глаза набежали тени.

Прошло еще много времени, прежде чем я вздохнул и посмотрел вверх. Надо мной было лицо Лиги, брови вытянуты в одну линию, что означало выражение удовлетворения, в то время как она изучала меня.

- Как вы себя чувствуете? - спросила она.

Я тряхнул головой и похлопал себя по животу. Неприятные ощущения пропали.

- Прекрасно, - сказал я, потягиваясь. - Что произошло?

- Вы не помните?

- Я помню, что был где-то в другом месте, в чужом теле.

- В чем?

- Эдгара Алана По.

- Того, о котором вы спрашивали монсеньора Вальдемара?

Я кивнул.

- Мы проделали обратный путь. И держу пари, что он был здесь, в моем теле, пока я находился у него.

Теперь была ее очередь утвердительно кивнуть.

- Да, - сказала она, - и он был похож на наркомана, пьяного или сумашедшего. Было не просто удержать над ним контроль и отправить обратно.

- Почему именно он оказался на моем месте? И часто ли происходят подобные перемещения?

- Я в первый раз наблюдала что-нибудь подобное. Это был очень странный человек. У меня было чувство, словно я разбудила какие-то темные силы.

Я уже решил, что для одного утра впечатлений уже достаточно, и не стал спрашивать о ее опыте в области темных сил.

- Он спрашивал об Энни, - продолжала она, - и говорил что-то о струнах своего сердца, звучащих как лютня. Если он не сумашедший, тогда, должно быть, поэт. Но меня интересует, в котором из вас заключено то, что привело к такому перевоплощению.

Я пожал плечами.

- Подождите. Разве монсеньор Вальдемар не говорил, что вы - одно и то же лицо? - спросила она. - Это могло бы объяснить сущность явления.

- Как всякая метафизика, такое объяснение не имеет практической ценности, - сказал я. - Я не сумашедший и не поэт. Мое сердце - не музыкальный инструмент. Я просто попал не в тот мир. Думаю, что бедный Эдди По - тоже. Не знаю, как это произошло, но думаю, что не последнюю роль играет в этом человек, которого мы преследуем.

- Руфус Грисуолд?

- Думаю, что да. Да, именно так. Вы его знаете?

- Однажды мы встречались, в Европе. Это было давно. Он опасный соперник в особенном, высоком смысле, как впрочем и в обычном качестве.

- Он, как я понял, немного алхимик?

- Более того, он знаток черной магии того направления, которое мне не известно.

- Элисон думает, что он вмешался каким-то образом в наши отношения с По и Энни, чтобы добиться того положения дел, которое существует сейчас. Используя Энни как связующее звено, он может перемещать нас из привычных нам миров.

Она вытянула руки вперед и встретила со мной взглядом.

- Не знаю, - сказала она. - Но нахожу эту идею занимательной. Вы мне позволите попытаться узнать об этом чуть больше?

- Пожалуйста.

Я встал.

- Однако..., - сказала она.

- Да?

- Я бы хотела каждое утро, приблизительно в это время, спрашивать монсеньора Вальдемара. Привычка ему не повредит.

- Так ли это?

- Даже покойникам нужны устойчивые навыки в работе, - объяснила она. - И думаю, что вы как глава экспедиции должны присутствовать на этих сеансах.

- Думаю, что должен, - согласился я, - к сожалению.

Я направился к двери, остановился у порога.

- Спасибо... за все, - сказал я. - До встречи за завтраком.

Она покачала головой.

- Мне всю еду подают сюда. Но буду рада, если иногда вы составите мне компанию.

- Иногда, - сказал я и вышел. Проход передо мной внезапно наполнился белым огнем.

- Comment? - услышал я голос Лиги, доносящийся издали, как раз перед тем, как захлопнулась ее дверь.

- Сюда, Перри, - позвал знакомый голос. - Пожалуйста.

Это был голос единственной женщины, ради которой я бы пошел в огонь. Я сделал шаг вперед. Но даже живые иногда могли бы позволить себе немного отдыха и покоя, подумал я, на мгновение позавидовав Вальдемару.

Часть IV

... И я бросился вниз по коридору огня, похожему на туннель из расплавленного серебра или тающую ледяную пещеру. Энни звала, и казалось, что она где-то рядом, всего в одном пролете от меня. Но я повернул, взобрался наверх, снова повернул за угол и ... только яркое мерцание, почти пульсация. И опять казалось, что она где-то совсем рядом, но не ближе. Я опять поднялся наверх.

- Энни! - прокричал я наконец. - Где ты?

- Там же, где и всегда, - ответила она неожиданно более высоким голосом. - На побережье.

- Я не могу найти тебя. Мне кажется, я заблудился, - крикнул я.

Внезапно пламя расступилось. На мгновение я унесся назад, в давно прошедший день. И не казалось необычным, что Энни, еще маленькая девочка, стояла возле кучи из веток кустарника, держа в руке сверкающую раковину, а позади нее справа виднелась полоска волновавшегося океана.

- Энни! Что случилось? - воскликнул я.

- Это Эдди, - сказала она. - Эдгар Алан...

- По.

Она нахмурилась, потом кивнула. - Да, - согласилась она. - По тоже. И он отказывается от нас. Он уходит, и это ранит.

- Не понимаю. Что могу сделать я? - спросил я.

- Поговорить с ним. Сказать, что мы любим его. Сказать, что мы существуем. Сказать...

Пламя снова сомкнулось, пряча ее от моего взгляда.

- Энни!

- Я не могу больше оставаться! - едва донеслось до меня.

- Как мне помочь тебе? - крикнул я.

Я почувствовал, как что-то шевельнулось у меня в руках, потом земля заходила под ногами, плечи словно опутали веревками, а языки белого пламени касались меня наяву.

- Энни!

Я словно бы услышал начало ответа, но это оказался всего лишь крик птицы. Впрочем, это мог быть и удар грома, знаменовавший собой коренные перемены. Мгновенно пламя оказалось полотнищем паруса, полоскавшего на ветру, то, что трепетало у меня в руках, было канатом, ведущим к ближайшей мачте. Ноги мои стояли на

другом канате, который вибрировал подо мной, послушный качке судна. От высоты, на которой я оказался, мне стало не по себе, и рука моя еще сильнее вцепилась в канат. Я всегда побаивался высоты, и оказавшись в это ветренное, возможно предгрозовое, утро в таком положении, я основательно встревожился.

Кудахтающий звук привлек мое внимание, и я посмотрел налево. Эмерсон свесился ко мне, уцепившись за мачту, вытянул лапу и взял меня за руку. Доверившись силе зверя и доброте его намерений, я медленно ослабил руку, державшую канат, и разрешил подвести себя к мачте и спустить по ней. Наконец я достиг более твердой почвы под ногами в виде деревянной перекладки, встал на нее и не выпускал мачты из рук до тех пор, пока не прошло ужаснейшее головокружение. Я поблагодарил Эмерсона, который, должно быть, понял, что мне уже лучше, потому что отпустил меня и удалился. Вниз я спускался медленно, размышляя с беспокойством над тем, какой оборот могли принимать мои детские видения.

- Мистер Перри, - услышал я знакомый голос. - Я поражен, с какой тщательностью вы исполняете обязанности главы экспедиции. Если бы я знал, что вы хотите проверить судно, был бы только счастлив дать вам гида или провести вас сам. Никогда не думал, что сухопутный человек может проявить такое усердие в морских делах.

Я сцепил руки за спиной, чтобы скрыть дрожь, и медленно кивнул.

- Ну, что вы, спасибо, капитан Гай, - ответил я. - Вряд ли это можно назвать проверкой, - скорее, простое удовлетворение любопытства. Хотелось посмотреть на все сверху.

Он улыбнулся.

- Очень благоразумно. Надеюсь вы были удовлетворены тем, что увидели.

- Разумеется. Очень впечатляет.

- Я собирался послать вам приглашение, сэр, ко мне на ленч. Жду вас в моей каюте после восьми склянок; мы сможем немного лучше узнать друг друга и обсудить наш маршрут.

- Неплохая идея, - согласился я. - Спасибо. До встречи.

Я вернулся в каюту, чтобы немного прийти в себя и поразмыслить. Я растянулся на большой кровати, закинул руки за голову, отстраненно стал смотреть на сосуды стоящие на лабораторном столе в конце комнаты, забавляясь мыслью о том, что рядом за стеной лежит Вальдемар. Я также вспомнил события нескольких последних дней, когда время моей жизни перешло к стремительному ускорению. Я дремал, а в голове роем проносились вопросы, разрешенные, неразрешимые или трудноформулируемые. Что это за сила и где она находится, с помощью которой наши враги могли таким образом перемещать По,

Энни и меня из одного мира в другой? Как велика сила Лиги? И самое главное для меня, - почему мои встречи с По и Энни, которые были случайными на протяжении всей моей жизни, вдруг изменили свой характер, частоту и интенсивность? С самого начала не понимая их механизма, я хотел разгадать эти новые черты. Взять хотя бы последний случай, когда я повис на снастях. Он озадачил меня больше всех. В наших встречах мы всегда были одного возраста. Неужели само время управляло манипуляциями? А если так, почему это происходило с нами так неожиданно?

И, когда все уже как-будто стало проясняться, я уснул. А когда проснулся, то не мог вспомнить ответов. Корабельная рында разбудила меня. И так, как я не был уверен, сколько раз она прозвонила, я вышел выяснить это.

Около кают-компания я встретил Дика Петерса, курившего сигару. То и дело Эмерсон, который примостился в тени, высказывал, брал сигару, затягивался и возвращал ее обратно.

- Да, мистер Эдди, пробило восемь склянок, - сказал Петерс, - и если вы ищите каюту капитана, то она вон там. Он сделал жест дымящейся сигарой, которую Эмерсон с находчивостью позаимствовал.

- Вот эта дверь?

- Следующая, - ответил он. - Я слышал, вы запутались в снастях и с трудом оттуда выбрались.

- Думаю, это часть правды, - сказал я, отказываясь интересоваться, не Эмерсон ли это ему сказал.

Он засмеялся.

- Побегу, - сказал я. - Спасибо.

Волосатая рука помахала мне вслед сигарой.

Капитан Гай гостеприимно принял меня, подняв за мое здоровье миниатюрный бокал вина. Как только стол был накрыт и все подано, служанка ушла, и мы остались одни.

- Мистер Перри, - сказал он, вновь наполняя бокалы, - я решил провести вас по судну сразу после нашего ленча.

- Что вы, спасибо, сэр. Не стоит.

- Исключительно для моего удовольствия, уверяю вас. Мистер Элисон сказал, что в нужный момент вы обеспечите нас информацией о ходе следования судна.

- Да, - согласился я, когда он приступил к еде. Он внезапно исподлобья взглянул на меня, и я добавил:

- Надеюсь, в этом смысле затруднений не будет.

- А вы уже познакомились с загадочным монсеньором Вальдемаром?

- Да, познакомился.
- Он, похоже, большой специалист в расчетах, не так ли?
- Не могу сказать. Мы не касались этого в нашем разговоре.
- О, - заметил капитан. - Я предполагал, что он использует сложные формулы, чтобы вычислить путь следования другого корабля.
Я покачал головой.

- Нет, - сказал я, приступая к еде.
- Мистер Элисон перед своим отъездом обращался к нему, - сообщил Гай. - Он информировал меня, что место назначения корабля находится в Южной Европе. Он также сказал, что по мере необходимости вы дадите более детальные сведения.

- Да, - ответил я.
- Монсеньор Вальдемар в чем-нибудь нуждается?
- Нет, я в этом уверен.
- Ему не подают в каюту никакой еды.
- Думаю, у него своя диета. Лиги заботится о нем.
- Понимаю. Дайте мне знать, если им что-нибудь потребуется, хорошо?

- Конечно.
- Очень интересный человек. Должно быть, ему есть что рассказать.

- Думаю, что да, хотя еще есть надежда его услышать.
Мы ели какое-то время в молчании, потом он спросил: - Есть какие-нибудь новые указания по курсу следования?

- Когда они вам потребуются?
- Еще не очень скоро.
- Дайте мне знать, и если к этому времени их у меня не будет, я постараюсь получить их.

Он еле заметно улыбнулся и перевел разговор на морские и метеорологические темы. Потом он сдержал свое слово и устроил мне экскурсию по кораблю.

В эту ночь я долго наблюдал шторм. Он ревел и выплескивал искры молний на своем пути с Юга. Я стоял на главной палубе, надо мной в ясном небе было божественное множество звезд. Шторм пришел, шагая по воде, как гигантское сверкающее насекомое. Ему предшествовал прохладный бриз, и внезапно волны стали выше, их удары в борт корабля более сильными. Еще немного, и корабль стало качать, раскаты грома стали ближе. Звезды утонули в луже пролившихся чернил и лицо морской бездны освещали непрерывные вспышки. Ин-

тересно, был ли сейчас шторм и там, где бедный По писал или редактировал, находясь под воздействием алкогольной депрессии, которая служила ему плохую службу. Потом ослепляющая вспышка возникла прямо над головой, за ней тут же последовал раскат грома. Сильный дождь застучал по палубе, и я поспешил под лестницу, наполовину промокнув, пока добежал.

В последующие несколько дней я выполнил свое обещание посетить Вальдемара по утру. Лиги открывала его гроб, похожий на контейнер для вина и, опуская бесполезные теперь атрибуты таинственности, ставила несколько тонких свечей или масляную лампу для освещения, которые отбрасывали неверные тени, блуждающие по восковым чертам. Лиги приступила к делу, выполняя месмерические пассы, пока не слышался первый стон, вздох, мольба, кашель, свидетельствующие о том, что нам опять удалось добиться его внимания. Обычно в этих случаях я чувствовал прилив энергии, как-будто поток воды проходил через все тело. Потом мы обменивались приветствиями:

- Во имя бога, отпустите меня! Я умер, вы понимаете? Неужели в вас нет сострадания? Освободите меня.

- Какая сегодня будет погода? - спрашивал я.

- Солнечно. Ветер юго-западный. Тридцать узлов. Вечером кратковременные ливни. О, о-о, агония!

- Небольшой дождь никогда никому не вредил, - заметила Лиги.

- Вам удалось сузить радиус местонахождения Ван Кемпелена?

- Франция или Испания. Сейчас не могу сказать больше. Я ухожу, я замерзаю, разорвите эту связь между духом и плотью!

- Что стало с королевством Нидерланды? Вы упоминали об этом, когда я спрашивал в прошлый раз.

- Эта возможность уже упущена. Говорю вам, что я мертв.

- Я тоже с утра не очень-то хорошо себя чувствую. Знают ли Грисуолд, Темплтон и Гудфелло, что мы преследуем их?

- Конечно да. Ой! Ой! Ой!

- Могут ли они разрушить наши планы?

- Думаю, что это возможно, хотя точно не могу сказать об их намерениях. Они еще не предприняли никаких шагов, чтобы причинить вам вред.

Его нижняя челюсть отвисла, обнажив длинные желтые зубы и провалившийся чернеющий язык.

- Быстро! Быстро! Усыпите меня или разбудите! Быстро, говорю вам! Говорю же вам, что я мертв!

- Ну тогда спите, - сказала Лиги. Сделала несколько пассов и закрыла крышку.

В другой раз мы обсуждали различные вопросы:

- Доброе утро, Монсеньор Вальдемар, - говорила она. - Как вы себя чувствуете сегодня?

- О-о! Агония...!

- Я спрашивал о том, что касается альтернативных миров, - сказал я. - У меня создалось впечатление, что их очень много, и каждый из них хотя бы чуточку - или очень сильно - отличается от другого.

- И вы не заблуждаетесь. Освободите меня, молю! Позвольте мне жить! Или умереть! Но только не этот двойственный кошмар!

- Меня также интересует, как осуществляется перемещение человека из одного такого мира в другой.

- Во-первых, необходимо обнаружить совершенно одинаковых людей в разных мирах, которые создают между собой нечто вроде резонанса.

- Как можно обнаружить таких людей?

- С помощью специального индикатора. Прошу...

- Дайте описание такого индикатора.

- Человек, который не живет, но и не умер... а на грани... может быть нацелен на то, чтобы расширить свои знания... таким образом...

- Это подозрительно похоже на описание вашей собственной персоны.

- Это так.

- Вы пытаетесь сказать, что принимали участие в нашем перемещении?

- Нет. Я всего лишь подобрал подходящих людей.

- Вы нашли По, Энни и меня для Грисуолда и компании?

- Да, нашел.

- Как?

- Это не поддается описанию. Только опытным путем. Пожалуйста...

- Уложите его снова спать, леди.

И потом, опять, ужасным пасмурным днем, когда море покрылось белыми барашками, а палуба выделявала бог знает что под ногами:

- Доброе утро, монсеньор Вальдемар. Как дела?

- Молю, освободите мой дух, леди, и передайте морю эти бранные останки.

- Мистер Перри хочет вас кое о чем спросить.

- Хотел бы быть кратким, Вальдемар, но то, что вы сказали накануне, заставило меня задуматься. Если команда Грисуолда использо-

вала вас, чтобы нас обнаружить, то, что они использовали, чтобы переместить нас физически из одного мира в другой?

- Для этого потребовался человек необычайных возможностей, который бы мог создать некое метафизическое пространство, просто землю, где вы трое смогли бы встретиться...

- Энни? Вы нашли нас, а Энни была вынуждена произвести перемещение?

- Именно так. Если бы вы, дорогой сэр...

- У меня больше нет к вам вопросов.

Лиги взмахнула руками.

- Удачного вам дня, монсеньор.

Когда она закрывала крышку, корабль качнуло, и крышка с шумом захлопнулась.

- Не возражаете против чашечки чая или напитка из трав?

- Думаю, что нет.

И на следующий день.

- С добрым утром, монсеньор Вальдемар.

- Если печаль живет в твоей душе...

- Рада, что вы говорите так отчетливо. Эдгар хочет еще кое о чем вас расспросить.

- Да,- сказал я.- Не понимаю, как можно было заставить Энни исполнять то, что было во вред ей самой.

- Она была вынуждена делать это по указке доктора Темплтона, искусного месмериста.

- И все же я не понимаю. Если ее собственные способности в этой области так велики, как может менее сильный практик контролировать ее? И если на деле он сильнее, зачем тогда она?

- Их способности также равны, как свеча и небесное светило, если их сравнить. И все же он может влиять на нее через наиболее уязвимое время - ее детство.

- Как он может делать это?

- Как только она была вычислена, был применен индикатор, который передавал месмерическую энергию доктора Темплтона в нужную точку на линии ее жизни.

- И это вас они использовали, чтобы фокусировать на нее эту энергию?

- Это так.

- А время, само по себе, может являться таким носителем?

- Время - это космос или бесконечность среди миров. И прошлое более доступно, чем будущее.

Я почувствовал, что качнулся, но на этот раз это был не крен судна. Я вытянул руку, чтобы опереться на гроб, но рука соскользнула, и я ударил его по плечу. Оно было твердое, как дерево.

- Ударяя мертвого человека, вы ничего не достигнете,- заметил он.

- Это случайность,- сказал я.- Извините.

Мое воображение рисовало образы счастливых играющих детей; и уже формулируя этот сложный вопрос, я мог предвидеть его односложный ответ:

- Вы говорите, что доктор Темплтон, действуя через вас, заставил Энни создать условия, которые повлияли на наши три жизни в точке, которая была наиболее благоприятной для этого, не так ли?

- Да.

- Три жизни стали игрушкой из-за жадности этих людей.

Ответа не было, но я понял, что это не было вопросом.

- Все для того, чтобы сейчас держать здесь Энни и отслеживать изготовителя золота и его секрет?

- Пока,- ответил он,- она инструмент для этого.

- Что вы имеете в виду, говоря "пока"?

- Вскоре им потребуется много денег. Поэтому Энни - пока - инструмент. Потом - ее будут использовать для других целей.

- Каких целей?

- Ее сила будет отделена... от ее личности... чтобы служить ингридиентом - в Великом Деле.

- А что станет с ее личностью?

- Она будет принесена в жертву.

- Не может быть, чтобы вы говорили это серьезно.

- Не может быть, чтобы я говорил иначе,- ответил он.- Сэр! Я повторяю! Вы ничего не добьетесь, ударяя мертвеца! Освободите меня!

- Идите к дьяволу!

- С этим я уже знаком.

Я почувствовал руку Лиги на своей.

- Успокойтесь,- сказала она.

Приходя в себя, я понял, что уже наполовину вытащил покойника из гроба и тряс его. Другой рукой Лиги провела мне вдоль позвоночника вниз, и я почувствовал, как теплое течение прошло сквозь меня. Я отпустил Вальдемара.

- Да,- сказал я.- Да.

Она закрыла его и увела меня.

И все же на следующий день я вернулся, поскольку его ответы были пищей для новых вопросов:

- Bonjour, Monsieur Valdemar.

- Леди, с вами говорит узник Дома Скорби...

- В таком случае, я уверена, что вы не будете против маленького беспокойства. У Эдди есть к вам еще несколько вопросов.

- Да, - сказал я. - Мне не пришло в голову спросить об этом раньше, но как ваши... хм... останки оказались собственностью мистера Элисона, если, судя по вашим рассказам, ими владел Грисуолд?

- Однажды ночью, не так давно, мистер Петерс и Эмерсон смогли тайно похитить меня.

- Знает ли Грисуолд, что вы у нас?

- Да.

- И он не предпринял ничего, чтобы вернуть вас?

- Я ему больше не нужен, поскольку у него есть Энни.

- Она может делать то, что вы?

- У нее нет такого уникального перспективного видения, но она может удовлетворить его особый интерес к астральному интеллекту.

- Как ему, для начала, удалось найти человека в вашем состоянии?

- В добром здравии и здравом рассудке.

- Я не понимаю.

- Вы спросили, как он нашел меня?

- Тогда, что изменило вас?

- Он изменил.

- О-о. Вы имеете в виду...

- Он довел меня до состояния смерти, потом приостановил процесс, поместив меня сюда.

- Извините. Я не совсем понял.

- Тогда освободите меня. Позвольте мне умереть.

- Я не могу. Вы нам нужны.

Я закончил и оглянулся.. Лиги вернула его туда, куда он уходил между сеансами, и мы задули свечи.

- Кофе? Чай?

- Да.

Прошло три дня, прежде чем я приблизился к нему вновь. Я наблюдал, как бури приходили и уходили, читал некоторые книги Элисона и забавлялся его очаровательным алхимическим оборудованием. Я даже пошел к капитану Гаю, заставил его открыть свой арсе-

нал и дать мне саблю. Сначала я тренировался в своей комнате, потом - наверху, в те редкие часы, когда палуба была совершенно пуста. Я любил работать на свежем воздухе, мне необходимо было поупражняться, и, кроме того, как заметил мой благодетель, это навык, который стоит восстановить. И вот я колол и рубил под случайные аплодисменты Эмерсон.

Однако, все эти занятия не могли надолго остановить мыслительный процесс; и мы с Лиги открыли гроб опять. Свечи зажжены, месмерические токи пошли. Вскоре несколько стонов просигнализировали о том, что контакт установлен:

- Доброе утро, монсеньор Вальдемар.

- Есть хоть шанс умереть мне сегодня? - спросил он.

- Боюсь, что нет, - ответил я. - Но, постараюсь быть кратким. Сначала главный вопрос. Из того, что вы сказали в прошлый раз, мне было не понятно, Энни ли установила связь между По и мной.

- Нет, - ответил он. - Я только определил, где находится человек ее потенциала, который уже был частью этой связи. Потом доктор Темплтон заставил ее создать ваше царство у моря.

- Точность, сэр, при расчете таких причудливых связей должна быть астрономической.

- Это не играет большой роли, когда вы выбираете из бесчисленного множества вариантов.

До этого самого момента я не ценил теорию бесконечности, предмет, который позднее займет все мои мысли. Не в добрый час, но любопытство заставило меня сделать еще шаг вперед:

- Как может человеческий мозг управлять бесконечностью?

- Умерший может видеть это из убежища вечности, - ответил он. - Говоря о которой...

- Нет. Не сейчас, - сказал я. - Я не собираюсь обсуждать с вами радость смерти.

- Эдди? - сказала Лиги, делая ударение на втором слоге.

- Да? - ответил я.

- Вы имели возможность некоторое время наблюдать, как я делаю свое дело, а я достаточно долго наблюдала за вами. Вы не так восприимчивы к алкоголю или месмерическим воздействиям, как те, кто принадлежит этому миру. С другой стороны, для того и для другого у вас огромные возможности.

- Что вы имеете в виду?

- Было бы интересно научить вас азам системы, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Мы могли бы начать с того, чтобы вернуть монсеньора Вальдемара к состоянию покоя.

- Я не уверен, что готов одобрить...- начал Вальдемар.
- Тихо!- сказала она, беря меня за руки.- Что вы знаете о предмете?

- Я...

Наш первый жест успокоил его; я почувствовал слабые токи.

- Хорошо,- сказала она.- Вам, действительно, стоит попробовать.

Я так и сделал. И хотя мои усилия на протяжении нескольких последующих дней увенчались некоторым успехом, они сопровождались разрушительными побочными эффектами. А именно: как только я начинал использовать силы магнетизма, как она мне подсказывала, со стен и изнутри их, сверху и снизу раздавались звуки, похожие на стук, мебель вокруг начинала падать, а мелкие предметы имели обыкновение приподниматься или разбиваться на месте.

- Пора, пожалуй, прекратить это занятие,- сказал я на третий день.- Слишком много беспорядка.

- Это естественно для мира, из которого вы пришли,- ответила она.- Но, действительно, опасно продолжать эксперименты на борту корабля. Океан глубок.

Итак, я усмирил свой магнетизм и мы вернулись к прежним методам. Как раз на следующий день Вальдемар сообщил, что поле возможных поисков сузилось. Нашей целью должен стать Париж.

* * *

... И обстоятельства его смерти были столь же загадочны, как события в одном из его рассказов, где дело этим не закончилось. Он был похоронен на пресвитерианском кладбище в Балтиморе на участке семьи По. На его могиле не было имени, стоял только номер 80, которым ее пометил кладбищенский сторож. Несколькоми годами позднее двоюродный брат Эдгара, Нельсон По, заказал для него могильный камень. Но камень был уничтожен товарным поездом, который въехал в мраморную мастерскую, где выполнялась гравировка. С тех пор никто этим не занимался, пока не стало слишком поздно что-либо сделать. Номер 80 был утерян, а потом время и превратности судьбы сделали с участком семьи свое дело.

В то время как, никто точно не знает, где же все-таки находится его тело, существует памятник Эдгару Алану По; и, как правило, накануне дня рождения о нем вспоминают. У подножия может появиться бутылка виски, а также цветы и прочие случайные молочки. Некоторые его земляки считали По другом дьявола. Джеймс был с этим не согласен, но он всегда был немножко паршивой овцой. Как говорили некоторые, По - это один из тех писателей, которые занимают особое место в литературе, а не главное место.

Это произошло в том же году. Но больше он не брал в рот ни капли.

Часть V

Наконец настала ночь, которая потревожила мой сон. Я беспокоился, вскакивал в полузабытьи и, казалось, даже в какой-то момент слышал звуки ноябрьского шторма. Мои сны были болезненным набором людей и мест, уходящих в никуда. Незаметно для меня буря затихла. На время я впал в забытие и оно было сладким...

Я обнаружил себя уже сидящим; прислушивался, искал призраков, ожидал, когда неведение рассеется, не понимая что за странный зов заставил меня проснуться. Казалось, будто я чувствую чье-то присутствие. Но мои глаза уже совершенно привыкли к темноте, и лунный свет струился сквозь иллюминатор, однако, я не видел никого.

- Кто здесь?- спросил я, спуская одну ногу с кровати. Встав на колено, я вытащил лежавшую внизу саблю. Никто не ответил.

Тогда я заметил блик на стене около предметного столика. Я поднялся, приблизился и остановился, когда понял, что это было всего лишь небольшое зеркало в металлической оправе, которое висело там. Должно быть, угол падения лунного света был как раз такой, что зеркало его усиливало.

Я решил обследовать свой гардероб. Убедившись, что злые силы не притаились в складках моей одежды, я вновь приблизился к зеркалу, чтобы посмотреть получше.

Однако, это не был эффект отражения лунного света. В зеркале был виден туманный полуденный пляж, на фоне которого отражение моего лица было бледным призраком. Юная Энни, какой я увидел ее впервые, стояла возле одного из наших песочных замков. Теперь я понял, что зов, который разбудил меня, исходил от нее - Эдгар! - казалось, эхом повисло под туманными сводами памяти.

- Энни!- сказал я.- Я здесь!

Но она не обратила внимания. Я продолжал вглядываться, но не мог придумать ничего, чтобы дать ей знать о моем присутствии. Потом справа от нее сквозь туман, который плотно окутывал берег, я увидел фигуру приближающегося человека. Это был мужчина, который медленно, нетвердой походкой двигался к ней.

Она повернулась в направлении к нему. Еще перед тем, как он показался в поле зрения, я был уверен, что это - По. Но его необычного внешнего вида я предвидеть не мог. На нем была тонкая не по плечу рубашка и брюки большого размера. Он запылился и покачивался, тяжело опираясь на коричневую трость. Его лицо выглядело гораздо

старше, чем мое сейчас, черты поблекли, глаза блуждали. Вначале я решил, что он пьян. При более тщательном изучении, однако, изменил свое мнение. Он был, очевидно, болен.

Выражение его лица скорее свидетельствовало о лихорадочном и бредовом состоянии, чем об опьянении. Энни бросилась навстречу ему, но он двигался, как будто не замечая ее присутствия. Когда она взяла его за руку, он упал внезапно на левое колено, ужасным взмахом своей трости разрушив несколько башен и продырявив стену замка. За короткое время он совершенно разрушил их. Потом он встретился взглядом с Энни. Она бросилась поднимать его, но он с трудом поднялся сам. Вновь оказавшись на ногах, он продолжал свой путь, направляясь, казалось, прямо на меня. Энни следовала за ним, и хотя я видел по движению ее губ, что она что-то говорила, но слова не были мне слышны. Он подходил ближе, ближе. Казалось, он смотрит мне прямо в глаза. Я чувствовал его взгляд...

Еще мгновение, и его тело как бы вышло из стены, а лицо - из зеркала, а он продолжал свое движение вперед, без какого-либо беспокойства по поводу своего перемещения. Его взгляд скользнул мимо меня.

- Эдгар!- позвал я.- По! Старый друг! Приди в себя! Постой. Мы хотим помочь тебе

Он встал, он обернулся, он посмотрел.

- Демон!- воскликнул он.- Наваждение! Зачем ты преследуешь меня все эти годы?

- Я не демон. Я твой друг - Перри. Энни и я хотим помочь тебе...

Он застонал, повернулся и снова пошел. Я сделал шаг к нему как раз в тот момент, когда он достиг отражения лунного света. Свет прошел сквозь него, словно он был сделан из тончайшего стекла. Он поднял руку, глядя на нее, глядя сквозь нее.

- Мертв... и обращен в приведение,- сказал он.- Я уже дух.

Сейчас я позову Лиги и ...

- Мертв,- повторил он, не обращая на меня внимания.- Но разве может дух так скверно чувствовать себя? Я болен.

Я сделал еще шаг к нему.

- Позволь мне попробовать... - начал я.

Но он опустил руку и исчез, как задутая свеча.

- По!- крикнул я.

Пустота. Я повернулся спиной к зеркалу; теперь оно было черным.

- По...

Утром я спросил себя, какая часть ночных событий была сном. Потом заметил, что моя правая рука сжимала саблю. Я подошел к зеркалу и посмотрелся: мое удивленное лицо - вот и все, что я там увидел. Интересно, не это ли зеркало Элисон использовал в своих алхимических опытах; а если это так, то не это ли делало его подходящим проводником для сил, вызвавших ночные события.

Позднее, во время обычного сеанса с Вальдемаром, я спросил его, в каком состоянии находились в настоящее время связи между Энни, По и мной.

- В таком же, в таком же, как всегда, - ответил он.

- Тогда я не понимаю, - сказал я. - Сейчас происходит не так, как раньше. Должно быть, что-то случилось.

- Да, - ответил он. - Но связь осталась прежней. Изменился характер происходящего.

- Тогда, что является причиной этого? - Энни погружена в наркотический дурман и месмеризм. Они вмешиваются в ее восприятие, искажают направление ее импульсов.

- Как я могу помочь ей?

- Сейчас - никак.

Я отвернулся, сцепив зубы, произнося проклятия.

- Так значит, я ничего не могу сделать?

- Я не могу решать за вас моральные проблемы.

- Черт возьми! Я просто хочу знать, как помочь ей!

- Тогда вы должны защитить себя. Вы должны сохранить свою жизнь и не быть покалеченным, когда появится возможность повлиять на ее избавление.

- А такая возможность появится?

- Это возможно.

- Где и когда это будет наиболее вероятно?

- Я не могу сказать.

- Черт, - сказал я. - Черт побери! Неужели вы не можете сказать хоть что-то, что было бы полезно мне?

- Да, - сказал он наконец. - Когда факты становятся ужасающе правдивыми, не всему можно верить.

- Вы совсем запутали меня, - сказал я. - Я ничего не понимаю.

- Уже сейчас, - отвечал он, - Темплтон и Грисуолд ищут способы, чтобы превратить Энни в оружие.

- Энни? Оружие?

- Да. Если она способна перемещать людей из одного мира в другой... она также может... делать с ними... другие вещи.

- Как например?

- Я не знаю...пока. Но что бы...ни случилось...запомните, что вы можете выдержать... большую дозу яда или магнетизма... чем любой на этой планете... Прошу! Отпустите меня.

Я сам сделал жест, возвращающий его к покою.

После этого пессимистического откровения я убедился в несомненной ценности Вальдемара в нашем рискованном предприятии. Зачем все это было нужно мне? Была лишь одна причина того, что я согласился возглавить эту странную одиссею. Энни...

Вечером во время карточной игры я обрисовал ситуацию Петерсу. У нас уже вошло в привычку каждый вечер коротать таким образом время. Я поведал ему свою историю, а также рассказал о том, чем болен бедный Вальдемар.

Во время нашей беседы Эмерсон беспрестанно бегал по каюте. Иногда он подбегал, чтобы примоститься позади меня у правого плеча. В такие минуты я замечал, как он делает специфические жесты. В общем, Петерс после этого обычно выигрывал партию. Отбросив то, что я был обязан им обоим жизнью, я едва ли смог бы обвинить их в мошенничестве, потому что было глупо даже предположить, что обезьяна могла обладать достаточной долей интеллекта, чтобы поступать таким образом. И все-таки я стал класть карты на стол вниз лицом, когда Эмерсон заходил мне с тыла, а сам в это время начинал рассказывать свою историю или то, что больше всего меня волновало. Петерс, похоже, не был в неведении относительно моей уловки и сопровождавших ее действий, но его, как будто, забавляло такое положение дел, и он подыгрывал, живо интересуясь моей историей и моими проблемами.

В тот вечер, когда Эмерсон исполнял свой короткий танец у меня за спиной, я отложил карты в сторону и сказал Петерсу, что сообщил Вальдемар об Энни, о том, что помощь, которую ей можно оказать, непредсказуема.

- Ха,- сказал он.- Делайте поправку на снос.

- Прошу прощения?

- Когда ветер дует слева, вы отклоняетесь от прямого курса, а если вы это учтете, то корабль пойдет, куда вам надо.

- Что это значит?

- Вы задаете мертвецу не те вопросы. Спрашивайте о других вещах, касающихся леди. Пусть ветер несет вопросы к нужной вам цели.

Эмерсон еще немного покрутился и ушел, а когда мы закончили игру,- кажется, было шесть склянок? - результат был ничейный. С другой стороны, я принял к сведению совет Петерса и на следующее утро задал Вальдемару несколько свежих вопросов.

Свечи мерцали, токи шли...

- Терпеть не могу беспокоить вас,- сказал я, когда Вальдемар прекратил свои стоны,- но не могли бы вы мне сказать, где сейчас изобретатель Ван Кемпелен?

- В Париже,- ответил он.

- Не могли бы вы быть более точным?

- Нет,- ответил он.- Эта информация заблокирована для моего восприятия.

- Почему? Как?

- Грисуолд предвидел направление ваших вопросов,- ответил он.- Темплтон дал указание Энни заблокировать мое проникновение в эту зону.

- Уже? Быстро они действуют. Интересно, есть ли какие-нибудь другие способы получить эту информацию?

- У мистера Элисона есть агенты в Париже...

- Да, у меня есть их список.

- Они держат под наблюдением парижскую гавань и узнают "Эйдолон", когда она причалит. Агент свяжется с нами немедленно.

- Я не уверен, что нам удастся пройти мимо Гавра,- сказал я.- Корабль такого водоизмещения вряд ли сможет пройти по Сене до Парижа. Придется нам идти берегом от...

- Нам это удастся,- сказал он,- и когда связь будет установлена, вы должны попросить представить вас особому агенту, монсеньору Дупину. Этот человек найдет вам Ван Кемпелена.

- Таким образом, когда Грисуолд выйдет на Ван Кемпелена, мы можем проследить за ним и найти Энни.

- Не исключено. Как я сказал, все, что касается ее, затуманено в моем сознании.

-Итак, все достаточно ясно,- сказал я,- "делая поправку на снос". Спасибо, сэр.

И я отпустил его на отдых.

Позднее я вынул из потайного сейфа список агентов Элисона во Франции. Там, действительно, значился Дупин, Цезар Август Дупин. Был дан его адрес: Предмесье Сен-Жермен, ул. Дюпо, дом 33, - а внизу - приписка: Совершенно надежен, первоклассный ум, хотя поэт и другие эксцентрические наклонности.

Позднее я сверил свои данные с капитаном Гаем, и он заверил меня, что "Эйдолон" раньше держала курс на Париж и теперь будет следовать в том же направлении. Во время своих сабельных упражнений я думал о Ван Кемпелене и его секрете. Должен был признать, что Энни вычислит его, и Грисуолд достигнет цели раньше меня. Когда,

наконец, я окажусь с ним лицом к лицу, что я могу сказать? Эмерсон подошел сзади и начал копировать мои движения. Предпримет ли Грисуолд попытку выкупить секрет Ван Кемпелена? Или попытается добыть его силой? Скорее всего - выкуп. Даже если они заставят его работать под наблюдением, у него будет возможность их обмануть, так как процесс слишком сложен. Нет, им захочется добиться сотрудничества с Ван Кемпеленом.

Что можно предложить человеку, который умеет делать золото?

Хитро. Процесс, должно быть, требует дорогого оборудования, дорогих составляющих. Но дело не в этом. Грисуолд способен предложить ему то, что он захочет. Продолжая выполнять свои упражнения, я думал, насколько эффективным было для алхимика предложение стабильности золота на мировом рынке. С нравственной точки зрения это казалось довольно абстрактным. Я чувствовал, что не мешало бы знать побольше о возможностях Грисуолда. Но даже это... Предположим, что Ван Кемпелен имеет все необходимое и не поддастся на доводы Грисуолда?

Когда я натягивал рубашку, то попытался представить, как бы Сибрайт Элисон решил этот вопрос. Мне виделось, как он улыбается и без колебаний говорит: "Секрет умирает с человеком". Я, однако, не собирался никого убивать, чтобы сохранить цены на золото. Но что из этого выйдет?

Оказавшись снова в своей каюте, я открыл потайной сейф и просмотрел доверенные письма. Оказалось, что, если будет необходимость, я смогу располагать большими суммами наличных денег. И все же мне не хотелось, чтобы из-за Ван Кемпелена отношения между Грисуолдом и моим патроном приняли форму торгов. Проще всего было бы предвосхитить предложение Грисуолда. Я решил попробовать сделать это, представив его подлецом.

Теперь на сердце у меня было легче. Наконец-то я получил информацию и имел что-то вроде плана. День был ясный, тихий, солнечный. Я прогуливался по палубе.

Ветер нес корабль во Францию.

* * *

Сена медленно несла свои воды, извиваясь в юго-восточном направлении. И мы медленно шли вниз среди огромного множества других судов. Последнюю часть пути под свинцовым небом ноября мы проделали в сопровождении небольшого парового буксира. Деревья по берегам стояли голые, вода была серой. Трудно было сказать, когда начался день. Я давно уже стоял на палубе в темноте, и вокруг постепенно светлело, но настоящего восхода солнца не было. Мосты, ветряные мельницы, пробегающие мимо машины... Все больше и больше

зданий открывалось взгляду: они становились выше, плотнее прижимались друг к другу...

- Еще несколько часов, мастер Эдди, и вы можете поупражняться в вашем "пале ву", - сказал Петерс. Я не слышал, как он подошел. Я огляделся в поисках его тени, но обезьяны не было поблизости.

Я покачал головой.

- Боюсь, что для этой цели я не достаточно хорошо оснащен. Вы были здесь раньше?

- Несколько раз, - ответил он, - по поручениям мистера Элисона.

- Вы знаете французский?

- Ну, и да, и нет, - ответил он.

- Что вы имеете в виду?

- Мой папа был, как я сказал, вояжером. Я нахватался немного от него, но остальное - жаргон, язык улицы. Я могу понять немного, но когда сам открываю рот в присутствии respectable господина, он тут же начинает узнавать, что тут что-то не так.

- Вы имеете в виду, что он начинает думать, что что-то не так.

- Нет, он начинает узнавать это.

- О.

Тогда он засмеялся. И я тоже. Но я был в недоумении.

В это же утро, ближе к полудню, мы достигли причала. В нос ударил запах пряностей, смешанный с запахом гнили, и еще прежде, чем причалить, мы почувствовали жизнь порта. Я сказал капитану Гаю, что мне надо отправиться в город сразу, как мы причалим, и что я взял бы Петерса с собой. Он согласился при условии, что формальности не займут много времени, предложив, однако, прежде подзаправиться. Итак, мы с Петерсом проследовали в салон, где, не спеша, позавтракали, пока корабль причаливал, а портовые власти проверяли документы.

Через некоторое время, когда сходни были спущены и крики команды утихли, капитан Гай зашел за нами.

- Эдгар, - позвал он. - Не могли бы вы пройти со мной? И захватите Петерса, пожалуйста.

Я уже готов был спросить, зачем, когда он перехватил мой взгляд и приложил палец к губам. Я кивнул, поднялся и последовал за ним. Петерс пошел следом, а Эмерсон, вынырнув из-под трапа, присоединился к нам.

Капитан Гай проводил нас в свою каюту, где невысокая стройная леди с темными волосами ждала нас. Она была привлекательна и одета со вкусом, но не вызывающе. Она, мягко улыбаясь, встала с кожанного стула капитана, чтобы участвовать в церемонии представления.

- Мисс Мари Роже,- начал капитан Гай,- агент мистера Элисона во Франции. Она ожидала нашего прибытия.

Я немедленно заинтересовался, как Сибрайту удалось заранее уведомить ее телеграммой о нашем прибытии. Но она объяснила, не дожидаясь когда я спрошу, что агент в Гавре автоматически дает знать в Париж, когда одно из судов Сибрайта идет в этом направлении. Увидев, что это его собственная яхта, было решено, что неплохо, если кто-то будет под рукой, чтобы помочь справиться с любыми проблемами.

Эмерсон, казалось, просто очаровал ее, и пока она говорила, успела несколько раз похлопать его, как будто это была большая собака. Похоже, это так ему понравилось, что он начал прыгать по каюте, пока Петерс не заворчал на него, результатом чего явилось его немедленное отступление под стол.

-... так если я могу вам чем-нибудь помочь,- сказала она,- пожалуйста, спрашивайте.

- Хорошо,- сказал я.- Я спрошу. Мы следуем за изобретателем Ван Кемпеленом. Или, точнее, мы следуем за тем, кто исследует Ван Кемпелена. Предполагаю, дело идет к тому...

- Этого человека видели в Париже,- прервала она.- Здесь, на континенте, у него репутация человека, за которым трудно вести наблюдение. Поэтому, мы могли бы дать вам кого-нибудь в помощь. Извините, продолжайте.

Я сказал ей об Энни и об Анхоли Тринити, и о возможности получить золото алхимическим путем. Я ничего не сказал ей о себе и о таких вещах, как Вальдемар.- А сейчас,- закончил я,- мы как раз собирались отправиться на поиски монсеньора Дупина.

Она кивнула.

- Хороший выбор. Я работала с ним и могу ручаться за его профессионализм и честность. И хотя я еще не говорила с ним о деле, он наверняка знает о делах Ван Кемпелена больше, чем я. Вас проводить к нему?

- Он все еще живет на улице Дюпо, 33?- спросил я.

- Разумеется,- ответила она.

- Когда мы могли бы его увидеть?

- Скорее всего, сейчас он у себя. Серьезность ситуации позволяет нам пренебречь формальностями.

- Тогда давайте отправимся к нему немедленно,- сказал я.

- Очень хорошо,- ответила она.- Если даже у него нет необходимой нам информации, он быстро ее получит. Его способности уникальны.

Мы отправились к двери, и капитан Гай указал, что Эмерсон увязался за нами, покинув свое убежище под столом и приблизившись к нам в полнейшем молчании. Было решено, что в его сопровождении наша компания будет, пожалуй, чересчур заметной, поэтому Петерс приказал ему оставаться в гостях у капитана. Недовольно гримасничая, он удалился за дверь, а мы отправились в путь.

Мы проследовали вниз по трапу и на пирс, миновали портовых рабочих и горы грузов, направились вверх по улице, которая вела нас мимо таверн, магазинов дешевых вещей и случайных прохожих.

- Здесь поблизости мы вряд ли найдем экипаж,- объявила Мари.- Мы должны немного пройти. То что будет легче.

Я кивнул, очарованный грацией движений Петерса, хотя его походка еще носила отпечаток морской выучки.

- Надеюсь на вашу помощь,- сказал я ей,- в качестве нашего проводника. Разумеется, все сверхзатраты будут вознаграждены.

- Не вижу никаких проблем, монсеньор Перри,- ответила она.

- Лучше - Эдгар,- сказал я.

- Эдгар,- повторила она, ставя ударение на втором слоге.- Очень хорошо. Свернем сюда... Эдгар.

Мы свернули на боковую улочку, по которой медленно тащился экипаж. Старьевщик, перекинув мешок через плечо, рылся в каком-то хламе в дверях дома. Сверху доносились голоса, нестройно поющие высокими голосами рабочую песню, отбивая ритм. На улице были глубокие лужи, и обычные кучи лошадиного помета создавали типичный аромат заднего двора.

На углу мы повернули налево, на более широкую и оживленную улицу. Здесь было много экипажей и повозок, а также верховых и пешеходов.

- Здесь мы должны найти какое-нибудь средство передвижения,- заметила Мари.

Еще пять минут, и мы уже шли мимо цветочных лавок, множества людей, глазающих на стеллажи с разной сушеной снедью или остановившихся поболтать. Когда мы проходили мимо, из-за торговых рядов, где продавались дешевые шарфы, вышел пожилой мужчина; его взгляд на мгновение встретился с моим. В его глазах словно блеснул огонек безумия, и я почувствовал, что здесь что-то не так. Он был бедно одет, за исключением дорогого кольца на левой руке. Обратив внимание на руку, я вдруг понял, что она принадлежит совсем не старому человеку. Один короткий бросок, и он уже был рядом со мной, вытаскивая левой рукой откуда-то сбоку блестящее стальное лезвие.

Когда он ударил, я бросился вперед, подставив руку. Потом, кулаком угодил ему в солнечное сплетение и хотя ему удалось смягчить удар, но он пошатнулся так, словно удар достиг цели, и потерял дыха-

ние. Тогда я, наконец, сообразил, что это Петерс ударил его по почкам. После этого незнакомец проскользнул мимо меня и бросился бежать, уронив лезвие к моим ногам. Я хотел было пуститься в погоню, но Мари тронула меня за руку.

- Это обычный наемный головорез,- сказала она.- Я уже видела его здесь. Нет необходимости за ним гнаться. Уже сегодня вечером мы узнаем его хозяина.

Незнакомец уже исчез в проеме между домами. Я пожал плечами и пнул нож. Он пролетел около восьми футов. Усмехнувшись, Петерс тоже поддел его ногой, и нож проскользнул еще около шести футов, пока не остановился. Так мы продолжали попеременно его пинать, продвигаясь вперед, пока не нашли экипаж.

Когда экипаж тронулся, Мари преподавала мне короткий урок по планировке города и обучила первым словам, обучила своим словам по-французски. По тряской мостовой мы пересекали предместье Сен-Жермен. С неба на нас упало несколько капель дождя, и вокруг стало накрапывать, но через две минуты все прекратилось. Редкие полосы тумана окаймляли подножия гор и терялись среди деревьев.

Наконец, мы оказались на улице Дюпо. Когда мы приблизились к необычному, выдававшему виды, особняку, экипаж замедлил ход. Вид разрушающегося от времени величественного здания вызвал в моем воображении картину упадка знатного сословия, когда я увидел, что на нем стоит номер, который нам нужен.

- C'est le maison de Monsieur Dupin? - сказал я гордо.

- La maison,- поправила она.

- Но это то, что нам нужно?

- Разумеется.

Она заплатила и мы вышли. Когда экипаж загрохотал, удаляясь, мы приблизились к парадному, где Мари потянула за шнурок звонка. Вскоре дверь открыл элегантный молодой человек, - что касалось как его наружности, так и одежды - который, очевидно, не был слугой. Он и Мари в течение минуты обменивались несколькими скорострельными фразами по-французски, после чего он перевел свое внимание на Петерса и меня.

- Извините,- сказал он необычайно сочным тенором,- но лучше не терять времени. Вы ищите Ван Кемпелена.- Это было утверждение, а не вопрос.- Прошу, входите.

На всем здесь был налет старины, казалось, комната наполнена тенями. Пол скрипел под ногами. Он провел нас по коридору мимо сумрачных комнат, заполненных старинной мебелью. Наконец, мы вошли в кабинет, который был лучше освещен, но обставлен в том же старинном духе. Тут нас встретил голос, словно бы принадлежащий домовому, который выкрикнул набор удивительных ругательств.

- То же самое и тебе, приятель!- парировал Петерс, быстро повернувшись, чтобы обнаружить, откуда последовал вызов.

- Грин, сиди смирно!- приказал Дупин.- А теперь слушай! Повтори! Пламя испанских костров вредно для еретиков!

- Кар-р!- сказала то, что, как я теперь увидел, было вороном, примостившемся на выступе над дверью. Дальше последовали звуки, напоминающие шипение открываемых бутылок с шампанским.

- Ну, будет тебе, Грин. Прекрати,- уговаривал Дупин.

- Кар-р,- повторила птица и продолжила это такими ругательствами, какие я редко слышал за все годы службы в армии, разве что из уст одного погонщика мулов из Арканзаса, который в тот день жаловался на непрерывный сильный зуд в области заднего прохода.

- Прекрати,- сказал Дупин.

- Je m'en fiche,- сказал ворон.

Наш хозяин прошел вперед, указывая нам на красивые и неудобные кресла с цветочным рисунком золота с розовым, потом предложил шерри.

- Я немного пишу стихи,- признался он,- и мне даже забавно научить птицу произносить некоторые строчки. Однако, предыдущий хозяин, очевидно, не был так осторожен, и птица попала под дурное влияние.

Я воздержался от вопроса, касающегося прежнего места жительства Грина.

- Но он был опытным оратором и недорого мне обошелся,- закончил он.- А теперь, что касается Ван Кемпелена. Его местонахождение мне известно. Но ваша задача, как я понимаю, не только найти его.

- Да, это так,- ответил я.- Этот человек изобрел способ превращения в золото неблагородных металлов.

Дупин улыбнулся.

- Я понимаю,- заметил он.- На протяжении веков многие делали такие заявления.

- Насколько мне известно, Ван Кемпелен довольно скрытен во всем, что касается его метода. Но, к сожалению, его преследуют три человека, которые хотят получить секрет.

- Любыми способами?

- Я думаю, подкупом. Процесс так сложен, что трудно обойтись без специалиста. Думаю, они захотят с ним сотрудничать.

- И какую же проблему хотите решить вы?- спросил он.

Я сделал глоток шерри.

- У меня лично немного другая задача, чем у моего патрона,- ответил я.- Сибрайт Элисон хочет предотвратить эту сделку, потому

что появление большого количества алхимического золота на мировом рынке может пошатнуть его позиции в этой области, где он занимает ведущее положение.

- Действительно,- согласился Дупин,- наш хозяин может сильно пострадать от бесконтрольного освобождения большой массы драгоценного металла. Достаточно вспомнить, что сделало с Испанией золото Мексики и Перу. Все ее сегодняшние беды - начиная со времен инквизиции, через этот удар и поражение в войне - обязаны эффекту небывалого подъема экономики прежних дней. Как далеко мистер Элисон готов пойти в деле реализации своих намерений?

- Довольно далеко,- сказал я, вспоминая его намек на то, что заслужу благодарность, если мне удастся помочь Грисуолду, Темплтону и Гудорелло переместиться под землю.

- А не думал ли он о том, чтобы перехватить секрет, дав за него большую сумму, чем другие?

Подумав об огромных суммах, обозначенных в моих кредитных письмах, я кивнул.

- В этом плане мне предоставлена полная свобода действий,- сказал я,- и суммы, которыми я располагаю, позволяют сделать такую попытку. Что вы думаете?

- Я знаю наверняка, что Ван Кемпелен несколько раз встречался с тремя иностранцами, скорее всего - американцами. Берусь предположить, что они ведут деловые переговоры. С другой стороны, я бы сказал, что он не очень-то им доверяет, хотя так, наверное, вел бы себя каждый в подобных обстоятельствах.

- Полагаю, что да.

- Есть способ сыграть на этом... Он задумался.- Но скажите мне, что вы имели в виду, говоря, что у вас другая задача?

- Мистер Элисон хочет защитить свои финансовые интересы. Мои интересы касаются леди, которую похитил Грисуолд и сейчас держит у себя. Она обладает способностями, которые он использовал, чтобы вычислить Ван Кемпелена. И у него есть другие, еще более ужасные планы на ее счет.

- О! Так здесь замешана женщина!

Он склонился в поклоне и сжал мне локоть.

- Понимаю.

- Думаю, что только отчасти,- ответил я.- Но я был бы очень удивлен, если бы даже француз сумел бы легко разгадать эту странную связь.

- Не испытывайте, пожалуйста, больше моего любопытства. Прошу, расскажите мне все.

И я рассказал. Совершенно забывшись, я выпил во время рассказа четыре крохотных бокала шерри. Разумеется, от этого я не впал в белую горячку, а только с большей убедительностью пытался доказать ему, что говорю правду.

- Да,- сказал он, кивая головой,- это кажется простым и достоверным для того, кто знаком с немецкими философами, особенно, с Лейбницем. Понятие множественности экзистенций...

- Дрэк! Дрэк!- закричал Грин, вспорхнув со своего наместа и устремившись к левому плечу Дупина.- Говно! Морда! Шваль!

- Тихо, Грин!- приказал Дупин.- Различные уровни бытия, как я говорил, модифицируются в рамках абстрактивной теории...

Мари Роже откашлялась и встала.

- Извините,- сказала она,- но я думала, вы дадите мне дальнейшие инструкции. Если нет, я постараюсь что-нибудь узнать о попытке убийства мистера Перри.

- Да, я хотел предложить навести кое-какие справки.

Она что-то сказала по-французски и Дупин встал. Он взглянул на меня и Петерса, сказал:

- Извините, джентельмены, я должен проводить леди.

И удалился с ней, продолжая говорить по-французски.

- Вы поняли, о чем он говорил, босс?- спросил Петерс.- О каких-то немецких философах и все такое?

Я поежился.

- Похоже, он слишком далеко углубился в теорию.

- Постарайтесь перевести разговор на другое, когда он вернется. По-моему, птица тоже не будет против такой идеи.

Несколько минут спустя, когда Дупин вернулся, а Грин сел ему на правое плечо, он перевел свой взгляд с меня на Петерса, потом снова - на меня и спросил:

- На чем я остановился?

- Что касается дела Ван Кемпелена... - предложил я.

- О, да,- сказал он,- создателя так называемого автоматического шахматиста. Конечно, это обман, так как никакая машина не может научиться играть в шахматы. Ведь это не механический, а творческий процесс.

- Предполагаю, - сказал я.

- Более того, если кто-то может создать такое устройство, - продолжал он, - оно должно неизбежно выигрывать все партии. Если найден принцип, с помощью которого можно сделать машину, умеющую играть в шахматы, разрабатывая этот принцип, можно заставить

ее выиграть партию. Дальнейшее развитие заставит ее выигрывать все партии...

- Кхе, - прервал я, - мы, в основном, имели дело с его алхимическими экспериментами.

- Конечно. Простите, - согласился он. - Захватывающий предмет - алхимия. Я...

- Как вы думаете, мы могли бы войти к нему в доверие, чтобы он, по крайней мере, захотел признать существование такого способа?

- Хм. Есть несколько возможных вариантов. Обычно, простейший обман - самый легкий способ достичь и добиться. Минутку... Я знаю. Вы - два путешествующих американца, которые случайно узнали его на улице. Вы представляетесь ему в его квартире, выражая желание встретиться с изобретателем механического шахматиста. Чтобы он вас впустил, вы можете даже предложить ему держать пари на большую сумму денег, что один из вас выиграет у автомата. По этому поводу беспокоиться не стоит, так как даже если игра и начнется, она никогда не будет закончена.

- Почему?- спросил я.

- Вы появляетесь у него сегодня вечером, в восемь. Перед этим я поговорю с Генри-Жозефом Гискетом, нашим префектом полиции, который мне кое-чем обязан. Он проследит, чтобы в этот час по-соседству не оказалось полицейских, и пошлет мне несколько человек с подмоченной репутацией, которые обязаны ему. Я дам указание этим людям ворваться в девять часов словно бы с целью разбойного нападения и грабежа. А вы вдвоем дадите им отпор и они убегут. Это должно помочь вам полностью расположить к себе Ван Кемпелена, и он в целях безопасности возьмет вас в свою компанию. Продолжайте восхищаться его творением и подружитесь с ним. Через день или два расскажите все, как есть. Если возникнет необходимость, поставьте под сомнение репутацию Грисуолда и Компании и предложите более высокую цену.

Я взглянул на Петерса, который кивал.

- Неплохо, - сказал он, - короче говоря... у меня такое чувство, что нам надо торопиться.

- В крайнем случае, - продолжал Дупин, - есть министр Дупин - странное совпадение, не так ли? Однако, только именем оно и заканчивается; он неисправимый позер - который, возможно, знает, делал ли Ван Кемпелен реальные шаги, чтобы вывести наше правительство из последнего кризиса с помощью большого количества золота. Может быть, мне удастся узнать, что, на всякий случай, министр знает о деле. Может быть, это прольет свет на ваши планы.

- Будем безмерно благодарны за помощь.

Он махнул рукой, отчего Грин поднял крылья и зашипел.

- Поберегите ваши благодарности до другого случая,- сказал Дупин.- В связи с этим мне нужно подготовить чек для оплаты непредвиденных расходов.

- Между прочим, не мог бы я получить часть суммы сегодня?- добавил он.

- Конечно,- сказал я.- Я как раз собирался сегодня зайти в один из банков, так как могут понадобиться большие суммы наличными. Дайте мне, пожалуйста, адрес Ван Кемпелена - может быть, даже набросайте план - и скажите, сколько вам нужно, я сделаю все по пути.

Он удалился к маленькому письменному столу, где написал и указал все необходимое.

- Если вы собираетесь вернуться на "Эйдолон", когда закончите дела в городе,- сказал он,- я найду вас там и дам знать, что для вечера все приготовлено, а заодно и заберу свой аванс.

- Отлично,- сказал я, и он проводил нас до двери.- Мы вернемся на борт корабля через несколько часов. Большое вам спасибо.

- Нет проблем,- ответил он,- Кстати, не могли бы вы пока дать мне взаймы двадцать франков?

- Конечно,- сказал я, вынимая банкноту из пачки денег, которую я нашел в сейфе Элисона, и протягивая ему.

- Отдам позднее,- сказал он.

- Прекрати,- услышали мы голос ворона, когда за нами закрывалась дверь.

В этот вечер, одевшись потеплее, так как дул сырой холодный ветер, мы с Петерсом отправились на поиск жилища Ван Кемпелена. На этот раз Петерс не хотел отказываться от услуг Эмерсон в случае, если события примут непредвиденный оборот. Обезьяна следовала за нами всю дорогу. Горожане были в совершенном неведении относительно того, что в темноте по их крышам кто-то совершает прогулку. Однако собаки Парижа обратили на это внимание. Их лай и вой провозжали нас от улицы к улице.

Во время нашей прогулки Петерс вдруг присвистнул и захохотал, как помешанный, когда собаки разразились особенно дикими руладами. Причиной тому была женщина, которая, проходя мимо нас, перекрестилась и поспешила удалиться.

Наконец, мы нашли то, что искали. В окне верхнего этажа горел свет.

- Неужели ему нравится жить на этом чертовом чердаке?- проворчал Петерс.- Не мог найти ничего получше.

- Он старается быть незаметным,- сказал я.

- Он мог бы делать это этажом ниже,- прорычал Петерс.

Выпалив скороговоркой фразу на своем уличном французском консьержу, который открыл на стук, Петерс добился, чтобы нас пропустили. Испуганный консьерж с удивлением смотрел на улицу, где за нашей спиной стоя собак образовала кольцо.

- Porgui les chiens aboient-ils?- спросил он.

- Je suis loup-garou,- Je veux Von Kempelen

Человек воззрился на нас, тогда Петерс снова разразился своим сумасшедшим смехом. Натянуто улыбаясь, консьерж пропустил нас.

- Trois?- спросил Петерс.

- Oui.

- Merci,- сказал я, когда мы поднимались по лестнице, чтобы тоже не быть без дела.

Мы дошли до самого верха, постучали в его дверь. Ответа не было. Мы немного подождали, потом постучали снова.

В третий раз я сопроводил стук словами:

- Ван Кемпелен! Это важно, я думаю, это вас заинтересует. Это вас должно заинтересовать.

Дверь слегка приоткрылась и в щели показался большой голубой глаз.

- Ja? - спросил его владелец.

- Мы американцы, - сказал я, - и надеюсь, что перед нами создатель знаменитого шахматного автомата?

- И что? - сказал он. - Если это я, что дальше?

Я вытащил пачку американских долларов - достояние сейфа Элисона - и помахал перед ним.

- Я представитель шахматного клуба Балтимора, - сказал я. - Хочу держать с вами пари на тысячу долларов, что я выиграю у вашей машины.

Дверь приоткрылась еще немного, так, что мы увидели невысокого тучного человека с волосами и бакенбардами цвета спелой ржи, большим ртом, римским носом, большими навывкате глазами. Такая форма глаз, как мне говорили, связана с особенностями работы желез внутренней секреции. Половина его лица была выбрита, в руке он держал опасную бритву.

- Джентельмены, извините,- сказал он,- но сейчас машина не налажена.

- Дорогой мой,- отвечал я.- Для всего клуба так важно, чтобы кто-то из нас попробовал сыграть с ней. Сколько времени вам потребуется, чтобы подготовить ее к работе? Как вы думаете, если я увеличу сумму пари...

Неожиданно он широко распахнул дверь, очевидно приняв относительно нас какое-то решение.

- Входите, входите,- сказал он, и мы вошли. Он жестом указал на потрепанную пару стульев посреди комнаты.- Садитесь. Я пью чай. Вы можете присоединиться, если хотите.

- Спасибо,- сказал я, проходя.

Он положил бритву на туалетный столик рядом с ванной, взял полотенце и стер пену с лица, наблюдая через треснутое зеркало, как мы рассаживались позади него. На маленькой спиртовке, которая стояла на упаковочном ящике слева от нас, закипела вода. По всей комнате были разбросаны многочисленные ящики, некоторые из которых были открыты, обнажая свое содержимое, большей частью химическое и алхимическое оборудование. Кое-что было уже распаковано и установлено на скамье, протянувшейся через всю стену. Некоторые предметы стояли под скамьей.

Снаружи собачий хор не умолкал.

Ван Кемпелен взял три разных чашки, протер их полотенцем, которым вытирал лицо, поставил на один из ящиков и продолжал заваривать чай.

- Потребуется несколько дней подготовки,- сказал он,- чтобы собрать автомат и подготовить его к игре, если, конечно, у меня не будет других дел. Но я в скором времени ожидаю предложения принять участие в одном очень сложном и деликатном деле. Боюсь, что у меня просто не будет времени устроить вам этот матч, хотя был бы очень рад получить деньги. Вам с сахаром? Или, может, немного масла?

- С сахаром,- сказал я.

- Без всего,- сказал Петерс.

Он наполнил наши чашки, сел напротив нас со своей.

- Боюсь, больше ничем не могу вас порадовать,- закончил он.

- Понимаю,- сказал я.- Мои друзья по клубу будут очень огорчены. Но, конечно, дела важнее, чем хобби.- Я взглянул на оборудование, расставленное на скамье.- Вы ведь, в основном, занимаетесь химией, не так ли?

Эти выразительные глаза тщательно изучали меня.

- Я занимаюсь многими вещами,- сказал он,- среди них и химия. Как раз сейчас я жду известий о возможности заключения контракта, который, если будет подписан, займет меня на какое-то время. Однако, я не хотел бы это обсуждать.

- Извините, если я проявил излишнее любопытство,- сказал я, пробуя чай.- Возможно, удастся испытать шахматиста в другой раз.

- Возможно,- согласился он.- Когда вы прибыли в город?

- Только сегодня утром,- сказал я.

- Уверен, не для того же вы пересекли океан, чтобы найти меня и принять участие в необыкновенном матче.

Я засмеялся.

- Нет, просто сейчас у меня появились деньги, и я всегда мечтал о путешествии на континент. Когда я узнал, что вы здесь, я решил встретиться с вами и совместить приятное с полезным, так сказать.

- Как интересно,- сказал он.- О том, что я здесь, знают немногие.

Грисуолд или какой-нибудь французский чиновник? Я задумался. От кого я мог бы узнать, что он в городе? Будь проклята эта Франция. В других странах для этого можно было бы найти массу предлогов. Но я был внезапно освобожден от решения сложной задачи. Зазвенело разбитое вдребезги стекло заднего окна.

Дородный детина, выбив остатки стекла ногой, вошел в комнату, оставив за спиной покатуую крышу соседнего дома. Черт возьми! Какая пунктуальность!

Другой человек, более поджарый, но такой же злодейской наружности, вошел следом. Сзади я увидел еще одного. Я с удовлетворением отметил, что они идеально подходили для предстоящего представления.

Ван Кемпелен выронил чашку и через всю комнату направился к своей скамье, встал, заслоняя собой приборы широко расставленными руками. Мы с Петерсом встали, и дородный детина озадаченно на нас посмотрел.

Я издал боевой крик и бросился вперед. Жаль, что я не мог сказать ничего, подходящего для такого случая, так как вряд ли хоть один из них понимал по-английски. Я сделал ложный выпад левой в сторону лица великана. Он парировал удар правой, а левой ударил меня под ребра. И именно в этот момент меня пронзила мысль, что это не те люди, которые заключили с нами контракт, а настоящие наемники, работающие по собственному расписанию.

Я изогнулся, надеясь увернуться от удара по голове, который, я был уверен, последует за этим. Но его не последовало, так как Петерс сделал выпад и схватил нападавшего, не дав его кулаку опуститься. Я услышал, как великан засмеялся и увидел, как он пытается вырваться. После того, как это ему не удалось, выражение удивления появилось на его лице. Потом Петерс вывернул ему руку вниз и вынудил его, таким образом, нагнуться вперед, сам же схватил его левое ухо зубами и повернул ему голову на сторону, оторвав половину этого ненужного приложения к голове. Противник взревел, а его щека и шея окрасились кровью. Потом Петерс схватил его за руку и перебросил через бедро. В это время один из оставшихся ударил его дубинкой по голове. Я не мог прийти ему на помощь или хотя бы предупредить криком.

От этого удара Петерс пошатнулся, но не упал. Он повернулся лицом к человеку с дубинкой, но второй прыгнул ему на спину. В это время тот, с половинкой уха и сломанной рукой, вынул из-за пояса нож правой рукой и, пошатываясь, направился к дерущимся.

Не в силах подняться, я согнулся, обхватил колени руками и покатился ему под ноги. Когда он упал на меня, то произнес проклятия по-французски, которое я тут же прибавил к своей коллекции. Ничего не видя, я в любой момент ожидал удара ножа, но удара не было. Я сделал несколько глубоких вдохов и попытался встать, когда раздались душераздирающие крики.

Когда я выпрямился и повернулся, то увидел, что Эмерсон заталкивает тело одного из верзил в дымоход. Другому Петерс выкручивает руки, а тот, которого я сбил с ног, поднимается с ножом в руке, другая безжизненно повисла, половина лица залита кровью. Я услышал тяжелые шаги на лестнице и крик “Жандармерия!” как раз в тот момент, когда у подопечного Петерса затрещали кости, а тот, что с ножом, бросился на меня. Когда я отразил удар и послал ему ответ в челюсть, раздался тяжелый удар в дверь. Что-то, несомненно, сорвалось в нашем предполагаемом сговоре с полицией. Когда раздался еще один удар, Эмерсон перестал заталкивать свою жертву в дымоход, пробежал через всю комнату к туалетному столику Ван Кемпелена, схватил бритву, выскочил в окно и исчез среди крыш.

- Неплохая идея,- заметил Петерс, оставив свое занятие. Ван Кемпелену: - Спасибо за чай.- Потом он прошел к окну и вылез на улицу.

Я бросил взгляд на изобретателя, который все еще охранял свои сокровища. Раздался еще один удар в дверь.

- Доброй ночи,- пожелал я.- Счастливо оставаться.

Он прищурил, как бы в сомнении, свои изумительные глаза, потом, когда я уже почти ушел, сказал вдогонку:- Будьте осторожны.

Я услышал, как вылетела дверь прежде, чем он успел к ней подойти. Черепица была влажная и скользкая, и я ориентировался по темным фигурам, маячавшим впереди. Вскоре крыша стала плоской. Далеко позади слышны были крики. Я поспешил.

Собаки под нами все еще продолжали жаловаться.

Не знаю, сколько времени мы убегали. Наконец, я последовал за Петерсом через окно в безлюдное пространство чердака. Кто из них обнаружил это место, он или Эмерсон, вышло ли это случайно или по воле таинственного инстинкта,- я никогда не спрашивал, только мне кажется, что именно в это время мы потеряли Эмерсон. Несколько минут мы лежали, притаившись, прислушиваясь к шуму погони. Все тихо. Мы вышли из укрытия, по лестницам благополучно спустились на землю и оказались на улице.

Потом мы бродили какое-то время, но ночные улицы затихли. Даже собаки успокоились. Вскоре Петерс нашел кафе, где мы смогли отдохнуть за стаканом вина, подсчитывая наши потери, которые были минимальными, и привести себя в порядок.

Теперь казалось бесполезным думать о том, почему префект полиции не сделал то, что, как предполагалось, должен был сделать. Мы решили выждать какое-то время, а потом отправиться назад, в то место, которое мы покинули так внезапно, и посмотреть, нельзя ли что-нибудь разузнать. Между тем, Петерс оторвал большой кусок табачной жвачки от плитки, которая была у него с собой, изумляя меня своей способностью плевать за дверь, - а расстояние от того места, где мы сидели, было порядочным - когда она открывалась, не задев ни разу того, кто входил или выходил. Я, в свою очередь, на спор перепил четырех местных пьяниц, для чего мне потребовалось чуть меньше двух обычных стаканов вина. Наши номера вызвали всеобщее веселье среди других посетителей на протяжении двух часов, проведенных нами в заведении.

Где-то били часы. Мы слышали этот звук уже в третий раз с момента нашего появления. Заплатив по счету, мы вышли. За время нашего кратковременного пребывания в помещении ночь стала значительно более холодной, поэтому мы подняли воротники и засунули руки в карманы, прежде чем отправиться к месту недавней конфронтации.

Здание было полностью погружено в темноту. Мы несколько раз прошли мимо; казалось, поблизости никого не было. Наконец, я подошел и тронул дверь. Замок был сломан. Она легко отворилась. Я дал знак Петерсу, и мы вошли. Двигаясь медленно, ступая осторожно, мы поднялись по лестнице. Когда мы достигли пролета, ведущего к двери Ван Кемпелена, мы остановились и долго прислушивались. Молчание было абсолютным. Тогда я прошел вперед и в полной темноте наощупь обследовал дверь. Этот замок тоже был сломан, а дверной косяк расщеплен.

Я толкнул дверь и подождал. Никакой реакции.

Я вошел. Сквозь разбитое окно в комнату проникал лунный свет. Пользуясь этим освещением, мы могли увидеть, что комната была совершенно пуста. Никаких признаков мебели или приборов, не осталось ни ложки, ни чашки. Даже скамья была сдвинута с места.

Петерс тихонько свистнул.

- Довольно странно, - сказал он. - Что вы об этом думаете?

- Ничего, - сказал я. - Это может значить все, что угодно. Первым делом с утра мы должны увидеть Дупина. Может быть, у него найдутся подходящие ответы.

Петерс сплюнул в окно.

- А может быть, и не найдутся,- сказал он.

Мы поспешили назад, к судну, где мохнатое чудо, висевшее на канатах, приветствовало наше появление.

- Вон жуог, черт побери!- сказал ворон. Он устроился на ручке моего кресла и наблюдал, как я пью чай из чашки.

- Вон жуог тебе, исчадие ада,- сказал я.

- Вы, похоже, ему понравились,- заметил Дупин.- Определенно, это вы вдохновили его сказать вчера "прекрати".

- Кар-р! Навер-рно!- закричал Грин, расправляя крылья и поднимая голову.

- Вернемся к письму,- напомнил я.

- Да,- ответил он, улыбаясь.- С помощью различных уловок, включающих подарок в виде золотой табакерки, удалось получить доступ к переписке министра. В ней содержатся несколько занимательных пунктов. Так, Ван Кемпелен предложил продать свой секрет правительству. Под текстом этого письма рукой министра сделана пометка, что цена слишком высока, и лучше получить необходимые документы, инсценировав грабеж. Было также пожелание действовать безотлагательно, так как есть другие заинтересованные лица, которых цена устраивает. Это замечание подписано еще одним министром, поставлена дата, вчерашнее число, тридцать первое.

- Правительство способно участвовать в таких делах?- воскликнул я.

Он высоко поднял брови, взглянув на меня, и сделал глоток чая.

- А своевременное появление полиции?- спросил я.- Это часть их плана? Теперь Ван Кемпелен и его секрет находятся у вашего правительства?

- Вовсе нет,- ответил он.- Я успел раскрыть суть этого дела мосье Гискету, нашему префекту полиции, который давно испытывает к министру, моему тезке, далеко не дружеские чувства. В то время, когда все это стало известно, у меня уже не было возможности предупредить вас. Должен признать, что, несмотря ни на что, вы вели себя восхитительно. тело в каминной трубе до сих пор остается необыкновенной загадкой.

Тут он сделал протестующий жест, заметив, что я хочу что-то сказать.

- Нет, я не хочу знать подробностей.

- Я вовсе не это имел в виду,- сказал я.- Я просто хотел спросить, кто тогда захватил Ван Кемпелена?

- В сущности, никто,- ответил он.- В данный момент он и все его оборудование направляются к границе. Люди Гискета упаковали все оборудование и вещи, а его агент обрисовал ситуацию Ван Кемпелену.

- И все это для того, чтобы досадить официальному представителю правительства,- сказал я. И кто же был этим агентом? Вы?

Он опять улыбнулся.

- Я не сказал бы вам, даже если бы и был.

- Я знаю. Но меня интересует не возможность осведомительства.

- Мы прекрасно поняли друг друга,- сказал он.

- К какой границе?- спросил я тогда.

- Он направился в Испанию, Толедо. Хотя не могу сказать, настоящее это место назначения или только хитрый трюк, чтобы сбить преследователей с толку. Это снова один из тех фактов, которые я не хотел бы знать.

- Понимаю,- сказал я.- Спасибо.

Он откашлялся.

- Причина, по которой я назвал это "хитрым трюком", в том, что этот человек играет в опасную игру. И я не очень-то стал бы сочувствовать ему, если бы на каком-то этапе своего длинного пути он бы встретился с неприятностями.

- Что вы имеете в виду?

- А то, что в переписке министра содержались и другие сведения...

- Да?

- Одно из них касалось конкретно этого случая. Это были донесения разведки из столиц ряда государств о том, что Ван Кемпелен сделал подобное предложение огромному количеству людей в различных странах: в Италии, Англии, Испании, Наварре, Арагоне и даже в Ватикане.

- Боже! И это он предлагал правительству или главе государства?

- В упомянутых мной странах именно так. А среди частных лиц в списке значатся Руфус Грисуолд, так же как, впрочем, и Сибрайт Элисон.

- Правда? Я не был поставлен об этом в известность.

Он пожал плечами.

- Возможно, его предложение еще в пути. Из всего этого совершенно ясно, что Ван Кемпелен либо беспрецедентно наивен, либо дьявольски одержим в своем стремлении. Устроить нечто вроде аукциона между отдельными людьми и государствами в таком деле равносильно тому, чтобы спровоцировать насилие, похищение или шантаж. Некоторые из участников этого аукциона совершенно безжалостны и

неисправимо вероломны. Это не тот сорт людей, с которыми можно вести честно игру.

- И один из них находится в Толедо?

Он кивнул утвердительно.

- Архиепископ Фернандес.

- А он “за” или “против”?- спросил Петерс.

Дупин усмехнулся.

- И да, и нет,- объяснил он.- Он смотрит, куда ветер дует. Все зависит от того, насколько это ему выгодно.

- Вы уверены, что Ван Кемпелен не направился в Наварру или Арагон?- спросил я.

Дупин пожал плечами и поднял руки ладонями вверх.

- Я знаю только то, что он сказал, плюс то, что он послал письмо в Толедо. Выводы делайте сами.

Я вздохнул.

- Похоже, что на этом нам придется закончить,- сказал я.

- В таком случае...

- Он достал из-под скатерти конверт.

- Я бы хотел представить счет по оплате особых услуг за этот период, так как вы уполномочены подписывать банковские чеки, а я могу вас больше не увидеть.

Я взял конверт, открыл его.

- Здесь два счета,- заметил я.

- Да, два,- ответил он.

Я уже набрался некоторого опыта в денежных делах, поэтому был совершенно поражен огромной суммой, стоявшей под вторым счетом за “непредвиденные услуги”.

- Вот это,- сказал, потрясая листком,- для мадам Роже... я не понимаю, за что это.

- Это форма компенсации,- сказал он,- за потерю дочери. Несколько часов назад тело Мари Роже было найдено в реке.

- О,- сказал я и попросил у него ручку.

* * *

Возвращаясь на “Эйдолон”, я решил, что настало время проконсультироваться с монсеньором Вальдемаром. Лиги, к несчастью, сошла на берег за покупками. Я взял у капитана Гая дубликат ключа от комнаты Вальдемара, решив воспользоваться собственными, хотя и несовершенно, месмерическими способностями. Все же лучше, чем

ждать. Я пригласил Петерса в ассистенты, но он не пошел из-за нелепых предрассудков. Сказать по правде, приглашая его, я руководствовался теми же чувствами, что и он, когда давал мне отказ. Мне просто нужна была компания. Но, как говорят в Париже: *He las!* (Увы!)

Свечи зажжены, крышка поднята. Сконцентрировав внимание в центре своего тела, я направил энергию к рукам. Свечи начали мерцать. Шкаф в углу закрипел. Я сделал первый пасс, при этом серии drobных ударов раздалась со стороны стены слева от меня. Я чувствовал, как энергия нарастает и передается Вальдемару. Стул в углу комнаты наклонился. Тут раздался традиционный стон, и через несколько мгновений его глаза открылись.

Однако на этом дело не закончилось. Потом он сел.

- Полегче. Полегче, Вальдемар,- сказал я.

- Что вы со мной делаете?- спросил он.

- Как обычно, - ответил я, - хочу задать вам несколько вопросов.

- Где Лиги?

- Не знаю точно. Я торопился, поэтому решил справиться без нее.

- Боже мой! Боже мой! Теперь я понимаю, что произошло.

- Скажите мне, пожалуйста.

- Ее присутствие смягчало вашу неумную энергию. Без нее выход энергии стал неконтролируемым. Вы анимировали меня снова, но я не ожил!

Он медленно поднял руку. Один глаз (правый) пришел в движение, чтобы посмотреть на нее. Другой же оставался в прежнем состоянии.

- Это ужасно,- констатировал он, остановив на мне злобный взгляд.

- Одну минутку, и я верну вас в прежнее состояние - как меня учила Лиги,- а сейчас ответьте мне на пару вопросов. Ведь я не повредил вашим способностям, не так ли?

- Я могу то, что мог всегда,- сказал он, медленно соединяя руки.

- Думаю, мне следует направиться в Толедо. Что вы скажете в связи с этим?

- Я скажу: да, надо направиться в Толедо.

- И это все?

- Эти сведения связаны с Энни, поэтому ничего больше сказать не могу.

- Склонен считать это хорошим знаком,- сказал я.

Он начал медленно потирать руки. Потом поднял их и потрогал свое лицо.

- Что вы знаете о По?- спросил я.

- Я не понимаю вопроса. Он слишком общий.
- Извините. Что он делает сейчас?
- "Сейчас" - бессмысленное определение. Ваши миры движутся по разным временным орбитам.

- Учитывая только его орбиту,- сказал я,- с момента нашего взаимного перемещения до настоящего момента на протяжении того отрезка времени, которое я провел здесь, что вы можете сказать о его положении?

- Понимаю,- сказал он, перекрещивая руки и дотрагиваясь до плеч.- Он все еще не понимает, что произошло. У него есть признаки сомнения относительно устойчивости собственной психики. Ему бы хотелось основать собственный журнал, но он не может найти лиц, заинтересованных в его финансировании. Скорее всего, он пребывает в подавленном состоянии.

- Я бы хотел поговорить с По. Могли бы вы доставить его сюда, если я увеличу силу месмерического воздействия?

- Нет. Это мне не подвластно.

- Могли бы вы отправить меня к нему?

- Нет.

- А как насчет королевства Энни на берегу моря? Могли бы мы встретиться там?

- Не думаю, но позвольте мне... Нет.

- А могли бы вы послать ему весточку. Я хочу убедить его, что я существую, Энни существует, что он не сумашедший.

- Я мог бы попробовать, но не знаю во что это выльется.

- Попробуйте.

Он тяжело осел и внезапно упал на спину, сложив руки на груди.

- Все,- объявил он медленно.

- Удалось?

- Да.

- Не могли бы вы сказать, какую форму это приняло?

- Нет. Дайте мне отдохнуть...

Я проделал все в обратном порядке: с помощью пассов забрал энергию, которой я его наделил. Дробный стук раздался снова со стен и с потолка, стул поехал ко мне, потом упал. Вальдемар испустил необычайно жалобный стон, глаза его закрылись, и крышка захлопнулась сама собой.

Я убрал свечи и пошел готовиться к путешествию.

Сон Эдгара Алана По был потревожен. Он проснулся рано и безуспешно попытался вспомнить, что он видел во сне. Наконец, он встал и оделся. Небо на востоке постепенно стало бледнеть. Он открыл входную дверь и вышел, чтобы посмотреть восход.

Во дворе он увидел крохотный сверкающий замок. Он сделал шаг вперед, и замок исчез. Когда он подошел к месту, где стоял замок, там была лишь горка песка.

Игра света, наверное...

c

Часть VI

Она шла босиком по берегу моря. Ночь была тихая и беззвездная. Однако, море само по себе слабо отсвечивало, и ей было достаточно этой маленькой иллюминации. Она шла кругами, то подходя к воде, то удаляясь от нее. Она не могла вспомнить, почему она так делала, но точно знала, что это важно. И она продолжала.

В одном месте черная кошка пробежала мимо, в другом - яма образовывалась в центре ее круга. Вокруг нее теперь плясали языки пламени, а среди них - блестящее лезвие. Она продолжала идти. Почему она делала это? Это важно - вот почему. О, да.

Человек лежал ничком возле ямы. Да. Надо, чтобы он заглянул внутрь. Правильно. Хорошо. Убрать языки пламени. Да. Он зашевелился?

Она пошла быстрее. А что он видит? Ужас. Конечно. Он видит, что...

Она пронзительно вскрикнула, и море поднялось, захлестывая пламя, человека, яму...

Она широко раскинула руки, и материя пространства была разорвана. Она ступила в образовавшийся проход.

От постоянного вздрагивания повозки я открыл глаза. Из темного угла сиденья напротив меня смотрела черная кошка. Наверное, десять секунд я наблюдал за ней, пока не пришел в себя и не понял, что это был парик Петерса, который свалился с головы, когда тот задремал.

Я протер глаза, сел и поискал бутылку с водой. Потянул одеяло с колен повыше, чтобы прикрыть и грудь. Отпил воды, потом еще.

Добрую половину ноября мы уже ехали в повозках, нанятых нами со сменой лошадей. Пиренеи были ужасны, Наварра - унылой. Не успел я изучить основы французского, как пришлось начинать сначала с испанским. У Петерса опять было преимущество передо мной - результат пребывания в Мексике, - но как он объяснил: "Это все уличный испанский, Эдди. Ни один уважающий себя caballero не захочет услышать это при народе. И поверь мне, все они себя уважают."

- При народе,- добавил он.

Передо мной были сожженные поля, сторевшие дома, деревянные кресты. Неоспоримые признаки войны окружали нас. Мы часто вынуждены были останавливаться, испытывали другие трудности, но своевременные указания Вальдемара и запас золотой монеты помогали продвижению вперед. Для меня, как для солдата, в этом было что-то привлекательное и, вместе с тем, ужасающее.

Испанский вошел в нашу жизнь новым словом, обозначавшим военные действия, с помощью которого они продолжали противостоять французам - *guerrilla*. Оно означало огонь и стрельбу перебежками, засады, короткие атаки в тылу противника. Испанцы отказывались участвовать и выдерживать крупные сражения, и это, как в прежние века, сейчас работало против Франции. Это дорого обходилось французам, выматывало и истощало их.

Я отвернулся от навевающего уныние пейзажа. Спустя некоторое время повозка неожиданно дернулась и пошла быстрее. Я услышал назойливое “Кар-р!” откуда-то сверху, где лежал багаж, и Грин порхнул вниз к парикю Петерса. Очевидно, птица устала от опеки Дупина и, воспользовавшись нашим последним визитом, покинула его дом, появившись на канатах “Эйдолон” со стороны набережной и приветствуя меня бодрым “*Vingt frames pour la nuit, monsieur*”, когда я поднимался наверх после интервью с Вальдемаром.

Грин, очевидно, хотел привлечь наше внимание, потому что он не одобрял быстрой езды. Он всегда так поступал, когда Эмерсон хватал вожжи и пускал лошадей рысью. Извозчик не был склонен вступать в переговоры с обезьяной, и, обычно, за этим следовало то, что звали Лиги успокоить лошадей с помощью месмеризма. Потом Петерс отбирал у обезьяны вожжи и ругал его для порядка.

- Эй, ну, Грин! Отдай же!- услышал я, как он вдруг закричал, затем последовало трепетание птицы, запутавшейся в парике. При этом Лиги подвинулась ко мне, деликатно зевнула и сказала:

- Что, опять?

Я кивнул.

Повозку подбрасывало и шатало из стороны в сторону. Петерс пощекотал птицу под клювом одним из своих, вовсе не подходящих для этого, толстых пальцев и соорудил ужасную гримасу, которая любого заставила бы улыбнуться.

- Гринуся хороший,- сказал он.- Отдай же это дяде Петерсу.

Грин увидел, что лучше подчиниться, и Петерс немедленно водрузил парик на себя, не заботясь о том, как он сидит. Лиги встала, оперлась на внутреннюю стенку повозки, откинула тяжелый полог, перегнувшись, высунулась из окна и стала делать пассы. Мы тут же замедлили ход.

- Следует хорошенько поддать пару раз Эмерсон,- пробормотал я.

Лиги, обернувшись, подмигнула мне, потом еще больше высунулась в окно. Я поддержал ее за талию. Через полминуты она дала мне знак помочь ей, и вернулась на свое сиденье.

- Моя очередь,- сказал Петерс, вставая.

- Нет необходимости,- ответила она.- Он передал управление извозчику.

- Это на него не похоже,- заметил Петерс.

Она пожала плечами.

- Возможно, l'ennui,- предположила она.

- О, наверно,- сказал Петерс и занял свое место. Вскоре он снова стал заигрывать с Грином.

- Ну, скажи "прекрати!"- упрасивал он.- То, чему учил тебя в Париже господин. Ну же! Дай нам услышать тебя!

- Амонтильядо!- прокричало темное создание. И еще раз:- Амонтильядо! За этим последовал приступ безудержного, почти человеческого, смеха и звук пробки, вынимаемой из бутылки, последнее повторялось несколько раз с нарастающим ускорением.

- Думаю это какой-нибудь крепкий напиток,- заметил Петерс, искося взглянув на меня.- Не так ли?

- А-у,- ответил я, мысли мои были заняты другим.

Я думал, что буду делать, когда мы приедем в Толедо. Вальдемар не знал наверняка, что Ван Кемпелен находится там, но это был верный путь, по которому мне надлежало идти, чтобы достичь конечной цели - освобождения Энни.

- Прекрати,- спокойно сказал Петерс.

- Амонтильядо,- настаивал Грин.

За день до прибытия в Толедо мы слышали стук, который доносился сверху. В это время Эмерсон спал, свернувшись калачиком в ногах у Петерса (это часто с ним случалось в последние дни благодаря помощи потусторонних сил). Мы решили, что это возникший дает нам сигнал. Петерс выглянул и спросил, в чем дело, но тот отрицательно покачал головой.

Стук раздался снова, Лиги повернулась ко мне и стала внимательно смотреть:

- Ведь вы не занимаетесь месмеризмом, не так ли?- спросила она.

- Я? Нет. И уже давно, - ответил я.

- Я чувствую что-то странное,- сказала она тогда. Потом она стала выглядывать из окна, наблюдая за возникшим. Повозка замедлила ход.

- Что это?- спросил я.

- Что-то необычное,- сказала она.

Мы сделали остановку под большим деревом. Она приказала, чтобы винный контейнер с Вальдемаром отвязали и опустили на землю. Потом она посоветовала возничему вместе с помощником отдохнуть где-нибудь за холмом. Петерс предпочел присоединиться к ним. В этот момент странное предчувствие овладело мной, так как я вновь услышал тот же стук. На этот раз звуки доносились из гроба.

- Откройте его,- дала она указание.

Я отомкнул последний замок и поднял крышку. Вальдемар напряженно смотрел на нас снизу вверх, оба зрачка были видны.

- Все хуже и хуже,- заметил он.

- В чем дело?- спросила Лиги.

- Я пришел к вам без вызова. Может быть жизненная сила вновь возвращается ко мне?

- Не могу сказать,- ответила она.- Вы знаете, что заставило вас сделать это?

Его правая рука зашевелилась и легла на мою руку, которой я опирался на край гроба. Неимоверное усилие воли потребовалось мне, чтобы не отдернуть руку.

- Перед тем, как войти в город, вам следует расстаться с вашими спутниками,- сказал он.- Если вы не сделаете этого, в Толедо их ждет смерть.

- А что нам делать, пока он в городе?- спросила она.

- Поверните и направляйтесь на восток,- ответил он.- На закате снова спросите меня.

- Не представляю, что буду делать в Толедо,- констатировал я.

- Я тоже,- сказала он, сжимая мне руку.- Что-нибудь выяснится. Вы можете поступить, как хотите. Ваша воля, пойти туда или не пойти.

- Я должен идти,- сказал я.

- Я знал, что вы поступите так,- ответил он, его тело осело, рука соскользнула с моей и упала на прежнее место, точно ему на грудь.

Лиги сделала мне знак закрыть гроб, что я и выполнил. Она взяла меня за руку, и мы прошлись вдоль молодой рощицы.

- Мне это вовсе не нравится,- сказала она.- Это похоже на... вмешательство. Это может быть доброе предзнаменование, посланное из космоса. А может быть и ловушка. У меня нет способа определить это заранее.

- Что же нам делать?

- Я бы хотела установить над вами контроль,- сказала она, оставаясь среди деревьев,- и создать телепатический барьер.

- Помните, что произошло, когда вы последний раз работали со мной?

- С тех пор я очень многое обдумала. На этот раз вы не покинете своего тела.

- Каково будет назначение этого... барьера?

- Надеюсь, он поможет мне быть уверенной, что с вами все благополучно.

- Хорошо,- сказал я.

Я сел на бревно лицом к ней, облокотившись спиной на валун. Я ощутил волны от ее рук на своих веках и легкое жжение в области желудка. Нить сознания прервалась, мысли рассеялись...

Сколько времени прошло, пока я проснулся, не знаю. Я чувствовал себя хорошо отдохнувшим.

- Хорошо,- услышал я ее голос. Я открыл глаза, она улыбалась, протянула руки вперед и помогла мне встать.

- Ну, как, сработало?- спросил я, когда мы возвращались к повозке.

- Думаю, что да. Посмотрим.

Когда мы подошли, все уже были на месте. Мы подняли Вальдемара и укрепили его контейнер в положенном месте.

Когда мы снова тронулись в путь, я подумал: даже если она получит известие об опасности, которая мне грозит, что может сделать Лиги, находясь в постоянном движении куда-то на восток? Я внимательно посмотрел на Грина, который ответил мне тем же. Он несколько раз приоткрыл клюв, но ничего не сказал.

Толедо стоял на горе, река Тахо три четверти своего пути проходила здесь.

Он был расположен примерно в сорока милях к юго-западу от Мадрида в местности, еще остававшейся свободной от французов. Темные облака висели над городом и земля была влажной, словно только что прошла гроза. Наш сегодняшний возничий - намного старше всех остальных - остановил повозку, не доезжая до городских стен. Он дал обет, что ноги его не будет в этом городе, пусть хоть весь мир перевернется.

Я взял с собой побольше золота и записку, которую Лиги написала по-испански, о том, что мне надо нанять переводчика. Вальдемар назвал мне имя- падре Диас - и убедил, что это честный и благородный человек. Мне дали примерную карту расположения его церкви Санто Томэ и дома священника. Вооруженный этим, я простился со своими друзьями, запланировав на всякий случай встречу с ними через три дня на этом же месте, в этот же час.

Я приблизился к крепости на скале с северной стороны. Я знал, что здесь раньше были римляне, вестготы, мусульмане. Лиги говорила

мне об исключительном великолепии местного кафедрального собора, основание которого датируется XIII веком, и, если бы мне удалось насладиться его видом при других обстоятельствах, я бы услышал тяжелую поступь времени - немного более быструю, чем моя собственная - где-то у меня за спиной.

Я вошел в город, не подвергшись нападению. Если даже не принимать во внимание способность Вальдемара к ясновидению, он был, возможно, прав с практической точки зрения, предлагая мне освободиться от эскорта друзей и близких за стенами города. Они, конечно, сильны и надежны, но в то же время являют собой причудливое собрание людей и животных, которые могли не понравиться в военное время консервативному в политическом и религиозном смысле правительству. В качестве зажиточного американца я, по крайней мере, мог надеяться на терпимое к себе отношение.

Я все-таки увидел кафедральный собор и много маленьких магазинчиков, и несколько прекрасных особняков, и позолоченные экипажи, и несколько грязных повозок, и прекрасных лошадей, и некоторые превосходные образцы оружия, украшенного золотыми насечками, которыми знаменит город. Одним из самых великолепных был кинжал в руке человека, который меня арестовал.

Четыре вооруженных человека в форме подошли ко мне как раз в тот момент, когда я нашел Санто Томэ. Проблуждая по улицам к тому времени уже два часа, я был очень доволен, что нашел церковь без посторонней помощи, а только пользуясь картой. Я еще не успел убрать карту, когда они подошли ко мне и стали говорить изысканно и непонятно.

- No comprendo,- объяснил я.- Soy norteamericano.

Они что-то сказали друг другу, потом один из них посмотрел на карту, ткнул в нее пальцем, потом указал на церковь.

- La iglesia?- спросил он.

- Si,- ответил я.- Santo Tome. De donde es Padre Diaz?

Они снова быстро посоветовались, и когда я уловил, что имя "Padre Diaz" упоминается в тесном соседстве с другим словом - "heretico" - то заподозрил, что попал в беду. И я оказался прав. Не прошло и нескольких секунд, как я получил возможность полюбоваться золотой и серебряной насечкой кинжала. Конечно, мне видны были и несколько других, но этот, принадлежавший Энрике - товарищи называли его Джеф - был намного привлекательнее остальных.

- Ты иди с нами,- объяснил мне Джеф-Энрике.

- Soy norteamericano,- объяснил я снова.

- Si, norteamericano amigo de heretico,- сказал он.

- Нет, - возразил я. - Мне нужна была помощь в поисках изобретателя по имени Ван Кемпелен. Мне сказали, что отец Диас или сам говорит по-английски, или поможет мне найти переводчика. Понятно?

Я показал ему письмо. Он передал его одному из товарищей. Тот взглянул и передал следующему, который сделал то же. Тогда я понял, что все четверо, должно быть, безграмотны.

- Por favor, - сказал я. - Interpreter, translator - para Ind les.

Джеф-Энрике пожал плечами и красноречиво повертел кинжалом.

- Иди, - сказал он.

Двое из них шли по бокам, один - сзади, Джеф был немного впереди и справа. Я пожалел, что не выучил испанского значения для слова "непонимание", хотя сомневался, что это принесло бы какую-нибудь пользу. Они были настолько непробиваемы в своей самоотверженности, что вести переговоры не было смысла.

Так я был доставлен в местную тюрьму, деньги и бритва были конфискованы так же, как письмо и карта. Меня заперли в темной камере, вероятно, до тех пор, пока не выяснится, действительно ли я являюсь сообщником бедного падре Диаса. Если они решат, что это так, я, наверное, буду передан в руки инквизиции.

Вытянув руки вперед, я медленно двигался по периметру стен, в которые был заключен, наощупь определяя свой путь. Стена была то каменной, то металлической. Когда я почувствовал, что вновь оказался у двери, я сел, прислонившись к ней спиной, и отдохнул. Я поел немного хлеба и выпил воды, которую нашел тут. Я чувствовал себя так, словно выходил из наркотического опьянения, так как в сознании был провал.

В момент пробуждения я обнаружил, что лежу ничком, правая рука безвольно повисла, левая щека касается пола тюрьмы, а висок - нет. Характерный запах гнили и плесени доходил до меня. Я пошарил рукой вокруг и постепенно понял, что нахожусь на самом краю круглой ямы. Я ощупал стену, пока не нашел ослабевший кусок каменной кладки, который легко вынимался. Я бросил его вниз и услышал, как он ударяется о стены и, наконец, упал в воду. После этого звука где-то наверху открылся люк или дверь, потом все снова погрузилось в темноту. За это короткое мгновение я успел осознать, что родился под счастливой звездой, так как стоило мне подвинуться вперед всего лишь на полшага, и я был бы на дне ямы. Это была огромная яма округлой формы, занимавшая середину камеры. Я медленно отодвинулся к ближайшей стене и плотно прижался к ней.

Нас, видно, погребут живыми, Перри. Казалось, словно говорил По, будто он сидел в темноте рядом со мной, созерцая глубину бездны.

Может оказаться и так, По. Но это только тюрьма. Я уже был здесь раньше, ответил я мысленно.

Но не в такой, Перри.

Домыслы, мой дорогой По. Все это домыслы.

Пропасть зовет нас.

Пусть зовет. Я не собираюсь отвечать.

Ты сделан из более твердого сплава, чем я, Перри.

Нет, По. Мы, в какой-то степени, одно и то же. Все дело в обстоятельствах... домыслы.

Возможно, будет лучше нырнуть туда и разом покончить со всем.

Нет, спасибо.

Так или иначе, все кончается бездной.

Нет смысла подстегивать события. Пусть подождет.

Она не знает, что такое ждать. Она не привыкла.

Тогда мы сильнее ее, потому что мы умеем ждать.

Немного напоминает то, что однажды сказал Паскаль.

Да, напоминает.

Такая философия в устах человека действия!

Я достаточно образован и никогда не против того, чтобы занять мудрости в книгах.

Что будет с нами?

Мы изменимся.

Не понимаю.

Не знаю точно, как это произойдет, но наши миры перепутаются. Это будет связано с неправильным использованием сил Энни.

Молчание. Три удара. Еще три.

Потом, О, не являемся ли мы сном, Перри, сном демона? А может, демон - это я?

Все мои доводы бессильны против солипсизма. Никому из смертных еще не удавалось доказать нереальность сущего. Даже если такие доказательства будут бесспорны, они не станут убедительными.

Ты - это я, мой злой дух, мое темное его. Мы две противоположности одного духа, так совершенно дополняющие друг друга.

Мы не разные сами по себе, По. Мы просто из разных миров.

Он усмехнулся.

Сейчас, более чем когда-либо, мне кажется это нереальным,- ответил он,- похоже на внутренний диалог с самим собой.

Что мне сказать?

Думаю, ничего. Или это, или согласишься со мной.

Я всегда за то, что лучше быть, чем не быть, даже если это всего лишь чувство.

Тут раздалось позвякивание и слева от меня со стороны двери образовалась узкая полоска света, достаточная, чтобы увидеть поднос с куском хлеба и маленькой фляжкой на нем, который был подан в комнату через отверстие в нижней части двери.

Предполагаю, теперь настала пора выбирать между бездной и хлебом насущным, - заметил По.

В таком случае настало время обеда.

Я встал.

Как жаль, что ты не существуешь, Перри, - рассуждал он почти с грустью. - *Я бы мог полюбить тебя.*

У него был метафизический взгляд на происходящее, который я не мог разделить. Вскоре после еды я ощутил неприятный приступ зевоты. Боясь быть застигнутым сном слишком близко от места, которое определяло мое существование здесь, я лег на бок поближе к стене. Я все еще чувствовал присутствие По.

Когда я проснулся, что-то было не так. Я не знал, сколько времени был в забытии, но когда открыл глаза, было светло. Отвратительное желтовато-красное свечение позволило мне в первый раз увидеть изнутри свою тюрьму. Форма была не такой, как мне показалось наощупь в темноте. Она была не такой квадратной и больше походила на прямоугольник. Более удаленные друг от друга стены были металлическими, те, что ближе - каменными. Теперь я мог различить изображения чертей, танцующих скелетов, перевернутые распятия, людей, поджариваемых на огне и разорванных на части.

Пол был каменный, яма находилась в центре, который я с трудом мог определить. Дело в том, что мое положение не давало такой возможности: я был связан и беспомощен, как чурка. Я лежал на спине на вершине этого сооружения, где был привязан длинной веревкой. Она обвивала мои ноги, туловище, правую руку и плечо. Голова и левая рука были свободны, на полу в пределах досягаемости стояла тарелка с едой. Это было какое-то вкусное мясное блюдо, и после хлеба и воды созерцать его было невыносимо. У меня было чувство, что последние два раза в еду добавляли снотворное. Но на что я, в сущности, себя обрекал? Я хотел есть и пить. Сон в этом случае - каково бы ни было его происхождение - казался наилучшим способом коротать здесь время.

Я пошарил в поисках бутылки с водой, но не мог найти ее. Вот тогда-то я и понял, что это была первая, физическая, часть моих мучений, так как жажда с каждой минутой становилась сильнее.

По...?- сделал я попытку, стараясь вернуться к прежнему ходу мыслей.

Перри, а была ли Энни на самом деле?- словно спрашивал он откуда-то.

Конечно, была. Она и сейчас есть...

Демон! Ты лжешь!

Нет! Иди к ней. Позови ее.

Потом он ушел, снова оставив меня одного, наедине с моей жадой. Я перевел свое внимание на высокий потолок, где увидел изображение Сатурна, пожирающего своих детей. В одной руке он держал маятник вместо традиционного скипетра. На мгновение мне показалось, что этот институт слегка колебался, выполняя еле заметные движения. Потом я был потревожен какой-то возней рядом со мной.

Крыса - маленький дьявол с глазами-бусинками - появилась на краю ямы, из которой доносились звуки, свидетельствующие о наличии других ее сородичей. Она подняла нос и задержала им, синхронно двигая усами. Вскоре другая, более крупная особь появилась вслед за первой. Шум возни не прекращался, и первая исчезла под моим подносом, в то время как вторая начала принохиваться. Еще две вскарабкались на край ямы, потом еще одна. И еще... к этому времени первая обнаружила тарелку, которая носила следы моей недавней трапезы.

Мне не нравилось, что животное так близко подошло ко мне - не по какой-то другой причине, а лишь из-за слухов о чуме, которые дошли до нас при въезде в Испанию - и я несколько раз рукой махнул в ее сторону в надежде спугнуть ее. Но она совершенно игнорировала это и совершенно невозмутимо продолжала пользоваться моими объедками.

Немного позднее, однако, появилась вторая и предъявила свои права на добычу. Вскоре они сцепились, кусая друг друга и издавая невообразимые звуки во время потасовки рядом со мной. Их конфликт еще не был разрешен, а уже две других вскарабкивались на тарелку и немедленно бросились друг на друга.

Я перестал махать на них рукой, чтобы они не поняли это как угрозу и не напали. К этому времени грызуны, появившиеся из ямы, наводнили собой все вокруг меня. Они забирались на меня, бегали по мне и, используя мое тело как плацдарм, атаковали своих приятелей внизу. Я старался как можно меньше шевелиться, испытывая смертельный страх от мысли, что если одна из них вздумает откусить от меня хотя бы крохотный кусочек, остальные сочтут меня съедобным и превратят en masse, пообедав мной. К счастью, одна из них прикончила другую и все бросились уничтожать ее остатки. Откуда-то взялись еще несколько грызунов, и пол превратился в сплошное поле битвы и одновременно обеденный стол, где серые визжащие существа изгиба-

лись и барахтались, поднимались и опускались, как кошмарный поток, запятнанный кровью.

Прошло много времени, пока я оторвал от них свой взгляд, повернул голову и снова взглянул вверх. От того, что я увидел, у меня перехватило дыхание. Маятник больше не дрожал, а раскачивался из стороны в сторону с амплитудой около ярда. И он постепенно снижался. Его нижняя часть исключительно сверкала, отражая свет таким образом, что это подчеркивало необычайную отточенность края. Лезвие было длиной около фута, слегка прогнуто и крепилось на медном пруте, который начинался от руки Сатурна, другой рукой Сатурн ел своего отпрыска, остальные - в ожидании жались у его ног. Все сооружение шипело и издавало легкий ветерок своим движением.

Теперь я уже не мог оторвать от него взгляда. Я сосчитал десять движений до того, как он слегка опустился. Но после других десяти этого не произошло. Еще немного, однако, и он вновь дернулся вниз. Я попытался точно представить, в какое место он ударит меня, если будет неуклонно продолжать снижаться. Казалось, он нацелен прямо мне в сердце. Вдруг я подумал, знала ли Лиги, что со мной происходит. Так же, как накануне По, я попытался вызвать ее.

Лиги? Ты там? Ты слышишь меня? Ты знаешь, где я и что происходит со мной?

Ничего. Может быть, все мое внимание сконцентрировано на лезвии и это мешает мне? Может быть, снотворное притупило мои способности? Может быть, она хотела испытать действительность барьера, который создала, а я был в это время без сознания, и она решила, что я мертв?

По, ты еще здесь? - попытался я.

Ужасно! - казалось закричал он. - *Бездна оглядывается на одного!*

Тебе было предначертано заполнить ее по своему усмотрению, - предположил я, озаренный внезапной вспышкой проницательности. - Ты художник. Твое воображение - это ее пустота.

Ужасно! - повторил он.

Где ты, По? Где ты?

Я снова перестал ощущать его присутствие. Маятник ощутимо опустился вниз, размах его движений слегка увеличился.

Тогда я забыл и про По, и про Лиги. Я даже забыл про крыс, так напряженно я следил за надвигающимся лезвием, которое колебалось над мной. Через некоторое время: часы? дни? Не знаю точно. Я забыл даже себя, став частью этого сверкающего вершителя моей судьбы. В это время я испытал великое спокойствие, бесконечное расслабление, необыкновенное ощущение снизошедшей на меня благодати.

В какой-то момент я потерял сознание.

Опять прошло время, не знаю сколько. Я проснулся от ужасной обжигающей жажды. Крысы ходили туда-сюда, шаря в поисках съестного. Когда я открыл глаза, взгляд инстинктивно остановился на маятнике. Он опустился довольно ощутимо, размах его был сейчас около тридцати футов. Его шипящее и свистящее пение поднимало парализующее действие, разум прекращал свою работу, и только тело жертвенно ожидало соприкосновения с ним.

Пожалуй, лучше было бы снова потерять сознание, подумал я, дав подписать себе смертный приговор одним ударом в сердце, когда я буду лежать в обмороке. Но теперь, когда я хотел этого, забвение не приходило. Я весь был - настороженность, настороженность и ожидание.

Влево, вправо... вжик! Откуда-то раздался маниакальный смех, который, как я не сразу понял, был моим собственным. Я прокусил губу до крови и закрыл глаза. Тут же снова открыл их, поняв, что так еще хуже, когда не знаешь, где находится нож. Но голова немного прояснилась и я заставил себя подумать.

Я спокойно и детально стал изучать маятник, не давая ему себя гипнотизировать. Я сосчитал удары сердца между двумя опусканиями ножа. В это время я немного успокоился и попытался установить закономерность, с которой совершались рывки, опускающие маятник:

310... вниз,

286... вниз,

127... вниз,

416... вниз.

Никакой размеренности в этом не было. Было не похоже на монотонность часового механизма. Это навело меня на мысль, что на другом конце маятника был человек, а не механическое устройство. Тогда я почувствовал слепую ниточку надежды. В то время как законы механики не могли быть нарушены, человеческое упрямство можно было предсказать и управлять им.

Я снова обдумал свое положение. Веревка, которой я был привязан, была похожа на подпругу - единая лента из плотного материала, множество раз обмотанная вокруг меня. Стоит мне каким-то образом уменьшить количество витков хотя бы на один, и вся перетяжка будет ослаблена. Человек, способный делать такие точные наблюдения в моем положении - притом неплохо умеющий считать, - должен предугадать, когда будет самое низкое положение маятника перед тем, как он коснется тела, и когда надо будет вдохнуть или выдохнуть. Но я знал, что наверху находится человек и захочет протянуть заключительный этап как можно дальше.

Неожиданно для меня проблему с веревкой оказалось решить очень просто. Но если я не сумею вовремя задержать дыхание, лезвие разрежет мою плоть на радость тому, кто наверху. Потом будет достаточно времени, чтобы скатиться с настила на пол. Но при этом надо быть очень осторожным, чтобы не угодить в яму. Я предполагал, что именно этого-то они и хотят: чтобы я выбрал яму добровольно и сам похоронил себя на дне. Все остальное было устроено только, чтобы подсластить пилюлю.

Я стал дышать медленно и ровно и приготовился ждать.

Маятник еще дернулся восемь раз и был уже в нескольких дюймах от моей груди. В следующий раз он опустился совсем чуть-чуть. Еще четыре раза, и он слегка поцарапал меня, проходя мимо. Теперь начнется захватывающая дух игра, предположил я. Он будет оставаться на той же высоте или даже слегка приподнимется.

Я сделал глубокий вдох, сцепил зубы и закрыл глаза. В груди началось жжение. Я сцепил руки, поджал ноги и откатился вправо. Подо мной уже не было настила, я падал...

Темные фигуры сновали, разбегаясь во всех направлениях. Шипящий звук прекратился. Я поднял голову как раз в то время, когда проклятая машина поднималась назад к потолку. Я потерял затекшее тело, пытаясь оставаться начеку в ожидании новой опасности.

Только сейчас я понял, откуда шел свет, заливающий все вокруг. Он проникал в камеру от основания двух металлических стен - справа и слева от меня. Я ничего не мог увидеть сквозь эти щели, но даже если и пытался к ним приблизиться, то камеру наполнял удушливый запах. Это было похоже на раскаленное железо. Под воздействием этой подсветки безобразные сцены обретали живость и подвижность, стены казались рельефными, а палитра красного цвета сочнее и богаче, чем простое изображение крови и пламени. Все это стало - вначале еле заметно - мерцать.

И снова они двигались и переливались. Я почувствовал запах дыма и услышал извне лязгающие и шаркающие звуки. Я поднялся на ноги, отбросив ногой подпругу, навевавшую неприятные воспоминания. Отошел на шаг от наступающей огненной стены. Все-таки главной их целью было принудить меня выбрать яму.

Стены снова начали двигаться. Я отступил еще на шаг. Так я двигался по краю ямы, пока не достиг каменной стены, в которой была дверь. Логически рассуждая, это было единственное убежище в помещении.

Потом, медленно, я стал поворачиваться. Яма упорно звала меня с тех самых пор, как я обнаружил ее. Сейчас меня так и тянуло заглянуть внутрь, чтобы узнать, что наводило на меня такой ужас, сковывало волю. Я направил взгляд вниз. Отсветы от надвигавшихся

стен добавили освещенности и у себя под ногами я увидел ужасную картину.

Человек невысокого роста с бакенбардами стоял у раскрытого гроба. На нем был вечерний костюм, на руках - черные перчатки. В одной руке он держал небольшой хлыст, какие бывают у дрессировщиков зверей. Каким-то образом я знал, что этот человек - Руфус Грисуолд. Перед ним - голова опущена, руки повисли - стоял По. Грисуолд взмахнул хлыстом, что означало, что По должен войти в гроб. По выпрямился и поднял голову, а потом превратился в контур, в темноту, сквозь которую сияли звезды и искрились кометы; удивительный в своей величественности Млечный путь, уходящий в высоту бесконечности, стоял перед гробом. Грисуолд смотрел в сторону, скрежеща зубами.

Потом хлыст сломался, и снова возникла фигура По; стены надвинулись на меня, но ужасне всего было то, что внизу, где Грисуолд хотел уничтожить воображение, удивительное и непознанное, человеческого духа, поместив их в ящик и навсегда похоронив в этой яме.

Стены снова пришли в движение. От невыносимой жары я покрылся испариной. Клацанье продолжалось, запах дыма был удушающим. Я почувствовал, что сейчас упаду, и прижался спиной к каменной стене.

- Нет!- закричал я.- Не делай этого, По! Пропади ты пропадом, Грисуолд!

Но, казалось, никто не слышит меня. Балансируя, я пошел по краю ямы. Откуда-то доносились голоса. Раздался треск за дверью рядом со мной. Волосатая рука схватила меня за плечо. Я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, я был в камере. В центре не было ямы и дверь была распахнута. Лиги и Эмерсон были рядом. Петерс стоял у двери.

- Генерал Ласалль взял город?- спросил я, повторяя, как мне казалось, то, что только что слышал.

- Да,- ответила она.

- Ваш барьер... Он сработал?

Она кивнула.

- Но все, что произошло со мной здесь, похоже на сон, вызванный таблетками.

- Грисуолду наконец удалось использовать Энни как оружие против вас,- сказала она мне.- Он хотел уничтожить вас, но в конце она устояла против приказаний Темплтона.

- Таким образом, наши пути пересеклись здесь. В мире иллюзий. А что с Ван Кемпеленом?

- Это был трюк. Сейчас, когда Энни не является помехой, Вальдемар снова может видеть. Ван Кемпелен на самом деле сбежал в герцогство Арагон.

- Тогда нам надо двигаться в обратный путь.

- По-видимому, так.

Мы покинули сдавшийся город, направившись на север, где нас ждала повозка. Всю дорогу, пока мы шли, я пил воду.

* * *

Она была единственной артисткой в мире, где она пела. Бессмертное море и песок были солью ее слов, самой песней было королевство, по которому она шла. Она вызвала поэта наружу из пещеры, развязала ему руки, обняла его.

- Они хотели заставить меня ощипать мою черную птицу, - сказала она, - полуденных полетов.

По смотрел мимо нее на волнуемое море. Облако набежало на солнце.

- Доверчив будь и знай, что я не причиню тебе вреда, - сказала она ему.

- Иллюзия, - сказал он и отвернулся от нее.

Пространство перед ним содрогнулось, как стена из стекла.

- Не уходи, - тихо сказала она.

- Иллюзия.

Он ступил в темноту сквозь расщелину в стене замка.

Часть VII

Пневмония сделала свое дело. Элизабет По лежала на засаленной подушке, ее детское лицо обрамляли длинные черные волосы, большие серые глаза, наконец, закрылись. Маленькая артистка была одета в свой лучший довольно безвкусный наряд, украшена самыми красивыми из своих фальшивых драгоценностей.

Ее тело положили в комнате модистки, где другие члены компании мистера Плесида, а также миссис Филипс, миссис Алан, миссис Маккензи и их мужья - они взяли на себя все хлопоты по погребению - должны были прийти и засвидетельствовать свое почтение.

Место ее погребения было рядом с церковью Святого Джона. Были протесты со стороны прихожан, что не следует хоронить актрису в священной земле, но мистер Алан и мистер Маккензи, являющиеся членами конгрегации, настояли на своем. Однако, могила ее оставалась необозначенной на протяжении более века.

А сероглазый мальчик, который всегда был любимцем компании, изумлялся... Как часто он видел, что его мама лежит вот так и умирает, пока не придет время подойти к ней и поздороваться? На этот раз приходилось ждать больше, чем обычно. Когда же она подойдет и приласкает его?

Был свежий декабрьский день 1811 года. Ему было почти три года. Когда наемный экипаж миссис Алан увозил его по мощенным улицам Ричмонда, он в какой-то момент осознал, что его младшая сестренка Розали тоже умерла.

Его привезли в трехэтажный особняк на углу четырнадцатой улицы и Тобако Элли, который теперь должен стать его домом. Она так и не пришла за ним. Как долго он ждал...

* * *

После продолжительного путешествия мы, наконец, прибыли в герцогство Арагон. Здесь было спокойно, никаких признаков войны. Некоторые подданные Просперо говорили по-французски, другие - по-испански, третьи - по-английски. Но мир и покой здесь были немного сродни кладбищенскому. Если здесь и были вражеские войска, то они ушли несколько месяцев назад. Эта местность была опустошена не войной, а болезнью. Сначала до нас доходили слухи, потом мы столкнулись с ужасающей реальностью - похоронные процессии, па-

нихиды, опустевшие деревни - присутствия Красной смерти, разновидности легочной чумы.

Во время нашего нелегкого пути наступил новый год. Вальдемар снова был несостоятелен. Это касалось принца Просперо и его нынешнего положения. Всего за несколько дней до нашего прибытия принц отошел от всех мирских дел. Но это не был простой карантин. Безразличный к тому, что происходило с большинством населения, он призвал на свою сторону сотню друзей и сподвижников. Под предлогом спрятаться от Красной смерти они - с соответствующим количеством слуг и одним или двумя отрядами солдат - окопались в одном из укрепленных аббатств, где, будучи обеспеченными всевозможной провизией, собирались переждать эпидемию.

И все бы было вполне благопристойно, если бы Просперо не был тем самым человеком, к которому Ван Кемпелен обратился с предложением, дорогим сердцу каждого смертного. Ван Кемпелен предпочел разделить с принцем его затворничество.

Поскольку это касалось Энни, Вальдемар не был уверен, но чувствовал, что, возможно, Темплтон, Гудорелло и Грисуолд тоже находятся в убежище Просперо.

- Укажите мне это место, - настаивал я.

- Это за пределами Таррагоны, - объяснил Вальдемар, жестикулируя, что он теперь себе позволял.

- К северо-западу. Небольшая деревушка под названием Санта Крус.

И мы отправились на восток.

На следующей неделе наша повозка въехала в Санта Крус. Ощущение было жутким, так как городок, в основном, был пуст. Мы обьехали одну улицу за другой, пока, наконец, не увидели в отдалении здание аббатства с солдатами на стенах и везде, где было хоть что-то, напоминающее вход. Я велел возничему править туда.

Когда наше приближение было замечено, раздалось несколько выстрелов в нашу сторону и команды остановиться на испанском, французском и английском языках. Мы подчинились.

Я слез с повозки и сделал шаг в направлении аббатства.

- Стой! - повторил стражник.

- Что тебе надо, англичанин? - крикнул один из них.

- Я ищу людей, которые, возможно, вошли сюда несколько дней назад.

- Если это так, то вы не сможете с ними встретиться, - сказал он.

- Это очень важно. - Я подкинул вверх золотую монету и поймал ее.

- Наш пост здесь, у внутренней стороны стен,- сказал он.- Даже мы не можем пройти дальше. Двери заперты изнутри.

А как насчет записки? Неужели нет возможности передать туда записку?

- Нет,- ответил он.- Никакой возможности.

- Хорошо,- сказал я.- Понимаю. Тогда мне бы хотелось получить кое-какую информацию.

- Никакой информации у меня нет,- сказал он. -Вам бы лучше обратиться отсюдаподобру-поздорову.

- Подожди! Я заплачу,- предложил я.

Он рассмеялся.

- Не притронусь к вашему золоту. Может, оно заражено.

Я набрал в легкие побольше воздуха и голосом, вполне подходящим для военного парада, спросил:

- Солдат, был ли здесь немец по имени Ван Кемпелен? И четверо американцев - трое мужчин и одна женщина?

Он тут же выпрямился, расправил плечи.

- Сэр, я не знаю,- ответил он. - Их тут было так много.

- Спасибо, солдат. Как я понимаю, они не выходят в город?

- Нет, сэр. И на вашем месте я бы не останавливался здесь. Я бы поскакал к границе и гнал бы лошадей до тех пор, пока они не упали. А потом бы бросился бежать.

- Спасибо.- Я повернулся и сел в повозку.

- Что теперь?- спросила Лиги.

- Поедем отсюда,- ответил я.- Остановимся как только исчезнем из их поля зрения. Потом поговорим с Вальдемаром. Энни, может быть, внутри, а, может, и нет, но я буду спрашивать не о ней.

Мы остановились рядом со скелетообразной оливковой рощей.

Когда я объяснил, что нам с Лиги необходимо открыть гроб, другие помогли нам спустить его вниз и пошли прогуляться, остался только Грин, который наблюдал, стоя у меня на левом плече.

Как только я поднял крышку, глаза Вальдемара открылись без предварительного месмеризма. Казалось, что дневной свет тоже не тревожил его. Лиги бросила на меня испытующий взгляд, потом провела над ним несколько раз руками. Не успела она закончить, как он заговорил.

- Что это за место?- спросил он. Это было не в его правилах первым начинать разговор.

- Это Санта Крус возле Таррагоны в Арагоне,- ответила она.

- Здесь происходит что-то необычное?

- Красная смерть забрала здесь почти всех,- сказала она.

- Ах!- сказал он.- Эта прекрасная, прекрасная смерть! Как замечательно! Какое счастье! С какой радостью я бы поменялся местами с любым из них. Уснуть! И никогда не видеть снов!

Я откашлялся.

- Терпеть не могу беспокоить вас мирскими пустяками,- сказал я,- но мне больше некого спросить.

- Ценю ваше предисловие, о, смертный,- ответил он.- Спрашивайте.

- Недалеко отсюда находится огромное аббатство. Мы только что там были,- пояснил я.- Туда невозможно попасть. Оно охраняется. Двери закрыты. Мне кажется, что Ван Кемпелен там, а возможно и Энни, Темплтон, Гудерелло и Грисуолд. Мне кажется, что все большие старинные здания, наподобие этого, часто имеют потайные ходы. Можете вы сказать, есть ли здесь такой ход? Мне очень хочется проникнуть внутрь.

Его глаза внезапно закатились, вновь показались обычные бельма. Руки заняли сове место поперек груди. Прошло много времени, прежде чем он заговорил.

- Есть потайной ход из аббатства в город. Тоннель. Им так долго не пользовались, что я не знаю, можно ли по нему благополучно пройти. Он очень сильно изменился, возможно засыпан. Город над ним перестраивался.

Снова молчание.

Наконец, я спросил.

- Не могли бы вы быть более точным.

- Нет,- ответил он.- Но Ван Кемпелен там, и я чувствую, что это связано с Энни. Она тоже может находиться там.

- Может ли случиться то, что произошло в Толедо? Неудача в случае, если мы пересечем ее путь?

- Да.

- И все же, у меня нет выбора.

Он ничего не сказал.

- Тоннель - единственный секретный путь туда?- спросил я.

- Единственный, который мне виден. Дайте мне отдохнуть.

Я сам сделал успокаивающий жест, не задумываясь над этим. Его глаза закрылись, и крышка опустилась. После этого Грин изобразил свою фонограмму открывающейся бутылки с шампанским.

Вскоре мы снова упаковались и направились в город.

Мы остановились на извозничьем дворе рядом с площадью, и я отцепил саблю от ремня. День клонился к вечеру. Мы с Петерсом

решили отправиться на разведку, чтобы получить общее представление о расположении местности и, возможно, наметить точки вероятного расположения выхода из тоннеля. Лиги вместе с возникшим должны были ждать нашего возвращения.

Мы отправились, Эмерсон, перескакивая с дома на дом и на случайные деревья, следовал за нами. В городе было тихо. Торговые витрины были огорожены. Мы не увидели никого, не услышали ни одного голоса.

- Вас не беспокоит, что чума прошла здесь, а последствия ее до сих пор продолжают сказываться? - спросил я Петерса.

Он не перестал улыбаться.

- Если пришло твое время, значит оно пришло, - сказал он. - А если - нет, значит - нет.

- Я не такой фаталист, - сказал я, - но у меня есть чувство, которое мне передалось от Вальдемара, что пребывание здесь довольно опасно.

- Я бы скорее поверил Лиги.

- Что вы имеете в виду?

- Она ведь умеет не только махать руками и усыплять стариков, - сказал он. - Скажу вам, когда вернемся на корабль.

- Вы имеете в виду, что она колдунья?

Чародейка?

- Поздравляю, - ответил он сдержанно.

Мы прошли мимо пепелища:

пустые глазницы окон зияли в полуразвалившихся черных стенах, среди луж и грязи валялись обуглившиеся обломки. До меня донесся запах застоявшейся воды и гнили. В этом месте Эмерсон спустился на землю и немного поразмялся около нас.

Наконец, мы вышли из этого квартала города и оказались в захламленном с множеством дорог, изрезанных колеями. Когда мы пошли по одной из них, Эмерсон снова исчез. По мере продвижения мы поняли, что все эти здания были взломаны. В связи с хлопотами по перевозке вещей и необходимостью отсрочки отъезда из-за трудностей с транспортом горожане позаботились о сохранности оставленного добра с помощью досок и гвоздей. Некоторые жители этого места не уехали, как могло бы показаться, а участвовали в этом маленьком грабеже.

Пройдя еще немного, мы уже миновали обширные руины какого-то здания, когда услышали доносившийся изнутри смех. Это не был веселый хохот дружеской компании, а лающий хриповатый звук. И все же... Мы с Петерсом переглянулись, и он кивнул.

Мы подошли к фронтону развалин, и Петерс пнул дверь, да так, что она слетела с петель и ударилась о стену. Я бы предпочел быть более осторожным, но Петерс, как всегда, действовал, не зная страха.

Он вполне мог положиться на свои физические способности, которые помогали ему выбраться из трудной ситуации.

Смех немедленно затих. Войдя, мы поняли, что здесь находилось похоронное бюро. Было выставлено для обозрения несколько превосходно выполненных гробов, - сочетание черного дерева с серебром - и я пожалел, что с нами нет Вальдемара, чтобы порадовать его этим зрелищем. Быстро осмотревшись, мы, однако, не обнаружили признаков жизни. Тогда Петерс указал на открытую дверь погреба справа в углу. Я положил руку на рукоятку сабли, и мы приблизились.

Мы заглянули вниз на длинный ряд винных бочек, откуда неожиданно раздался звон разбитой бутылки. В центре комнаты стоял стол, на котором была громадная бочка. Различные фляжки, бутылки и кувшины были рядом сней. Над бочкой на балке был подвешен человеческий скелет. Он был закреплен с помощью толстой веревки, привязанной к одной ноге. Если веревку случайно задевали или дергали, то вторая нога начинала дергаться и выкручиваться. За столом сидело несколько человек, расположившись на заготовках для гробов, а некоторые из них пили из очень белых чаш, которые сильно напоминали части черепов.

Я мог видеть человека во главе стола: сухощавого, почти истощенного с удивительно вытянутым черепом, его кожа была совершенно желтого цвета. Он смотрел на меня.

Напротив него сидели две женщины: одна невероятно тучная, что превосходно оттеняло его стройность; другая - маленькая, хрупкая, пропорционально сложенная, бледная, за исключением пламенеющих щек, с длинным опустившимся носом, который почти касался ее нижней губы. Я решил, что последняя леди больна туберкулезом, и, когда я об этом подумал, ее одолел приступ кашля. Слева от крупной леди сидел сурового вида пухлый старик, сложив руки, положив на стол перевязанную ногу.

В помещении было еще трое мужчин и, хотя угол, под которым я смотрел, не позволял мне хорошо их разглядеть, я мог сказать, что у одного из них были огромные уши и перебинтованная челюсть, а другой был как бы парализован - согнут в неудобной позе, почти без движения. Большинство из них использовало в качестве одежды саван.

Я поприветствовал человека, который смотрел на меня.

- Добрый вечер,- сказал я.

Он ударил белым, похожим на скелеты предметом, который он держал в руке, по столу, от чего бутылки и чашки-черепа подпрыгнули. Достаточно было приблизиться слегка, чтобы понять, что это была берцовая кость.

- Друзья мои, у нас гости,- провозгласил он.

Все повернули головы в нашу сторону, кроме, конечно, парализованного. Он просто повел глазами.

- Мы будем очень рады, если вы спуститесь и присоединитесь к нам, добрый господин,- пригласил хозяин.

Незаметно для него я сделал знак Петерсу остаться.

- Хорошо,- сказал я и спустился по крутой лестнице вниз.

- И кого же мы имеем честь принимать?- спросил он.

- Меня зовут Эдгар Алан Перри,- ответил я.

- А я - Король, это - мои придворные. Мы с радостью примем вас в свою компанию. Пейте, веселитесь перед лицом всеобщей скорби. Не желаете ли череп грога?

- Не сейчас, спасибо,- ответил я. Я ищу тоннель, который ведет к аббатству.

Они снова расхохотались.

- Зачем вам туда? Наша компания много, много лучше.

- Не сомневаюсь в вашей веселости, но я ищу древний тоннель. Он может быть где-нибудь здесь.

- Ну, пожалуй, лучше будет прокопать новый,- сказал человек с перевязанной ногой.- Начиная здесь, а мы потом закончим.

Дамы захихикали. Парализованный закатил глаза. Хозяин ударил костью и отхлебнул немного вина.

- Молчать!- взревел он. Потом, опираясь на кость, как на клюку, он поднялся, подошел ко мне и поднял кость, направив ее на меня. Мне стало не по себе. Я увидел, что он держит ее как фехтовальщик шпагу.

- Будьте так добры, выпейте полный череп грога,- сказал он, левой рукой, нащупав один из черепков и опустив его в бочку,- после чего вы будете приняты в нашу компанию и получите доступ к тоннелю, где бы он ни был. Иначе вам придется причащаться прямо в бочке, пока петух не прокукарекает.

Он протянул мне полный череп, а я взялся за саблю.

- Недружественный акт,- заметил он и сделал жест. Полная дама начала петь.

Петерс, должно быть, просто прыгнул в проем. Его ноги коснулись лестницы только на второй ее половине, и он, оттолкнувшись, ухватился за скелет и повис. Пение прекратилось, раздались пронзительные крики. Король, должно быть, остолбенел, увидев человека, чья внешность была не менее одиозной, чем его собственная, притом гораздо более зловещая. Петерс качнулся и приземлился на стол.

- Марш на лестницу, леди!- крикнул он.- Настало время успокоить все печали.

Король попытался от меня довольно проворно и повернулся к Петерсу, тыча костью. Петерс шагнул вперед и ухватил большой бо-
чонок. Он, должно быть, был довольно увесистым, так как был на-
полнен жидкостью. Но Петерс поднял его, подмигнул мне и начал
опораживать его. Я вскарабкался по лестнице, когда раздались буль-
кающие звуки, перемежающиеся с воплями.

Мгновение спустя я услышалб грохот костей скелета, глухой звук
шагов и хихиканье. Петерс появился из отверстия и одним пинком
захлопнул дверку погребца. Через минуту он уже поднимал тяжелый
гроб, которым придавил выход.

Неожиданно в магазин вошел Эмерсон, свет молодого месяца
показался за его спиной, и начал передразнивать Петерса.

- Я думаю, нам лучше возвратиться,- сказал тогда мне Петерс.-
Все, что могли, мы здесь уже сделали.

Мы последовали в темноту за нашим мохнатым компаньоном.

Извозничий двор залит лунным светом: прекрасная леди сидит
поверх гроба, наши скудные пожитки тут же сложены в кучу, ночная
птица венчает их, восседая на вершине.

- Лиги,- спросил я,- что с повозкой?

- Я услышала, что возчик разгружает ее,- ответила она,- и, когда
я вышла посмотреть, он занял свое место, схватил вожжи и уехал. Он
испугался Красной смерти.

- Он успел сказать об этом?

- Он сказал об этом раньше, сразу, как только вы ушли. Он сказал,
что считает вас сумасшедшим, и предложил уехать с ним.

- Мы можем погрузить все это на тачку, Эдди,- заметил Петерс.-
Может, мне удастся ее достать.

- Неплохая мысль. Что же, давай,- ответил я.

Вот так мы и катили тележку, везущую наши тленные и нетлен-
ные пожитки вверх и вниз по улицам Санта Крус, когда два человека
неверной походкой перешли нам дорогу, направляясь на северо-вос-
ток, один из них был одет по-шутовски пестро.

Я хотел было окликнуть их, но почувствовал руку Петерса на
своем плече.

- Они пьяны,- сказал он.

- Как?

- Вспомните тех, в погребке.

- Но это могут быть и представители нормальных людей.

- Давайте просто последуем за ними, не подходя слишком близко.

- Я думаю, так будет лучше,- сказала Лиги.

Итак, мы перешли на шаг, который позволял нам незаметно идти за этими людьми на порядочном расстоянии, время от времени улавливая обрывки их разговора. Сначала они немного попетляли, но потом, очевидно протрезвев, правильно нашли свою дверь. Я услышал, что одного из них, в шутовском одеянии, зовут Фортунато, а другого - Монтрезор.

Последний раз или два оглянувшись, но я не могу сказать, видел ли он, что мы следуем за ними.

По другим обрывкам их диалога, доносившимся до нас, я понял, что они говорили, причем с большим знанием дела, о вине. По крайней мере, их дискуссия казалась разговором специалистов.

Они замедлили шаг, приблизившись к большому беспорядочно выстроенному античному зданию, расположенному в стороне от других домов. Из их комментариев я понял, что дом принадлежит Монтрезору, хотя, отпирая дверь, он испытал минутное затруднение.

В это время раздался стук из ящика Вальдемара. Лиги расположила свои руки поверх крышки, возможно, делая что-то месмерическое, и - некоторое время спустя - объявила: - Это место, которое нам надо. Мы должны каким-то образом попасть внутрь, так как вход в тоннель рядом.

Мы продолжили свой путь, пока не подошли прямо к входной двери. Вскоре я уже стучал в нее. Нам с Петерсом пришлось достаточно долго колотить, прежде чем Монтрезор ответил. Когда он открыл, удивление, недовольство и чуть заметная тревога отразились друг за другом на его лице, а потом - все вместе.

Думаю, что общий вид нашей компании не внушал доверия.

- Мистер Монтрезор?- спросил я, надеясь, что он хоть немного понимает по-английски.

Он долго изучал меня взглядом, потом кивнул.

- Да. В чем дело?- спросил он.

- Это касается доставки контейнера с различными винами,- объяснил я.

Его взгляд скользнул оценивающе по большому ящику, его тревога и беспокойство улеглись. Он облизал губы.

- Я не понимаю,- сказал он.- Я это не заказывал. Вы продаете его? Это подарок? Вы посыльные?

- Нас, пожалуй, можно назвать посыльными,- сказал я ему.- Хотя в этом городе в такое время обычный посыльный вряд ли зайдет.

- Верно,- сказал он, кивая.- Тогда что же вы за посыльные?

- Мы - это все, что осталось от труппы артистов. Нас послали к принцу Просперо, но мы не успели войти в аббатство перед тем, как

его двери будут опечатаны. Солдаты отказались впустить нас, они также отказались спросить принца, не хочет ли он нас впустить.

- И вот, - продолжал я, - теперь мы вынуждены продать этот контейнер с прекрасными винами за еду и кров, где мы могли бы остановиться. Все это изначально предназначалось Просперо, но люди, доставившие это, бросили все и сбежали из страха перед Красной Смертью.

- Конечно, - пробормотал он, шире открывая дверь и не отводя взгляда от ящика. - Не могли бы вы внести его?

При этих его словах мы все одновременно двинулись вперед. Широко раскрыв глаза, он поднял руку.

- Нет, - сказал он. - Обезьяна и птица должны остаться.

- Их нельзя оставить без присмотра, - сказала я.

- Тогда пусть леди составит он компанию, а вы внесете ящик, - предложил он. - К сожалению, не могу предложить вам помощь, так как мои слуги тоже сбежали.

- Но одно дело чрезвычайной важности вынуждает меня оставаться, - добавил он шепотом.

Неожиданно позади него показался Фортунато, все еще в шутовском колпаке и с бубенцами. Он отхлебнул вина из маленького стеклянного пузырька с отбитым горлышком, потом попытался остановить свой взгляд на нас.

- Куда ты пропал? - спросил он. - Я хотел открыть этот бочонок с Монтал... Монтил...

- Амонтильядо! - пронзительно крикнул Грин и Фортунато отшатнулся с выражением внезапного ужаса на лице.

- Дьявол! - крикнул он, продолжая пятиться назад.

- Нет, - ответил я Монтрезору, - мы не внесем его внутрь, если вы не впустите всех.

- Осел! Лючези просто осел! Тебе это известно, Монтрезор? - внезапно воскликнул Фортунато. - Невежда! Не может отличить шерри от уксуса...

Потом от разразился приступом подозрительного кашля.

- Ничего, - сказал он поспешно с более сильным акцентом, чем у Монтрезора. - Это не чума. От кашля не умирают.

- Нет, - сказал Монтрезор, в раздумье глядя на него. - думаю, тебе это не грозит.

Потом Монтрезор отвернулся от него, отошел в сторону от двери и сделал нам приглашающий жест.

- Входите. Все. В таком случае. Вот сюда. Мы должны отнести его вниз.

Мы вошли и он запер дверь. Петерс и я следовали за ним. Лиги, Эмерсон и Грин - за нами. Фортунато, пошатываясь, ковылял где-то сзади, попеременно то ругаясь, то мурлыкая себе под нос, то ворча по поводу тупости Лючези.

Монтрезор отвел нас вниз по каменной лестнице в свой большой погреб. Пропитанные смолой факелы и большие свечи горели в многочисленных нишах и на подставках. Все это создавало необычную и странную атмосферу в столь уединенной части дома.

Наконец мы спустились вниз и установили ящик, куда нам указал Монтрезор. Это был подземный коридор, который, казалось, уходил в лабиринты катакомб. Мне очень хотелось пройти немного вглубь, так как могло оказаться, что тоннель, который нам нужен, где-то рядом.

На покрытой селитрой стенах кое-где виднелись черепа и другие человеческие кости, и неверные тени, как темные пальцы, указывали на них. Паутины, как рыбацкие сети, висели тут и там, а звук зашебуршившихся где-то при нашем появлении тварей напомнил мне об испытании, через которое я прошел в Толедо и которое еще тревожило мое воображение.

Монтрезор перехватил мой взгляд и улыбнулся.

- Это место когда-то служило кладбищем аббатству, - сказал он, указывая рукой на останки. - Это было все до того, как отец принца Просперо изгнал монахов и взял все в свою собственность.

Мы перенесли гроб на место у стены и установили его, где положено.

- Значит существует связь с аббатством? - спросил я.

Он не ответил, но - к моему изумлению - отвернулся. Я боялся, что он сразу же попросит открыть гроб, чтобы попробовать его содержимое. Вместо этого он немного отошел от нас, и я мог заметить, что его вниманием завладел Фортунато. Фортунато уселся на каменный выступ и разглядывал стройную и высокую фигуру Лиги, завитки ее черных волос с неприкрыто похотливым выражением лица.

Монтрезор пробормотал что-то о напитке, вкус которого мог без труда оценить сын актрисы:

- Разврат, сэр, он притягивает и отталкивает; он пробуждает желание, но гасит воображение... вселяет в вас уверенность и пробуждает сомнение... и, увлекши вас за собой, покидает вас.

Я однако не стал аплодировать, когда он повернулся кругом, я продолжал смотреть на Лиги, которая совершенно игнорировала пьяные излияния чувств.

Наш хозяин приблизился ко мне, слегка коснулся моей руки и отвел чуть в сторону.

- Так вы, мой добрый друг, все еще хотите найти вход в аббатство? - спросил он.

Я поклонился. Не могло вызвать сомнения, что этот жест был более шутивым, нежели свидетельствующим о природной покорности характера.

- Это наше сугубенное желание, сэра, - ответил я.

- В таком случае, позвольте мне вам показать. Здесь, действительно, есть тоннель, - сказал он. - Он замурован со стороны аббатства, перегороден стеной еще в бытность моего отца, или может деда. Теперешний принц ничего не знает об этом ходе.

- Замурован! - воскликнул я. - Тогда как мы его сможем пройти?

- Это довольно просто, - объяснил он. - Я дам вам необходимые инструменты: молотки, пробойники. У таких крепких ребят, как вы, не будет трудностей с довольно тонкой стеной на том конце хода. Вы окажетесь в самом отдаленном уголке здания аббатства. Но - это очень важно - как только вы попадете внутрь, вам следует восстановить разрушенную стену. Потом вы непременно должны спрятать инструменты, опустить их на дно одного из многочисленных колодцев в подвалах аббатства. Иначе принц может обнаружить тоннель - таким образом он узнает, что кто-то проник в его убежище и возможно занес инфекцию - и выследит вас, и ...

Тут Монтрезор прервал свою речь и быстрым движением накрыл ногой и раздавил ползущего по каменному полу таракана. Мгновение мы молча наблюдали сцену.

- Принц, - сказал он в заключение, - боится только одной вещи. И это - Красная Смерть.

Мы одобрили план Монтрезора. Единственной помехой был Вальдемар. Его следовало оставить. Я не мог решиться открыто заговорить об этом с моими друзьями, пока Монтрезор был рядом. Но Лиги нашла выход из трудной ситуации. Ее плащ выразительно затрепетал, и она резко обернулась ко мне.

- Эдгар, я очень хорошо подумала, - объявила она с дрожью в голосе. - Я не могу пойти с вами. Я боюсь ступить во владения принца, который известен своей жестокостью. Вы должны пойти без меня.

Сейчас ли, а может быть давно, я подсознательно почувствовал какую-то связь между этими двумя - Лиги и Вальдемаром - которая не зависела от месмеризма. Странное чувство.

Монтрезор в упор посмотрел на нее, словно собиравшись возразить. Однако наш внушительный вид, сила и бесстрашие заставили его промолчать.

Мы услышали храп и посмотрели в сторону Фортунато. Он совершенно отключился и почти съехал на пол со своего каменного выступа. Петерс взглянул на него, потом подошел, взял его колпак и бубенцы и

примерил на себя. Спящий заворочался, но не проснулся, когда Петерс освободил его и от цветастого жакета. Монтрезор наблюдал за этим, но ничего не сказал.

Мы с Петерсом взяли факел и инструменты. Потом - Эмерсон позади - мы вошли в темный тоннель. Я был поражен, увидев в чулане, где мы брали инструменты, бочку, наполненную свежим известковым раствором.

Проход был низким, извилистым, затянутым паутиной. Им, на самом деле, не пользовались много лет.

Мы прошли совсем немного, когда поворот скрыл нас от двух, наблюдавших за нами людей, Лиги и Монтрезора. Там, за поворотом осталась и согнувшаяся фигура Фортунато в белом исподнем. Еще сто шагов, и я представил, как Лиги с Грином на плече поднимается по лестнице, идет в отдаленный конец дома в свою спальню, предоставив остальных самим себе. Мне даже казалось, что я слышу вновь и вновь повторяющиеся винные трюки Грина.

Он шел по плубе старинного судна. Колени дрожали, суставы болели. Время от времени он цеплялся за морские инструменты из потускневшей меди и позеленевшей бронзы. Бормоча что-то себе под нос, он обычно шел вверх посмотреть показания приборов. Над водой висела полярная пелена, мимо, скользя, проплывали льдины. Его старинная команда бродила тут же, а над головой кричали странные птицы. Временами казалось, что кто-то делал попытку обратиться к нему тихо и невнятно, дергая его за рукав, преследуя во время его обходов. Но всегда, стоило ему обернуться, фигура убегала, исчезала. Слов никогда нельзя было разобрать. Тогда он возвращался в свою каюту поразмышлять, докопаться до сути...

По проснулся в холодном поту, руки его дрожали. Так много было этих снов, некоторые совершенно ужасные - ну хотя бы тот, с ямой и маятником. Пусть этот, последний, был не так ужасен, как предыдущий, и не так абсурден, как встреча с Королем и его свитой в чумном городе, он оставлял неизгладимое чувство потери и отречения. Он потер увлажнившиеся виски.

...И он плыл, словно бы вне пределов человеческого понимания, его размышления не имели ничего общего ни с мыслью, ни с чувством. И все-таки он должен был продолжать свой путь наперекор ветрам и потокам перемен и событий. Потерянный, потерянный.

Часть VIII

И вот мы отправились по длинному потайному ходу через лабиринты ниш и подвалов, пока не уперлись в каменную стену. Мы очень долго прислушивались, прислоняясь к стене в разных местах, но ничего не было слышно. Сквозь щели между камнями, где глина раскрошилась и выпала, мы пытались увидеть свет внутренних помещений, но ничего не было видно.

Мы принялись долбить стену молотками и пробойником. Вековая пыль припудрила нашу одежду, кожу и волосы, попала в рот и в глаза; вскоре, однако, мы сделали достаточно большое отверстие, чтобы через него мог пролезть человек и оказаться на самом нижнем уровне владений Просперо.

С другой стороны мы с Петерсом и Эмерсон попали в чулан, заставленный огромными тюками и ящиками; у нас не было времени угадывать их содержимое. Быстро, при свете факела мы заделали стену, положив на место камни, которые вынули, и оставив инструмент внутри тоннеля. Конечно, у нас не было замазки, но в этом темном углу возможность проверки была почти исключена. Для маскировки мы все же передвинули один из огромных ящиков на то место, где оставались следы нашей работы.

- Что дальше, Эдди? - спросил Петерс.

- Я думаю, нам надо выйти наверх и постараться затеряться среди обслуги, - указал я на его пестрый костюм, взятый на прокат. - Мы - артисты. Ты одет соответствующим образом, я - нет.

- Ты смеешься? Знаешь какие-нибудь акробатические трюки?

Я покачал головой.

- Боюсь, что нет.

- Тогда ты можешь быть дрессировщиком. В паре с Эмерсон.

Обезьяна слезла с ящика и подошла к нему.

- Ты будешь выполнять все команды Эдди, когда мы поднимемся наверх. Понятно?

Эмерсон попрыгал и встал передо мной. Я вытянул правую руку.

- Здравствуй, - сказал я.

Обезьяна сделала шаг вперед, схватила мою руку и потрясла ее.

- Предполагаю, - сказал я, - что там наверху достаточно много таких, кто делает повседневную работу: слуг, поваров, проституток, солдат, артистов. Поскольку они находятся здесь недавно, они еще не могли хорошо узнать друг друга, поэтому пара новых лиц среди других артистов вряд ли кого насторожит. Я возьму Эмерсон и посмотрю, как нам удастся смешаться с остальными. А ты выждешь здесь около часа, потом поднимаешься наверх и попробуешь сделать то же самое.

- Мне кажется, уже довольно поздно. Может быть там, наверху, их сейчас не так уж много.

- Просперо всегда был не прочь повеселиться. Он может кутить каждую ночь допоздна. Мы увидим. Осмотрись вокруг. Может найдешь подходящее место для ночлега.

- Хорошо, - кивнул он.

Мы поставили лестницу, я вскарабкался на нее, Эмерсон рядом. Перед нами было несколько коридоров. Я выбрал один из центральных на уровне первого этажа. Он вывел меня как раз во двор, который походил не больше не меньше, как на цыганский бивуак. Он был освещен факелами и кострами, разделен натянутыми веревками на секции, которые были заполнены палатками и тентами. Сквозь эти импровизированные стены можно было услышать обрывки разговоров, звуки скрипок и гитар, люди танцевали, пили, ели, дети плакали, собаки бродили, в дальнем конце двое мужчин дрались. Двор со всех сторон был окружен зданиями, которые сообщались между собой. Самым мощным из них казалось то, что было на северной стороне. Оно было освещено лучше других и подойдя к нему в процессе своей прогулки, я понял, что большая часть шумов доносилась из него.

Никто не остановил меня и даже Эмерсон не был уникален в качестве ручного зверя. Тут было два дрессированных медведя и группа ученых собак.

Несколько кругов по двору, и любопытство, которое мы, возможно, вызвали, уступило место равнодушию. Я выяснил, что некоторые из слуг, артистов и различных служащих занимали помещение в северном крыле двора. Но при ближайшем осмотре эти комнаты оказались маленькими, сырыми, лишенными окон и вентиляции, как правило. Поэтому мне стало понятно, почему многие предпочитают оставаться на улице. Позднее я узнал, что это - бывшие монашеские кельи. По достоинству оценив их стойкость и силу духа, я нуждался в убежище, которое было бы в более тесном соседстве с основной жизненной артерией здесь.

Чуть позднее я встретил Петерса в пестром костюме, который слонялся, как и я. Он согласился с моими размышлениями по поводу нашего пристанища. Мы провели эту ночь в конюшне. Никто против этого не возражал и даже, казалось, никто не заметил дальнейший осмотр этого помещения привел нас в укромный уголок за стойлами,

где можно было привязать Эмерсон таким образом, чтобы он в случае необходимости мог легко освободиться. Мы с Петерсом обосновались на небольших палатах, куда, похоже, складывали ненужную упряжь. Я уже привык к конюшням во время службы в кавалерии и мое пребывание здесь было своеобразным продолжением.

Мы с Петерсом ели суп с хлебом за общим столом для артистов. Эмерсон добывал себе продукты второго сорта и таким образом, похоже, удовлетворял свои потребности. Подозреваю, что это были фрукты и овощи, остававшиеся после пиршеств Просперо.

Дни шли. Мы провели большую часть недели изучая расположение и делая карту этого места. Что касается знати и их свиты, богатых купцов и их сопровождения, мы видели их нечасто и издалека, но Ван Кемпелена среди них не было. Не было видно и Энни. И в то время, как я считал, что знаю Грисуолда по моему ночному кошмару с ямой, то мимо Темплтона и Гудфелло я мог пройти, даже не узнав их. А январь уже перешел в февраль. Я боялся что-либо предпринимать, пока мы как следует не ознакомились с обстановкой. Но этот момент уже приближался и я уже задумывался над ходом наших действий.

События однако предупредили какие бы то ни было шаги с моей стороны. Как-то раз мы с Петерсом возвращались в конюшню после завтрака, собираясь порепетировать номер, который мы придумали: немного мимики со стороны Петерса, Эмерсон был акробатом, а я шутом. Мы надеялись этим добиться доступа в часть аббатства, до сих пор закрытую от нас. Когда мы подошли поближе, то услышали жалобные крики и поспешили узнать, в чем дело.

Их источник, очевидно, находился в центре довольно большой толпы непосредственно перед конюшней. Когда мы протиснулись вперед, крики продолжались, но я не мог понять, что там происходит.

- Подними меня на плечи, Эдди, - сказал Петерс.

Я согласился, присел на корточки. Он взобрался мне на спину, я ухватил его за щиколотки и встал. Он был тяжелый, но ловкий. Он пробыл на высоте недолго, потом спрыгнул вниз. При этом он произнес проклятия.

- Что там? - спросил я.

- Они порют парня, - сказал он, - совсем мальчишку. Спина совсем голая. Плетью.

Он толкнул локтем мужчину справа.

- Эй, приятель, - спросил он, - за что его?

Мужчина ответил что-то по-испански.

- Украл зерно предназначавшееся лошадям принца, - перевел Петерс. - Просперо приказал выпороть. Он и несколько его людей наверху впереди. Наблюдают.

Крики прекратились. Мы подождали, когда толпа начала расходиться. Я хотел взглянуть на Просперо. Петерс спросил одного из людей, кто из присутствующих на площади был принцем. Нам указали на высокого красивого мужчину, стоявшего среди министров и придворных, который пересмеивался с ними, когда мальчика отвязывали. Он сказал что-то человеку, который руководил наказанием - что, я так и не разобрал, потому что смотрел мимо него.

Она стояла в дверном проеме здания слева от меня, подняв руки к губам, с расширившимися от ужаса глазами, чуть не плача. Энни. Она повернулась, не заметив меня, и удалилась внутрь. Я немедленно последовал за ней.

Это здание - на западе - соединяло монашеские апартаменты с укрепленным зданием, где была резиденция Просперо и убежище его соратников. На каждом этаже был коридор, по сторонам которого были расположены комнаты большего размера, чем кельи, но не такие роскошные, как в северном здании, и не такие просторные, как в восточном.

Когда я дошел до коридора, внимательно посмотрел в оба его конца, то заметил, как она удаляется из-за поворота направо от меня, где, я знал, была расположена лестница.

- Энни! - позвал я, но она почти уже скрылась из вида.

Я бросился следом и, когда добежал до лестницы, стал взбираться вверх через ступеньку.

Снова поворот на север, на этот раз слева от меня. Впереди. Теперь уже недалеко. Быстрее.

- Энни!

Она замедлила шаг, оглянулась, остановилась, внимательно посмотрела, когда я приблизился, освещенный верхними окнами. Ее нахмуренные брови сами собой расправились, потом она заулыбалась.

- Эдди!

Она была такой, какой я помнил ее по своим видениям: светло-каштановые волосы, дымчато-серые глаза. И вот она уже плачет у меня в объятиях.

- Прости меня, - сказала она, - прости. Я не хотела.

Тогда я спросил: - О чем ты говоришь?

- Это. Все из-за этого, - объяснила она, жестикулируя, - страдания По. Твои. Мои. Прости меня.

Я покачал головой.

- И все же не понимаю, о чем ты говоришь.

- Всю свою жизнь, - сказала она, - я пыталась соединить вместе нас троих - в одном, прочном и реальном мире. Это не мое королевство

у моря. Вот почему мы здесь. Темплтон сумел овладеть моими усилиями и повернуть их по-своему. Я до сих пор не знаю, как...

- Я знаю, - сказал я. - Этот путь теперь для него закрыт. С другой стороны, он, очевидно, может использовать тебя по своему усмотрению с помощью наркотиков и месмеризма, что он и сделал в Толедо.

- Толедо?

- Яма, маятник. Лиги сказала, что он использовал тебя, чтобы исказить мои чувства, возможно, даже саму реальность. Я до сих пор не могу понять, что из случившегося со мной в тюрьме - правда, а что - галлюцинация.

- Яма и маятник! - воскликнула она. - И ты, действительно, прошел через это? Я думала, это просто ночной кошмар, сон, который я видела. Я...

- Все в порядке. Это уже позади. Не будем больше об этом. Тебя обманули.

Я спросил себя. держа ее в руках, неужели наше сверхестественное тройственное родство держится на невероятных усилиях с ее стороны! По правде говоря, я всегда считал По и себя соперниками, влюбленными в нее. Хотя прошло столько времени, что во мне успели зародиться ростки симпатии к моему двойнику. Я думал о нем, как о брате, я испытывал яростное желание помочь ему защититься от наших общих врагов. Но что Энни - источник всего этого..!

- Он забывает нас, ты знаешь, - сказала Энни, отстраняясь от меня. Она вынула из рукава носовой платок и вытерла слезы. - И не так меня, по крайней мере, еще сейчас, но он уже больше, чем наполовину забыл тебя. И он сомневается в существовании любых других миров, кроме того, в котором он принужден жить. Он не осознает, что сейчас приговорен жить в ложном мире.

- Я видел все это своими глазами, - сказал я, - и я прошу за него прощения. Но чем я могу помочь ему сейчас? И если уж я наконец нашел тебя, я могу вызволить тебя из этого ужасного места. Мы отправимся куда-нибудь, где мир и покой. Возможно, мы найдем способ помочь ему.

- Все не так просто, - сказала она, - не так просто. Но скажи мне, что это за Лиги, о которой ты упомянул?

Я почувствовал, как тепло прихлынуло к лицу.

- Ну, она работает на Сибрайта Элисона, - сказал я, - человека, который направил меня по этому маршруту. Она, похоже, сильный месмерист, возможно, даже больше. Почему ты спрашиваешь?

- Мою мать звали Лиги, - ответила она, - а это имя такое редкое, что, услышав его, я была поражена.

- Она была высокой, темноволосой, довольно привлекательной? - спросил я.

- Я точно не знаю, - ответила она. - Я росла сиротой, как ты, как По. Я жила с родственниками, когда мои родители путешествовали за границей. Когда родственники умерли в результате несчастного случая, меня взяли к себе и воспитали их друзья. Они переезжали. А мои родители так никогда и не пришли ко мне. Мои приемные родители сообщили мне имя моей матери, но у них не было ее изображения, которое я могла бы увидеть.

- Как звали твоего отца?

- Я точно не знаю.

- Может, Вальдемар?

- Я... Я не знаю... Может быть. Да, возможно.

Я взял ее за руку.

- Пойдем, - сказал я, - мы можем выяснить это потом. Давай уйдем отсюда - из этого места, этой страны, этого мира, наконец. Я знаю секрет, как выбраться из аббатства.

Она пошла со мной вниз по лестнице, назад по нижнему коридору во двор, где я нашел Петерса и представил их друг другу. Петерс тоже был не один. С ним была аппетитная темноволосая девушка очень маленького роста, с которой он только что познакомился среди артистов. Представляя, он назвал ее Тринетта. Она была танцовщица, и он объяснил, что она из деревни с верхней Миссури, совсем недалеко от того места, где он родился. Возможно, они даже дальние родственники.

Я был не склонен обсуждать наши дела в присутствии миниатюрной леди, независимо от ее степени родства моему другу. К счастью, ей надо было спешить на репетицию, и вскоре она простилась с нами, но до этого они с Петерсом условились встретиться снова в этот же день, но позднее.

- Я не знал, что ты назначил это время, - сказал я, когда она ушла.

- Я пытаюсь убедить Энни уйти с нами сегодня.

Разговаривая, мы прошли через площадь. День был довольно душный, небо над головой стало темнее, чем обычно.

- Мы не можем, - сказала Энни, - у меня не было возможности объяснить это раньше. но дело в том, что принцу Просперо не подходят условия, на которых Темплтон и Грисуолд предлагают Ван Кемпелену осуществить свой замысел.

- Ты что-то хочешь знать об этом, Энни? - сказал я. - Я бы не дал и ломанного гроша, чтобы узнать, кто наконец завладеет всем золотом мира. Я отправился в это путешествие лишь для того, чтобы вызволить тебя отсюда, а потом помочь По, если сможем. Я благодарен Сибрайту Элисону за его участие, но ему не грозит голодная смерть от того, что

золото станет стоить, ну скажем, половину его нынешней цены. Случай, свидетелями которого мы были сегодня утром, показывает, как свенравен и жесток Просперо. Я считаю, что оставаться возле него небезопасно. А за этими стенами вовсю свирепствует чума. Самое разумное, что мы сейчас можем сделать, это немедленно покинуть это место и бежать до тех пор, пока не окажемся за пределами этой стены.

Она прикрыла своей рукой мою.

- Перри, милый Перри, - сказала она, - если бы все было так просто. Меня тоже совсем не волнует золото. Разве ты не знаешь, что это даже не главное достижение алхимии? Но здесь на карту поставлены судьбы. Если Ван Кемпелен договорится с Темплтоном и Гудфелло, мы не сможем помочь По. Их вмешательство сделает его вечным изгнанником.

- Я не понимаю.

- Это касается возможностей и ключевых связей между личностями. Поверь, я знаю, чем это может обернуться.

- Ты ни разу не упомянула Грисуолда, - сказал я. - Что с ним?

- Я думаю, он уехал назад в Америку.

- Зачем?

- Я не знаю.

Какое-то время мы шли молча. Потом я сказал:

- Лиги говорила, что Грисуолд не просто алхимик и месмерист. Она предполагает, что он, своего рода, колдун.

- Возможно, - сказала она. - Да, это, пожалуй... объяснило бы многое. В нем есть что-то темное и загадочное.

- Тогда я настаиваю, что мы должны бежать, - сказал я. - Мне кажется, не имеет решающего значения, сможет ли здесь и сейчас Ван Кемпелен договориться с Темплтоном и Гудфелло. Главное, когда к делу подключится Грисуолд, они смогут осуществить все, что захотят. Я предлагаю сейчас уйти со сцены и нарушить их планы позднее, в Америке. Элисон, возможно, смог бы тогда нанять охрану, чтобы провезти нас потом домой.

Она покачала головой.

- Мы не знаем, почему уехал Грисуолд, - сказала она. - Но ему нет нужды присутствовать, чтобы процесс происходил. Что если Темплтон и Гудфелло договорятся с Ван Кемпеленом здесь и серьезно решат осуществить работу здесь? Если они преуспеют в трансмутации достаточного количества металла, мы никогда больше не увидим По.

- Они не сделают этого. По все еще в безопасности, - сказал я. - Никто, если он в здравом уме, не будет делать золото, находясь во власти такого человека, как Просперо. И не говорите, что это можно сделать тайно. Золото - тяжелый металл. Было бы неосмотрительно

производить его в таком месте, как это, а потом встать перед лицом трудностей по транспортировке его. Пусть делают свое дело, если смогут. Мы остановим их позднее.

- Извини меня, - сказала она. - Мы не можем себе позволить воспользоваться этим. Я буду чувствовать себя виноватой, если это случится, когда мы уедем. А находясь здесь, я, возможно, смогу остановить это.

- Даже если тебя накачают наркотиками? Или воздействуют с помощью месмеризма?

- Я буду осмотрительна в том, что касается еды и напитков. При этом, я сильнее Темплтона. Им не удастся использовать меня снова, как это было в последний раз.

- Если ты им будешь не нужна, они постараются избавиться от тебя. Это безжалостные люди.

- Нет, - уверенно сказала она, - я знаю, что буду нужна им для чего-то другого. Позднее.

Я вспомнил слова Лиги об уничтожении ее личности и содрогнулся. Но сейчас я ничего не мог сказать об этом, так как сам не все еще понимал и не хотел вдаваться в длинные объяснения.

В этот момент я вспомнил, как убил человека. Это было по долгу службы во время боя. Но какая разница в форме ты или нет? Смерть есть смерть. Почему государство должно иметь право решать, кто ее заслужил, а кто - нет? И мне пришлось в голову, что самым простым решением нашей проблемы было бы убить Ван Кемпелена. Пусть тайна умрет вместе с ним. Тогда Энни будет спасена, По будет спасен, Элисон будет счастлив. Я воскресил в памяти образ полного пучеглазого человека, который угощал нас чаем, который пожелал нам доброй ночи и удачи, когда мы бросились бежать по крышам. Он казался вполне благопристойным и я не мог заставить себя возненавидеть его за беды, причиной которых он был. В то же время, оставить его в живых означало лишиться Энни. Я, наверное, все же сумел бы ожесточиться и исполнить этот план. Конечно, я постараюсь сделать это как можно безболезненней. Один верный удар саблей...

- Перри!

Энни остановилась и смотрела на меня с выражением ужаса на лице.

- Пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не делай этого.

- О чем, о чем ты говоришь? - спросил я.

- Я видела тебя с окровавленным клинком, стоящим возле Ван Кемпелена, - сказала она. - Ты должен дать мне обещание, что не убьешь его. Пожалуйста! Мы должны найти другой путь.

Я рассмеялся.

- Пожалуйста, - повторила она.

- Я сам только что видел, - сказал я, - что это значит жить рядом с таким человеком, как ты. Это значит никогда не завести на стороне интрижку и не выпить украдкой с друзьями.

Она улыбнулась.

- Я просто вижу вперед ужасные последствия поступков, - объяснила она.

- Именно это я и имел в виду. А сейчас ты видишь мое обещание?

Она кивнула.

- Постараюсь найти другой путь, - сказал я.

- Спасибо, - сказала она. - Я уверена, что тебе удастся.

Мы прошли еще немного, и она провела нас по северному зданию, объяснив его планировку. Показала, где были расположены комнаты Темплтона, Гудфелло и Ван Кемпелена, а также большой обеденный зал с огромными часами из черного дерева, которые печально отсчитывали удары на западной стороне зала. Энни сказала, что часы бьют настолько громко и необычно, что если идет музыкальное представление в тот момент, когда наступает новый час, музыканты вынуждены бывать прекратить игру, пока часы не завершат свое дело. Мы проводили ее до комнаты и я условился встретиться снова днем.

Потом я предложил Петерсу похитить ее и ночью вывести отсюда для ее же пользы. Тогда мы смогли направиться домой и там выслеживать Грисуолда.

- Нет, сэр, - сказал он, - она не такая. Она - как Лиги. Вокруг нее облако таинственности. Она знает обо всем лучше вас, и я не буду ей мешать.

- Но даже такие люди не во всем бывают правы, Петерс.

- Это мое последнее слово, Эдди.

- Хорошо, - сказал я. - Мы подождем и посмотрим, что будет дальше.

После этого я каждый день встречался с Энни, и она смогла показать мне Гудфелло - крепкого, грубоватого и улыбчивого - и Темплтона - высокого, худого с глазами-ямками под нависшими бровями. Мы с Петерсом старались не попадаться на глаза Ван Кемпелену, так как не были уверены в его лояльности. Между нами тремя была договоренность, что если он попытается сделать золото, мы вмешаемся, даже физически, если возникнет необходимость. Время быстро приближалось к весне, и он ничего не предпринимал. Он, видно, не достиг никакого соглашения ни с кем, как сообщала Энни. Я спрашивал себя, какую тактику он избрал, как долго он собирался мучить такого человека, как Просперо, не рискуя оказаться в новых покоях с глубокой ямой и маятником для личного пользования. У меня было предчувст-

вие, что скоро что-то должно случиться. Возможно, Темплтон и Гудфелло поставят его в такие условия, когда он не сможет отказаться. А может, мы все чего-то ждем? Чего? Что Грисуолд возмет дело под свой контроль? Интересно, будет ли Энни возражать против убийства Грисуолда, если я сделаю это в справедливом бою?

В последующие дни я вновь и вновь задавался вопросом, не получил ли Петерс секретного указания от Элисона следовать в определенных обстоятельствах воле Энни, а не моей. Хотя этого я никогда не узнаю, все же интересно, стал бы он активно мне противостоять, если бы я сделал попытку забрать Энни отсюда против ее воли. Впрочем, я этого не сделаю. Просто ее доводы убедительны, а я очень обеспокоен тем, чтобы угодить ей.

Петерс, кажется, сам уже целиком поглощен своими чувствами к маленькой танцовщице. Предполагаю, что Трипетта - еще одна причина, по которой он не торопится отсюда.

В свое представление мы вложили больше фантазии. Мы репетировали, стараясь достичь сходства с разыгрываемыми нами персонажами. И все же мы боялись, что нас могут узнать, если мы выйдем на сцену, так как Ван Кемпелен знал нас, и еще мы не исключали возможность, что Грисуолд или даже Темплтон могли с помощью экстрафизических методов воссоздать наше изображение и показать его окружающим. Не было смысла поэтому испытывать судьбу. Но чем больше мы об этом думали, тем чаще приходили к выводу, что с помощью маски или яркой раскраски лица мы могли бы без опасений участвовать в любой комической сценке.

К счастью, не существовало строго установленного графика представлений. Принц или его поверенный вызывали, когда придется, в любое время дня или ночи, одну труппу артистов или другую. Многие из них - обычно музыканты и жонглеры - приходили сами, занимали место среди гостей, поднимали, бросаемые на пол монеты, на тот случай, когда они смогут свободно покинуть аббатство и истратить их по своему усмотрению.

Петерс был более приспособлен к сценической деятельности, чем я. Может быть еще и потому, что это давало ему возможность чаще бывать в обществе Трипетты. Поэтому неудивительно, что однажды вечером он присоединился к группе клоунов и акробатов, которым нужен был кто-нибудь на место их товарища, сломавшего ногу во время выполнения одного из наиболее дерзких трюков. Я не придавал этому особого значения, даже и на следующий день, когда вся труппа была приглашена вновь. Я не волновался до тех пор, пока принц не стал просить устраивать для себя соло-представления. Но, как выяснилось, беспокоиться было не о чем.

Цветастый костюм отлично скрывал его мощные бицепсы, и он проявил удивительный талант и умение в клоунаде, которых я от него

не ожидал. Для него оказалось делом нескольких дней стать любимым шутом принца.

Вскоре наступил март, и я с возрастающей уверенностью начал понимать, что Петерс для Трипетты был всего лишь очередным увлечением из среды актеров; она не принимала его всерьез.

Однажды я даже позволил себе довольно глупый и бестактный поступок. Отозвав ее в сторону, когда она шла на представление, я не спросил Трипетту напрямик о ее намерениях относительно Петерса, но попытался выяснить, как она, мучая и водя его за нос, может не замечать, что это влияет на его способность играть на сцене и быстро реагировать. А ведь ему нужна ясная голова, если требуют обстоятельства.

Она одарила меня очаровательной улыбкой и присела в реверансе.

- Да, сэр Гигант? - ответила она на мое приветствие. - Чем могу служить?

- Немного информации, прекрасная мисс, - сказал я. - Вам должно быть известно о внимании моего друга Петерса?

- Шута? Было бы трудно этого не заметить, сэр Гигант, потому что он везде, куда я ни пойду: улыбается, как сумасшедший, кланяется, предлагает цветок.

- Вы ему очень нравитесь, Трипетта. Хотя ваши сердечные дела, конечно, не мое дело, так сказать, дружба обязывает меня выйти за рамки обычной вежливости и спросить о ваших чувствах по отношению к нему. Это, так сказать...

- Чувствую ли я, что шут сам себя дурачит? - закончила она. - Говоря напрямик, мой ответ - да, сэр Гигант. Я не хочу оскорблять чувства деревенского парня, но сам принц Просперо уже два раза мне улынулся и отметил мою красоту. У меня гораздо более далеко идущие планы, чем союз с человеком, который является живым воплощением того, что заставило меня покинуть дикие края Америки. Я, сэр Гигант, настоящая леди; я чувствую, скоро я поднимусь на более высокую ступень в жизни и мой вкус и таланты будут по достоинству оценены.

- Спасибо, мисс Трипетта. Очень приятно было услышать что-то конкретное в тумане придворного многословия.

- Всегда к вашим услугам, сэр Гигант, - сказала она, снова приседая в реверансе. - И можете передать вашему другу, что из всех, кого я знала, он исключительный дурак.

- Передам ваш комплимент.

Я сделал поворот на сто восемьдесят градусов и удалился.

Позднее, когда я передал наш разговор Петерсу, опустив вступление, чтобы преподнести его как случайный, он только улынулся

самой добродушной из своих демонических улыбок и оценил это как проявление остроумия с ее стороны. Тогда я понял - а может, знал давно - что говорить бесполезно, все равно она разобьет ему сердце, что бы я ни говорил и как бы ни говорил.

Мне очень нужен был совет Лиги или Вальдемара. Но с этим придется подождать.

Это было не просто место, куда она ходила петь. Сегодня она пришла, чтобы побыть одной, что в эти беспокойные дни делала все чаще и чаще. Она шла босая по широкой темной глади; недалеко от нее море то с шумом накатывало, то отливало; горы, там, где сливались с небом становились медными, эхо от выбрасывающихся на берег волн снова возвращалось в море. Ее контральто выделялось на фоне их низкого гула, когда она повернулась и пошла по пустынной тропинке сквозь клонящийся к земле влажный бурьян, стеклянно-гладкие разноцветные камни, раковины, обломки кораблекрушений, щепки. Именно среди этих морских останков в коралловой пещере она нашла его - оранжевая, красная, зеленая и желтая, все еще пропитанная влагой, она словно вобрала в себя краски всех радуг, стоявших над ней веками. Он отвернулся и вытер глаза, когда почувствовал, что она была близко. Повернувшись снова, он увидел ее.

- Леди, - сказал он, - простите.

- И ты меня прости, - ответила она. - Я думала, что это место для радости.

- Вы...

- Конечно, Энни, - ответила она.

- Но вы такая взрослая!

- Да. Подойди ко мне.

Он подошел и она обняла его.

- Значит, ты моя мама? - спросил он.

- Конечно, - сказала она ему. - Кто угодно, Эдди. Тот, кто тебе больше всего нужен.

Неожиданно он заплакал опять.

- Мне приснилось, - сказал он, - что я взрослый тоже. Это так мучительно...

- Я знаю.

- Я думаю, что не вернусь обратно. Я верю, что буду жить здесь всегда.

- Если хочешь. Где бы ты ни был, ты всегда найдешь здесь свой дом.

Через час или через год он отошел от нее и повернулся.

- Ты слышишь? - спросил он.

Эхо отлива все еще висело в воздухе вокруг них, и она только кивнула в ответ.

- Оно зовет меня.

- Я знаю.

- Я должен идти к нему.

- Нет. Не надо.

- Тогда я хочу. Остальное - боль.

Она схватила его за руку.

- Прости, - сказала она, - я никогда не предполагала, что мир может использовать тебя таким образом. У меня была мечта. Для нас. Ее сломали. Тебя заманили, туда, где боль. Я люблю тебя, Эдди. Ты слишком чист душой, чтобы принять мир, который тебе предлагают.

- Он дал мне видение, Энни.

Она посмотрела в сторону.

- Оно стоило того? - спросила она.

Он поклонился и поцеловал ее руку.

- Конечно, - ответил он.

Они вслушивались в эхо грустного, протяжного, удаляющегося гула. Потом он сказал:

- Теперь я должен идти.

- Подожди немного.

- Тогда спой мне.

Она пела и пение созидало; море стало самой ее песней. Зебры теней окружили их своим забором.

- Спасибо, - сказал он наконец. - Я тоже люблю тебя, Энни. Всегда любил и буду любить. Сейчас, однако, я должен идти туда.

- Нет. Ты не пойдешь.

- Да. Я пойду. Я знаю, ты можешь удержать меня, - ведь это твое королевство. - Его взгляд упал на их руки. - Пожалуйста, не надо.

Она вглядывалась в сероглазое детское лицо сквозь сорок лет, отпечатавшиеся на нем, как-будто смотрела из гроба, потом она разжала руку.

- Bon voyage, Эдди.

- Au revoir, - сказал он. Повернувшись, он направился на восток, куда ушло море. Оно давало о себе знать то глухими ударами, то равномерным пением, потом его голос зазвучал на тон выше.

Она повернулась и пошла в другую сторону к берегу. Медные горы стали угольного цвета. Небо нависло и озарилось молниями. Она села на камень, озаряемая их вспышками, и стала слушать, как идет кроваво-теплый прилив.

Часть IX

В эти апрельские дни, согретые теплым солнечным светом, голубой клочок неба притягивает к себе. Ночи становятся упоительными: гитарные переборы, ритмы Фламенко, встречи у костра под постоянный аккомпанемент звуков пиршества, доносящихся из северного здания. Более сдержанными были развлечения двора. Здесь царили пресыщение и усталость. Принц Просперо обрюзг, его лицо приобрело красноватый оттенок, он даже стал немножечко прихрамывать. Теперь в ряд прочих удовольствий им были зачислены восточные наркотики. Он курил бенгальский опиум, который вызывает, как мне сказали, кошмарные видения.

Меня не было, когда это произошло. Я совершал очередную ночную прогулку с Энни. Несмотря на обстоятельства я всегда буду считать это время счастливейшим в жизни. На фоне опасности и отчаяния этот свет кажется еще ярче.

Когда мы шли по освещенной свечами галерее, восхищаясь исключительной живописностью древних гобеленов, украшавших стены и моливших о реставрации, к Энни подбежала служанка одной из министерских жен. Она ухватила ее за рукав и шепотом поведала об ужасном событии, свидетелем которого только что была.

Я похолодел, когда услышал ее слова: “Бедная малышка...” Когда она ушла, я взглянул на свою дорожную леди и она кивнула.

- Трипетта, - сказала она. - Принц и семь его министров дегустировали новые вина и африканские наркотики, дающие ни с чем не сравнимое божественное забытие на очень короткое время. Они послали за ней, чтобы развлечься.

Последовало долгое молчание. Потом она продолжила:

- Они заставили ее выпить вина. Ведь надо совсем немного, чтобы подействовало на такую крошку. А потом они велели танцевать ей на столе. Она не смогла удержать равновесия, упала со стола и сломала шею.

Я был не в силах что-либо говорить. Я могу показаться чудовищем, жаждущим крови, но внезапно у меня возникло желание избавиться от этого человека. Но я был уверен в роковой неизбежности, которая не потребует действий с моей стороны.

Позднее я уже был в том самом месте, откуда выносили ее маленькое тело для погребения в склепе на территории аббатства, который служил для этой цели на период нашего затворничества. Я

услышал, как всхлипывает Энни, когда мимо пронеслось крохотное существо со сломанной шеей.

Я опасался за свою жизнь, когда придется сообщить об этом Петерсу. Но это надо было сделать. Я крепко обнял Энни перед тем, как пожелать ей спокойной ночи.

Я был прав в своих опасениях. Глаза Петерса блуждали, лицо потемнело, когда я говорил. Он пробил кулаком ближайшую стену и выругался длинно и громко. Я немного отступил назад в неуверенности, сколько времени ему понадобится, чтобы прийти в себя, и опасаясь, как бы не попало мне.

Через минуту, может чуть больше, мне станет ясно. Он перестал делать дырки в стене и повернулся ко мне, затуманившийся взгляд обрел ясность. Я приготовился.

- О, Эдди, - сказал он тогда, - эта малышка никому не хотела зла. Я убью этого человека, пусть отправится за это к дьяволу.

Я приблизился к нему и обнял, решив, что это успокоит его.

- Ни ей и никому другому не будет лучше, если ты сгоряча позволишь лучникам принца сделать из тебя бабочку на булавке.

Он поднял кусок кирпича и сжал его в руке. Я услышал скрежет. Он разжал ладонь и с нее посыпались крошки.

- Ты слышишь меня? - спросил я. - Твоя сила не имеет значения. Одна стрела в сердце и оно перестанет биться.

- Да, ты прав, друг. Ты прав, - сказал он. - Я сделаю лучше, не бойся. Я пошлю ему пирог с начинкой. Пусть не думает, что мою жизнь можно взять так дешево. Все в порядке.

Он побрел во двор, я решил его опекать.

- Нет. Нет, Эдди, - сказал он, - водружая на место свой парик, - дай мне побыть одному, это необходимо.

Я думаю он провел ночь в одной из монашеских келий. Я несколько раз обошел северное крыло и мог бы поклясться, что слышал звуки тамтама и даже какое-то пение.

Как я понял, все, что произошло потом, он на протяжении некоторого времени умело скрывал, еще раз проявив свои актерские способности. Мне сказали, что он однажды предложил своим хозяевам представление под названием "Восемь цепных орангутангов". Это развлечение предполагало нагнать ужаса на дам (о мужчинах упоминать не стоит), создав видимость, что звери сбежали от своих надсмотрщиков, и вдоволь насладиться достигнутым эффектом.

Он предлагал осуществить это так: одеть восемь мужчин в костюмы обезьян, заковать их в цепи, связав по двое. По сигналу они бросятся в зал с дикими криками. Эффект будет потрясающим, если им удастся напугать публику.

Можно себе представить, что Просперо с радостью ухватился за идею и приказал Петерсу в этот же вечер подготовить к представлению костюмы для него и семи министров, чтобы исполнить эти роли.

Наконец, я должен был присутствовать в этот вечер в большом зале вместе с Эмерсон, чтобы, как обычно исполнить несколько сценок и акробатических номеров.

Это, как предполагалось, было бы отличной прелюдией, настроило бы аудиторию на восприятие образов мохнатых человекоподобных зверей. Он даже предложил мне перед выступлением как бы невзначай информировать публику, что у нас есть еще восемь таких, как Эмерсон, но они не приручены, свирепы и поэтому их держат на цепи.

Я попросил его подробнее посвятить меня в свои планы, но он отказался, а только посоветовал заранее незаметно принести в зал саблю и спрятать там. "Так на всякий случай," - объяснил он.

Мне все это очень не понравилось, но так как он отказывался давать пояснения, я выбрал время, чтобы войти в зал, когда там никого не было, и повесил свое оружие на стену среди древних щитов и амуниции, недалеко от того места, где я должен был выступать, прикрыв саблю щитом так, что была видна только рукоятка.

В этот вечер я пришел раньше назначенного времени с Эмерсон на поводке, надеясь разгадать намерения Петерса и помочь, если это в моих силах, или помешать, если сочту необходимым, или остаться в стороне, если потребуется. Но единственным нарушением внутреннего убранства зала было то, что сняли массивную люстру (по предложению Петерса), так как в эти необычайно теплые апрельские дни было трудно избежать того, чтобы нагар со свеч не капал на богатые наряды гостей. Люстра была заменена факелами, испускавшими сладкий аромат, которые были установлены в правой руке каждой из кариатид, стоявших вдоль стены; их было около 50 или 60 штук.

Во время моего выступления по знаку Петерса принц с семьей министрами отлучились, чтобы переодеться в костюмы. Как я позднее узнал они были сделаны из плотно облегающих трикотажных кальсон и нижних рубашек, которые были пропитаны смолой, а на смолу было приклеено покрытие из льняной кудели. Потом они были цепями связаны вместе (Петерсом) и образовали круг, в центре которого их цепи смыкались. Петерс предполагал, что их выход состоится в полночь, но желание побыстрее привести в замешательство гостей и напугать заставило их выскочить в зал раньше. Однако к этому времени мои предварительные замечания были уже сделаны, и результатом, как предполагалось, явились крики и суматоха.

Принц и его помощники были в ударе, упиваясь всеобщей сумятицей, получая удовольствие от каждого нового обморока или выкрика. Как и предполагалось, вначале всеми овладел общий порыв броситься к дверям; но Просперо предусмотрительно приказал их за-

переть сразу, как только вошел сам, а ключи Петерс прикрепил к костюму принца, так как не было карманов.

В какой-то момент этой всеобщей суматохи Петерс исчез, а его заменило еще одно волосатое существо. Эмерсон бросил меня, хотя к тому времени всем уже было не до нашего номера. Он прыгал вместе с мнимыми обезьянами. Вскоре я заметил, что цепь которая обычно удерживала люстру и которая была поднята вверх, теперь начала медленно спускаться, пока ее конец с крюком не коснулся пола.

Я поискал глазами Энни, которая была здесь в простой красной маске Арлекина в сопровождении троих, полностью облаченных в костюмы; разумеется, это не могли быть никто, кроме Темплтона, Грисуолда и Ван Кемпелена. К счастью, оказалось, что они уже отключались.

Цепи, которые связывали ряженных обезьян, двигались по центру круга, который они образовывали, хотя не все они смыкались в одной точке. Эмерсон взял в руки крюк и прикрепил к нему сначала одну цепь, потом - другую, третью. Когда он взялся за четвертую, то не смог подтянуть ее достаточно близко к крюку, чтобы прицепить. Ему просто не хватило длины.

Наконец три цепи были наизаны на крюк и натянуты. Их владельцы почувствовали сопротивление, стали оглядываться назад, пытаясь понять, что мешает их движениям. В это время крюк пополз вверх. Я поднял голову, потом посмотрел вниз, туда, где другой конец цепи был намотан на барабан, в темный угол, где невысокий человек в пестром шутовском кафтане крутил рукоятку.

Шесть министров повисли в воздухе.

Принц Просперо и министр, к которому он был прикреплен, остались внизу. Тень пробежала у меня по лицу. Я направился к своему тайнику.

Петерс подбежал к стене и выхватил факел из рук кариатиды. Он двинулся к центру зала, туда, где теперь висели шесть министров, наслаждавшиеся последним танцем Трипетты.

Он прикоснулся пламенеющим железом к каждому из них по очереди. Смола хорошо горит. Они вспыхнули.

Панические крики раздавались тут и там, но их теперь перекрывали крики и стоны живых свеч, которые извивались и корчились от боли. Громыкали и скрежетали цепи, тени, как злые духи, прыгали по стенам. Все это пронизывал звук, словно идущий из преисподней. Я сразу понял, что это был невеселый смех Петерса.

Обернувшись, принц быстро оценил ситуацию. Из-под своего костюма он достал пистолет, поднял его, прицелился в Петерса. Откуда-то возникла мохнатая фигура и бросилась на него. Он выстрелил.

Эмерсон рухнул.

За этим последовала всеобщая паника. Сабля была у меня в руке. Шесть министров извивались, стонали и светились над головой. Петерс взревел, закрепил лебедку и расправил плечи. Потом он попытался выйти, но путь ему преграждала человеческая стена.

Потом огромные черные часы стали отбивать полночь.

Не успело отзвучать эхо последнего удара, как все собравшиеся затихли. Было неясно, что произошло. Как будто странный ветер проник в зал и незримой рукой коснулся каждого присутствовавшего, лишив нас речи и сковав движения.

Кроме одного. Я первым это понял, потому что единственным движущимся предметом, возникшим из темного угла, который легко мог скрывать узкий проход, была эта фигура. Гротескный костюм притягивал взгляды всех, кто на него смотрел. Это было не что иное, как тело давно умершего, и наиболее вероятной причиной этого было то, чего пыталась избежать толпа, собравшаяся здесь - Красная Смерть.

Поступь ее была нескладной и шаткой, кожа одновременно бледная, как поганка, и пунцова, как кровь, когда она переходила от тени к свету, и снова в тень. Это неверное продвижение было ужасным в облаке запахов склепа, которые позднее дошли до меня. Причудливое обличье, могильный дух, приводящее в оцепенение выражение лица и неуклонное продвижение, - все это словно было воплощением самого возмездия.

Но это явление не столько испугало меня, сколько навело на мысль о том, что это не была маска, или грим, или специально сделанный костюм. Я знал этого человека, видел его в дальнем конце нашего тоннеля, где Петерс снял с него пестрый кафтан, колпак и бубенцы. Это был Фортунато, чахоточный пьяный приятель Монтрезора. Мертвый, мертвый, мертвый и каким-то образом оживший, он двигался по проходу, который образовался перед ним. Пошатываясь, подошел он к Просперо, чтобы обнять его. Просперо вскрикнул от прикосновения и упал на пол, одной ногой запутался в цепях и увлек за собой своего последнего министра.

Тишина взорвалась. Вновь начались шум и суматоха. В дрожащих руках появились кинжалы. Я взмахнул саблей и позвал Петерса. Я взял факел и, когда он посмотрел в мою сторону, указал ему туда, где, как я думал был потайной ход. Бросив последний взгляд на дело своих рук и тоскливо посмотрев на своего бывшего приятеля, Петерс пробился сквозь толпу и последовал за мной.

Недавних дней кровавый ад

И бред недавних снов.

Потоки жизни прямо мчат;

Прощай, кто нездоров.

Крадется смерть, смешит до слез...

А может, это все всерьез?

Стихотворение без названия,

Эдгар Алан Перри.

Часть X

Эдгар Алан По скончался. Он умер позавчера в Балтиморе. Это известие многих удивит, но мало, кто будет горевать об этом. Поэт был хорошо известен у нас в стране; у него были читатели в Англии и в северных государствах континентальной Европы; но у него было мало, а может и вовсе не было, друзей; и сожаления по поводу его кончины будут выражены в связи с тем, что в его лице литература потеряла одну из своих наиболее ярких, но загадочных звезд.

Нью-Йорк, Дейли Трибюн
“Людвиг” (Руфус Грисуолд)

Проход, по которому мы шли, заканчивался лестницей, которая вела вниз к другому коридору, проходящему под площадью. Когда мы пробирались по ним, Петерс двигался механически, ослепленный горем и совершенно опустошенный. Сначала я ничего не говорил, просто шел и помогал ему, пока мы не оказались в тоннеле позади чулана, через который входили. Путь был почти засыпан, частично обрушившейся стеной. Нам все-таки удалось боком кое-как протиснуться сквозь узкую и пыльную щель.

В связи с этим мне удалось убедить Петерса расстаться с костюмом шута. После этого мы прихватили инструменты, которые оставили в начале года, входя сюда.

На другом конце тоннеля со стороны города Монтрезор заделал выход стеной. Это означало, что Фортунато тоже был замурован внутри. Это ужасное злодейство было сродни тем, что описаны в сказках мастера мрачных историй Э.Т.А.Гофмана, чьи произведения помогали мне коротать время в армии, когда я стоял на посту. Если бы мы бросили инструменты в колодец, как предлагал Монтрезор, мы бы оказались в ловушке.

Петерс бил молотком с нечеловеческой силой. Вместо того, чтобы помогать ему, я просто отошел в сторону. В считанные минуты он пробил дырку в стене; этого было достаточно, чтобы мы вышли наружу.

Быстро поднявшись из подвала, мы обошли весь дом. В то время как никаких признаков Монтрезора не было, Лиги в ответ на мои призывы вышла из верхних комнат. Грин примостился на ее плече.

- Перри, на фиг! На фиг, Перри! - приветствовала меня птица.

- Все в порядке, Лиги? - спросил я.
 - Да.
 - А Вальдемар?
 - Как всегда.
 - Где Монтрезор?
 - Ушел, - ответила она.
 - У меня такое чувство, что нам следует сделать то же.
 - Да, я упаковала некоторые вещи.
 - Я принесу багаж.
 - Он уже внизу.
 - Вы знали, что мы придем?
 - Я послала Фортунато за вами.
 - Почему?
 - Пришло время.
 - Как мы поедем?
 - Есть повозка, - ответила она, - за конюшней на заднем дворе.
 - Тогда, я думаю, нам следует собраться и направиться к границе.
 - Нет, - ответила она, - до Барселоны, а там - морем. "Эйдолон" должна ожидать нас там.
 - Как все это устроилось?
 - Энни методом внушения направила туда капитана Гая, совсем недавно.
 - Как вы узнали об этом?
 - Я собиралась сделать это сама, когда обнаружила, что это все уже сделано.
 - Действительно, - сказал я, - она ваша...
 - В конюшне не осталось ни одной живой лошади, - продолжала она. - Помогите мне снять со стены этот гобелен.
- Я посмотрел на стену. На гобелене была изображена картина: один человек наносит удар другому; в отдалении, на плане картины, стоит, как статуя, лошадь исполинских размеров и необычной масти. Я пододвинул к стене небольшой столик, встал на него и снял гобелен. Когда я скатывал его в рулон, спросил: - Нам нужна эта вещь по какой-то особой причине?
- Да, - ответила она.
- Мы с Петерсом вынесли ящик с Вальдемаром и гобелен во двор. Пока мы грузили Вальдемара, я услышал ржание лошади.

Потом обойдя повозку сбоку, подошла Лиги, ведя огромного коня. Когда они приблизились, она сделала вокруг животного несколько пассивов.

- Помогите мне запрячь его, Эдди, - попросила она.

Во мне проснулись кавалерийские инстинкты, и я ласково похлопал коня, не спеша подведя его к упряжи. Мне было жаль его. Как бы силен он ни был, будет нелегко выполнять работу, предназначенную для четырех обычных лошадей. Конечно, мы теперь без Эмерсон, с нами нет извозчика и большей части багажа.

Обходя повозку, я заметил гобелен, расстеленный на мостовой двора. В то время, как один человек все еще закалывал другого, огромная лошадь с переднего плана исчезла. Мне не хотелось думать о значении всего этого. Тут я услышал смех, а когда обернулся, увидел Лиги с развевающимися на ветру волосами, с белым рядом красивых зубов; на мгновение мне показалось, что странный бледный свет окутывает ее, но это светились ее глаза.

- Вы, Эдди, будете извозчиком, - сказала она.

- Я даже не знаю дороги в Барселону.

Она указала.

- Туда, - сказала она. - Как только потребуется, я дам другие указания.

Я открыл перед ней дверку и помог подняться в повозку. Когда я сел на передок, Петерс вскарабкался и занял место возле меня.

- Все равно. Я поеду здесь, с тобой, - сказал он.

- Хорошо. Ты поможешь мне править.

Я ослабил тормоз, слегка тряхнул вожжами и мы тронулись. Когда мы выехали со двора, лошадь ускорила шаг. Когда оказались на дороге, она пошла рысью. Вскоре мы уже двигались с удивительной быстротой. Хотя лошадь, казалось, едва ли выбивалась из сил. Во всем этом было что-то странное. Мы продолжали мчаться все быстрее и быстрее. Вскоре скорость стала максимальной, с какой я когда-либо ехал. Придорожный пейзаж сливался в одну пеструю полосу.

Я правил несколько часов, потом меня сменил Петерс. Животное не проявляло никаких признаков усталости; казалось, что этого многочасового пробега просто не существовало. Я поплотнее завернулся в плащ и откинулся назад. Запахи весенней ночи витали в воздухе. Только звезды были неподвижны. Лиги прокричала другое направление, и Петерс на развилке повернул влево.

Я задремал. Казалось, что это По, а не Петерс сидит возле меня. Но как я ни пытался с ним заговорить, он не отвечал. Наконец он прыгнул на спину лошади, освободил ее от упряжи и оставил меня

сидеть в брошенной повозке. Но этого не могло быть... Я мог чувствовать, как мы движемся.

А потом рядом со мной села Энни. Я ощутил прикосновение ее руки к своей.

- Перри, - сказала она, - Эдди.

- Энни... Мне показалось, что совсем недавно здесь сидел По. Но он не захотел говорить со мной. Потом он ушел.

- Я знаю. Он уходит все дальше и дальше. Я не могу удержать его с нами.

- А как ты сама, моя милая леди? Я видел тебя на вечере, который превратился в танец смерти. Но ты, Ван Кемпелен и напарники Грисуолда в какой-то момент исчезли.

- Я могу предчувствовать несчастья. Другие поверили моим предостережениям и мы сбежали.

- Я хотел, чтобы ты подошла ко мне.

- Я знаю. Я тоже этого хотела.

- А как ты сама? В порядке?

- Все в порядке физически. Ни чумы, ни царапин.

- Где ты сейчас?

- На борту лодки, направляющейся вниз по течению к морю. Смотрю на огонь лампы и вижу тебя. В дельте реки нас ждет корабль. Он бросил якорь специально для этого.

- Как он называется?

- "Грампус". Мы будем на борту, снимемся с якоря и поднимем паруса до того как ты будешь на твоём судне в Барселоне.

- Куда ты направляешься? Я должен следовать, ты знаешь.

- В Лондон, забрать кое-какое оборудование.

- Какое оборудование?

- Которое необходимо Ван Кемпелену.

- Для эксперимента?

- Да.

- И когда вы возьмете его?

- Назад, в Америку.

- Куда?..

- Я еще точно не знаю. Куда-нибудь, к северу, наверное...

- Где ты будешь в Лондоне?

- У меня нет адреса. Но...

- Что?

- У меня есть предчувствие, что мы не встретимся там. Что-то другое маячит перед тобой. Я вижу это в виде облака. Вот и все.

- Я могу только попытаться.

- Ты стараешься больше других.

- Я люблю тебя, Энни. Даже если причиной этого послужила выдумка одинокой маленькой девочки, которая искала друзей.

- Мой вихрастый мальчишка..., - сказала она, и я почувствовал, как ее рука коснулась моих волос.

- Я никогда не смогла бы найти тебя, если бы не нуждалась и не стремилась к тебе тоже.

Мы посидели молча, потом я почувствовал, как ее образ гаснет.

- Я начинаю уставать, Эдди.

- Я знаю. Мне бы хотелось, чтобы Красная Смерть была немного более предприимчивой, когда она придет к твоим попутчикам.

- Темплтон защитил их, - сказала она, - как тебя и твоего друга охраняет замечательная леди, которая освободила силу, несущую вашу повозку.

Я хотел попросить ее остаться со мной навсегда, но пожелал ей доброй ночи. Потом пришли настоящие сны: горящие тела, свисающие с люстры, стонущие люди, окровавленная обезьяна, гуляющий труп...

- На фиг, Эдди, на фиг, Эдди, на фиг, Эдди.

Я открыл глаза. Грин сидел у меня на плече, призывая полюбопытствовать восхитительным зрелищем роз и апельсинов, которое разворачивалось в восточной части небосвода.

- Я сменю тебя, Петерс, - сказал я, - а ты отдохни.

Он передал мне вожжи и кивнул. Грин пересел ему на плечо.

- На фиг, Петерс, на фиг. Петерс, на фиг, Петерс...

Мы оставили позади много заброшенных ферм, их поля зацветали весенним буйством сорных трав. В одном месте мы остановились и взяли еды из погреба и из чулана фермы, чьи хозяева либо умерли от чумы, либо бежали из страны. Наш безымянный конек, казалось, даже не задохнулся, и когда я поднес к нему руку, испарины не было. Только одно изменение произошло в нем с тех пор как я впервые увидел его в доме Монтрезора. Это была странная клочковатость его шерсти и гривы, подобно осыпающейся кромке одежды, которая вот-вот совсем развалится.

Мы продолжили свой путь. Лиги указала нам направление, ведущее вдоль реки вниз по течению. Мы пересекали район темных озер и тенистые, поросшие лесом равнины. Один, может, два раза во время

этой части нашего путешествия мне показалось, что я почувствовал присутствие По. Но это быстро прошло, без всякого контакта.

В тот день мы подъехали к горе, с которой была видна Барселона, как сказала мне Лиги. Я наслаждался нашей невероятной скоростью и мечтал о том, чтобы можно было просто так, для удовольствия поскакать на этом замечательном животном. Вид у него однако становился все более и более потрепанным: большие пряди его волос улетали почти при каждом шаге, при малейшем ветерке.

Грин вернулся назад после своего облета района гавани.

- На фиг, Гай, на фиг, Гай, на фиг, Гай, - объявил он жизнерадостно.

Я тяжело вздохнул.

- Думаю, он был на "Эйдолон", - сказал я вслух.

- Следуйте за ним, - указала Лиги.

Я так и поступил.

Мы въехали в город. Улицы большей частью были безлюдны, хотя кое-где можно было слышать шум жизни, в окнах домов и магазинов иногда можно было увидеть людей. Некоторые спешили го улице, словно пытались поскорее преодолеть это расстояние. Впечатление было удручающим.

Мы повернул за угол, и большую часть хвоста нашей лошади унес внезапный порыв ветра. Остался только огузок, который раньше был основой для хвоста. Когда же мы приблизились к основанию длинного спуска, с которого съезжали, пропало одно из ушей и большая часть гривы. Когда мы свернули на пологую дорогу, ведущую к порту, я был изумлен, заметив, что задняя часть животного становится заметно уже с каждым шагом. Посмотрев вниз, я был озадачен еще одним открытием: лошадь ступала ногами по длинной дорожке из собственных волос, которая не прерываясь, казалось, образовывалась из самого животного. Оглянувшись назад, я увидел, что она простиралась до угла, который мы обогнули последним.

Я уже хотел было обратиться к Лиги за советом, когда на наклонную мостовую выкатилась бочка, выпавшая из тележки двух мужчин, которые поднимали ее вверх по улице.

Сначала наш рысак пришел в замешательство. Как будто осознавая свои убывающие размеры, он повернул свою полысевшую голову, в сторону приближающейся бочки. В первый (и последний) раз он издал звук, похожий на слабое полуржание, звучащее, как эхо, которое зародилось на вершине горы и, постепенно угасая, преодолев огромное расстояние, дошло до ее подножия. Потом внезапно он пустился в галоп. Сила, заставлявшая его раньше двигаться с невероятной скоростью, словно бы вселилась в него опять. Корабли, пирс, здания на набережной превратились в туманную полоску. А лошадь на моих

глазах стала растворяться. Вскоре она достигла размеров шотландского пони, хотя менее пропорциональных форм. Но несмотря на уменьшение в размерах, сила все еще сохранилась, и мы ворвались на территорию гавани с ужасающей скоростью. Вскоре казалось, что нашу повозку тянет большая собака, потом - маленькая, потом - тающая тень. И тут, как бы осознав свои обязанности, сморщенное существо встало на дыбы, испустив короткий трубный звук. Повозка покатилась вперед. Я оглянулся и все, что удалось увидеть, был лишь обрывок веревки, лежавший на мостовой. Я с силой нажал на тормоз, но повозка не замедлила ход. Потом подоспел Петерс, отбросил мою руку. Он налег на рычаг, пытаясь сдержать колесо. Зацепившись ногами за скамейку, он перегнулся и потянул. Рукав его рубашки треснул от напрягшихся мышц, запах дыма поднимался снизу. Но мы стали замедлять ход.

К счастью повозка была легкой. Мы остановились около груды ящиков, слева был пирс. Серые чайки с криками бросались вниз. Петерс поспешно разжал руки, медленно указал:

- Смотри, Эдди, это "Эйдолон". Эта животное хорошо поработала и привезла нас туда, куда надо.

Когда мы сходили на землю, я услышал как Лиги приговаривала: - *Rax vobiscum*, Метценгерштейн.

Позднее, когда мы с Петерсом выгружали Вальдемара и некоторые другие вещи, и команда шла нам навстречу, чтобы помочь перенести все на корабль, я случайно взглянул на небо. Мой взгляд приковало облако четкой формы в виде исполинской фигуры лошади необычной масти.

Я велел капитану Гаю немедленно отправляться в Англию и обещал по дороге информировать его о положении дел. Мы втроем быстро съели легкий завтрак, пока корабль готовился к отплытию, а я позволил себе осушить бутылочку бренди, что заставило свидетелей этого смотреть на меня так, словно они ожидали, что я вот-вот свалюсь. Потом я отправился в свою каюту, где смыл с себя дорожную пыль. После этого я совершил ошибку, позволив себе ненадолго растянуться на кровати.

Я был разбужен ужасной качкой и разворотах судна. Я вскочил, натянул на себя одежду и быстро вышел наверх. Несколько мгновений я наблюдал шторм и буйство волн, разбивавшихся о борт. Потом я вернулся вниз и попытался найти Петерса. Он сказал мне, что я проспал более двенадцати часов, но шторм начался недавно.

Плохая погода преследовала нас на всем протяжении выхода из Средиземного моря, когда мы попытались взять курс на север к берегам Англии, новый шторм, еще более свирепый, чем все предыдущие, обрушился на нас. По этой причине мы не могли придерживаться определенного курса, а просто приготовились выдержать этот натиск.

Нас отнесло далеко в море, и прошло три дня, прежде чем шторм утих. Когда все успокоилось, выяснилось, что судну требуется основательный ремонт.

Какой бы злой гений не властвовал в этой части моря, он, казалось, питал к нам особую антипатию. Только "Эйдолон" была приведена в порядок и надежно залатана, как новый шторм обрушился на нас, отбросив еще дальше на юг. Теперь уже этот был самым сильным во всех отношениях. Он мотал нас без передышки, относя в сторону экватора к тропику Рака.

- Этот шторм... - сказала мне Лиги на утро седьмого дня.

- Да? - сказал я.

- Он, похоже, идет к концу.

Я вытянул руку, чтобы постучать по деревяшке.

- Слава богу! - добавил я. - Морякам действительно приходится труднее, чем солдатам. Теперь я готов этому поверить.

- Нет, это еще не все, - сказала она.

- Что вы имеете в виду?

- Я не уверена, что это был естественный шторм.

- О?

- Буквально в самом конце, всего лишь на мгновение, мне показалось, что я почувствовала ее незримое присутствие в состоянии полуконтроля над собой, в то время как надо было проявить себя полностью.

- Помедленнее, пожалуйста, - сказал я, - я не совсем понимаю.

- Думаю, что они опять одурманили Энни, - сказала она, - и она управляла этим штормом. Но даже под воздействием наркотиков и месмеризма, она постаралась, чтобы сила была минимальной. В конце концов они тоже не станут так истощать ее. У нее более высокое предназначение, чем просто заставить нас убраться с пути.

- Вы уверены в этом? - спросил я.

- Нет, не уверена, - ответила она. - Даже сделав Энни управляемой, ее трудно подчинить.

В тот день наступило временное затишье, небо прояснилось. Команда всерьез обрадовалась, увидев голубое небо, которое, как казалось, годы было скрыто мглой. Снова заработали помпы и началась починка. К счастью, мачты уцелели.

Я думал, вовсе неплохо, что было так много работы, так как паруса были опущены, и их не надо было вновь убирать, когда начался следующий шторм.

Нас мотало уже сутки, и Лиги убеждала меня, что это был настоящий шторм, а не одно из творений Энни. За этим последовал новый,

а потом налетел еще один. Мы были уже за линией экватора... Где-то в районе тропика Козерога, а нас все относил к югу. Лиги объясняла это неблагоприятными сезонными явлениями.

Наконец все улеглось, день и ночь простояли ясными. Следующий день был таким же. Все было начищено и приведено в порядок, ветер нам благоприятствовал. Мы подняли паруса и взяли курс на север. Команда снова ликовала. Злые духи оставили нас в покое. Наступил наш час, и он был нашим звездным часом. Люди пели и насвистывали, выполняя свою работу. Фернандесу было отдано распоряжение приготовить ужин экстра-класса, что он и сделал.

Ветер не менял направления, небо было безоблачным, когда зашло солнце. Что еще мы могли желать этой ночью, забираясь под одеяла, чувствуя себя, может быть, более счастливыми, чем когда бы то ни было?

Следующая буря поразила как ангел огненной стрелой и она была ужаснее всех предыдущих. Я в одно мгновение встал, оделся и вышел на палубу, так как в борьбе с напористой стихией на счету была каждая пара рук. На этот раз несколько членов команды было смыто за борт, мы потеряли также парус и снасти. Даже одна мачта обломилась и упала за борт, наполовину выведя "Эйдолон" из строя, хотя непосредственной угрозы перевернуться или пойти ко дну еще не возникло. К счастью нам удалось довести до конца последнюю починку, перед тем как налетел этот шторм.

Стихия бушевала очень долго. Мы уже были не в состоянии определить, где мы находимся. Но на этот раз чувствовалось, что все как-то по-другому. Несколько раз я испытывал то же чувство единения и разлада, как тогда, когда мы мчались в повозке. Казалось, будто По опять странным образом где-то рядом. Очень странным образом.

Потом Лиги сказала мне: - Она помыкает силами ночи, как древняя богиня тьмы. Это шторм Энни, и направлен он на нас.

- Но не по ее же собственной воле!

- Им не приходится выбирать. Они опять смогли взять ее под свой контроль.

- Неужели вы ничего не можете сделать? Или Вальдемар?

- Вальдемар испытывает телепатическую слепоту в отношении всего, что касается Энни. А я, я некоторое время сдерживала ее, как только могла. Думаю, сейчас мы были бы уже на морском дне, если бы не те маленькие победы, которые мне удалось одержать. Она стала непреодолимо сильной.

- Неужели больше ничего нельзя сделать?

Она покачала головой.

- Мы должны ждать, когда она снова устанет. Я не могу воздействовать на нее напрямую, а могу только отражать атаки, которые посы-

лает она. Как только она устанет, мы должны направиться к ближайшему берегу. Иначе, рано или поздно, она нас потопит.

Так и продолжалось. Лиги оберегала нас, как могла. На следующий день я был на снастях, чтобы ослабить натяжение и сберечь очередную мачту. Странное дело, во время шторма высота не действовала на меня так пугающе, как в погожий ясный день.

Не знаю точно, слышал ли я за устрашающим ревом ветра крик, донесшийся снизу, но я почему-то посмотрел на палубу и увидел, как двое из команды крепко ухватились за пиллерс, а один из них указывает на правый борт. Я посмотрел в этом направлении и был совершенно поражен тем, что увидел.

Судно, подобное призраку, надвигалось на нас, рассекая бушующие волны, как плывущий Джаггернаут. На его рангоутах плясали огоньки, они светились бледно-зеленым на фоне черного неба. Вспышки молний образовывали на его палубе беспорядочные плавающие тени. Все судно производило впечатление очень древнего и было выстроено в стиле, использовавшемся несколько веков назад. Но оно было намного больше обычного судна такого типа. Самым тревожным было то, что оно несло на всех парусах, в то время как шторм был в полном разгаре.

У меня снова возникло чувство, что По каким-то образом находится рядом. Потом показалось, что и Энни - тоже. Она боролась с Темплтоном, пытаясь противостоять наркотикам или другим методам, которые он применял к ней. Я знал об этом, потому что слышал, как она звала меня по имени голосом, какой бывает когда очнешься от глубокого сна. В моем мозгу словно бы пронеслась мысль, что я должен окликнуть приближающееся судно. Но времени не было.

Энни вскрикнула, когда оба корабля столкнулись, и мне показалось, что от сильного толчка все мое тело бросило на снасти незнакомого корабля.

Сначала у меня не было сомнений, что удар был физически ощутим. Но потом я пришел к заключению, что мое перемещение с одного корабля на другой имело другое объяснение.

Часть XI

Прижавшись к стропам, одной ногой встав на него, я смотрел, как суда расходились. Обнаружив, что все еще сжимаю в руке нож, которым пользовался, я убрал его на случай, если он понадобится в будущем. Если только корабли еще раз сблизятся, я знал, что надо будет попытаться перебраться на свое судно. Увы, сила инерции отнесла странное судно далеко от “Эйдолон” прежде, чем оно развернулось опять. Когда я посмотрел назад, а потом вниз, мне показалось странным, что ни один из кораблей не пострадал от столкновения; “Эйдолон” все еще была на плаву, пока не скрылась из вида.

Медленно я спустился с тросов. Огромные полотнища парусов хлопали и полоскались на ветру, как гигантские музыкальные инструменты, я ориентировался на дрожащие внизу огоньки фонарей.

Первое, что я понял, ступив на палубу, было то, что все здесь внизу казалось гораздо устойчивее. Сверху мне виделось, будто все падает и катается, но оказавшись здесь, я увидел более спокойную обстановку, наверное, потому, что на этом уровне равновесие было более устойчивым. Даже звуки шторма здесь, внизу казались тише.

Я искренне предполагал, что ко мне подбежит кто-нибудь из команды, справится о моем самочувствии и предложит любую необходимую помощь. Но вокруг все было так, словно меня не существовало. Они ходили вокруг, делали свои дела, укорачивали тросы, меняли направление паруса, не обращая на меня никакого внимания. Сначала я принял это за грубость. Но только сначала. Я подошел поближе и встал прямо перед человеком, который нес на плече моток каната. Когда он приблизился, согнувшись и тяжело дыша, его взгляд, казалось, прошел сквозь меня. Он слегка свернул и прошел мимо меня, словно я был частью надпалубных построек. Я приблизился к другому, который был занят укреплением ослабевшей доски планшира. Я помахал рукой у него перед носом, но он совершенно не обратил на это внимания. В недоумении я решил попробовать обратиться к другим. Все они были в одинаковой старинной одежде, дряхлые, трясущиеся, с поредевшими волосами.

Я отошел от этих людей и приблизился к борту, словно духи стихии могли мне что-нибудь объяснить, если б я обратил на них достаточно внимания. Они завывали, они надвигались, но корабль продолжал идти. Никакого объяснения, однако, не последовало. Но что все-таки произошло потом, какое-то время спустя (о, Время! - каким тягучим и неопределенным казалось оно здесь!) было появле-

ние древнего старца, которого я сразу воспринял как капитана. Его колени согнулись под тяжестью прожитых лет, все его тело колыхалось, словно от непосильной ноши. Но у него были с собой различные приборы, он выбрал место поудобнее, вынул подозрную трубу странного вида и приложил ее к глазу, в то время как перед ним плясали молнии и потоки дождя друг за другом низвергались с высоты. Удовлетворенно кивнув, он убрал прибор в футляр и достал новые - это были компас и секстант - словно и в правду собирался что-то измерять. Потом, бормоча что-то себе под нос на языке, который невозможно было разобрать, низким надтреснутым голосом, он убрал и эти приборы. Сделав какие-то измерения с помощью лага, который был у него с собой, он повернулся и направился в сторону трапа, откуда он появился.

Я поспешил последовать за ним, странным образом очарованный этим слабым и парадоксально мощным человеком. Я вошел в его каюту следом за ним, встал около двери и осмотрелся. Пол был устлан толстым слоем морских карт, фолиантов в металлических окладах, научных приборов, пришедших в негодность. Капитан поднял одну из карт, расстелил ее на столе и стал сосредоточенно разглядывать. Потом он, подперев голову руками, устремил свой взгляд вдаль.

Я откашлялся. Никакой реакции не последовало.

- Хм, сэр?- сказал я.

Ничего.

Может быть, он просто плохо слышит? Но каким-то образом я понял, что причины были не в этом. Я осторожно пошел вперед, повторив свое вопрошающее приветствие и сделав попытку дотронуться рукой до его плеча. Когда я сделал это, между нами, казалось, вспыхнул маленький зеленый огонек, и моя рука соскользнула, словно попала в водопад. Старик даже не повернул головы. Я прожолжал смотреть на него, не зная, что делать.

Потом внезапно он встал. Он был почти одного со мной роста: около пяти футов восьми дюймов. Ладно скроенный костюм хорошо сидел на его пропорциональной фигуре. Его старческие глаза были серого цвета. Глядя на него, я был охвачен чувством суеверного страха, почтения и изумления, его манера держаться странно сочетала в себе детское своенравие и достоинство, свойственное богам. Следуя за ним, я увидел, как он взял бумагу, - это, по всей видимости, была уверенность - и хотя специально заглядывал через плечо, но не мог понять, чье имя было написано на ней, заметил только, что оно было коротким. На бумаге, однако, как-будто бы была печать и подпись какого-то монарха...

- Да,- услышал я, как мне показалось, голос Энни.- Да...

Капитан внезапно взглянул в направлении, откуда, казалось, доносился голос. Я сделал то же самое. Там никого не было. Наши

взгляды растерянно блуждали, потом на кратчайшее мгновение встретились, словно произошло короткое замыкание, и мы уставились друг на друга. Потом он тряхнул головой и отвернулся.

- Избави нас, господи, - проворчал он.

Я услышал что-то вроде приглушенного всхлипывания с той стороны, где невидимо присутствовала Энни.

-Изгнание почти завершено, - услышал я или почувствовал, как она сказала.

Старик поднял голову, его черты смягчились. Его бледные губы беззвучно зашевелились, когда он пристально смотрел в том направлении. Казалось, словно он произносит имя "Энни".

- Я должна покинуть тебя, Перри, - услышал я ее голос.

- Нет! - отвечал я.

- Я должна, - сказала она с грустью, - чтобы помочь По.

- Не оставляй меня. Никто и никогда не значил для меня так много!

- Я должна. У меня нет выбора. Ты хороший, Перри, сильный. Ты можешь выжить в этом мире или в любом другом. По не может. Но чем станет наш мир без него? Я должна, если могу, остаться с ним. Прости меня.

Потом ее не стало.

Я выскочил из этой проклятой каюты, слезы слепили меня. Я побрел; мне было все равно, куда идти. Не было нужды прятаться в месте, где я, в общем-то, не существовал.

Я шел, позабыв о времени, впад в отчаяние. Иногда я съедал кусок заплесневелого хлеба или выпивал остывшего чая. Я прошел вдоль бортов этого древнего судна с его состарившейся командой, исполняющей свои обязанности в этом загадочном плавании. Они не обращали ни малейшего внимания на мое присутствие, а зеленые огоньки мерцали, как точки, заканчивая собой все, что имело значение.

И снова, по прошествии, должно быть, долгих дней, я почувствовал, что меня кто-то зовет.

- Эдди.

- Энни? Ты вернулась?

- Нет. Ты так далеко, Эдди. Я едва могу пробиться к тебе.

- Лиги?

- Да. Лучше. Это лучше. Ты должен вернуться к нам.

- Как? Я не знаю, где и почему. Я только что лишился самого главного в жизни.

- Ты должен попытаться. Ну, Эдди. Главное, принять решение.

- Я даже не знаю, с чего начать.

- Придумай что-нибудь.

Я рассказывал по кораблю, проклиная его, его капитана, команду и погоду. Хаос бурлящей воды, лишенной пены, темнел вокруг, хотя время от времени в ней появлялись льдины и айсберги. Однажды даже возникли огромные валы холодной белизны, уходящие вершинами в темноту, как стены, преграждающие путь в бесконечность. Вперед, мы продвигались всегда вперед.

Ни мольбы, ни проклятия, казалось, не достигали своей цели. Я думал, что на какое-то время сошел с ума, потеряв Энни и оказавшись в кольце обстоятельств, которые далеко не способствовали нормальному образу мыслей. Ветры, возникающие из темноты и льда, стали холодными. Я видел, как капитан ходил туда-сюда, занимаясь своими делами, но ни разу не подошел к нему. Я заметил, что постепенно скорость нашего движения увеличивалась. Мы все еще шли на всех парусах, и ветер завывал с еще большей яростью.

В первый раз, когда судно целиком было поднято из воды, я испугался, хотя прошло много времени, прежде чем это повторилось. Но настало время, когда это уже происходило регулярно. Я увидел старика, зная теперь, что это было своеобразное воплощение По, в отдалении. На этот раз он пытался делать какие-то расчеты, а на самом деле смотрел, как ледяные горы проплывали и проплывали мимо нас. На его лице отражались боль, растерянность и блаженство, - последовательно или одновременно, не знаю точно (в этом месте Время уходит, как зеленый огонь...) - когда я понял обстоятельства нашего положения, - что нас закружит и увлечет в воронку водоворота. Я снова ощутил родство с этим человеком, которое объединяло нас в прежние дни, и мне захотелось подойти к нему, взять на руки, спасти его, вынести из этого места. Только я знал, что не могу сделать этого; а если бы и мог, я был уверен, что он не захочет этого.

Я взглянул на наше головокружительное вращение по спирали гигантского ледяного амфитеатра, увидел, что круги становятся все меньше среди рева, грохота и треска. Я знал, что чувствовал По. Глядя на ледяное пространство, приближающее час Смерти, он видел Жизнь во всей ее ясности. Я видел все его глазами и знал, что мог бы устремиться, как он, в последнюю бездну, сознательно, безоглядно, исполняя закон единства...

Видел, но не хотел этого. Был момент, когда мы с ним стали словно один и тот же человек. Он был художником, а я почти его творением. Хотя я порицал его за чрезмерное возвеличивание. На память пришли слова Лиги: "Придумай что-нибудь", - и я отвернулся от него.

Мир был распахнут, готовый жадно проглотить все. Что мог сделать человек?

Я попытался.

Часть XII

Высокая темноволосая женщина разглядывала ту, что пониже ростом, сероглазую, на том самом песке, покрытом оранжевыми и черными полосами. Стена тумана надвигалась на берег. Море было словно лист, отражавший пламя. Песочный замок размером с дом георгианской эпохи стоял наполовину окутанный туманом, крохотная трещина пролегла по его фасаду.

- Так это и есть твое королевство у моря?- сказала высокая женщина.

Другая, до крови закусив губу, кивнула.

- Хорошо продуманное сооружение, моя дорогая.

Как образец совершенного дизайна, оно наделено классической простотой.

Где-то в глубине материка послышались раскаты грома. Над головой появилось темное облако, тень от него упала на спящие воды.

- Я не знала, что вы можете сюда прийти,- тихо сказала молодая женщина.

- Поверь, это было непросто.

- Постарайтесь не причинить зла этому месту.

- Никогда, если ты поможешь мне, вместо того, чтобы сражаться со мной.

- Чего вы хотите?

- Мы должны вернуть его назад.

Показались еще два облака, за ними последовали новые раскаты грома.

- Кого?

- Единственного, кого мы еще в силах спасти. Или они уйдут оба.

Молодая женщина заплакала. В это время пошел дождь.

- Я хочу, чтобы они оба были.

- Прости меня, дитя, но так не получится.

- Они снова зовут меня. Уже поздно.

Она отступила назад, и земля разверзлась перед ней. Она бросилась в расщелину, но ее падение внезапно было остановлено.

Другая вытянула руки вперед.

- А сейчас, сейчас ты должна помочь мне. Они оба ушли так далеко.

- Очень хорошо, - ответила молодая, отводя руки от лица и вытягивая их перед собой. - Очень хорошо.

Небо почернело, океан вскипел. Они пошли, ступая по нему.

Я пришел в себя поверх плавающих облаков крушения. Что было до этого, я не помнил. Мне было холодно, поверхность воды была темной, хотя небо, чему трудно было поверить, сияло голубизной...

Я пошевелился, вытаскивая из воды замерзшую левую ногу, размял онемевшие руки, чувствуя как постепенно и болезненно в них восстанавливается кровообращение. Потом я понял, что затылок болит от солнечного ожога. Я зачерпнул пригоршню воды и побрызгал на больное место.

Если могущество Энни лежало в области сверхъестественных явлений, По - в невероятно остром восприятии, то чем отличался я, третий член этого единства? Далее, если следовать этой логике, можно сказать, что я - Причина. Каждый из них, так или иначе, принадлежал другому миру. А я - дитя этого мира - Земли; моя религия - это религия жизни, это выживание. Я - неотъемлимый компонент их фантазий и идеалов. Я положил ладони плашмя на ненадежную опору под собой и сделал попытку приподняться. Мне опять, как советовала Лиги, удалось найти выход; я знал, что надо повернуть голову налево и открыть глаза. Когда я сделал это, то почувствовал, словно кто-то неуволнимо присутствовавший покидает меня.

Я увидел парус. Из последних сил я стащил с себя рубашку и начал махать.

Это была "Эйдолон", которая, наконец, подплыла поближе, спустила лодку и подобрала меня. Все, кроме Лиги, уже считали меня погибшим вместе с матросом, которого смыло за борт еще в мае две недели назад. С того времени их отнесло еще дальше на юг, и только сегодня они поменяли курс и двинулись в этом направлении, потому что Лиги убедила Петерса, и они вдвоем уговорили капитана Гая поступить так.

Когда меня подняли на борт лодки, я увидел, что среди обломков, которые поддерживали меня на плаву, была доска с названием корабля, которое до сих пор было прикрыто моим пледом. Я попытался достать ее, но ее отнесло в сторону. Однако название мне удалось прочесть. Там было написано "Дискавери".

Меня отнесли в каюту, куда подали воду, бульон, хлеб и бренди. Я попросил Петерса найти мне чистую одежду в одном из сундуков и помочь мне снять то, что было на мне, и надеть смену. Капитан Гай был при этом и настоятельно советовал мне поспать, но я сказал ему,

что так долго был без сознания, что теперь хотел бы услышать о том, как обстоят дела. Я также сказал ему, что не смогу уснуть, пока не утолю жажду. Он велел принести еще воды и бульон.

Почти в это же время появилась и Лиги. Она рядом, за дверью, вела беседу с Вальдемаром. Она проверила мне глаза, прослушала пульс в нескольких местах и удалилась.

- Что это может означать?- поинтересовался капитан Гай.

- А то, что сейчас мне скорее всего принесут стакан болотной воды с плавающей в ней всякой всячиной,- ответил я.

Немного позднее мое предсказание сбылось. Когда я сделал первый глоток, капитан кивнул.

- Я очень рад, что вы чувствуете себя теперь намного лучше,- сказал он.- Я видел людей, пробывших в море всего день или два, и они выглядели намного хуже, чем вы.

- Думаю, мне просто повезло,- сказал я, делая еще глоток. Смесь решительно начинала мне нравиться. Может быть, мои вкусовые рецепторы были повреждены.

- Наша команда теперь сократилась до шести человек,- продолжал Гай,- не считая Петерса, который выполняет обязанности первого помощника. Конечно, у меня есть все необходимое оружие, и команда боится Петерса. Но они более, чем несчастны с тех пор, как покинули Испанию, и нас преследуют неудачи.

- Нельзя их за это порицать,- сказал я.

- Во время вашего отсутствия,- продолжал он,- некоторые каюты открылись во время шторма и остались без присмотра.

- Думаю, что могу предположить, о чем вы собираетесь сказать,- заметил я.

Он кивнул.

- Гроб монсеньора Вальдемара вынесло водой в коридор и сорвало с него крышку. Теперь команда знает, что мы везем с собой этого странного покойника, и все решили, что это он приносит несчастья.

Теперь настала моя очередь кивнуть.

- Они бы сбросили его за борт, если бы не вмешался Петерс,- сказал капитан.- Вот в этом все дело.

- Как вы думаете, они успокоятся?- спросил я.

Он пожал плечами.

- Если ничего больше не случится,- вздохнул он.- К несчастью, это маловероятно.

- Поясните, пожалуйста.

- Мы зашли сейчас гораздо южнее, чем когда-либо проникали даже исследовательские суда. Эти воды не изведаны. Бог знает, что ждет нас здесь.

- И если нам не повезет, они поднимут бунт?

- Скорее всего, да,- сказал он.- Ваша сабля у вас под кроватью. Ее почистили и наточили. Петерс постарался.

Я кивнул маленькому человеку.

- Спасибо, друг.

Он подмигнул мне, и его глаз был похож на глаз спящего демона.

- Ну, я думаю, нам остается только ждать и наблюдать, как будут разворачиваться события,- сказал я капитану.- Куда мы держим путь сейчас?

- На юг,- ответил капитан.

- Почему бы нам не развернуться и не попытаться выбраться отсюда?- спросил я.

Он усмехнулся.

- Мы захвачены течением,- сказал он.- Мы можем двигаться либо на юго-запад, либо на юго-восток, но никак по-другому. Нельзя забывать, что судно покалечено. Сейчас у нас нет выбора, можем двигаться только на юг.

- Тогда у меня есть вопрос,- сказал я. - Почему не становится холоднее? Я заметил несколько льдин, когда меня поднимали на борт, но воздух не так холоден, как бывает в полярных широтах. Это скорее напоминает мягкую зиму у нас дома.

- Я не могу найти никаких ссылок на этот парадоксальный тепловой эффект в своих навигационных книгах,- ответил он.- Если нам удастся это выяснить, думаю, мы будем первооткрывателями в этой области.

- Скажите ему, капитан, о медведях,- подсказал Петерс.

- О,да,- вспомнил капитан Гай.- Недавно мы обнаружили нескольких - огромных четырех медведей с красными глазами и зубами.

- Красными зубами?

- Да, и глазами тоже. Слышали вы когда-нибудь о таких животных?

- Я - никогда,- ответил я.- Вы обнаружили поблизости какие-нибудь признаки суши?

- Несколько островов,- сказал он.- Но там нет ничего особенного.

- Это все?- спросил я.

Петерс с капитаном переглянулись, что было наглядным свидетельством того, что им было что сказать. Капитан Гай кивнул.

- Кажется, что мы движемся все быстрее и быстрее,- сказал тогда Петерс.- Каждый день наращивая скорость.

Мне вдруг ясно представилась, начавшая уже забываться, моя экскурсия на борту "Дискавери".

- Это значит, что течение постепенно увеличивает свою скорость,- заключил я.

- Несомненно,- признал капитан.- Что означает, что нам пора вспомнить гипотезу, выдвинутую полковником Симмесом из Огайо, о том, что земля - это полость, и воды морей, попадая в воронку на Южном полюсе, появляются из отверстия на Северном; таким образом происходит циркуляция...

Мое воображение снова было разбужено. Круг за кругом, снова и снова, как колоссальный водосток, не имеющий границ...

Было ли это предвестником нашего теперешнего положения или происходило само по себе?

Я поднял руки к глазам и сильно потер их ладонками.

- Я, кажется, припоминаю, что читал об этом в журнале довольно давно,- сказал я ему.- Автора, по-моему, звали Рейнольдс.

- Да,- сказал капитан Гай.- Я тоже видел эту статью. Поскольку ответственность за судно и за всех, кто находится на его борту, лежит на мне, мистер Элисон рекомендовал мне в трудных ситуациях советоваться с вами. Другими словами, сэр, каково ваше мнение относительно нашего дальнейшего плана действий?

- Боже!- воскликнул я.- Это похоже на игру в жмурки!

- В таком случае, скажите мне, что вы видите с завязанными глазами,- настаивал он.

- Хорошо,- ответил я.- Не имеет значения, вправду ли земля - это полость или что-то другое - является причиной нашего ускорения, главное, что в конце этого пути мы разобьемся. Поэтому я считаю, что прежде всего нам следует изменить направление движения.

Я пошарил в карманах брюк, нашел испанскую монетку, подкинул ее.

- Решка,- произнес я.- Значит отправимся на восток.

Капитан Гай с грустью улыбнулся.

- Что ж, думаю, этот способ не хуже других,- признал он.- Очень хорошо...

В это время со стороны самой дальней стены раздался дробный стук. Это было похоже на то, что происходило, когда я пытался овладеть месмеризмом. Лиги немедленно появились в дверях.

- Извините,- сказала она и исчезла.

- Что бы это могло быть?- спросил капитан.

Я взглянул на Петерса, тот кивнул.

- Я так понял, что вы знаете теперь все о монсеньоре Вальдемаре? - сказал я.

- Относительно его сверхчеловеческих способностей? Да. Лиги объяснила мне суть дела. Кота, так сказать, наконец, достали из мешка.

Его лицо внезапно просветлело. Он привстал со стула.

- Конечно! - сказал он и кивнул.

Некоторое время спустя вернулась Лиги.

- Стая медведей на юго-западе завтра в шесть склянок пополудни, - объявила она.

- Хорошо, - сказал капитан.

- Конечно, - заметил я.

Они дали мне еще бренди, а потом я уснул.

Сменив направление, мы продолжали встречать на своем пути много льдин, но климат стал более мягким. Наконец я увидел этих огромных черных медведей, но на следующий день меня ожидало еще более интересное зрелище. Я успел заметить челнок, в котором были люди, чернокожие, с зубами цвета эбенового дерева. Однако, мы проскочили мимо них.

Наступил и закончился еще один день.

Как-то Лиги, выйдя из каюты Вальдемара, подловила меня, когда я возвращался к себе после прогулки по палубе.

- Скоро, - объявила она.

- Скоро что?

Она указала подбородком, как это делают индейцы, в направлении лестницы. Я снова поднялся наверх, она последовала за мной. Она отвела меня на корму и указала направление норд-норд-вест.

- Это появится оттуда, - сказала она. - Понаблюдайте за ним, ладно?

- Что? Что появится? - спросил я.

- Я забыла, как это у вас называется, - сказала она, повернулась и ушла.

Я засунул руки в карманы, облокотился на перила и стал наблюдать. Очень долго ничего не происходило. Я был почти загипнотизирован яркими всплесками волнующихся вод.

- На фиг, Перри!

- О, Эдди! Что ты тут делаешь?

Петерс подошел ко мне сзади совершенно бесшумно, Грин сидел у него на плече.

- Ничего особенного,- сказал я.- Просто смотрю и жду, когда он появится в небе со стороны норд-норд-вест.

- Кто он?

- Ну, она не сказала точно.

- Понятно,- сказал он, поворачивая голову в этом направлении.- Что-то вроде большой клоунской шляпы, перевернутой вверх тормашками, с корзиной, подвешенной к ней?

- Что?

Я тоже повернулся и стал смотреть более пристально. Прищурился. Приложил ладонь к глазам, защищаясь от солнца. Ничего не было видно.

- Ты просто предположил, что это могло быть?- спросил я некоторое время.

- Не знаю, что бы это могло быть, Эдди, но ты знаешь, я не стану придумывать.

- На самом деле, ты не видишь там сверху ничего такого, правда?

- Послушай, ну зачем мне что-то скрывать, глупый ты, Эдди. Конечно, оно там.

Я продолжал вглядываться. Все, что мне удалось увидеть, было крохотное пятнышко на голубом фоне неба - может, птица, летящая вдали, а может, просто зарябило в глазах от напряжения.

- А вокруг него - черная лента, а на ней - еще что-то вроде серебряной пряжки.

- Ты на самом деле все это видишь?

- Правда. Это там, Эдди.

Я стал воскрешать в памяти истории об удивительных видениях которые являлись индейцам прерий.

- Ты говоришь, что видишь это,- сказал я.- А что там есть еще?

Он продолжал смотреть.

- Кажется, в корзине - человек,- наконец сообщил он.

Я сам продолжал вглядываться в этом направлении. Пятнышко стало больше.

- Миша пис-с,- прокомментировал Грин, когда мы миновали льдину, на которой один из огромных зверей с красными клыками справлял нужду.

- Вот молодчина, Гриник,- похвалил Петерс, пошарив в карманах в поисках крекера, потом протянул ему, - хороший ученик.

- На,- сказал ворон.

Оно стало еще больше, хотя прошло еще несколько минут, прежде чем стало возможным различить признаки, указанные Петерсом.

- Этот отчаянный человек знает свое дело,- заметил Петерс.

- Посмотрим, что он будет делать дальше,- согласился я.

Предмет все приближался, и я стал припоминать статьи о воздушных шарах с корзинами, которые назывались гондолами и были расположены под баллоном с воздухом. Еще ближе, и я увидел, что там действительно был человек. Устройство явно двигалось в нашем направлении, причем начинало снижаться. Во мне возрастало опасение, что среди мачт и парусов, которые у нас еще остались, этот летательный аппарат непременно потерпит крушение. Когда он подлетел совсем близко, я услышал шипящий звук. Потом он скользнул мимо нас и мягко опустился на воду по правому борту корабля.

Мы с Петерсом в рекордное время спустили лодку и подплыли к нему. Буквально в течение минуты с тех пор, как баллон коснулся воды, мы были рядом. Человек говорил немного по-английски и немного по-французски. Он едва сумел объяснить нам, что он - Ганс Поль из Роттердама, после чего Петерс признался, что может говорить на "уличном" голландском, который освоил, выполняя поручения мистера Элисона в Нидерландах. Заручившись согласием обеих сторон, мы решили, что, если Петерс будет переводить, это ускорит переговоры.

Воздухоплаватель объяснил, что он начал свое путешествие несколько недель назад в Роттердаме. Он утверждал, что его вынесло из Европы воздушными потоками невероятной силы.

Капитан Гай, Лиги и команда были на палубе. Баллон еще был частично надут, и его владелец ужасно боялся его потерять. Капитан дал указание медленно и осторожно отбуксировать воздушный шар и поднять на палубу вместе с гондолой, в которой находилось какое-то загадочное оборудование.

На палубе под наблюдением хозяина багаж был просушен, сложен и убран на нижней палубе вместе с огромной плетеной корзиной и другими частями аппарата.

Мы все очень сомневались в правдивости фантастической истории мистера Поля. Но как никак, этот человек преодолел огромное расстояние над просторами океана.

Наш маршрут, почти не управляемый, шел все дальше и дальше на юг. Дни шли, и случайные маленькие островки, дрейфующие льды, даже вода, которую мы видели, становилась все более странной.

Мы осторожно подплыли к одному из айсбергов и от его выступающей части, нависшей над палубой, откололи кусочки, чтобы получить питьевую воду. Растопив лед, мы обнаружили, что эта свежая вода имела удивительную стратификацию. Сначала из-за этого мы

даже боялись ее попробовать. Она была слоистой и имела обманчивый розоватый оттенок. Мы дали ей как следует отстояться в свежем сосуде. В ней образовались ясно различимые прожилки, и мы обнаружили, что стоило опустить между ними лезвие ножа, как в воде образовывался след, который немедленно затягивался, когда убирали нож. А если лезвие разделяло две соседние прожилки, между ними образовывалась щель, которая долгое время не восстанавливалась.

Пока мы обсуждали визуальные характеристики воды, Петерс со смехом зачерпнул пригоршню и проглотил. Он объявил, что это отличный прохладительный напиток. И поскольку с ним не произошло ничего непредвиденного, некоторые из нас тоже отважились попробовать его и остались довольны. Петерс потом объяснил, что все дело в запахе, а эта вода пахла хорошо. Нюхать воду он научился в прериях.

Между тем, течение несло нас все быстрее и быстрее, пока мы не оказались совершенно беспомощными в его власти.

Спустя два дня мы проснулись от того, что я вначале принял за снегопад, но сходяв наверх, понял, что это был вулканический пепел, от которого палуба стала серой. Мы оказались поблизости от легендарной горы Лапек, выбрасывающие серые облака, словно капустные листья, прорезаемые ярким свечением огня, - случайные импульсы горячего сердца, бьющегося внутри. Отдаленные шумы вулкана доносились как раскаты грома. Когда мы проходили мимо, активность вулкана была умеренной, ничего, кроме пепла, нам не угрожало.

Некоторое время я избегал посещать Вальдемара, так как это косвенным образом напоминало мне о ночи торжества Красной смерти в аббатстве Просперо.

Однако становилось все более очевидным, что мы неуклонно приближались к воронке Симмеса, поэтому, не зная что делать дальше, я решил, что маленький совет из потустороннего мира вовсе не будет лишним. Температура становилась выше, океан был почти горячим, исчезли все признаки плавающих льдов и снега. Все это вселяло в меня уверенность, что настало время действовать.

Лиги, кажется, еще спала, но поскольку у меня был второй ключ от каюты Вальдемара, я просто вошел, прихватив с собой горящую масляную лампу.

Я сделал необходимые пассы и опять начались сопутствующие шумы, сам гроб медленно поднялся. При этом Вальдемар сел и подался вперед, открыв и нижнюю половину ящика. Не остановившись на этом, он свесил ноги, усевшись на краю, как жуткого вида пугало.

- О, Эдди! - сказал он. - Опять? Вы подарили мне в этот раз еще больше жизни, чем в прошлый, дитя земли!

- Извините, - сказал я. - Срочное дело. Я думаю, мы приближаемся к воронке Симмеса на Южном полюсе.

- И нельзя сказать, что вы ошибаетесь! - согласился он. - В какое славное место мы отправимся! Я недооценивал вас. Спасибо, за то, что вы принесли мне это известие. Это почти единственное, что может доставить мне нечто вроде удовольствия.

- Вынужден разочаровать вас, - сказал я, - но мне бы хотелось найти способ избежать этого.

- Нет! - Он встал и весь затрясся. - Я отказываюсь помогать вам избежать такой прекрасной и благородной смерти!

- Не хотелось бы нарушать правила, - сказал я, - но я могу заставить вас сделать это.

Я начал приготовления к применению большего количества мессерической энергии.

- Остановитесь! Вы не можете быть таким бессердечным!

Он склонился ко мне, вытянув руки вперед.

- Вы скажете, что вам известно об этом, - сказал я, - или я приступлю к более глубокой анимации.

- Спросите меня о чем-нибудь другом, - ответил он.

- Секреты столетий для меня - открытая книга. Какие подробности вам нужны? Неизвестные трагедии Софокла? Доказательство последней теоремы Ферма? Точное археологическое местоположение Трои?...

- Вы тянете время, - сказал я. - Ну что ж, тогда приступим. Что же делать?

Он опустил руки.

- Хорошо, - сказал он.

- У нас есть шанс избежать этого не так ли? Ведь мы приближаемся и уже так близко, что минуты могут решать, какой путь нам выбрать.

- Вы проницательнее, Перри, чем я о вас думал.

- Не надо мне льстить, лучше - факты. Воздушный шар может быть нашим единственным спасением. Сколько времени потребуются, чтобы надуть его?

- Около двух часов, - ответил он.

- Сколько времени осталось до того, как мы начнем погружаться в воронку?

- Может часа три.

- Скольких человек он может поднять? - Четверых.

- Это не годится. Ведь нас двенадцать.

- Это годится, - ответил он, показывая все свои зубы.

- Я не понимаю.

- Объяснить?

- Уверен, что вы сделали бы это с удовольствием, но у меня нет времени. До свидания.

Я повернулся и побежал к двери.

- Эдди, подождите!

Я остановился, услышав нотки тревоги в его голосе, которых раньше никогда не слышал.

- Что? - спросил я.

- Возьмите с собой оружие.

- Почему?

- Ничего особенного. Просто наденьте свою саблю и не расставайтесь с ней.

- Хорошо, - сказал я. - Спасибо.

Я выскочил из двери и побежал.

Я вышел из своей каюты, пристегнув на место саблю, когда услышал крики, доносившиеся сверху, и лязганье металла о металл. Вместо того, чтобы направиться в грузовое отделение, где лежал воздушный шар, я стал подниматься вверх по лестнице, чтобы узнать, что происходит.

Когда мои плечи и голова оказались на уровне палубы, матрос, который очевидно руководил всем этим, ткнул в меня палкой. Я отклонился назад, вынул саблю и ударив по палке, выбил ее у него из рук. Он снова поднял ее, тогда я выполнил простой удар в грудную клетку, рассекающий ребра. Он вскрикнул. Тогда я трезво оценил ситуацию.

Капитан Гай, Петерс и Ганс Поль были на корме, их окружили члены команды, которые, очевидно, решили, что настало время для мятежа. Я заметил кучу припасов рядом с одной из лодок, пятна крови на палубе неподалеку. Грудь капитана Гая тоже была в крови и он стоял, облокотившись на перила, словно слегка оглушенный. У меня возникло подозрение, что он застал команду в тот момент, когда она собиралась покинуть корабль, это и послужило толчком к бунту.

Петерс в каждой руке держал по фут-штоку. У Поля была сабля, похожая на мою. Пятеро оставшихся матросов повернулись назад и смотрели на того, которого я только что сразил. Мое присутствие в тылу, очевидно повлияло на их решение броситься в атаку. С боевым криком они бросились на троих человек, стоявших перед ними.

Петерс бросил одну из жердей в того, который с ножом нападал на капитана. Он ударил нападавшего по голове, и он упал. Другой, подняв саблю, бросился на самого Петерса. В это время Поль поднял саблю в защитную позицию и широко раскрыв глаза смотрел на атаковавшего его дородного парня со стилетом в одной руке и дубинкой - в другой.

Я издал отчаянный крик, когда преодолел последние ступеньки, и направился к ним, размахивая саблей. В это время я скорее почувствовал, чем услышал низкий грохочущий звук, похожий на затихающий шторм, идущий откуда-то издалека по ходу движения судна. Это было больше, чем настойчивое напоминание, так как сопровождалось вибрацией, которая была ощутима физически и пробирала до корней волос. К своему ужасу я понял, что это могло означать. Я снова испустил клич и один из матросов повернулся, приготовившись принять бой. Это был высокий сухошавый человек с бельмом на глазу. Он размахивал дубинкой, утыканной гвоздями, которая вполне могла привостоять моей сабле.

Я видел, как Петерсу удалось избежать удара саблей, отступив назад, а потом ударить атакующего по запястью. Потом он дал волю своим мощным кулакам. На какое-то время его заслонила от меня фигура его соперника. Но вдруг соперник оказался в воздухе. Он согнулся пополам, когда Петерс держал его, изо рта его текла кровь. С другой стороны от меня я увидел, как упал Поль с окровавленным плечом.

Потом мне уже некогда было обращать внимание на что-либо, кроме своих собственных проблем. Я приостановился, когда дубинка моего противника, раскачиваясь, нацелилась на меня. Я опустил свое оружие и отступил, решив не рисковать своей сталью против такой сокрушительной силы. Он опять размахнулся, я снова отступил, наблюдая за его движениями и ожидая, когда он раскроется.

Я услышал, как вскрикнул Ганс Поль, с очень сильным акцентом, и его сабля загремела по палубе.

Стая птиц пролетела над нами с северо-западной стороны, крича "э-теке-лили!"

Мой противник поднял дубинку к правому плечу и обеими руками опустил ее по диагонали, нацелившись мне в грудь. Он рассмеялся, когда я опять увернулся, и выкрикнул: - Ну прислонись к чему-нибудь! Хватит бегать! Тогда я тебя достану! - На это я мог только вежливо кивнуть и улыбнуться, так как заметил, что после удара вниз от плеча он медленнее группируется, чем после горизонтальных взмахов.

Я услышал, как новый противник капитана Гая, На которого обратил внимание Петерс, разделавшись с собственным - принялся кричать, так как Петерс, вывернув ему руку, толкнул вперед и зубами оторвал ему ухо. Пока это происходило, матрос, которого Петерс послал в нокдаун, стал подниматься.

- Э-теке, э-теке, пис-с! - кричал Грин, летая вокруг и нагадив на матроса, атакующего Петерса.

В это время "Эйдолон" подпрыгнула, словно нас целиком вытолкнуло из воды, - я не мог не вспомнить о своем путешествии на при-

зрачном "Дискавери" - а когда судно опустилось, то скорость его как-будто увеличилась. Я инстинктивно ожидал, что вслед за этим на моем клинке заплещут зеленые огоньки.

И они внезапно заплясали. Неужели моя мысль каким-то образом воспроизвела их? А может, в этом месте я обладал силой более мощной, чем память, которая связывала меня с предметами из прошлого?

Глаза высокого матроса расширились, когда он увидел загадочное мерцание на наконечнике моего оружия. Но он занес дубинку над левым плечом и снова махнул ей. Я опять отступил. Но не так, как прежде. Вспомнив дорогой урок одного знаменитого французского фехтовальщика, который однажды был проездом в нашем городе, я отступил только на один шаг левой ногой, правую очень быстро поставил назад, поднял сабля вверх, вперед, по кругу и над головой, превратив ее в рапиру, чтобы после выпада нанести удар, которым успел ранить противника в руку прежде, чем он сгруппировался после своей промашки. Немедленно после этого я сделал еще один выпад и нанес колющий удар в шею противника.

Потом я взглянул на Петерса и увидел, как он швырнул своего безухого оппонента на того, который стал подниматься. Человек, которого он ударил в грудь, упал плашмя, из его ушей, носа и рта лилась кровь. На всякий случай я взглянул назад. Матрос, которому я рассек грудь, так и лежал возле трапа. Он не дышал.

Трое из шести были повержены, двое атаковали Петерса, а последний в это время вынимал своей стилет из левого подреберья Ганса Поля. Он перевел свое внимание на Петерса, который, пригнувшись, вытянул обе руки вперед в направлении двоих, которые, придя в себя, вновь напали на него. Улыбаясь, дородный матрос двинулся им на помощь, размахивая своей дубинкой в левой руке, держа нож в правой пониже, на уровне бедра. Когда он перешагивал через бездыханное тело капитана Гая, я услышал короткий выстрел из пистолета. Дубинка выскользнула из его руки, и он припал на колено, зажимая левой рукой живот.

За нескончаемым ревом воронки Симмеса я услышал, как он сказал: - Я думал, что ты мертв!

Потом он опустился на второе колено и я смог увидеть капитана Гая, который оперевшись спиной о швартовную тумбу, держал в правой руке небольшой крупнокалиберный пистолет, на губах его была еле заметная улыбка.

- Ты ошибся, - сказал капитан.

Я бросился на тех двоих, которые атаковали Петерса. Один из них поднял саблю, оставленную кем-то. Когда он почувствовал мое приближение, то повернулся ко мне лицом. Он согнулся в талии и выставил оружие вбок под углом, направленным на меня, размахивая при этом другой рукой, выставленной вперед, - очевидная и неумелая

попытка перенести технику ножевого боя на более тяжелое оружие. Тогда, испытывая к нему почти презрение, я сделал выпад вперед. Для опытного фехтовальщика тут не было проблем.

Пяткой я угодил в птичий помет и поскользнулся. Таким образом моя гордыня была наказана. Мой противник мигом наскочил на меня, пытаясь направить лезвие своего оружия поперек моего горла. Каждый из нас, конечно, пытался угодить другому коленом в пах, но оба успешно подставляли при этом бедро. В процессе этого я смог высвободить свою правую руку с саблей, которую мой противник прижал коленом после моего падения. Но в этой позиции я не мог размахнуться, притом мешала тяжесть навалившегося на меня неприятеля. Молниеносным движением руки я подставил ее под клинок, направленный на меня. К несчастью, мне пришлось отражать лезвие. К счастью, оно не было слишком острым. К несчастью, оно все же было острым...

Я почувствовал, как оно коснулось моей ладони, и он улыбнулся, когда побежала кровь и закапала мне на рубашку; он дышал мне прямо в лицо, что было явным предзнаменованием моей гибели. Его зубы были в очень плохом состоянии.

Я слышал, как Петерс все еще сражался со своим противником. Корабль опять "нырнул", и лезвие еще глубже вошло в ладонь моей левой руки. Раскаты Симмеса грохотали теперь, словно тысячи Ниагар. В маленьком просвете, который открывался в моей неловкой позиции, я мог видеть слева от себя уходящую высоко в небо огромную башню из белого тумана, плывшую, маячившую, склонявшуюся к нам, как огромная человеческая фигура, покрытая саваном, белая, как кость, снег или кожа мертвеца...

Я смачно плюнул в лицо своему противнику, что было против правил джентльменства и санитарии. Это не был один из тех приемов, которым научил меня знаменитый французский фехтовальщик. Этот урок мне преподавал молодой английский офицер по имени Флет, с которым мы пьянствовали однажды ночью. Этот трюк произвел на него настолько обескураживающее действие, что чуть не стоил ему жизни во время дуэли. С тех пор это запомнилось мне как пример чудовищного нарушения этикета. К счастью, я и не офицер, и не джентльмен, поэтому прием сработал превосходно. Он отшатнулся назад, этого мне было достаточно, чтобы сцепив зубы, сделать бросок, сжать, преодолевая боль, в кулак правую руку и направить удар туда, где был источник зловонного дыхания. Но он не отшатнулся назад, как я надеялся, своим весом он все еще держал меня. В это время тощая мертвенно-белая Фигура, словно земное воплощение туманного призрака, схватила его за шею и повернула, отпрыгивая от меня.

Моего противника качнуло в сторону Вальдемара, когда он оказался на ногах. Он отставил назад правый локоть, зацелившись своим оружием прямо в живот Вальдемару; потом он дал ему ход, проткнув

насквозь моего спасителя. Вальдемар свернул ему шею, и я услышал треск. Потом он оставил его и опустил глаза.

- О! Ирония судьбы! - заметил он. - Отправлять других к тому берегу, которого не могу достичь сам!

Он вытащил из себя саблю и бросил ее.

- Спасибо, - сказал я. - Постараемся что-нибудь сделать для вас в один из ближайших дней. Ей богу.

В это время справа от меня раздался отрывистый лающий смех, и я посмотрел туда как раз в тот момент, когда Петерс правой рукой поднял с палубы окровавленный клинок, а в левой держал скальп.

- В ознаменование маленького успеха, - заметил я.

- Это был двойной успех, Эдди, - ответил он, и мы оба повернулись в сторону капитана и Поля.

Оба были еще живы, но в очень плохом состоянии. Мы постарались помочь им, как могли. Ни один из бунтарей не выжил. Поль бормотал что-то на своем непонятном языке.

- Он говорит, чтобы мы быстрее принесли воздушный шар сюда, и он скажет, как с ним обращаться, - перевел Петерс.

- Хорошо, - ответил я. - Пошли.

Мы пробежали мимо Лиги, которая стояла, улыбаясь. Могу поклясться, что в какое-то мгновение я увидел кровь в уголке ее рта, но она провела по губам языком, и видение исчезло, осталась только улыбка.

Мы вытащили шар наверх и развернули его, не зная, сколько времени осталось.

Поль указывал, что надо делать, чтобы надуть его. Петерс вынужден был наклоняться к нему, чтобы услышать инструкции, так как голос его совсем ослаб, а грохот Симмеса все наращивал силу. Вальдемар и Лиги тоже помогали нам; когда же Поль, отдав последние распоряжения, испустил дух, Вальдемар горько проклял судьбу за то, что еще один человек помимо своей воли отправился туда, куда он стремился всей душой.

Капитан Гай сделал мне знак и я подошел к нему, так как ничего больше не оставалось делать, как ждать, когда шар достигнет нужных размеров.

- Эдди, - сказал он еле слышно. - Хочу попросить вас об одном одолжении.

- Все, что хотите, сэр, - ответил я.

- Перенесите меня в носовую часть корабля, чтобы я мог видеть то место, куда провалится "Эйдолон".

Мы с Петерсом взяли из моей каюты удобное кресло и укрепили его на палубе. Усадив в него капитана, мы для безопасности привязали его веревками.

- Это гораздо больше того каньона на Западе, - объявил Петерс, когда мы увидели огромную темную грохочущую пропасть, начинавшуюся там, где заканчивалась подвижная башня из белого тумана.

Пока мы еще более тщательно привязывали кресло, капитан Гай вынул свою трубку, набил ее табаком и достал кремниевую зажигалку откуда-то из недр своего окровавленного костюма.

- Позвольте вам помочь, - предложил я.

- Я сам.

- Вы серьезно решили остаться здесь?

- Не думаю, что мне осталось много времени, - ответил он, сделав первую затяжку, - и я не променяю это ни на что другое. Много ли найдется капитанов, которым удалось таким образом проводить свое судно в последний путь? - Он сделал еще одну затяжку. - А теперь оставьте меня. У вас есть работа, а я хочу полюбоваться зрелищем.

Я нежно стиснул его плечо, оставив отпечаток кровавой ладони.

- Да поможет вам бог, Капитан, - сказал я. - Вы были поддержкой для нас. Спасибо.

Петерс тоже что-то сказал, но я не смог разобрать слов. Когда мы повернулись, чтобы пойти на корму, я понял, как сильно накренилось судно. Я снова взглянул вперед по курсу и увидел, что мы погрузились еще глубже в воронку. Надо было торопиться.

Лиги и Вальдемар были уже в корзине, держась за веревки, которыми шар был прикреплен к рым-болтам на палубе.

- Пора, - сказала леди, я отрубил веревки и мы взмыли в небо.

Несколько секунд мы еще могли видеть "Эйдолон", которую швыряло по краю бездны Симмеса, изобретения человеческого разума, позволяющего погрузиться в вечность. На мгновение я вспомнил По.

Вальдемар издал странный шипящий звук, потом заметил: - Подумать только, что я мог бы быть живым.

Часть XIII

Мы продолжали подниматься на высокой скорости; грохот, доносившийся из центра земного полюса наконец начал стихать. Лиги настояла на том, чтобы продезинфицировать мои ладони и тщательно их забинтовать. К счастью, ей удалось взять на гондолу все необходимое, включая еду, пока мы с Петерсом прощались с капитаном.

Мы надеялись вернуться в Европу или какую-либо другую цивилизованную страну. Но вскоре мы обнаружили, что едва ли могли контролировать направление движения. По крайней мере, устойчивый поток воздуха нес нас на северо-запад. Мы выяснили, что можем регулировать высоту по своему желанию, сбрасывая балласт или, выпуская газ, чтобы таким образом попадать в благоприятный поток воздуха. Но определять направления было трудно.

Вальдемар свернулся клубочком на полу, Лиги накрыла его парусиной, и он стал предметом первой необходимости. Лиги, сидя на нем, иногда часами занималась медитацией. Петерс использовал его как подушку, я - оттоманку.

Это могло быть захватывающим, могло быть волнующим. Первый день в воздухе был для нас лишен каких-либо впечатлений. Мы физически освобождались от всего, что мы пережили в последнее время, от всего, что еще волновало нас. В то время, как мои чувства какое-то время следовали за моими злоключениями в руках инквизиции, или взяты хотя бы это безумное потустороннее путешествие на борту "Дискавери", или утро после праздника у принца Просперо с участием Красной Смерти, то теперь, осознавая, как далеко все это, я чувствовал нереальность своего настоящего положения. Это чувство было сродни, пожалуй тому, что испытывает полуночный читатель, углубившийся в фантастический роман, с той лишь разницей, что я не могу избавиться от этого, захлопнув книгу. Но мой мозг в этом состоянии и не станет отклоняться от темы, глаза сами собой прикроются, мудрость отдыхающего тела, как болото, засосет все мысли.

Второй и третий день прошли примерно так же, хотя реальность стучалась в дверь с каждым разом все чаще.

Мы снова ели и разговаривали, и Грин дарил нам случайные непристойности, усевшись на корзину или канат.

Мы совершали наше скоростное высотное движение на север уже почти неделю. Я пытался выяснить, был ли сейчас июнь, июль или август, но не Петерс, ни Лиги точно не знали. И было бы жестоко будить Вальдемара из-за такого пустяка.

Мы летели дальше, приземлившись один раз на следующей неделе на тропическом острове в долине разноцветных трав. Мы воспользовались этим только потому, что вода была на исходе, а в этом живописном месте, где река Молчания спускалась с горы, прокладывая свой незаметный и одинокий маршрут, было много маленьких озер и расщелин откуда поднимались вулканические газы. После того, как мы досыта напились и заполнили все емкости, которые у нас были, до отказа, мы смогли вновь накачать баллон, воспользовавшись вулканическим газом.

И вот мы опять в воздухе. Поднимались вверх, пока не попали в сильный воздушный поток северного направления. Вскоре мы оказались над большим пространством облаков. И это продолжалось долго, долго, долго.

Мы стали обсуждать, когда будем снижаться, но поссорились из-за этого, так как внизу нельзя было разглядеть никаких более или менее знакомых ориентиров, и притом, если мы начнем снижаться сквозь массив облаков, то рискуем разбиться о какое-нибудь горное образование.

На каком-то этапе мы даже потеряли счет дням. Но до тех пор, пока позволяли наши припасы, мы были настроены продолжать полет, не подвергая себя риску, которого можно избежать.

Так было до тех пор, пока газовый баллон не стал худеть. Мы пришли, наконец, к единодушному решению, но в это время попали в полосу плотных облаков. Проплывая сквозь них, мы чувствовали, словно всякое движение прекратилось и мы повисли в слое ваты. Единственное, что указывало на длительность нашего транзита, было то, что мои руки за это время значительно зажили.

Когда мы наконец выбрались из облаков, внизу была зеленая равнина, не похожая на джунгли. Больше мы ничего не могли сказать о месте, над которым находились.

Мы поддерживали высоту, надеясь увидеть какие-нибудь признаки цивилизации. Так, продолжая лететь на малой высоте, мы провели ночь.

Наверху нас встретила заря, хотя земля была еще погружена во тьму, когда мы опустились на нее. Звуки и запахи, а через некоторое время, и пейзажи были до боли знакомы. Короткая разведка вдоль сельской дороги привела меня к надписи на развилке, гласящей: "Ричмонд 10 миль".

Мы постепенно выпустили из баллона воздух и спрятали его в лесу. Так как Вальдемар двигался медленно и не очень хорошо держался на ногах, мы не могли взять его с собой. Поэтому, оставив Лиги с ним в лесу, мы с Петерсом отправились на поиски какого-нибудь транспортного средства, в котором можно было везти его.

Обшарив в округе милю или две, мы услышали шум голосов. Повернув в этом направлении, мы вскоре оказались возле металлической двери, которая была слегка приоткрыта. Плотный человек, стоявший по ту сторону, предложил нам войти. Он пожал нам руки, представившись как мистер Майлард. Это был respectable вида джентльмен старой закалки, хорошо одетый, хорошо воспитанный, держался с достоинством. За его спиной однако прогуливалось несколько причудливо одетых фигур, - на них были костюмы разных времен и народов - среди которых была женщина, позволявшая себе временами останавливаться, хлопать руками, как крыльями, и удивительно глубоким голосом произносить: "Куд-куда, куд-куда!"

- Мы бы хотели купить или нанять экипаж, повозку или бричку, - сказал я. - Это возможно, сэр?

- Думаю, что да, - ответил Майлард, - хотя я не тот, к кому вам следует обратиться по этому делу. Пойдемте со мной в главный корпус и мы найдем в конторе того, кто поможет вам.

Мы последовали за ним в направлении большого старинного особняка. По дороге к нам прибился человек, который передвигался с помощью всех четырех конечностей; Он потерял о наши ноги и замурлыкал. Когда он удалился, погнавшись за крысой, я сказал: - Сэр, мы не из этой местности и поскольку у меня возникли некоторые подозрения, хотелось бы узнать, каков профиль этого... учреждения.

Он улыбнулся.

- Как вы и предположили, - пояснил он, - это приют для умалишенных. Доктор Тарр и профессор Федер основали его здесь несколько лет назад, когда приехали из Франции, где они работали в области экспериментального лечения пациентов подобного сорта.

Мы поднялись к старинному зданию и вошли в него. Мистер Майлард оставил нас в просторной когда-то элегантной комнате, которая теперь была порядком запущена, сказав, что он найдет того, кто поможет нам с тележкой, и пришлет к нам. Мы с Петерсом уселись в слегка поношенные кресла.

- Трудно поверить, что мы вернулись, Эдди, - сказал он.

- Надо постараться выяснить, какой сейчас месяц, прежде чем мы уйдем отсюда.

- Сейчас месяц сентябрь, сэр, - сказал маленький человек, совершенно утонувший в темном кресле в темном углу справа от нас.

- Простите, - сказал я, - мы вас не заметили.

Он усмехнулся.

- В этом есть свои преимущества, - заметил он.

Потом он встал и поклонился. Седые волосы, козлиная бородка, живые голубые глаза, увеличенные линзами очков. - Доктор Август Бедл, к вашим услугам.

- А, вы обин из штатных работников.

- Нет. Я здесь, фактически, пациент.

- Простите...

- Ничего. Я не сумасшедший, если это то, чего вы боитесь.

- Я... н-не понимаю.

- Могу я узнать, чем вы занимаетесь?

- Я Эдгар Перри, отставник армии Соединенных Штатов, - отпартовался я. - Мой друг, Дик Петерс, помощник капитана судна "Эйдолон".

Он пожал нам руки.

- Спросил исключительно из желания удостовериться, что вы не связаны с органами правосудия или правоохранительной системой. Очень рад, что я не ошибся.

- Всегда рады вам угодить. - Я взглянул на Петерса, который пожал плечами.

- Я один из тех в этом заведении, кто в своем уме. А таких здесь двое, - сообщил доктор Бедл.

- Конечно, - согласился я.

- Я вполне серьезен, сэр, и говорю это только для вашего блага, чтобы предостеречь вас.

- А в чем дело?

- Обитатели этого дома захватили власть три дня назад, - объяснил он, - заперев Тарра и Федера в комнате, обитой войлоком.

Мистер Майлард, опасный маньяк, управляет всем этим.

Я взглянул в его лицо. Он говорил так убедительно.

- Но почему вы должны мне верить? - сказал он.

- Ну, посудите сами: почему калитка не заперта, а больные бродят по лужайкам?

- Это тревожит меня, Эдди, - сказал Петерс, поежившись. - Скажите доктор Бедл, что вы делаете здесь, если вы не больны?

- У меня был еще один вариант: быть повешенным за убийство несколько лет назад, - ответил он. - Я предпочел симулировать безумие и жить. Вот поэтому я и поинтересовался родом вашей деятельности.

- Ох, - сказал Петерс и я согласился.

- Я совершенно безобиден, - уверил нас доктор Бедл.
- Но случилось так, что у моего пациента начался сердечный приступ, когда он выходил из транса, в который я его ввел. Его невежественные родственники подали на меня в суд.
- Транс? Вы месмерист? - спросил я.
- Конечно, сэр, и когда-то слыл довольно неплохим специалистом.
- Я случайно знаю одного человека, - сказал я, - который использовал эту способность в гораздо более низких целях, чем вы.
- Могу я узнать, кто этот человек?
- Некий доктор Темплтон, - ответил я.
- Мне известен этот человек, - сказал он мне, - и несколько не сомневаюсь в правдивости ваших слов.
- Вы действительно знали его?
- Да. Я также знаю, что и теперь он не изменился. Даже сейчас он со своими сподвижниками - их имена: Гудфелло и Грисуолд - находится в Нью Йорке в местечке Арнгейм, где сотрудничает с миллионером Сибрайтом Элисоном в деле производства алхимического золота по способу какого-то немецкого изобретателя, нанятого ими.
- Что? - Я вскочил на ноги и бросился к нему, собираясь схватить его за лацканы. - Откуда вы все это знаете? - закричал я. - Вы же сами сказали, что находились здесь уже несколько лет.
- Прошу вас, сэр! Я всего-навсего пожилой человек, который не желает вам ничего, кроме добра, поэтому я предупредил вас. Поступайте так, как сами сочтете нужным, исходя из того, что я вам сказал, только не причиняйте мне зла.
- Тогда скажите, как вы узнали об их текущем состоянии дел?
- Это заслуга другого разумного пациента, о котором я говорил, - сказал он мне. - Мистер Элисон нанял его в качестве личного секретаря, и он несколько месяцев работал в Арнгейме. На самом деле он был журналистом, который хотел подготовить материал, изобличающий нелегальную деятельность Элисона, которая распространяется на несколько континентов.
- Если они его раскрыли, почему он не был убит?
- Он был связан с другими людьми, которые знали о его расследовании. Поэтому доктор Темплтон засвидетельствовал его как умалишенного.
- И Темплтону поверили на слово?
- Нет. Этот человек, Санфорд Мартин был совершенно невменяем, когда его освидетельствовали. Для человека, искушенного в нашем деле, нетрудно привести подопытного в состояние помешательства на время. Позднее, когда безумие прошло, они поместили его в эту кли-

нику, зарегистрировав под другим именем. Он-то и рассказал мне, что творится в Арнгейме.

Я ухватил его за рукав.

- Сэр, упоминал ли он когда-нибудь о леди по имени Энни?

- Да, упоминал, - ответил доктор Бедл, - в связи с тем, что она обладает необычными способностями и работает ассистентом Ван Кемпелена.

Я отошел, уселся в кресло и закрыл лицо руками.

- Прodelать такой путь, - сказал я наконец, - и опоздать...

Я почувствовал руку Петерса на своем плече.

- Сейчас, Эдди, еще не поздно. Как я слышал, мистер Элисон говорил раньше, что эти опыты требуют определенного времени.

- Я могу вам устроить встречу с Санфордом Мартином, если вы хотите удостовериться в том, что я вам сказал, - предложил доктор Бедл.

- В этом нет необходимости, сэр, - сказал я. - Вы не могли бы так все хорошо сочинить да еще чтобы это соответствовало фактам, которые мне известны.

- Эдди, тебе не удастся ничего сделать, путешествуя вместе с Вальдемаром, - сказал мне Петерс, - а Лиги не оставит его.

- Я знаю. Послышался гул голосов из глубины здания, приближавшийся в нашем направлении.

- Повторяю свое предложение, что вам следует немедленно уйти, - сказал доктор Бедл, - и искать повозку где-нибудь в другом месте.

- Хотите пойти с нами?

Он покачал головой.

- Не могу, - ответил он. - А здесь я кое-что делаю.

На сегодняшний день некоторых уже вылечил.

Мы встали. Снова пожали ему руку.

- Счастливо, ребята, - сказал он нам.

- Пора бежать, Эдди, - сказал Петерс, - когда звуки сердитых выкриков были уже совсем близко.

Мы побежали.

Когда мы миновали поля и оказались в лесу, я расстегнул пояс с деньгами, вынул золотые монеты и поделил их с Петерсом, наказав ему достать транспорт для себя и других. И купить новый гроб Вальдемару. Я предложил ему остаться с ними в качестве охраны, пока они будут продвигаться на север. Я сделал это не только из альтруистских побуждений, а еще и потому, что до сих пор не знал, насколько лоялен

Петерс по отношению к Элисону. Так я никогда и не узнал об этом. Однако у меня было чувство, что он тоже был рад, что остается здесь, в то время как я отправляюсь туда улаживать дела. Я обнял зловещего карлика с любовью, какую испытывал к немногим. Мы расстались под небом Желтой Луны.

Часть XIV

Была унылая октябрьская ночь, когда я перелез через высокую каменную стену, избежав столкновения с вооруженной охраной. Мне остались последние мили через уголья, чтобы добраться до главного здания в имении Арнгейм. Я не был уверен в точном расположении особняка, но последняя встерча с Лиги, которая теперь получила доступ в королевство на море, помогла мне получить некоторые указания, касающиеся моего маршрута. Я двигался вверх по течению реки Виссакихон. Ночью я пробрался в коттедж Ландора и там переночевал. Лиги упоминала, что Энни, возможно, какое-то время была здесь. И я нашел там испанский гребень, очень похожий на тот, что Энни носила в волосах в укрепленном аббатстве Просперо. Я, конечно, сохранил его, а утром двинулся дальше.

Удивительная прелесть ландшафта в другое время непременно привлекла бы мое внимание. Но сейчас я был слеп к красоте. Каждую ночь (а иногда и днем) снова и снова перед глазами возникала Энни, Лиги, далекий По, бросающийся навстречу своей судьбе. Такое соединение созидającego и разрушающего начала говорило мне о том, что что-то в нашей дружбе близилось к концу.

Далее.

Видения отдельных эпизодов указывали определенно: Элисон и его соперники пришли к заключению, что для них будет лучше объединить свои усилия, чем сражаться друг против друга. Мой предполагаемый благодетель был теперь в союзе с людьми, которых я по его указанию преследовал, объехав почти половину земного шара. Ван Кемпелен тоже с ними здесь, в Арнгейме, будет превращать большее количество свинца в золото. Это скопление драгоценного металла должно быть передано Элисону в качестве платы за недвижимость, включая Арнгейм, а также драгоценные камни и некоторые другие предметы большой ценности. Немедленно после этого обе стороны по обоюдному согласию засвидетельствуют уничтожение аппарата для производства золота. Это предотвратит дальнейший выпуск драгоценного металла, понижение цен на него и обесценивание его нового запаса.

Далее.

Вокруг меня ликовали краски осени, когда я отвел взгляд от озера небесной голубизны, где меня посетило последнее видение. Это была картина убийства Ван Кемпелена. Потоп. Чтобы некому было повторить в скором времени этот опыт.

Далее.

И вот наконец я достиг центра имения, рая Арнгейма. Я был захвачен потоком музыки, гнетущим запахом странного сладкого дурмана, сказочным переплетением высоких восточных деревьев, аллеями, обсаженными кустарниками, стаями золотых и темно-красных птиц, фонтанами, озерами, цветами, лужайками, серебрянными ручейками. Дольше, чем положено, я стоял потрясенный этим натиском природы, потом я вошел туда.

Я продвигался осторожно, но не обнаружил никого из охраны. Передо мной, наполовину возвышаясь из гущи растительного великолепия предстало творение полуготической, полусарацинской архитектуры, сияющее в солнечных лучах сотней эркеров, башенок, минаретов. Восхитительно.

Подойдя ближе, я обнаружил, что это место было окружено рвом с водой. Я несколько раз обошел кругом, скрываясь за густым кустарником. Не найдя других способов преодолеть это препятствие, я переплыл ров.

Исключая едва различимую трещинку в фасаде, здание было в безупречном состоянии.

Я прошел под готическим сводом и приблизился к тяжелой двери из дерева. Я толкнул ее, она оказалась незапертой. Я вошел.

Здесь было старинной работы по дереву, темных гобеленов на стенах, черный пол из эбенового дерева. Я прошел через комнату быстро и осторожно, не создавая ни малейшего шума. Сабля моя была наготове, пистолет заряжен, были и другие секреты, спрятанные от постороннего глаза.

Я вошел в галерею и двигался, заглядывая в каждую комнату. Сибрайт Элисон был в третьей слева.

Поскольку для драматического появления не было причин, я просто вошел. Это была библиотека, и Элисон в бордовом шелковом халате сидел в пухлом черном кресле, читая книгу с сигарой в руке. На столике справа от него стоял бокал, наполненный, возможно, шерри.

Он поднял голову и улыбнулся, когда по нему скользнула моя тень.

- Перри, - отметил он, - и как раз вовремя.

Я не собирался подыгрывать ему и спрашивать, что он имел в виду. Я просто задал самый главный для себя вопрос:

- Где она?

- Здесь, и ей довольно неплохо, - ответил он. - Никто, поверьте, не обидет ее здесь.

- Ее держат здесь и заставляют делать что-то против ее воли.

- Уверю вас, ей хорошо заплатят за ее труды, - сказал он. - Кстати, вам также причитается приличная компенсация за вашу деятельность для моего блага.

- Я думаю, будет уместным напомнить, что вы предлагали мне награду, в случае если я убью Грисуолда, Темплтона и Гудфелло. Я с большой охотой сделаю это сейчас. Ваше предложение все еще в силе?

Он слегка побледнел, потом улыбнулся.

- Боюсь, что в этом отпала необходимость несколько месяцев назад, когда я пришел к соглашению с этими людьми.

- Так теперь вы партнеры?

- Более или менее, да.

- А Ван Кемпелен здесь?

- Да, здесь. Вы все еще продолжаете выполнять задание. Не хотите ли стаканчик шерри?

- В том случае, если мы продолжим беседу.

- Конечно. Что еще вы хотите узнать?

Он нашел небольшой бокал и наполнил его до половины.

- Вы говорите, что заплатите Энни. Но в то же время вы заставляете ее делать то, что она не хочет.

- Это для ее блага. Я могу вам доказать.

Я сделал глоток.

- Ну тогда докажите.

- Я оговорил ее долю с огромной выгодой, такой огромной, что...

- Понятно. А Эдгар По?

Он встал. Прочертив сигарой линию в воздухе, он прошел сквозь дым.

- Что Эдгар По? - спросил он. - Если он стал вашим другом и другом Энни, я сожалею. Искренне. Но эта уникальная привязанность между вами тремя не может длиться вечно.

- Или не будет длиться вечно?

- Не может, - Элисон кивнул, словно я с самого начала соглашался с ним. - Потому что По больше не существует. Его нет в этом мире, в нашем мире, мире практических дел. Он должен идти своим путем, как мы идем своим. Он выбрал путь мечтателя. Ни я, ни вы не выбрали за него.

- Ваш выбор в разделении.

- Ничего подобного, мой мальчик. Ничего подобного. Мечты и мир практицизма не могут долго сосуществовать.

Я сделал последний глоток шерри и отставил бокал в сторону.

- Я хочу ее увидеть.

- Конечно, - сказал он.

Он прошел через комнату и сделал мне знак. Я последовал за ним.

Он открыл дверь и мы прошли в другую комнату большего размера также с множеством книг и картин. Он пошел дальше, а я остановился около картины в нише слева от меня. Это был портрет женщины с вьющимися волосами и большими темно-серыми глазами. На ней была старомодная шляпка и платье в стиле ампира с открытой шеей и плечами, украшенное цветами. Я остановился и не мог отвести взгляда от этих загадочных глаз, темной массы волос.

- Пойдемте, - позвал Элисон, останавливаясь в проеме двери.

- Сибрайт Элисон очень похоже на сценический псевдоним, - сказал я. - Вы когда-нибудь играли на сцене?

Он прищурил глаза.

- Возможно. А почему вас это интересует?

В ответ я тоже пристально посмотрел на него. Картина была увеличенной копией той, что была у меня в миниатюре - единственный портрет моей матери Элизабет. Сомневаюсь, знал ли он о его существовании.

- Мне как-будто знакома эта леди, - сказал я.

Он пожал плечами.

- Портрет достался мне как часть собственности, которую я приобрел. Очень хорошо смотрится на этой части стены.

У меня закружилась голова. С тех пор как я познакомился с этим человеком, ничто не производило на меня такого сильного впечатления, как это.

- О, - сказал я и повернулся, чтобы идти.

Он миновал дверной проем и прошел в следующую комнату с высоким потолком, заполненную книгами, оружием и картинами. Я быстро вернулся назад и провел пальцем по пыльной бронзовой пластине, на которой была подпись к картине.

- Элизабет Арнольд, - прочел я и поспешил за Элисоном.

Это было имя моей матери, хотя это подтверждение моей догадки было уже излишним. Неужели он тот человек, который бросил ее... Но это был другой мир, а не тот, которому я принадлежал. *Ceteris Panibus*, он был отец По, а не мой. Но на этой Земле было все не так, как на моей. А это означало, что мне никогда не удастся точно узнать, жерт-

вовал ли он своим сыном в этом деле осознанно и преднамеренно. И был ли мой отец там, дома, похож на этого человека.

- Здесь очень мило, - сказал я, догнав его. После этих двух комнат дверей уже не было, теперь мы проходили через сводчатые проемы в готическом стиле, задрапированные красной или голубой материей. Я начал догадываться, что эта галерея проходила вдоль большей части здания.

- Вы не помните своих родственников, не так ли? - сказал он спуская какое-то время.

- Наверное, нет. Я был так мал.

Мы дошли до конца галереи и повернули направо. По короткому коридору мы прошли мимо проема, выходящего во двор, где довольно большая группа вооруженных людей коротала время, от скуки разглядывая друг друга с противоположных сторон двора.

- Команды атлетов? - предположил я.

Он ухмыльнулся.

- Да. Моя и их. Они здесь для того, чтобы мы не сомневались в честности друг друга.

- Так вам пришлось объединиться, чтобы дать цену, назначенную Ван Кемпеленом?

Он кивнул.

- Этот человек провернул выгодное дело.

- Если бы у него был мой опыт, он бы нанял собственную команду атлетов, чтобы не сомневаться в честности двух других.

Он похлопал меня по плечу.

- Говорите как истинный солдат, - заметил он. - Это одна из причин, по которой я нанял вас. Вы еще расскажите мне все о вашей одиссее, когда дело будет закончено.

- Как продвигаются дела у Ван Кемпелена?

- Он получил то, что мы хотели, - сказал он.

- А когда вы получите это, как он выйдет отсюда?

Он сделал глубокую затяжку, потом отвел сигару и не спеша выпустил дым. Потом он показал мне оба ряда своих зубов, но не сказал ничего.

- Хотите посмотреть его лабораторию?

- Я хочу увидеть Энни!

- Возможно она там.

- Что произойдет с ней, - спросил я, - когда все это кончится?

- Вам известно, что она от природы величайший медиум в мире.

- И что это значит?

- Владелец такой силы стоит денег и может быть использован во многих других предприятиях.

- А если она не хочет работать?

- Она постоянно попадает в зависимость от определенных лекарств. Она будет работать ради них.

Я почувствовал, как к глазам подступили слезы.

- Я рад, что вы не мой отец, - сказал я, подавшись порыву.

Он отмахнулся, словно я ударил его. Моя рука была на рукоятке сабли. Я опустил ее. Он все еще был мне нужен.

- Но я и не отец По, - сказал он сквозь зубы.

- Никогда не говорил, что вы его отец. У вас есть дети?

Он отвернулся.

- Не стоит об этом говорить, - сказал он.

Я последовал за ним, как мне показалось, в северном направлении.

- Вы ненавидите меня, не так ли? - спросил он спустя некоторое время.

- Это так.

Он помедлил на вершине широкой каменной лестницы, повернулся и прислонился к стене.

- Я хочу, чтобы все было решено сегодня же.

- Так вот что вы имели в виду, говоря о моем своевременном появлении?

Он кивнул.

- Сегодня вечером все решится. Но для вас это, должно быть, не является неожиданностью?

- Думаю, что нет.

- Я получу все золото, - сказал он тогда. - Но должен буду отдать большую часть своего состояния, включая это местечко.

- А Энни? - спросил я. - Она тоже часть цены?

Он опять кивнул.

- Но я бы хотел привлечь вас на свою сторону сегодня вечером, Перри, когда настанет время расчета. Да, я обещал им Энни. Я бы пообещал им все, только бы работа была завершена. Но потом... Они хотят обрести счастье, получив реальную собственность, драгоценности, счета в иностранных банках. Я получаю золото, вы получаете Энни и к дьяволу всех остальных.

- Если бы вы не были таким византийцем, Элисон, и таким последователем Макиавелли... - сказал я. - Я не могу поверить такому человеку, как вы, даже если бы и захотел.

Он вздохнул. Потом стал смотреть себе под ноги. Прошла, наверное, минута. Или он действительно когда-то был актером, или в нем происходила огромная внутренняя борьба.

- Хорошо, - наконец сказал он, запустив руку под халат и доставая оттуда серебряную фляжку. Он открутил крышку, снял ее и помахал у меня перед носом. Я почувствовал запах виски.

Он наполнил крышку, которая была размером с короткий стакан, и опрокинув, выпил залпом. Потом он вновь наполнил ее и протянул мне. Я взял ее и проделал тоже самое.

- Мне эта идея пришла в голову случайно, - сказал он, - во время странного шторма. Я понял, что можно было осуществить. Мне потребовалось много времени, чтобы разработать механизм этого сотрудничества. Вот так я познакомился с Грисуолдом и Темплтоном. Мы работали вместе, отыскивая способы. Но в последнее время их одолела жадность. - Он снова предложил мне выпить. Я отказался. Он выпил сам, закрыл фляжку и отложил ее в сторону. - Так вот, я не буду испытывать угрызений совести, если нарушу часть соглашения с ними. Если леди действительно так много для вас значит, она ваша.

Я уселся на верхнюю ступеньку и потер лоб.

- Родство еще больше упрощает дело, - сказал он наконец.

- Черт вас возьми, сэр, - сказал я.

- Я не прошу сыновней почтительности, а рассчитываю на простое сотрудничество, - сказал он. - Мы обойдем этих злодеев и будем в выигрыше. Я получу свое золото, вы получите Энни, а они будут достаточно богаты, чтобы не слишком громко жаловаться. Это будет лучше, чем смерть.

- Ваши войска выглядят вполне равными мне одному.

- У меня есть резервы, о которых они не знают, - сказал он. - Они явятся по первому указанию, и перевес будет на нашей стороне, кровопролития не будет. Обе стороны, огрызаясь, отступят и займутся своими делами.

- А Ван Кемпелен?

- Он останется в живых.

- Почему?

Я вспомнил пожилого пучеглазого человека, который угощал нас чаем в Париже и выразил уверенность в нашем благополучии, когда мы выбрались, чтобы бежать по крышам. Да, он корыстен, но он не убийца, не сумасшедший, не хищник. Но разве мог я сказать об этом. Даже если бы и сказал, это ничего бы не значило.

- Потому что я так хочу, - ответил я.

Он сделал движение, как будто вновь потянулся за фляжкой, подумал и опустил руку.

- Это значит, что мне до конца жизни пришлось бы следить, чтобы он снова не выкинул номер с золотом.

Я почувствовал, как левый краешек верхней губы дернулся вверх.

- Думаю, вы можете себе это позволить? - спросил я.

- Черт вас возьми, сэр, - процитировал он. - Если это вас устроит, то так и будет. А теперь пожмем друг другу руки?

- Нет.

Он уронил сигару на пол и наступил на нее.

- Но что ж, хорошо, - заметил он. - Наши действия должны быть скоординированы. Мы наметим план действий, согласуем распоряжения. Входы и выходы будут наши...

Мы вошли в глубокий подвал, освещенный факелами и свечами, в тот же день, но позднее. Все здесь немного напоминало устройство рабочего стола Ван Кемпелена в его парижской квартире, только масштабы были гораздо значительнее. Работало несколько духовых шкафов. Здесь были кувшины, бутылочки, перегонные кубы и реторты, но большую часть емкостей составляли большие баки, расставленные на полу, непонятно в каком порядке. Огромное количество темного металла лежало на брезенте посередине комнаты. Энни в простом сером платье стояла рядом с баком, держа пару проводов, которые тянулись от него. Она посмотрела в нашу сторону, когда мы вошли, отпустила провода и подошла ко мне. Я обнял ее.

- Я знала, что ты придешь, - сказала она, - сегодня.

Ван Кемпелен посмотрел в нашу сторону.

- Я знаю вас, - сказал он. - Вы были с маленьким человеком и обезьяной.

Я кивнул.

- Я снова пришел, - потом обратился к Энни: - Пойдем, Энни. Давай выберемся отсюда.

Она посмотрела в сторону Ван Кемпелена.

- Можете идти. Закончите подзарядку позднее, - сказал он.

Я вывел ее оттуда, а потом - вверх по лестницам, через залы и галерею, наружу, в сад, оставив их там, внизу.

Много позднее, когда мы лежали среди великолепия и солнечного света, рассматривая золотые деревья, я заметил: - Так процесс включает в себя месмеризм?

Она кивнула, потом зевнула.

- Это секретная составная часть таких трансмутаций большого масштаба, - объяснила она, - специальный вид месмеризма.

- О, - сказал я, - специальный? В каком смысле?

- Энергия другого мира, - ответила она. - Будет большой ее приток, когда наконец закроется дверь для возвращения По.

- И это случится сегодня вечером во время работы?

- Им бы хотелось этого, - сказала она, - но этого не случится. Все это время я не держала его открытым для их пользы.

- Ты потеряла меня.

Она улыбнулась.

- Нет, я еще никого не потеряла. Даже По. Я собираюсь дать им золото и вернуть его назад. И все мы трое наконец-то будем вместе, здесь.

- Я не ученый, - сказал я, - и мои навыки месмериста далеко не совершенны. Но даже не зная математики, которая, наверное, может доказать такие вещи, я уверен в этом: в этом мире ничего не дается просто так. Какова цена?

Она опять улыбнулась.

- Мистер Элисон не подозревает, что мне известен его секрет, - сказала она. - Он с той Земли. Таким образом, я могу послать его взамен По, а потом закрыть дверь. Мы воссоединимся, а мистер Грисуолд будет безмерно благодарен.

- Держу пари, - сказал я, - это его идея, не так ли?

- Да.

Это было похоже на калейдоскоп: все постоянно менялось. Удастся ли ее уловка? Была ли у Ван Кемпелена тайная армия гомункулов, ожидающих подходящего момента, где-то после полуночи золотого седьмого октября, чтобы выступить от его имени? Пожалуй, я был единственным, у кого не было плана на случай непредвиденных обстоятельств.

Я поцеловал ее и сказал: - Расскажи мне еще о месмеризме. Когда сила так велика, как наша, должны быть специальные меры, чтобы держать ее под контролем.

- О, да, - ответила она. - Мы должны сконструировать собственные инструменты...

В ту ночь, особенную из всех ночей года, далеко за полночь мы шли в подвал, похожий на пещеру, особняка в Аригейме, чтобы приступить к трансмутации.

Частные армии Сибрайта Элисона и людей, которых он окрестил Омхоли Тринити, стояли друг напротив друга во всю длину лаборато-

рии. На каждой стороне их было около сорока. У каждого была винтовка и пара пистолетов; можно было увидеть также множество остроко-
нечного оружия. Я представил, что было бы, если бы пули рикошетом
начали летать по всему пространству. Штатские... Я заранее тайком
пробрался и наскоро выкопал небольшую траншею - недалеко, налево
от меня - и закрыл ее куском отрезанным от брезента, на котором
лежала гора свинцовых заготовок. Я предполагал что-то подобное; при
первом намеке на возможность перестрелки я собирался вместе с Энни
нырнуть туда.

Ван Кемпелен соединял шланги между резервуарами, присоеди-
нял провода от последнего резервуара к дальней части кучи свинцовых
заготовок. Энни сидела в сияющем черном кресле, которое казалось,
было сделано из осколков обсидиана. Стекланный шлем покрывал ее
голову и она опиралась на полосу из золота, которая проходила вдоль
высокой спинки. Ей в руки дали два провода, которые тянулись к
ближайшей стороне свинцовой кучи.

Ван Кемпелен прошептал ей последние инструкции, потом кив-
нул Элисон и остальным. Тут же напряжение, отличное от телепати-
ческого, заполнило помещение. Я сделал шаг к Энни и почувствовал
нарастание сил, которыми она манипулировала. В одном из резервуа-
ров послышалось бульканье. Какие бы силы не исходили от Энни, они
стали вибрировать. Остальные емкости начали резонировать.

Я словно бы услышал жалобный вой, звучащий на очень высокой
ноте, внезапно у меня заболела голова. Затыкать уши не было смысла,
хотя все пытались делать то же самое. Потом вой затих, и в воздухе
поплыли едва различимые фигуры - странная рыба, странное море...
Вибрация снова усилилась. Казалось, что на нее можно было опереть-
ся. Вспомнив свои дневные впечатления, я почувствовал теперь в
явлении что-то более знакомое.

Звук уходил и мгновенно возвращался. Короткие взрывы света
вслед за этим наполняли воздух над резервуарами, вокруг серой кучи.
Руки Энни, лежащие на проводах, были белыми от напряжения.

Потом возникла рябь. Это было так, словно всех людей, стоявших
напротив, и все, что было вокруг, я увидел сквозь линзу мелкого ручья.
Ничего не изменилось, но все же изменилось все. Казалось, что все в
подвале колеблется.

Потом точки света - на этот раз большей частью золотого - воз-
вратились, чтобы смешаться с рябью.

Я сделал еще шаг к Энни. Возникло какое-то давление. Серые
заготовки на мгновение вспыхнули желтым за пеленой ряби. Через
некоторое время вспышка повторилась - на этот раз золотая и более
продолжительная. Груда, казалось, меняла форму, уменьшаясь с каж-
дым новым озарением и увеличиваясь, когда вспышка угасала.

Я взглянул на Элисона. Он улыбался. Частота колебаний возросла. Серо-золотые затмения-вспышки становились все чаще и чаще. Потом золотой период цикла увеличился, серый сократился. Потом началось потряхивание, раздался отчетливый звук скрежета свинцовых заготовок, трущихся друг о друга, словно заработал внутренний импульс, стремящийся удержать массу. Некоторые бруски выпали из общей кучи.

Я снова посмотрел в сторону Элисона. Он, казалось, был заключен в рамку из огня, но совершенно не ведал об этом.

Потом колебание прекратилось, и я увидел гору золота. Все присутствующие, казалось, перевели дыхание в одно и то же время. Прекрасный, маслянистый, тяжелый блеск...

Я несколько раз перевел взгляд с золота на Энни, на Элисона и обратно. Ничего не происходило. Никто не двигался. Что-то должно было произойти. Должна быть ответная реакция, движение, балансировка...

Энни вскрикнула. Свет, окружавший Элисона, угас.

То, что Энни прокричала, были слова: - По умер!

На лице Грисуолда была улыбка. Энни освободилась от проводов, отшвырнула свою стеклянную корону.

Что-то похожее на огромный вздох пронеслось сквозь помещение, и раздался стук, похожий на землетрясение на кирпичном заводе.

Куча стала больше и потеряла свой блеск, стала серой и развалилась.

Грисуолд взревел, Элисон - тоже. Но никто из них не выстрелил.

Энни повторила свои слова очень тихо, но отчетливо. От трепета, возникшего, как эхо, содрогнулся огонь свечей и факелов.

- По, - сказала она снова, - умер, - и раздался треск над нашими головами. Потом отовсюду на нас посыпалась пыль.

Все подняли глаза кверху. Раздались звуки грохота и треска.

* * *

“В конце этого предложения я задумался и на мгновение прервался, так как мне показалось (хотя тут же я решил, что мое больное воображение обмануло меня), что из самого удаленного уголка здания донеслось едва различимое ухом эхо, или что-то очень похожее на эхо, вызванное звуком треска и грохота, который сэр Ланселот так точно описал. Это было, вне сомнений, простое совпадение, которое привлекло мое внимание, так как среди стука оконных рам и обычного набора шумов все усиливающейся грозы звук, сам по себе, не имел решительно ничего, что могло бы заинтересовать или обеспокоить меня. Я продолжал свой рассказ...”

* * *

Потом словно тяжелые удары обрушились на стены, за ними последовал скрежет. Все помещение, казалось, ходило ходуном, и еще несколько брусков выпало из серой кучи. Элисон, быстро озираясь по сторонам, стал отступать к лестнице. Еще мгновение, и трио напротив него сделало то же самое. Потом донесся грохот, похожий на гром.

- По умер, - раздался шепот, заполнивший все пространство подвала.

* * *

“И Итэлред поднял свой меч и ударил дракона по голове. Голова упала перед ним и испустила дух с таким ужасающим и резким шипением, к тому же очень пронзительным, что Итэлред вынужден был закрыть уши руками, от жуткого звука, подобного которому он никогда не слышал.”

“На этом месте я опять внезапно прервался, теперь уже с чувством величайшего изумления, так как не могло быть сомнений, что в этом случае я действительно слышал (хотя с какой стороны он доносился, невозможно было определить) низкий и очевидно удаленный, но неприятный, продолжительный и совершенно необычный звук, не то вопль, не то скрип, - точное соответствие которого жило в моем воображении как невероятный крик дракона, описанный романистом.”

* * *

Тяжелая каменная масса обрушилась на лестницу, загородив нам выход. Сначала некоторые из воинов завопили. Побросав оружие, они бросились вперед в поисках выхода. Энни подняла руки вверх и расклавала ими из стороны в сторону. Как будто из сочувствия, все сооружение делало то же самое. Сверху раздался ужасный треск, и в нескольких местах потолок обрушился.

Некоторые, придавленные обломками, кричали в агонии. Теперь, казалось, набежавший ветер оплакивал По, слов не было; откуда-то до меня донесся запах дыма...

* * *

У нее были серые глаза, темные растрепанные волосы ниспадали на лоб. Изящные руки с длинными пальцами. Голубая юбка и белая блузка были выпачканы в песке, подол юбки намок. Ее полные губы дрожали, когда она переводила взгляд с него на песочный замок и снова на него, но в глазах не было слез.

- Извини, - повторил он.

Она повернулась к нему спиной. Еще мгновение, и она выставила вперед босую ногу. Еще одна стена упала, еще одна башня рухнула.

- Не надо! - крикнул он, поднимаясь, чтобы остановить ее. - Прекрати! Пожалуйста, не надо!

- Нет! - сказала она, продвигаясь вперед, круша башни. - Нет.

Он схватил ее за плечо, но она вырвалась, продолжая пинать замок и наступать на него ногами.

* * *

Я схватил ее за плечо. Эта проклятая крыша вся начала обрушиваться, вместе с балками, камнями, деревяшками, огонь проник внутрь.

- Энни! Останови это! - закричал я.

Она, казалось, даже не осознавала, что я был здесь. Я услышал, как где-то высоко над нами рухнула стена. Я почувствовал, что через минуту вся эта архитектурная роскошь окажется здесь в подвале рядом с нами.

- Энни!

Она причитала, а земля ходила у нас под ногами. Я зажал ей рот и подхватил ее, когда она стала падать. Потом я воззвал к тем защитным силам, которые были мне даны еще там, в Испании, перед тем, как я вошел в Толедо.

- Лиги!

Я увидел ее, возникшую из света, когда поднял Энни на руки.

- Я жду, - сказала она.

- Это половина моего пути. Прошу, подождите меня на середине.

Серебрянный коридор выстрелил вперед, чтобы соединиться с себе подобным. Когда я шел по нему к тому месту, где ждала леди, я услышал за спиной неровный шум, похожий на звук тысячи струн.

Я продолжал идти.

Часть XV

Через несколько месяцев, к своему величайшему удивлению, я узнал, что был упомянут в последней воле и завещании Сибрайта Элисона и получил от него небольшое содержание и имение, известное как коттедж Ландора, где мы живем вместе с Энни, в то время как я работаю над сборником этих воспоминаний.

Наши друзья, среди них Дик Петерс, время от времени навещают нас. Никто из нас не забыл Эдгара Алана По, который осиротил своим уходом два мира. Мы бы очень хотели, чтобы он мог разделить с нами великолепие этого места, похожего на парк, где по обеим сторонам фиалки, тюльпаны, маки, гиацинты и клуберозы разбросаны меж высоких деревьев среди обрамленных лилиями прудов и лужаек.

А бывает, что мы открываем другую дверь, вдали от этого приятного жилища, выходя на туманное побережье, где плещется теплое, как кровь, море и проходят темные тени. Не один раз в полночь мы устремлялись оттуда к невиданным и странным мирам, которые мы не смогли бы открыть для себя, если бы наш дорогой брат не прошел этот путь.

*Злыми духами отмечен
Одинокий мой маршрут
В земли, где на черном троне
Призрак-Ночь вершит свой суд.
Но достигнув цели зыбкой,
Не обрел я постоянства...
Край другой зовет в тумане,
Вне времен и вне пространства.*

Из "Dream-Land";
Эдгара Алана По.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Роджер Желязны</i>	
Одержимый волшебством	3
<i>Роджер Желязны, Фред Сейберхэген</i>	
Черный трон	197

